

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

**XV Таврические философские Чтения
«АНАХАРСИС»**

ПРАГМАТИКА ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА

Материалы всероссийской конференции

Симферополь
2019

УДК 101
ББК 87

Прагматика философского текста: материалы Всероссийской научной конференции XV Таврические философские чтения «Анахарсис» (Республика Крым, Судак, пос. Новый Свет, 16-19 сентября 2019 г.) // под ред: Зарапин О. В., Рыскельдиева Л. Т., Шапиро О. А., Шкорубская Е. Г., Шоркин А. Д. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2019.

Конференция «Прагматика философского текста» направлена на исследование действенной, деятельностной стороны философского знания. Фундаментальная проблема связи философии с действительностью приобрела особую актуальность в условиях электронной культуры, когда общедоступность текстов позволяет говорить о легкости, с которой идея может овладевать массами. Каков действенный потенциал философского текста? Что значит «претворить философию в жизнь»? Как формируется картина мира современного молодого человека? В ответах на эти вопросы философию можно редуцировать к науке и выявлять практику, соответствующую философской теории. А можно сблизить философию с художественным творчеством и искать поэтические основания философской деятельности. Организаторы конференции исходят из тезиса о наличии у философского знания нередуцируемой специфики и опираются при этом на текстовый подход, который сможет обеспечить необходимую предметную определенность исследований. В его рамках возможно осуществление и междисциплинарных, и узкопрофессиональных исследований, способных показать разные аспекты проблемы философской практики и прагматики, отличить философский текст от научного, художественного, религиозного, политического и др., а также выявить самые разные аспекты философской текстовой деятельности. И постановка, и поиски путей решения проблем философской практики и прагматики будут способствовать оптимизации процессов в издательской, образовательной, идеологической деятельности, а также в работе с молодежью – в ходе формирования критического мышления и способности противостоять воздействию манипулятивных цифровых технологий

Содержание

Пленарное заседание

<i>Смирнов А. В.</i> «Большая культура» и Cogito.....	7
<i>Шалак В. И.</i> Онтология и логика процессов.....	8
<i>Крушинский А. А.</i> Иконическая перформативность.....	10
<i>Перов В. Ю.</i> Проблемы нормативного содержания профессиональных этических кодексов в условиях формирования цифрового общества.....	12
<i>Пигалев А. И.</i> Прагматика философского текста и его способность делать обычное проблематичным.....	14

Перформативный потенциал философского текста

<i>Артамонов Д. С., Тихонова С. В.</i> Трансгуманистическая философия истории как перформативный проект.....	17
<i>Бекирова Л. С.</i> Особенности ислама в Крыму.....	19
<i>Богданова И. М.</i> Лингвистические средства выражения идеи гедонизма в романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея».....	20
<i>Данилов А. Н., Данилова Н. Н.</i> Влияние виртуальной реальности на формирование картины мира в современном социуме.....	22
<i>Карабыков А. В.</i> Перформативный потенциал философского текста: ответы на вопросы организаторов.....	23
<i>Корнеева Т. Г.</i> Философский текст на персидском языке: причины возникновения и условия развития.....	25
<i>Коробкина Е. Н.</i> Перформативы платоновских диалогов. Апория предикации Зенона как перформатив.....	27
<i>Коротченко Ю. М.</i> Как возможен философский текст об идеологии?.....	28
<i>Львов А. А.</i> Социально-политический и критический контексты истории философии: современное состояние проблемы.....	30
<i>Медведев Н. В.</i> Текст как форма философского дискурса.....	31
<i>Парибок А. В., Пеху Р. В.</i> Перформанс в философии: «театр одного актера» или живая олицетворенная мысль?.....	34
<i>Попова В. С.</i> Опыт осмысления времени в текстах русских университетских философов рубежа XIX-XX веков.....	40
<i>Рыскельдиева Л. Т.</i> Реальность смысла или О цели философских исследований.....	42
<i>Савинцев В. И. Н.</i> Грот: время в метафизическом описании функций сознания.....	44
<i>Самовольнова О. В.</i> Осмысление перформативности гендера: влияние перформативных высказываний на формирование гендерного субъекта.....	46
<i>Свирский Я. И.</i> Стиль как способ выражения философского мышления.....	47
<i>Солодухин Д. В., Солодухина Н. М.</i> Эпистемологический потенциал историко-понятийного прояснения (в свете герменевтического подхода Г.-Г. Гадамера и школы истории понятий).....	49
<i>Терентьева И. Н.</i> Людвиг Витгенштейн и Марина Абрамович: неожиданные коммуникаторы или Философия – от текста к перформансу и обратно.....	51
<i>Тимофеев А. И.</i> Парадигмальная перформативность «Феноменологии духа» Гегеля.....	53
<i>Шестова Е. А.</i> Ответственность от первого лица: о субъекте феноменологического текста.....	55
<i>Шульга Е. Н.</i> Герменевтика изменяющихся текстов.....	57

Диалог как философская практика

<i>Акулинин В. Н.</i> Перспективистский анализ диалогичности «шпиона».....	60
<i>Антипов Г. А.</i> О сумеречных полетах совы Минервы.....	61
<i>Бороздина Н. О.</i> Философский диалог современного университета и глобального мира.....	63
<i>Бургете Аяла М. Р.</i> Образно-смысловые параллели как пространство для диалога культур.....	64

<i>Бусов С. В., Зобова М. Р.</i> Философский спор как форма рассуждений о природе сложного.....	67
<i>Васюков В. Л.</i> Стратегии толерантности в диалоге культур.....	68
<i>Власов А. А.</i> Национализм – космополитизм – анархизм: в поисках социальной революции.....	70
<i>Волкова А. А.</i> Перевод как способ колонизации знания.....	72
<i>Вязинкин А. Ю.</i> Стратегии освобождения человека в диалогах «С того берега» А. И. Герцена.....	75
<i>Громова Е. Б.</i> Диалог в новостных репортажах в крымском региональном телеэфире.....	77
<i>Данилова Н. Н., Холина Н. Н.</i> Философия диалога культур (лингвистический аспект).....	79
<i>Демин И. В.</i> Диалог как элементарный механизм перевода в семиотике культуры Ю. М. Лотмана..	80
<i>Евстигнеев М. Д.</i> Интерпретация «Критики чистого разума» П. Ф. Стросоном как парадигма для кантоведения.....	82
<i>Едошина И. А.</i> Комментарии В. В. Розанова к «Метафизике» Аристотеля как форма диалога.....	84
<i>Зарапин О. В.</i> Диалог как философская практика.....	86
<i>Зволев Н. П.</i> Понятие «здорового смысла» в теории гегемонии Антонио Грамши, и его роль в контексте диалога ученого и общества.....	88
<i>Иванькович Л. В.</i> Диалог. Концепция всеединства в эпистолярном наследии Сергея Дурылина.....	90
<i>Карелин В. М.</i> Технологическая сингулярность как контекст образовательной политики.....	92
<i>Кильдюшов О. В.</i> Мысль между автономностью и агональностью: к социологии философии.....	93
<i>Кудрин С. К., Чудинова Е. М.</i> Марсель дюшан как мыслитель.....	96
<i>Кузьмин А. А.</i> «Наукоучение» Фихте как прагматика человеческого духа.....	98
<i>Кузьмин П. В.</i> Диалоговая коммуникация как основа взаимодействия государства и гражданского общества.....	100
<i>Логинов А. В.</i> Концепции технической цивилизации А. Гелена и Х. Шельски.....	102
<i>Люрья Н. А. Бычкова Н. И.</i> «Идеальные типы» образованности в истории образовательных систем.....	104
<i>Майленова Ф. Г.</i> Исследование проблемы понимания и роли метафоры в зоне обмена.....	106
<i>Мачкарин О. Д.</i> Философское наследие профессора-богослова И. М. Скворцова (1795–1863): особенности рецепций и проблема интерпретации текстов.....	108
<i>Мащукова Е. Ю.</i> Герцен А. И. и Лифшиц М. А.: диалог сквозь время.....	110
<i>Меньшикова Е. Р.</i> Философия мифа vs натурфилософы: монологи Гесиода как первоэлементы «сократических диалогов».....	113
<i>Михайлов В. В.</i> Проблема снятия языковых ограничений в межкультурной коммуникации.....	115
<i>Останина О. А.</i> Философия и история: диалог текстов.....	116
<i>Плужникова Н. Н.</i> Диалог vs «техно-лог» в условиях информатизации общества.....	118
<i>Рубанцова Т. А.</i> Диалог как способ формирования нового образовательного пространства в университете.....	120
<i>Сидоренко В. А.</i> Специфика диалога между индивидом и антропосферой в эпоху глобализации....	122
<i>Сливная З. А.</i> Ганс Христиан Андерсен и Анатолий Зверев: от идеи двойничества к диалогу со зрителем.....	124
<i>Шамарина Е. Т.</i> Синтетический подход к философии науки и истории.....	126
<i>Яковлева Л. Е.</i> Диалог философии и поэзии: концепция «поэтического разума» Марии Самбрано..	128

Логика и аргументация в философском тексте

<i>Берестов И. В.</i> Объективация дискуссий при формализации аргументации.....	132
<i>Боброва А. С.</i> Аргументативные схемы как инструмент оценки: русский vs английский.....	134
<i>Витушко М. В.</i> Архэ-письмо как онтологический способ деконструкции классического понятия письма.....	136
<i>Герасимова И. А.</i> Медицинский спор: актуальные проблемы аргументации.....	138
<i>Жалдак Н. Н.</i> Текст по логике делового языка.....	140
<i>Крыштон Л. Э.</i> Знание, вера и мнение в печатных работах Канта и лекциях по логике.....	142
<i>Лисанюк Е. Н.</i> Три критерия оценки делиберативного аргумента.....	143
<i>Малыхина Ю. Ю.</i> «Критическое мышление» vs «клиповое мышление»: компаративный анализ.....	146

<i>Малюкова О. В.</i> Аргументационные параметры философского текста.....	148
<i>Мануйлов В. Т.</i> Диалогическая логика «немецкого конструктивизма».....	151
<i>Михайлов И. Ф.</i> Логика и интеллект: что говорит об этом история ии и когнитивных наук.....	154
<i>Нестеров А. Ю.</i> Понятие «конкретизации текста» в рецептивном и проективном семиозисе (на примере риторического аргумента в естественном языке).....	156
<i>Николко В. Н.</i> Об одной функфорной системе, отличной от силлогистики.....	158
<i>Пушкарский А. Г.</i> Логическая культура и системная модель аргументации В. Н. Брюшинкина.....	160
<i>Солошина В. В.</i> Карикатура как средство манипуляции.....	162
<i>Титов А. В.</i> Смыслы и тексты: проблема адекватности описания сложных объектов и процессов в формальных моделях.....	163
<i>Титов А. В.</i> Об использования языка математических структур в философии и исследовании типов логического исчисления.....	166
<i>Титова П. С.</i> Критическая интерпретация интернет-мема как одного из способов трансляции смысла в современной текстовой культуре.....	168
<i>Чуприна О. С.</i> Формирование критического мышления: методологический потенциал программы «Философия для детей».....	170
<i>Шапиро О. А.</i> Перформативный потенциал аргументативной деятельности.....	172

Этический кодекс как философский текст

<i>Артемов Г. П.</i> Моральная рефлексия в профессиональных этических кодексах.....	175
<i>Близнеков В. Л.</i> Этические и правовые аспекты проблемы эвтаназии.....	176
<i>Воеводин А. П.</i> В поисках нравственного смысла: этика versus нравственный рассудок.....	177
<i>Габриелян О. А.</i> Перспективы практической философии (тезисы к возможному манифесту).....	180
<i>Грачева М. В.</i> Регулятивные механизмы в общественной морали.....	182
<i>Гришечкина Н. В.</i> Биоэтика как сфера конфликта этических и правовых норм.....	183
<i>Заякина Р. А.</i> Этическая природа и реализация доверия в требованиях, предъявляемых к адвокату..	185
<i>Кацапова И. А.</i> Этико-юридический смысл современного философского дискурса.....	187
<i>Ларионов И. Ю.</i> Философская этика в корпоративном этическом кодексе.....	189
<i>Минченко Т. П.</i> К вопросу о сопряженности нормы и морального поведения на примере соотнесения «Кодекса этики и служебного поведения работников ТНЦ СО РАН» и истории кафедры философии ТНЦ СО РАН.....	190
<i>Фахрутдинова А. З.</i> Этос и этические кодексы: проблемы соотнесения.....	193

Научный текст – история и современность

<i>Аргамакова А. А.</i> Философия и управление наукой.....	195
<i>Вархотов Т. А.</i> Отношение текста и эксперимента в эпистемологии науки: от Р. Бойля до Венского кружка.....	196
<i>Душина С. А.</i> Фейковые статьи: к вопросу об идеологической ангажированности научного текста...	199
<i>Жалдак Н. Н.</i> Научный текст по практической философии.....	201
<i>Ждановский А. П.</i> Метафоричность гуманитарно-научного текста.....	203
<i>Куприянов В. А.</i> Зарождение журнальной статьи как формы научной коммуникации: эпистемологические контексты (Г. В. Лейбниц и И. Кант).....	205
<i>Курилович И. С.</i> Очевидность онтологического аргумента и ее критика в философии А. Кожева...	207
<i>Луговой С. В.</i> Магистерская диссертация И. Канта «Об огне» как научный текст XVIII века.....	209
<i>Мальшикин Е. В.</i> Две экономики неизбывного в «Пире» Платона.....	211
<i>Сидорина Т. Ю.</i> Антитеза труда и нетруда и прагматика философского текста.....	213
<i>Чеботарева Е. Э.</i> Научная объективность vs политический прагматизм: стратегии «мягкой силы» в гуманитарном тексте (на примере китайской философии инженерии).....	215
<i>Шиповалова Л. В.</i> Научный текст: зависимость от сферы влияния.....	217
<i>Шкорубская Е. Г.</i> Статус научной статьи в научно-популярной риторике: порождение новой догмы.....	219

Прагматика и семантика религиозных и церковных текстов

<i>Алешкова Ю. Б.</i> Философско-эстетическое прочтение библейских текстов в парадигме православного богословия.....	222
<i>Балкин Д. Л.</i> Икона как невербальное сообщение.....	224
<i>Грива О. А.</i> Тексты современных религиозных и церковных деятелей как предмет изучения.....	225
<i>Катречко С. Л.</i> О специфике онто-тео-логического дискурса (с трансцендентальной точки зрения).226	
<i>Козарезова О. О.</i> Семантика категорий «сущности», «энергии», «ипостаси» в богословии святого Григория Паламы и их отражение в византийской иконографии.....	228
<i>Норманская Ю. В.</i> Особенности ценностно-ориентированного символизма трофонимов в библейских текстах.....	231
<i>Плахтий С. В.</i> Раскрытие термина «энергия» в «Философии имени» А. Ф. Лосева в контексте имяславческой полемики.....	232
<i>Приходько М. А.</i> Игровые элементы Ветхого Завета в раннехристианской экзегетике.....	234
<i>Разбеглова Т. П.</i> Феноменология сакрального пространства религиозно-философском учении Фридриха Шлейермахера.....	235
<i>Титов А. В.</i> Взаимоотношения науки и богословия в системе знания как отношение между формами логического конструирования эйдоса.....	238
<i>Хайрединова З. З.</i> Семантика понятия «бид'а» в мусульманской традиции.....	240
Сведения об авторах.....	242

УДК 101

«БОЛЬШАЯ КУЛЬТУРА» И COGITO

Смирнов А. В.

Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: islamphil@mail.ru

Очевидность следования cogito ergo sum в общем и целом не подвергалась сомнению в европейской философии. Однако ясно, что cogito, наряду с несомненностью существования, обосновывает и несомненность действия. Поразительно, что Декарт, описывая cogito как многообразие актов сознания, выводит из cogito только фундаментальность существования, но не действия. Это – путь европейской «большой культуры». Путь арабской «большой культуры» – другой: путь фундаментальности действия. Большие культуры разворачивают те аспекты cogito, которые в индивидуальном сознании неотъемлемы друг от друга.

Ключевые слова: большая культура, картезианство, cogito, логика смысла.

Под большой культурой будет пониматься такая культура или, скорее, пучок культур, носители которых сумели создать достаточно развитую цивилизацию. Культура понимается как способ смыслополагания. Это определение сопрягает индивидуальное и общественное сознание. Понятие «способ смыслополагания» трудно определить в двух словах, развернутые определения и описания даны в других местах, но кратко можно сказать, что смыслополагание – это разворачивание cogito, или жизни человеческого сознания. Сознание будет пониматься в соответствии с тем, как его определяет Гуссерль в «Идеях к чистой феноменологии»: как абсолютное, не могущее влиять ни на что вовне и не испытывающее никакого причинного влияния извне. Сознание может и должно быть понято, иными словами, исключительно из себя, как разворачивание cogito.

Декарт разыскивает очевидность и несомненность того, что может утверждаться в силу cogito и наряду с cogito. Само cogito несомненно, поскольку любое сомнение уже было бы cogito; но что можно утверждать наряду с этим несомненным cogito и на чем можно строить дальнейшее здание философии? И Декарт отвечает: sum, «аз есмь». А почему не «я действую»? Почему несомненность cogito, которое у Декарта означает любую деятельность сознания вообще, означает несомненность существования, а не действия? Ведь не менее очевидно, что сознание действует, что любая моя мысль, переживание, ощущение – это некие акты сознания. В «Рассуждении о первой философии» Декарт неоднократно перечисляет *действия*, составляющие cogito, и всякий раз говорит: значит, я существую. Не «я действую». Удивительно! Ведь декартовское cogito на самом-то деле означает: чтобы действовать, надо быть; но чтобы быть, надо действовать. В самом деле, существование «я» обосновано cogito, то есть действиями: воление, воображение, восприятие, мышление. Но действовать может только существующее. Взаимная обоснованность существования и действия очевидны. Существование прикреплено к cogito, неотъемлемо от него; но поскольку cogito – это действие (ведь очевидно, что сознание действует, оно не неподвижно), значит, действие неотъемлемо от существования, а существование – от действия. И однако «действовать» и «существовать» – разное! Они образуют *развилку*, на которой можно свернуть только на один из двух путей, запустить машину смыслополагания по одному из возможных вариантов, положив в основу либо «действовать», либо «существовать». Эти два пути нельзя совместить; но их и нельзя оторвать один от другого! Потрясающая несовместимость-и-неотрывность одного от другого. Но, заметим: несовместимость *развернутых* путей, таких, на которых уже выстроены субъект-предикатные конструкции; а неотъемлемость друг от друга – еще не *развернутых*, а *свернутых* путей, в той «точке», где они еще не разошлись и где значения «действовать» и «существовать» требуя друг друга и предполагают друг друга.

Европейская философия всегда сворачивала на развилке существование/действие на путь существования, полагая бытие абсолютным и неопределяемым началом. Большая европейская культура развернула системы этики, права, политики (в целом – все системы социальности), исходя из полагемого этим выбором понимания человеческого «я» и его отношения к другим. Этим же выбором определены собственные, т. н. «вечные», проблемы европейской философии. Европейская цивилизация создана и поддерживается культурными практиками, закрепляющими этот выбор и его следствия.

Свернув на развилке существование/действие в сторону действия, сделав основополагающий выбор в его пользу, мы свернем на путь другого способа смыслополагания. Жизнь сознания, его разворачивание в формах картины мира, речи, логики, теоретических построений, будет целиком другой. Большая культура, сделавшая выбор в пользу действия – арабская (доисламская и исламская). Ее опыт бесценно не совпадает с европейским, а потому представляет собой сокровищницу разворачивания cogito, которая требует тщательного исследования.

Является ли развилка существование/действие единственной, на которой пути разворачивания cogito расходятся? Вряд ли. Можно предполагать, что опыт других больших культур может показать нам другие развилки, другие основополагающие смыслы, сопряженные так же, как сопряжены действие и существование. Будущее философии – за таким исследованием.

Smirnov A. V. “Big Culture” and Cogito

European philosophy hardly doubted that cogito ergo sum is an obvious truth. However, this is not so as long as cogito clearly implies acting no less than existing, inasmuch as cogito is nothing but the acts of human mind. Thus acting and existing are the two aspects of cogito which presuppose each other. European philosophy, and European “big culture” constructed itself taking “being” as the first evidence and the most universal category. Arabic “big culture” followed the path of “acting” as the basic and most universal reality. Those two big cultures developed the two aspects of cogito which are inseparable from each other for any individual mind.

Keywords: big culture, cogito, logic of sense

УДК 16

ОНТОЛОГИЯ И ЛОГИКА ПРОЦЕССОВ

Шалак В. И.

*Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: shalack@mail.ru*

Современная наука опирается на субстанциальную онтологию. Субстанции – это просто носители свойств. Уникальность отдельных предметов заключается в уникальности тех наборов свойств, которыми они обладают. Изменчивость окружающего мира мы редуцируем к последовательным мгновенным наборам свойств предметов. При кажущейся естественности такой редукции она порождает ряд трудноразрешимых проблем. Альтернативой субстанциальной является онтология процессов. Все есть процесс, и предметы – это сочетания наборов процессов, а субстанции – это абстракции от мгновенных состояний процессов. В этой онтологии время и причинность обретают статус логических понятий. Обогащается и сама логика.

Ключевые слова: субстанция, процесс, онтология, логика

В статье [4] А. В. Смирнов поставил вопрос о существовании особой процессуальной логики (системы правил рассуждений об онтологии процессов) и на ряде содержательных примеров попробовал продемонстрировать ее отличие от той логики, к которой мы привыкли. О необходимости существования такой логики говорят особые формы умозаключений в арабоязычной культуре, опирающиеся на процессуальное понимание окружающего мира. Ряд критических замечаний был высказан в ответных публикациях [1; 2; 3; 5], но вопрос остался.

В античной философии самым ярким представителем попытки процессуального осмысления мира был Гераклит, но исторически победа осталась за субстанциальной онтологией Аристотеля и его последователей. Так уж случилось, что в античности не нашлось никого, кто был бы сравним по мощи с Аристотелем и смог бы далее развить идеи Гераклита.

Следствием этого явилось то, что вся современная наука опирается на субстанциальную онтологию и пытается объяснить изменчивость окружающего мира путем редукции процессов к последовательным мгновенным наборам свойств предметов. Субстанции – это просто носители свойств. Уникальность отдельных предметов заключается в уникальности тех наборов свойств, которыми они обладают. При кажущейся естественности такой редукции она порождает ряд трудноразрешимых проблем. Например, на каком основании мы отождествляем некоторого человека в последовательные моменты времени? Очевидно, что *я сегодня* отличен от *меня вчерашнего* и тем более от *меня год назад*. Эти отличия касаются не только состояния моей памяти, но и чисто внешних изменений. В современной временной логике эта проблема носит название *кроссидентификации* индивидов. Есть и другие проблемы. Например, всесторонне рассмотренная Юмом проблема причинной связи.

Успех логики Аристотеля стал возможен благодаря построенной им простой и прозрачной субстанциальной онтологии. В мире есть только предметы, которые являются носителями тех или иных свойств. Отсюда совершенно естественно возникает учение о понятиях, о правилах их определения, о суждениях, о непосредственных и силлогистических умозаклчениях.

Если мы хотим найти или построить логику рассуждений о процессах, то начать следует с построения именно процессуальной онтологии, которая сама подскажет, какие утверждения и какие умозаклчения о ней возможны.

В онтологии процессов все есть процесс, и предметы – это пучки составляющих их подпроцессов. Если субстанции аристотелевской онтологии сами по себе лишены каких-либо характеристик, то процессы имеют важную онтологическую характеристику протяженности.

Если я – это процесс, то я в данный момент – это абстракция мгновенного состояния меня как процесса. То же самое относится ко всем другим предметам как процессам. Время в процессуальной онтологии не абсолютно, а является абстракцией от возможности рассматривать различные срезы процессов. В качестве аналогии предмета как процесса рассмотрим многожильный кабель. Каждый из отдельных составляющих его проводков – это отдельный подпроцесс основного процесса. Этот кабель мы можем разрезать в любом месте и посмотреть на его срез. Этот срез и есть аналог предмета в субстанциальной онтологии. С последовательными разрезами можно ассоциировать отношение *раньше-позже*. Так в процессуальной онтологии появляется время. Оно появляется не путем внешнего постулирования, а внутри самой онтологии.

Аналогичным образом внутри онтологии процессов можно определить понятия причины и причинной связи. Разлет в разные стороны бильярдных шаров после их столкновения уже не выглядит необъяснимым.

В результате получается, что время и причинность в процессуальной логике являются универсальными логическими понятиями.

В процессуальной онтологии возможные ее законы описывают не связи между состояниями предметов, а связи между параллельными процессами и связи внутри отдельных процессов. Такое различие позволяет по-новому взглянуть на многие известные закономерности природы.

Возвращаясь к процессуальной логике, необходимо подчеркнуть следующее. Если мы считаем, что процессуальная онтология более адекватна окружающему миру, а субстанциальная – это всего лишь вырожденный случай, то и логика для рассуждений о ней должна в определенном смысле содержать в себе аристотелеву логику.

Список литературы

1. Васильев В. В. Арабский силлогизм и единство разума: о статье А. В. Смирнова // Вопросы философии. – 2019. – № 2. – С. 22–26.

2. Лекторский В. А. Комментарий к статье А. В. Смирнова «Процессуальная логика и ее обоснование» // Вопросы философии. – 2019. – № 2. – С. 18–21.
3. Михайлов И. Ф. Могут ли люди мыслить по-разному? // Вопросы философии. – 2019. – № 2. – С. 27–34.
4. Смирнов А. В. Процессуальная логика и ее обоснование // Вопросы философии. – 2019. – № 2. – С. 5–17.
5. Шалак В. И. О процессуальной логике // Вопросы философии. – 2019. – № 2. – С. 35–40.

Shalack V. I. Ontology and Logic of Processes

Modern science is based on the substantial ontology. Substances are simply carriers of properties. The uniqueness of individual objects lies in the uniqueness of the sets of properties that they possess. We reduce the variability of the world to successive instantaneous sets of properties of objects. With the seeming naturalness of such a reduction, it creates a number of intractable problems. An alternative to the substantial is ontology of processes. Everything is a process, and objects are constellations of processes, and substances are abstractions from instantaneous states of processes. In this ontology, time and causality acquire the status of logical concepts. Logic itself is enriched.

Keywords: substance, process, ontology, logic

УДК: 160.1

ИКОНИЧЕСКАЯ ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ

Крушинский А. А.

Институт Дальнего Востока РАН, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: zvenigor@gmail.com

Наиболее резко проективно-конструктивный пафос китайского классического текста звучит в программном «Великом учении» (Дасюэ). Глубинным источником многотысячелетней социально-этической действенности этого философского текста является гексаграмма №37 «Домашние». Парадоксальным образом продуктивная сила нарратива коренится в диаграмматизации. Специфика иконической перформативности, проиллюстрированной производностью нарратива Дасюэ от императива гексаграммной фигурности: шестичастная диаграмма, отталкиваясь от визуальных образов поэтического или же вполне прозаического свойства (т. е., апеллируя к уже наличествующему), открывает масштабную перспективу радикально новых жизненных/исторических возможностей и отвечающих им способов существования, тем самым позволяя необычной возможности зримо проявиться.

Ключевые слова: диаграмматизация, перформативность, ритуальный бронзовый треножник Дин.

Наиболее резко проективно-конструктивный пафос китайского классического текста звучит в программном «Великом учении» (Дасюэ), открывающим конфуцианское Четверокнижие. В нем (среди прочего) развернута социальная алгоритмика – очередность шагов социального конструирования. Напомню стержневое для Дасюэ обоснование краеугольности правильной расстановки приоритетов: «У вещей есть корень и верхушка. У дел есть конец и начало. Если знаешь, что раньше, а что позже, то приближаешься к Пути. В древности желавшие высветлить светлую добродетель в Поднебесной предварительно упорядочивали свое государство, желавшие упорядочить свое государство предварительно выравнивали свою семью, желавшие выровнять свою семью предварительно исправляли себя ... когда сам исправен, тогда и семья выровнена; когда семья выровнена, тогда и государство упорядочено; когда государство упорядочено, тогда и Поднебесная умиротворена. Для всех и каждого – от сына неба и до простолюдина – исправление себя является корнем» [1, С. 1673].

Глубинным источником многотысячелетней социально-этической действенности упомянутого выше философского текста является гексаграмма №37 «Домашние» (Цзяжэнь 家人) , фундирующая минимальную и потому исходную социальную общность (семья цзя 家) в институциональной структуре социума (семья, государство, Поднебесная). Если проективность текста «Великого учения» выражается с помощью нарратива (легко преобразуемого в последовательность словесных предписаний), то зашифрованная в нем гексаграммная графика предполагает принципиально иную – нелинейную и потому

неалгоритмизируемую стратегию социального мироустройства. Гексаграмма «Домашние» рисует картину идеальных семейных отношений: образы внутрисемейной иерархии визуализируются взаиморасположением гексаграммных черт (непрерывная пятая черта, символизирующая супруга, и прерванная вторая черта, изображающая супругу) и пары триграмм (нижняя триграмма Ли ☲, обозначает среднюю дочь, а верхняя триграмма Сюнь ☶ – старшую). Парадоксальным образом продуктивная сила нарратива коренится в диаграмматизации. Достаточно сказать, что именно в контексте «Великого учения» появляется наиболее развернутая формулировка китайской версии основанного на реципрокности «золотого правила» морали – так называемый «путь отвеса и угольника» (сицзюй чжи дао 絜矩之道): «То, что ненавидимо в вышестоящих, не должно быть навязываемым нижестоящим; то, что ненавидимо в нижестоящих, не должно [преподноситься в качестве своего] служения вышестоящим. Тем, что ненавидимо в предстоящих, не должно предварять стоящих сзади; тем, что ненавидимо в стоящих сзади, не должно следовать за предстоящими. То, что ненавидимо слева, не должно быть транслируемо вправо; то, что ненавидимо справа, не должно быть транслируемо влево. Вот это-то и называется “путем отвеса и угольника”» [1, С. 1675]. Налицо диаграммно индуцированное **продуцирование** общественных и межличностных отношений посредством их «размеривания» (образ угольника) и «выравнивания» (образ отвеса). Цель – тотализация реципрокности, сориентированной по одной вертикальной и двум горизонтальным осям: верх/низ (небо/земля) и фронт/тыл, лево/право (четыре стороны света).

Специфика иконической перформативности, проиллюстрированной производностью наррации *Дасюэ* от императива гексаграммной фигурности, заключается в том, что шестичастная диаграмма, отталкиваясь от визуальных образов поэтического или же вполне прозаического свойства (т. е., апеллируя к уже наличествующему), открывает масштабную перспективу радикально новых жизненных/исторических возможностей и отвечающих им способов существования, тем самым позволяя необычной возможности зримо проявиться. Парадигмальным примером здесь служит ортодоксальная трактовка гексаграммных образов в качестве эвристических прообразов ряда важнейших культурных, институциональных и технических новаций (вроде создания письменности, изобретения орудий охоты и земледелия, введения института товарообмена и т. п.). Эмблемой этого революционно-деятельностного измерения гексаграммной образности выступает следующая мироучреждающая картинка-демиург:

Рис.1

Прежде всего, она воспринималась китайской традицией как изображение ритуального бронзового треножника Дин (鼎):

Рис.2

Согласно стандартному комментарию, начальная прерванная черта данной гексаграммы изображает собой переднюю пару ножек треножника, вторая, третья и четвертые непрерывные черты – его корпус, пятая прерванная черта – ушки треножника («пустотность» этой *иньской* черты призвана отобразить сквозное отверстие на этих ушках, позволяющее продевать сквозь них специальный шест для транспортировки ритуальных сосудов данного вида). Наконец, верхняя непрерывная черта трактуется как изображение именно такого шеста. Но при всем

том Рис. 1, на первый взгляд, видящийся лишь схематизированным изображением ритуального сосуда (своего рода «алхимического тигля»!), на самом деле являет собой **карту** порождения отвечающей ей территории, **план** построения новой реальности с акцентом на разрыв с тем, что уже наличествует.

Список литературы

1. Дасюэ (Великое учение) // Шисаньцзин чжушу (Тринадцатиканоние с комментариями и субкомментариями). – Шанхай, 1935. – Т.2.

Krushinskiy A. A. Iconic Performativity

The most distinctly projective-constructive pathos of the Chinese classical text sounds in the program “Great Teaching” (Daxue). The deep source of the effectiveness of this philosophical text is hexagram №37 “Family”. Paradoxically, the productive power of a narrative is rooted in diagrammatization. The specificity of the iconic performativity, illustrated by the dependence of Daxuye’s narration on the imperative of the hexagram figure: a six-part diagram, based on visual images of poetic or quite prosaic properties (i. e, appealing to already existing things), opens up a large-scale perspective of radically new life or historical possibilities and corresponding to them ways of existence, thereby allowing an unusual opportunity to manifest itself visibly.

Keywords: diagrammatization, performativity, ritual bronze tripod Ding

УДК 174.7

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЭТИЧЕСКИХ КОДЕКСОВ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА¹

Перов В. Ю.

*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: vadimperov@gmail.com*

Современное развитие цифровых технологий приводит к существенным изменениям в этике некоторых профессий. В результате исследования формирования «этики цифровых профессий» сформулированы следующие группы проблем. Во-первых, этические проблемы использования цифровых технологий. Во-вторых, проблемы содержательных трансформаций норм «этики цифровых профессий». В-третьих, проблемы «моральных свойств» носителей цифровых технологий.

Ключевые слова: профессиональная этика, этика цифровых профессий, нормативность, этические кодексы, цифровые технологии.

Развитие и широкое распространение основанных на информационных и компьютерных системах технологий поставило ряд теоретических и практических проблем, которые могут быть объединены общим словосочетанием «этика цифрового общества». Поскольку эти процессы происходят «здесь и теперь», то многие обсуждения возникающих в этой области вопросов основаны на будущих научно-технологических перспективах, поэтому зачастую обретают характер «прожектерства», обличенного в форму околонучной публицистической фантастики. С другой стороны, уже существуют области жизнедеятельности, в которых происходящие социальные трансформации приобрели достаточно, может быть не до конца определенное, но уже существенное значение. Речь идет о тех сферах производства, трудовых и профессиональных отношений, которые видоизменяются под влиянием того, что получило общее название «четвертая промышленная революция» или «индустрия 4.0». Оставляя за пределами настоящего рассмотрения особенности ее интерпретации и связанные с этим многочисленные дискуссии, следует отметить, что само формирование профессиональной этики в современном понимании было обусловлено предшествующими промышленными

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ № 19-011-00234

революциями, особенно первой, в рамках которой произошло само появление «трудовой этики». Данные обстоятельства позволяют сделать предположения о том, что и происходящие «революционные» изменения уже оказывают или окажут в обозримом будущем существенное влияние на моральные нормы профессиональной деятельности. В настоящее время в одних профессиях влияние использования соответствующих технологий еще только начинается, в других – это дело далекой перспективы (если вообще такое произойдет).

Речь пойдет именно об этических проблемах тех профессий, которые прямо или косвенно связаны с созданием и использованием этих технологий. В силу становления понятийно-категориального аппарата исследований в данной области предлагается использовать понятие «этика цифровых профессий».

Одним из вопросов при возникновении «новых этик» является вопрос об их новизне. Возможно, такая формулировка выглядит как тавтология, но речь идет о проблемах специфики нормативного содержания профессиональной этики и его соответствующего воплощения в профессиональных этических кодексах. Обладает ли «этика цифровых профессий» каким-то принципиальным новым этическим содержанием с точки зрения конкретизации общих или профессиональных моральных норм, либо является только распространением уже существующих норм на новые области? Имеют ли возникающие в «цифровых профессиях» этические проблемы столь специфические характеристики, что они не могут быть удовлетворительно решены в рамках имеющихся теоретических и практических подходов, в том числе и с точки зрения существующего опыта создания и функционирования профессиональных этических кодексов?

Анализ современных исследований, публичных дискуссий, некоторых нормативных документов, направленных на формирование «этики цифровых профессий», позволяет выделить три группы проблем.

1) *Этические проблемы использования цифровых технологий.* Многие обсуждаемые проблемы и соответствующие этические нормы не могут быть в строгом смысле отнесены к «этике цифровых профессий». Например, использование компьютеров или алгоритмов с технологиями искусственного интеллекта для совершения киберпреступлений (незаконного и неэтичного распространения персональной информации, нарушения прав интеллектуальной собственности, вторжения в личную жизнь, манипулирования сознанием людей и общественным мнением и т. д.) стало возможным именно благодаря широкому использованию цифровых технологий. Но незаконными и неэтичными они являются не по этой причине. Кража остается кражей вне зависимости от того, совершена она с помощью технических средств или нет. Сказанное не означает, что этико-нормативное регулирование данных проблем должно быть изъято из профессиональных этических кодексов, или, что их обсуждение и решение является несущественным для «этики цифровых профессий», но следует констатировать, что они не относятся к тому, что составляет ее специфическое содержание.

2) *Проблемы содержательных трансформаций норм «этики цифровых профессий».* Развитие цифровых технологий приводит к существенным изменениям социальных и личных отношений, что сказывается на трансформации содержания норм профессиональной этики. Так, например, существуют определенные проблемы с использованием и распространением некоторых программных продуктов, поскольку не всегда в них можно различить проприетарную и свободную составляющую, что ставит вопросы о наполнении этических норм отношения к интеллектуальной собственности новым содержанием. Кроме того, важными оказываются изменения норм справедливости, обусловленные, например, возникновением новых форм реальной и потенциальной дискриминации (например, доступности информации). Другими дискуссионными проблемами являются изменения границ приватности и конфиденциальности, использование персональных данных, добровольно предоставляемых пользователями, наличие «цифровых следов» и т. д. При этом в этическом плане важными оказываются не только этические нормы, запрещающие непосредственные вторжения в личную жизнь, но и нормы профессиональной этики,

регулирующие работу в этих сферах и разработку соответствующего программного обеспечения. В данном случае речь идет о специфической конкретизации некоторых уже существующих норм профессиональных этик.

3) *Проблемы «моральных свойств» носителей цифровых технологий.* К ним можно отнести проблемы «морального статуса» автономных систем, прав роботов, границ их антропоморфности, наличия или отсутствия моральных аспектов взаимодействия системы «человек-машина», возможности и перспектив создания «моральных алгоритмов» как части программного обеспечения и т. д. Теоретическое и практическое решение этих проблем, их нормативное регулирование в этических кодексах составляет принципиальную новизну «этики цифровых профессий».

Perov V. J. Problems of Normative Content of Professional Ethical Codes in the Formation of Digital Society

The development of digital technology leads to significant changes in the ethics of certain professions. As a result of the research on the formation of the “ethics of digital professions”, the following groups of problems are formulated: First, the ethical problems of using digital technologies. Secondly, the problems of meaningful transformations of the norms of the “ethics of digital professions”. Thirdly, the problems of the “moral characteristics” of digital technologies.

Keywords: professional ethics, ethics of digital professions, standards, ethical codes, digital technologies.

УДК 1(091):130.2:801.73

ПРАГМАТИКА ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА И ЕГО СПОСОБНОСТЬ ДЕЛАТЬ ОБЫЧНОЕ ПРОБЛЕМАТИЧНЫМ

Пигалев А. И.

*Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация
E-mail: pigalev@volsu.ru*

Целью доклада является исследование прагматики ключевых или основополагающих философских текстов, выступающих в качестве поворотных пунктов в истории мировоззрений и носителей идей, которые лежат в основаниях различных культур. Отправной точкой анализа является положение, согласно которому возникновение фонетического письма обусловило преобладание аналитического мышления, для которого любая целостность представляет собой замкнутую систему и, таким образом, некоторый вполне обозримый предмет. Такой способ мышления, ставший парадигматическим в философии, предопределил понимание текста именно в качестве замкнутой системы, четко очерченного фрагмента письменного языка, который считается монологическим, целостным и связным. Прагматика, представляющая собой в общем случае исследование смысла в ситуации использования языка, имея дело с любым ключевым философским текстом, должна принимать во внимание не только этот текст как таковой, но и его социокультурный контекст. Следует также отметить, что каждый ключевой философский текст оказывает воздействие на бессознательно принятые и считающиеся обычными структуры культуры, которая вследствие этого начинает казаться незнакомой, «остраненной» и проблематичной. Наконец, поскольку автор ключевого философского текста способен мысленно переходить к его воображаемому социокультурному контексту и возвращаться в исходное состояние, его образ действий подобен переводу с одного языка на другой, невозможному без двуязычия в широком смысле. Исследование завершается рассмотрением изменения традиционного понимания философского текста в качестве замкнутой, целостной и связной системы и возникновения особых текстов, требующих иного типа прагматики.

Ключевые слова: письменность, замкнутая система, философский текст, прагматика, перевод, обычность, остранение.

Результатом профессиональной деятельности философа являются тексты, и главную роль играют те из них, которые можно назвать ключевыми или основополагающими. Особое значение ключевых текстов заключается в том, что они выступают в качестве поворотных точек в истории мировоззрений, в них содержатся новые теоретические модели мышления, общества и культуры. В этой связи важным является вопрос об отношении таких текстов к существующим формам общества и культуры, которые воспринимаются как обычные в своих повседневных проявлениях и кажутся единственно возможными.

Ключевой философский текст некоторым образом противостоит повседневности с ее обычностью, свидетельствами чего являются часто высказываемые утверждения о бесполезности философии, ее оторванности от жизни и, таким образом, ненужности философии для действия. Отрицание способности философского текста побуждать к действию обуславливается тем, что исходящий от него импульс попадает в сложную систему опосредований, и она скрывает не только его возможности, но и само его существование. То или иное воздействие философского текста на реальность, его способность «действовать с помощью слов» [1] возможны лишь после того, как под его влиянием произошли определенные изменения образа мысли или мировоззрения в целом.

Возникновение письменности оказало существенное влияние на структуру мышления, а фонетическое письмо обусловило преобладание аналитического мышления, представляющего целое в качестве замкнутой системы, которая может рассматриваться как обозримый предмет. Этот тип мышления, присущий уже рождающейся философии, предопределил понимание в качестве замкнутой системы и текста. Он считается четко очерченным фрагментом монологического письменного языка, которому присущи цельность и связность. В противоположность тому, что прошлого устной речи не существует, и она сохраняется, только будучи записанной, письменность превращает слова в долгоживущие вещи. В результате текст всегда является многозначным вследствие его зависимости от уже существующих текстов в качестве его контекстов [2; 3].

Поскольку прагматика представляет собой исследование смысла в ситуации использования языка и анализ отношения знаков к тем, кто использует язык, то при исследовании философского текста она должна изучать не только этот текст как таковой, но и его контекст. Это означает, что и создателя философского текста, и его читателя необходимо рассматривать не как изолированных индивидов, а в их взаимодействии через посредство языка и друг с другом, и с социокультурным контекстом. Влияние контекста проявляется в том, что использование языка неизбежно сопровождается интерпретацией, а потому указывает на обладание властью как в самом языке, так и за его пределами, но, тем не менее, с его помощью.

Изменяя образ мысли и мировоззрение, философский текст неизбежно изменяет и представление о контекстах, в которых он был прочитан и осмыслен. Поэтому в анализе прагматики ключевого философского текста должно учитываться существование, по меньшей мере, двух контекстов, а также способность автора переходить из одного контекста в другой и обратно, что только и делает эти контексты сравнимыми. Главной особенностью второго контекста является способность делать проблематичным то, что прежде казалось настолько обычным, что в восприятии оставалось за пределами различимости и вследствие этого не тематизировалось.

Философский текст противостоит очевидности, поскольку в нем ставится под вопрос существование обычного в качестве устойчивого и самовоспроизводящегося. Обычное становится странным или, если использовать термин, возникший в литературоведении, «остраняется» [4; 5, С. 77–164]. В результате такого «остранения», но уже в философском контексте, становится ясно, что обычное не может считаться самодостаточным и требует человеческих усилий и для своего возникновения, и для своего существования [6, С. 20–25].

Именно понимание искусственного характера обычного, которое предстает как нечто естественное, выявляет тот факт, что оппозиция двух контекстов философского текста сводится, в сущности, к оппозиции естественное/искусственное. Существование двух различных контекстов позволяет рассматривать в качестве прототипа процессов создания и восприятия философского текста перевод. В свою очередь, способность свободно перемещаться между текстами, принадлежащими к разным контекстам, становится аналогом двуязычия в широком смысле, предполагающего способность автора философского текста мысленно перемещаться между двумя культурами в качестве не только лингвистических контекстов.

Во-первых, возможен перенос содержания исходного философского текста в иной контекст, и это аналог перевода в его формальном понимании, причем философский текст при этом канонизируется в качестве исторического документа, первичного по отношению к своему исходному контексту. Во-вторых, исходный контекст философского текста может быть перемещен в современный контекст. Первичным при этом оказывается не философский текст как таковой, т. е. не его буквальное прочтение, а его исходный контекст, и это уже не перевод исходного текста, а его переложение или пересказ, приведенный в соответствие с новым контекстом.

Особое значение имеет рассмотрение философского текста как формы косвенного, иногда сложно зашифрованного выражения социокультурного контекста через посредство идеальных (метафизических) структур. В культуре постмодерна, стремящейся преодолеть метафизику, понимание цельности и связности текста вообще и философского текста, в частности, претерпевает существенные изменения [7]. Текст считается открытой системой [8], что требует и иного типа прагматики.

Список литературы

1. Austin J. L. *How to Do Things with Words: The William James Lectures Delivered at Harvard University in 1955*. Oxford, UK: Oxford University Press, 1962. VII, 167 p.
2. Ong W. J. *Orality and Literacy: The Technologizing of the Word*. 30th anniversary ed. London and New York: Routledge, 2002. XXX, 232 p.
3. Goody J. *The Power of the Written Tradition*. Washington and London: The Smithsonian Institution Press. VIII, 192 p.
4. Шкловский В. Б. *Искусство как прием* // Шкловский В. Б. *О теории прозы*. – М.: Советский писатель. 1983. – С. 9–25.
5. Robinson D. *Estrangement and the Somatics of Literature: Tolstoy, Shklovsky, Brecht*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press, 2008. XX, 317 p.
6. Мамардашвили М. К. *Очерк современной европейской философии*. – М.: Прогресс-Традиция; Фонд Мераба Мамардашвили, 2010. – 584 с.
7. Mowitt J. *Text: The Genealogy of an Antidisciplinary Object*. Durham, NC and London: Duke University Press, 1992. X, 245 p.
8. Ong W. J. *Voice and the Opening of the Closed Systems* // Ong W. *Interfaces of the Word: Studies in the Evolution of Consciousness and Culture*. Ithaca, NY and London: Cornell University Press, 1977. P. 305–341.

Pigalev A. I. The Pragmatics of Philosophical Text and the Latter's Power of Making the Ordinary Questionable

The purpose of the paper is to scrutinize the pragmatics of the key or basic philosophical texts as the turning points in the history of worldviews and the bearers of ideas that underlie the cultures. The bench mark of the analysis is the admission that the emergence of the phonetic writing stipulated the dominance of the analytical thinking which considers the whole as a closed system and thus as a visually graspable entity. Such mode of thought that became paradigmatic in the philosophy foreordained the understanding of the text just as a closed system, a circumscribed piece of written language which is monological, integral, and coherent. The pragmatics, being generally the study of meaning in a situation of language use, with regard to every key philosophical text has to take into account not only the latter as such, but also its sociocultural context. It should be also noted that every key philosophical text operates on the unconsciously admitted and reputedly ordinary patterns of culture that becomes seemingly unfamiliar, estranged, and questionable hereupon. Finally, whereas the author of the key philosophical text is in fancy capable of switching over to its imaginary sociocultural context and coming back, his practice is similar to translation that is impossible without bilingualism in wide sense. The scrutiny is concluded with the consideration of the changes in the conventional construal of the philosophical text as the closed, integral, and coherent system and the rise of peculiar texts that require another kind of pragmatics.

Keywords: writing, closed system, philosophical text, pragmatics, translation, ordinariness, estrangement.

УДК 101.9:008.2

ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ КАК ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПРОЕКТ¹

Артамонов Д. С.¹, Тихонова С. В.²

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация

E-mail: ¹artamonovds@mail.ru, ²segedasv@yandex.ru

В статье рассматривается перформативный проект философии трансгуманизма, интегрирующий манифестные тексты, медийные и декларативные поступки и арт-проекты. Проанализированы основные векторы перформативности трансгуманизма: наглядность, провокативность и артизация. Авторы считают философию истории трансгуманизма связующим звеном между идеологическими и праксеологическими уровнями трансгуманистического движения.

Ключевые слова: трансгуманизм, конструирование истории, философия истории, перформативный проект

Философия трансгуманизма концентрирует свое внимание на проблеме автоэволюции человека, осуществляемой посредством высоких (в настоящее время – преимущественно конвергентных) технологий. Бурное развитие технауки актуализирует ее эвристический потенциал, одновременно обеспечивая трендовый статус ее лидерам. Последние десятилетия трансгуманизм все активнее заявляет о себе как об академической философии, претендуя на признание со стороны профессионального философского сообщества. Однако долгое время данное течение существовало как маргинальное, объединяя в себе признаки социального движения, публицистической футурологии и научной фантастики.

Исходные задачи трансгуманизма носили апологический характер, так как предполагали обоснование возможности применения достижений науки и техники тех лет для реализации целей, привычно постулируемых утопиями и мистикой. Надежды на обретение бессмертия могли приобрести прагматический контекст только в том случае, если массовой аудитории будет представлена убедительная позитивная дескрипция социальных практик бессмертных людей, а также обоснованы пути перехода к новой фазе социального развития.

Идеологи раннего трансгуманизма, отстаивавшие иммортализм на базе крионических технологий, популяризировали не только свои идеи, но и связанные с ними коммерческие проекты по криоконсервации тел. Поэтому выдвигавшиеся ими концепции исторического прогресса в условиях массовой автоэволюции имели характер прагматических перформативных проектов. Радикальность выдвигаемых идей требовала наглядности, провокативности и артизации, составивших основу перформативности идеологического проекта трансгуманизма. Этот проект можно представить как совокупность текстовых манифестов, связанных с ними культурных событий, декларативных поступков и медиа-сопровождения.

С одной стороны, трансгуманисты моделировали будущее западного общества. Детальное описание возможных технологий и их социальных последствия содержится в работах Р. Эттингера и ФМ-2030 (Ф. Эсфендиари), посвященных проблеме исторического развития человечества будущего. Сюда могут быть отнесены такие тексты Р. Эттингера, как «Перспективы бессмертия» (1962), «Man into superman» (1972), в которых изображается переход смертного разобщенного человечества к эре вечной жизни ваяющих себя скульпторов. В текстах ФМ-2030 «Optimism One: The Emerging Radicalism» (1970),

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект «Социальное конструирование исторической памяти в цифровом мире», № 19-011-00265

«Telespheres» (1977), «Up-Wingers» (1977), «Are You a Transhuman?» (1989) предлагаются пути преодоления социального и политического отчуждения в новом трансчеловеческом обществе.

С другой стороны, каждый из этих философов продвигал конкретные технологии, апробируя их на себе, формируя свой персональный имидж пророка будущего через прессу, телевизионные ток-шоу, собственные исследовательские институты и циклы коммерческих семинаров. Например, Р. Эттингер, вошедший в историю Америки под прозвищем «отец крионики», много лет искал поддержки своим идеям у влиятельных американцев, крионировал в созданном им общественном Институте крионики тела своей матери и двух жен, там же он завещал хранить свое тело. Не менее харизматичный имидж «души криодвижения» сформировал себе «отчаянно скучавший по будущему» ФМ-2030, тело которого также было крионировано.

Пытаясь изменить отношение современников к смерти вообще и к процессу умирания, ранние трансгуманисты сделали перформанс из собственной жизни. Введенный ими эвфемизм «приостановка» подчеркивал возможную обратимость смерти. Превращение тел в технологический артефакт с аксиологической нагрузкой сочетало в себе элементы провокативных действий, поскольку нарушало традиционные практики погребения и связанное с ними ценностное отношение к мертвому человеческому телу, и, одновременно, было наглядным примером для подражания. Важно отметить, что крионирование стабильно сопровождается скандалами, связанными с его высокой стоимостью и техническим несовершенством (в СМИ регулярно просачивались данные о нарушении режима заморозки тел, приводящем к их подтаиванию, в результате сбоя в электроснабжении).

Современные трансгуманисты меньше внимания уделяют иммортализму, хотя продолжают считать его научно обоснованным и принципиально возможным. Они сосредоточены на проблемах самоулучшения человека (аугментаций) с помощью конвергентных технологий, потенциал которых позиционируется научным сообществом. При этом их интеллектуальные практики продолжают традицию перформативности, заложенную основателями течения. Провокативность трансгуманизма связана с намеренным эпатажем публики для привлечения внимания к идеологическим постулатам движения. Даже либертарианская ветвь трансгуманизма предлагает весьма умеренную, фактически, мелобуржуазную, этическую программу, но сопровождает ее яркими ницшеанскими аллюзиями и коннотациями, развивая тему появления трансчеловека как в традициях противостояния *Übermensch* и *Untermensch*. Макс Мор потратил немало усилий, чтобы обнажить роль учения Ницше о сверхчеловеке в формировании своей концепции, настаивая на прямой преемственности и радикализируя собственный дискурс конца человеческой истории.

Артизация как вектор перформативности характерна для творчества Наташи Вита-Мор, реализующей принципы концептуального искусства посредством конвергентных технологий. Ее самый известный дизайн-объект – *Primo Posthuman* – представляет собой прототип человека, включающий в себя воображаемые, но потенциально осуществимые технологические усовершенствования. В дальнейшем стратегический дизайнер разрабатывала модификации 3D-дизайна будущего улучшения человеческого тела на основе искусственного интеллекта и нанотехнологий для сверх-долголетия.

Таким образом, философия истории трансгуманизма является связующим звеном между манифестными, программными текстами и перформативными практиками трансгуманизма.

Artamonov D. S., Tikhonova S. V. Transhumanist Philosophy of History as Performative Project

The article deals with the performative project of transhumanism philosophy, integrating manifest texts, art projects, media and declarative acts. The authors analyze the main vectors of transhumanism performance: visibility, provocation and artization. They consider that the transhumanistic philosophy of the history is a link between the ideological and praxeological levels of the transhumanist movement.

Keywords: transhumanism, construction of history, philosophy of history, performative project.

ОСОБЕННОСТИ ИСЛАМА В КРЫМУ

Бекирова Л. С.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: leylyasafet@gmail.com*

В докладе рассматривается проблема взаимодействия традиционного и религиозного в этнокультуре (на материале истории ислама в Крыму). Как показывает практика, национальные традиции играют большую роль, прежде всего, в сохранении целостности народа, оказавшегося в чрезвычайно сложных условиях выживания.

Ключевые слова: традиция, религия, ислам, этнокультура.

В полиэтничном Крыму религия всегда занимала особое место как элемент духовности. Особо широко представлен, наряду с христианством и другими конфессиями, ислам, который сыграл важную роль в этногенезе крымских татар. В результате взаимодействия традиционного и религиозного сложилась самобытная культура, которая позволяет народу самоидентифицироваться среди других тюркских народов, исповедующих ислам.

На крымский полуостров ислам проник уже в первые века его существования. Мусульманское вероучение принесли сюда сахабы (или асхабы) – сподвижники пророка Мухаммада – Газы Мансур и Мелик Аштер, которые вели активную миссионерскую деятельность далеко за пределами Аравийского полуострова, что впоследствии привело к возникновению культа их могил. Еще в 1893 г. Исмаил Гаспринский писал: «Между древним Успенским Скитом и поэтическим Чуфут-Кале находится текие дервишей и гробница весьма чтимого мусульманина – святого Газы-Мансура... Газы-Мансур – один из сподвижников пророка» [цит. по: 2, С. 65–66]. Однако тюрки Крыма еще долгое время продолжали поклоняться Богу Неба – Тенгри и почитать культ предков. Поэтому мусульманским миссионерам приходилось использовать не только силу убеждения, но и силу меча. Как свидетельствуют средневековые путешественники, было пролито много крови, прежде чем ислам получил распространение в Крыму [3, С. 39]. Лишь в 14 веке хан Узбек сделал ислам государственной религией Золотой Орды. «Ислам пришел на Черное море поздно, когда его лучшие времена были позади. Область Черного моря знала только тюркский, а не арабский ислам», – отмечает известный востоковед В. В. Бартольд [1, С. 659]. Среди крымских татар распространился суннитский ислам ханафитского толка. Учение Абу Ханифы – основателя ханафитского мазхаба оказалось наиболее лояльным и, скорее всего, именно поэтому он получил широкое распространение среди неарабских народов. Ислам был принят крымскими татарами, так сказать, в «мягкой» форме, что позволило им сохранить национальное своеобразие. Традиции и обряды, которых продолжает придерживаться в своем быту народ, в большинстве случаев имеют религиозную форму, а своим содержанием уходят в глубину веков, далеко в доисламские времена. Среди них такие обряды как «чилле», «суннет», «дженазе» и др.

Сегодня крымские татары столкнулись с совершенно новой ситуацией. Возрождая традиции ислама в крымскотатарских общинах, молодые священники, часто получившие образование в арабских странах или Турции, а порою и выросшие в этих странах, не понимают до конца значения древних крымскотатарских традиций и синтеза их с религиозной обрядностью (то, чем было сильно прежнее духовенство и что обеспечивало им неизменное уважение и признательность). Новоявленные духовные наставники, оказавшись под влиянием представителей нетрадиционных для крымских татар религиозных течений типа «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»¹, вахабизма и пр., пытаются «вычистить» религиозную обрядовость так, что теряется ее национальное своеобразие. Религиозное воздействие, особенно среди молодежи, усиливается. Неслучайно в среде крымскотатарской молодежи все чаще стали появляться «бородатые» юнцы и «покрытые» девушки. При этом они все реже стали

¹ Разрешена на Украине, но запрещена и преследуема не только в Российской Федерации, но и во многих странах Европы, Центральной Азии и арабского мира.

интересоваться культурой и историей своего народа, изучая арабский язык – язык Корана, многие не знают своего родного языка. Перед интеллектуальной элитой стоит серьезная задача по сохранению уникальной обрядовости культуры крымскотатарского народа, которая в сложнейших условиях позволяла ему самоопределиться среди других тюркских народов, также исповедующих ислам.

Список литературы

1. Бартольд В. В. Ислам на Черном море // Бартольд В. В. Сочинения в 9 т. – М.: «Наука», 1968. – Т.6. – 784 с.
2. Керимов И. А. «Живая» история Гаспринского. По материалам газеты «Терджиман», 1883–1914 гг. – Симферополь: «Тарпан», 1999. – 407 с.
3. Ланда Р. Г. Ислам в истории России. – М.: Восточная лит-ра, 1995. – 311 с.

Bekirova L. S. Distinctive features of Islam in Crimea

The report deals with the problem of traditional and religious interaction in ethno-culture (based on the history of Islam in the Crimea). As practice shows, national traditions play a large role, first of all, in preserving the integrity of the people who find themselves in extremely difficult conditions of survival.

Keywords: tradition, religion, Islam, ethno culture.

УДК 82-312.1:128

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИДЕИ ГЕДОНИЗМА В РОМАНЕ О. УАЙЛЬДА «ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ»

Богданова И. М.

*Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: iolantabogdanova@gmail.com*

В работе рассматриваются лексические и стилистические средства, используемые Оскаром Уайльдом в романе «Портрет Дориана Грея» для описания идеи гедонизма. Проанализированы авторское повествование и индивидуализированная речь героев – лорда Генри и Дориана Грея. О. Уайльд пишет об удовольствии как о философии – «**philosophy of pleasure**». Он говорит о «**Philosophy**» (с заглавной буквы) как о молодой женщине, которая прославляет любовь к жизни и простые земные радости (олицетворение). Аллюзия к древнегреческой мифологии (**Bacchante, Silenus**), восточной философии (**Omar**) указывают на истоки гедонизма. Повтор глагола (“**Live! Live the wonderful life that is in you!**”) создает мощный и эмоциональный призыв к действию, к поиску новых ощущений. Красота как культ прекрасного, наслаждение ею – смысл жизни, в этом весь эстетизм О. Уайльда. Он пишет: “**the search for beauty being the real secret of life**” – «Подлинный секрет счастья – в поиске красоты». Поиск удовольствия любым способом – вот цель, к которой нужно стремиться (“**I have searched for pleasure**”). Оказывать влияние на другого человека является одним из путей получения удовольствия – “**to project one’s soul into some gracious form**”, “**to hear one’s own intellectual views echoed back**”, “**to convey one’s temperament into another**”. Эпитеты (“**real pleasure**”), оксиморон (“**cruel joy**”) создают яркие образы, дополнительную эмоциональность. Сущность гедонистической идеи по О. Уайльду заключается в следующих афористичных словах: “**The only way to get rid of a temptation is to yield to it**” – «Единственный способ отделаться от искушения – уступить ему». Однако, поддаваясь искушениям, человек подвергает свою душу воздействию «радостей и страданий» – “**pain and pleasure**”. К концу книги удовольствие, как вседозволенность, превращается в источник морального падения, преступных деяний, трагедии. Используя афоризмы, метафору и метонимию, эпитеты, сравнение, аллюзию, олицетворение, оксиморон, О. Уайльд создает запоминающийся образ философии гедонизма.

Ключевые слова: гедонизм, философия удовольствия, наслаждение, красота, выразительные средства.

Философы полагают правомерным говорить о философии культуры. Литература, как явление культуры, может быть рассмотрена как некий индикатор/транслятор философских течений, получающих в художественном произведении своеобразное освещение.

Идеи гедонизма, сформулированные греческим философом Аристиппом Киренским в III веке до н. э., согласно которым удовольствие является высшим благом, смыслом жизни, неоднократно находили отражение в художественной литературе. Эти идеи актуальны и сейчас.

Современный житель мегаполиса испытывает на себе воздействие большого количества негативных явлений, таких как высокий темп жизни, огромный объем информационных потоков, выполнение рутинных действий. Свободное время «для себя» сведено до минимума или его вообще нет. Поэтому все больше людей стремятся следовать принципам гедонизма и получать удовольствие уже сейчас, а не работать с утра до вечера в надежде на получение определенных материальных благ к концу жизни.

В данной работе рассматриваются лингвистические средства выражения гедонистических постулатов, используемые Оскаром Уайльдом в романе «Портрет Дориана Грея». В качестве объекта исследования выбран как английский текст романа, так и его русский перевод.

Выразительные средства романа анализировались многими авторами (Начкебия Э. В., Акимова О. В., Урусова Н. В.). Анализ лингвистических средств, используемых автором при описании гедонистической концепции, не подвергался исследованию.

Философский смысл романа заключается в прославлении гедонизма, идеологии удовольствия, и в стремлении достичь его любым путем. Роман О. Уайльда представляет собой яркий образец описания концепции гедонизма в англоязычной литературе. Идея удовольствия пронизывает весь роман, удовольствие рассматривается как смысл и цель жизни. Гедонистическая идея реализуется в речи всех его персонажей. Наиболее полное выражение она находит в словах лорда Генри, который является рупором идей автора.

Анализ текста романа дает возможность заключить, что автор использует обширный спектр выразительных средств при описании философии удовольствия – «philosophy of pleasure». Как говорит лорд Генри «Единственное, что стоит возвести в теорию, это наслаждение» – “Pleasure is the only thing worth having a theory about”. О. Уайльд, устами лорда Генри, говорит о Философии, которая «увлекается дикой музыкой Наслаждения» – “the mad music of Pleasure” и как вакханка исступленно пляшет «по холмам жизни». Используя прием олицетворения, развернутую метафору и орфографически выделяя прописными буквами слова «Philosophy» и «Pleasure» автор создает яркий образ, который очаровывает и привлекает. Словосочетания “mad music”, “wild desire”, “mad curiosity”, “exquisite poison”, являющиеся примерами оксиморона, усиливают экспрессивность описания идеи наслаждения. О. Уайльд использует эпитеты “brilliant, fantastic, irresponsible”, говоря о том впечатлении, которое вышеописанная философия удовольствия производит на слушателей.

Проведенный анализ показывает, что, как пишет О. Уайльд, «жажда новых впечатлений» – “passion for sensations”, “passion for pleasure” описана в романе с использованием таких образных средств как эпитеты, метафорическое переосмысление, метонимия, оксиморон, олицетворение.

Bogdanova I. M. Linguistic Means of Expression of the Idea of Hedonism in O. Wilde’s “The Picture of Dorian Gray”

The paper looks at the topic of Hedonism as it is presented in Oscar Wilde’s novel “The Picture of Dorian Gray”. The aim of the investigation is to single out and analyze the linguistic expressive means, which are employed in the novel to express the idea of hedonism. The idea of hedonism was first formulated by Aristippus in ancient Greece. He claimed that pleasure was the only thing worth having, and he advocated a life of sensual pleasure. Today the idea of pleasure has some appeal among people and is considered the primary motivating element of life. It finds reflection in several works of fiction. Our goal is to study the linguistic peculiarities used to describe the concept of hedonism in Oscar Wilde’s novel “The Picture of Dorian Gray” Hedonism in the novel is depicted as the “philosophy of pleasure”. O. Wilde writes that “Pleasure is the only thing worth having a theory about”. He speaks about “Philosophy”, that “she ... catching the mad music of Pleasure, wearing ... her wine-stained robe and wreath of ivy, dances like a Bacchante over the hills of life”. The use of sustained metaphor, personification, capital letters in the words “Philosophy” and “Pleasure” make the description of the idea of pleasure very vivid and attractive. The expressions of oxymoron (“mad music”, “wild desire”, “mad curiosity”, “exquisite poison”) and such epithets as “brilliant, fantastic, irresponsible” add to the vividness of the description. O. Wilde’s “passion for sensations” becomes the main goal in life.

Keywords: hedonism, expressive means, pleasure, philosophy of pleasure.

ВЛИЯНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ КАРТИНЫ МИРА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

Данилов А. Н.¹, Данилова Н. Н.²

¹Московский технический университет связи и информатики, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: alexnicdanilov@yandex.ru

²Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: danani@list.ru

В докладе освещаются проблемы современного информационного общества. Показано влияние виртуальной реальности на формирование и изменение картины мира, в том числе языковой картины мира, социальных общностей и этносов. Указывается, что в результате такого влияния может происходить своего рода «примитивизация» массового сознания и, как следствие, - обеднение культуры и языка.

Ключевые слова: информационное общество, виртуальная реальность, картина мира, языковая картина мира, «примитивизация».

Виртуальная реальность (VR) является следствием и важной составной частью современного информационного общества.

Само слово «виртуальность», «виртуальный» (лат. *virtualis*) трактуется в словарях как «нечто потенциальное», даже «ложное», «кажущееся», а также «пребывающий в скрытом состоянии и могущий проявиться, случиться; возможный». Виртуальная реальность определяется по отношению к обуславливающей ее существующей реальности.

VR представляет собой совокупность объектов, моделируемых реальными процессами. При этом их содержание и форма не совпадает с этими процессами. Моделируемые объекты могут быть сопоставимы с реальными, но виртуальные объекты не являются объектами реального мира.

Виртуальная реальность характеризуется следующим образом:

- создает у пользователя ощущение реальности происходящего;
- предоставляет возможность взаимодействия со средой;
- реализуется при помощи специальной техники;
- позволяет ознакомиться со значительным объемом информации;
- воздействует на мозг и чувства пользователя.

Виртуальная реальность позволяет специалистам моделировать сложные процессы в той или иной области науки и техники, в образовании. Однако гораздо чаще VR используется не в научно-технических или образовательных целях, а как средство общения и развлечения.

При этом зачастую использование виртуальных средств для общения и развлечения влечет за собой упрощение восприятия и понимания реальной действительности. Это, в свою очередь, приводит к своего рода «примитивизации», даже к искажению общей картины мира и языковой картины мира социальных общностей и этносов [1]. Картина мира понимается (К. Ясперс) как «совокупность предметного содержания, которым обладает человек» [Цит. по: 2, С. 190–191]. А В. фон Гумбольдт указывает на национальное содержание языка и мышления: «...различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [3]. Язык, стало быть, есть связующее звено между внешней реальностью и внутренним миром индивида.

Если мы подчеркнем такие особенности современного социума, как стандартизация сознания людей, «клиповое» мышление, мозаичная картина мира, формируемые информационными системами виртуальной реальности, то станет ясно, что это таит в себе опасность деградации личности и общества в целом.

Список литературы

1. Россохин А. В., Измагурова В. Л. Виртуальное счастье или виртуальная зависимость // Россохин А. В., Измагурова В. Л. Личность в измененных состояниях сознания. – М.: Смысл, 2004. – С. 516–523.

2. Некрасов С. И., Некрасова Н. А. *Философия науки и техники: тематический словарь справочник*. Учебное пособие. – Орел: ОГУ, 2010. – 289 с.
3. Гумбольдт В. фон. *Язык и философия культуры*. – М.: Прогресс, 1984. – 372 с.

Danilov A. N. Danilova N. N. Influence of Virtual Reality on Worldview Formation in Modern Society

The report highlights the problems of contemporary information society. It shows how virtual reality shapes and alters people's worldview, linguistic worldview including, social communities and ethnic groups. It leads to a certain oversimplification of mass consciousness and as a result to the impoverishment of culture and language.

Keywords: information society, virtual reality, worldview, linguistic worldview, oversimplification

УДК 101.1

**ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА:
ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАТОРОВ¹**

Карабыков А. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: teavox@mail.ru*

Цель доклада – внести вклад в прояснение концептуальных оснований, на которых может и, как доказывается, должен строиться анализ прагматики и, в частности, перформативности философских текстов.

Ключевые слова: перформативность, Джон Остин, перлокуция, теория речевых актов, речевые жанры

Для начала определимся, что именно мы имеем в виду, говоря о перформативности. Как явствует из информационного письма, его уважаемые авторы исходят из, пожалуй, влиятельнейшего определения, предложенного Джоном Остином. В соответствии с этой дефиницией, перформативность есть способность речи быть эквивалентом невербального действия. Вместе с тем, в современной гуманитаристике бытует ряд иных трактовок перформативности, отличных от указанной. И тенденция такова, что продолжающееся разрастание этого ряда влечет за собой размытие границ понятия перформативности. Конструктивная же сторона обсуждаемого процесса состоит в осмыслении и разработке междисциплинарного потенциала перформативности, из-за чего последняя становится объектом изучения не только лингвистической прагматики, но и культурологии, социологии, антропологии и т. д. Что касается содержательной характеристики происходящих изменений, то ее суть сводится к отождествлению перформативности с перформансом. В результате перформативность толкуется как процесс осуществления *любого* культурного события, нацеленный на конституирование и актуализацию социокультурной идентичности. Таким образом, утрачивая свое изначальное – специфическое и достаточно определенное – значение, рассматриваемое понятие получает взамен чрезвычайно аморфное наполнение, превращающее перформативность в не более чем атрибут всех коммуникативных и, шире, культурных практик. Вследствие этого становится возможным говорить о перформативности ритуала, искусства и культуры в целом. При этом перформативность в ней отождествляется с *инсценируемостью* и *исполняемостью* культурных практик. Из-за того, что большая часть человеческих действий совершается в соответствии с культурными сценариями и стереотипами, так истолковываемое понятие перформативности оказывается приложимым едва ли не ко всей человеческой деятельности. Отсюда с неизбежностью должны возникнуть проблемы с определением: если перформативны все практики, совершаемые людьми в культуре, а также чувства, восприятие и многое другое, то что вообще следует понимать под перформативностью? Не превращается ли перформативность в избыточное понятие, которое

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-011-00601 «Книга Природы» в контексте герменевтических стратегий Возрождения и раннего Нового времени».

можно «срезать» бритвой Оккама без всякого ущерба для понимания природы культурных практик?

Исходя из остинова понимания перформативности, я попытаюсь тезисно ответить на вопросы, предложенные организаторами участникам первой секции. Построить доклад таким образом я решил, чтобы дать первый, самый общий, подступ к обсуждению очерченного круга проблем и «закваску» для дальнейших дискуссий.

Итак, *можно ли воздействовать текстом?* Бесспорно, да. Более того, воздействующий (перформативный) потенциал текста конститутивен, хотя может быть разным по степени. В этом убеждает здравый смысл: всякий текст всегда создается «с прицелом» на определенную, пусть даже воображаемую, аудиторию и потому предполагает воздействие, которое может либо реализовываться, либо оставаться потенциальным. В том же убеждает лингвопрагматическая теория. Как виртуозно показал Остин, в каждом высказывании содержится как констативный, так и перформативный аспект. Разница между двумя типами речевых актов не охватывает их всецело, а затрагивает характер их доминирующих интенций, т. е. иллокутивных целей [1, С. 55–56].

Тогда в чем заключается своеобразие прагматики философского текста? *С какой целью он создается и какое воздействие оказывает на читателя?* Этот вопрос удобней всего рассмотреть в связке с другим: *Применима ли к философскому тексту теория речевых действий?* Говоря: да, применима, поскольку философский текст есть вид высказывания и, стало быть, последовательность речевых действий, но так что это применение выявляет ряд существенных недостатков данной теории, – я нахожу возможным рассмотреть в ее свете специфику философского текста. Так, вопрошая о воздействии его на читателя, мы сталкиваемся с серьезной трудностью, касающейся различения эффекта ожидаемого автором и реально пережитого адресатом. Воздействие первого типа прямо связано с целью конкретного произведения, эффект же второго типа очень плохо поддается теоретической проработке. В теории речевых актов, ориентированной на иллокутивный аспект высказывания, анализ того, что называют перлокуцией, является слабым местом. Проблема перлокуции дала повод к критике этой теории и ее усовершенствованию – прежде всего за счет включения в более сложную теорию речевых жанров. На мой взгляд, именно последняя должна применяться в первую очередь при изучении прагматики любого – в том числе и философского – текста/высказывания [2, С. 48–62]. Эта теория предполагает следующее направление анализа: речевой жанр – речевой акт (или акты), ключевой для данного жанра, – иллокутивная цель этого акта. Проведенный с достаточной полнотой, анализ должен давать такую картину: занимая вершинное положение в прагматической структуре речевого акта, т. е. выступая в роли его иллокутивной цели, та или иная интенция определяет характер этого акта; а он, в свою очередь, задает прагматический облик того речевого жанра, в котором играет центральную роль.

Именно в жанрах – этих устойчивых моделях, по которым люди строят высказывания в разнообразных, устойчивых же ситуациях общения, – а не в отдельных актах (которые, если верить современной прагматике, универсальны и немногочисленны) с максимальной полнотой проявляется культурное своеобразие эпох и народов, включая их философское творчество [3, С. 165, С. 180]. Теория жанров компенсирует недостатки, которые свойственны теории актов. Ибо, прилагая последнюю к философским текстам, большее, на что мы можем рассчитывать, – это прояснение прагматики их составных элементов, взятых вне связи друг с другом. Между тем любопытнейшим в этих (и всех других) текстах является их общая прагматическая «физиогномика», вытекающая из характерной последовательности отдельных речевых действий, а также ее перестройка, наблюдаемая в истории мысли. Так, разительную своеобразность «Сумм» Фомы Аквинского можно постичь не из специфики составляющих их актов (сами по себе они вовсе не специфичны), но из характера всей композиции и прагмасемантической структуры этих произведений. И было бы интересно проследить, как происходила трансформация и уход схоластических форм дискурса в течение XV–XVII вв.

Возвращаясь к вопросу о том, с какой целью создаются философские тексты, ограничусь очевидным: невозможно говорить о единой цели. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на современные дискуссии о смене коренной установки в истории западной философии, в итоге которой сократическое «заботься о себе» было вытеснено дельфийским «познай себя». В эпохи примата первой установки (Античность и, на взгляд многих, Средневековье) философия имела преимущественно наставительный пафос. Не случайно тексты Эпикура, римских стоиков и христианских аскетов изобилуют императивами (*directives*, по типологии речевых актов Серла). Это прежде всего поучения, на заднем плане которых располагаются прочие акты и интенции: информирование, экспрессия и проч. После утверждения второй – «гносеологической» – установки, когда наука Модерна, выйдя из лона натурфилософии, стала господствующей формой мировоззрения, так что самой философии пришлось обретать наукообразность, назидать и «разбрасываться» императивами сделалось моветоном. Причем даже в этике и даже для тех, кто так или иначе стремится возродить идеал философии как заботы о себе. (Ср. эмоциональную реплику Фуко: «Послушайте!... Я не пророк. Я не организатор. Я не хочу говорить людям, что им следует делать. Я не собираюсь говорить им: “Это хорошо для вас, а это плохо!” Я пытаюсь анализировать реальную ситуацию во всей ее сложности, чтобы сделать возможным отказ, любопытство, инновацию» [4, Р. 13]. «Осмыслять реальную ситуацию» – это, пожалуй, и есть то главное, ради чего писались и пишутся философские тексты со времени Просвещения. Этим не исключается то, что их цель когда-нибудь станет другой. Таков самый общий ответ на вопрос: *какова социально значимая роль философских текстов в разных культурах?*

Список литературы

1. Остин Дж. Избранное. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 332 с.
2. Карабыков А. В. Культурно-коммуникативный механизм и формы осуществления перформативности в истории культуры : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук : 24.00.01 / Карабыков Антон Владимирович ; науч. конс. Е. В. Борисов ; Том. гос. ун-т. – Томск : [б. и.], 2014. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000473923>
3. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940–1960 гг.– М.: Русские словари, 1996. – 732 с.
4. Foucault M. “Power, Moral Values, and the Intellectual”, interview [1980] by Michael Bess // *History of the Present* 1988. № 1–2. P. 11–13.

Karabykov A. V. The Performative Potential of the Philosophical Text: Responses to the Organizers' Questions

The aim of the report is to contribute to clarifying of conceptual groundwork on which an analysis of pragmatics and, specifically, performativity of philosophical texts can and, as it is argued, should be based.

Keywords: performativity, John Austin, perlocution, theory of speech acts, speech genres

УДК 101+28

ФИЛОСОФСКИЙ ТЕКСТ НА ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ

Корнеева Т. Г.

*Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: tankorney@gmail.com*

В докладе освещена история возникновения философского текста на персидском языке. Персидский язык был почти полностью вытеснен арабским, однако, через несколько столетий вернул себе статус литературного языка. Большую роль в этом процессе сыграло движение шуубийа. На персидском языке был создан ряд прозаических философских трактатов, хотя основным языком философии оставался арабский. Кроме того, именно персидский стал тем языком, на котором создавались поэтические философские произведения.

Ключевые слова: арабо-мусульманская философия, персидский язык, шуубийа, философский текст

Одна из проблем, которая вынесена на обсуждение на этой конференции, – проблема возникновения философского текста и требование учета языковой специфики. Однако, прежде чем говорить о языковой специфике, мы также должны узнать, почему философский текст был написан именно на этом языке. В своем докладе я бы хотела обратить внимание на специфику персоязычного философского текста. В чем его особенности?

Во-первых, философский текст на персидском языке зародился в лоне арабо-мусульманской философии, основным языком которой был арабский. Развитие философского текста на персидском языке началось в 10 в. с Абу Али ибн Сины, позднее на персидском свои трактаты писали Насир Хусрав (XI в.), ал-Газали (XII в.), Баба Афдал (XIII в.), Насир ад-Дин Туси (XIII в.) и другие.

Целью создания философских текстов на персидском языке было ознакомление людей с основами философии. Все тексты носили пропедевтический ознакомительный характер и были рассчитаны на первое знакомство людей с философской проблематикой.

Кроме того, одной из причин возникновения философского текста на персидском языке можно считать движение шуубийа¹, расцвет которого в Персии относит к 10–11 вв. Культурно-политическая ситуация 10 века благоприятствовала пробуждению у восточных иранцев интереса к своему прошлому, к осознанию своей истории и, соответственно, осознанию себя как нации со своим языком и культурой. Относительная централизация и политическая стабильность газнавидского, а затем и сельджукидского государства в 11 – первой половине 12 вв. оказали благотворное влияние на процесс развития литературы на персидском языке, в которой активно формируются новые жанры и трансформируются старые.

К 11 в. на литературную арену выходят носители эзотерической мысли в исламе (суфии и исмаилиты), которые, так или иначе, противопоставляют свое творчество творчеству придворных поэтов. В этот период художественная словесность разделилась на две основных линии: профессиональная литература, продолжавшая развиваться в придворной среде, и религиозно-мистическая литература, питаемая идеями суфизма и исмаилизма.

В персидской культуре прозаический философский текст проиграл позиции поэтическим философским текстам. Первым, кого следует отметить в этой связи – Насира Хусрава, персидского философа 11 века. Он использовал жанр касыды, которая прежде использовалась для прославления патронов и правителей, для выражения философских идей исмаилизма. Кроме того, в его творчестве мы находим первый пример бессюжетной дидактической поэмы. Позднее этот жанр получил развитие в среде суфиев, например, в произведении Санаи (11–12 вв.) «Сад истин», Аттара (12 в.) «Язык птиц» или Шабистари (14 в.) «Цветник тайн».

В качестве выводов я бы хотела предложить следующие положения:

1. Философский текст на определенном языке возникает в тот момент, когда образованная часть населения начинает осознавать себя как часть конкретной нации с собственной культурой, историей и языком, даже если эта нация не обладает в конкретный исторический момент политической независимостью. Это самоосознание – импульс для рефлексии на своем языке, а не на чужом.
2. На этой конференции также поднят вопрос, можно ли сблизить философию с художественным творчеством. На примере персидской философии можно увидеть, что поэзия и философия прекрасно сочетаются друг с другом.

Korneeva T. G. Philosophical Text in Persian: Causes and Conditions of Development

The philosophical text in Persian was originated in the bosom of Arab-Muslim philosophy, the main language of which was Arabic. Abu Ali Ibn Sina (X cent.), Nasir Khusraw (XI cent.), al-Ghazali (XII cent.), Baba Afdal (XIII cent.), Nasir al-Din Tusi (XIII cent.) and others wrote their treatises in Persian. The development of a philosophical text in Persian began in the 10th century. One of the reasons for the emergence of a philosophical text in Persian can be considered the movement Shu'ubiyya, which flourished in Persia from the 10th to 11th centuries. A philosophical text in a certain language is created at that time when the educated part of the population begins to recognize itself as part of a particular

¹ Шуубийа – движение в Арабском халифате среди неараб. народов, отрицавшее претензии арабов на руководящую роль в культурной (иногда и в политической) жизни стран ислама.

nation with its own culture, history and language, even if that nation does not have political independence at a specific historical moment.

Keywords: Arab-Muslim philosophy, Persian, shubiyya, philosophical text.

УДК 111

ПЕРФОРМАТИВЫ ПЛАТОНОВСКИХ ДИАЛОГОВ. АПОРИЯ ПРЕДИКАЦИИ ЗЕНОНА КАК ПЕРФОРМАТИВ

Коробкина Е. Н.

НИЦ «Центр перспективных конвергентных технологий и коммуникаций», Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: e_koro@mail.ru

В статье исследуется отношение основного элейского тезиса Парменида о бытии – «все есть единое», и апории предикации ученика Парменида Зенона о том, что «многое не существует». Для полного раскрытия тезиса Зенона риторическая операция отрицания – «многое не существует» – действует как перформативный акт, реорганизуя тезис в фигуру кажущегося логического тупика, перформативный акт отрицания тезиса как апория предикации. Для снятия этой апории и была написана Платоном вторая часть диалога «Парменид» в виде восьми гипотез (оснований), изложенных в диалоге философом Парменидом. В них суть логики, созданной Платоном для снятия апории предикации, как ответ на перформативный акт Зенона. Диалог «Парменид» оказал существенное влияние на историческое развитие философии неоплатонизма в целом.

Ключевые слова: перформатив, апория, дескриптив, констатация, философский текст

В диалоге Платона «Парменид» в первой его части мы наблюдаем крайне интересную онтологическую ситуацию, о которой повествует слушателям Сократ. Философы Парменид и его ученик Зенон обыгрывают философский языковой акт, который можно счесть апорией отношения перформатива и констатации.

Лингвистической апорией американский профессор кафедры английского языка и литературы Джонатан Каллер считает подобную ситуацию в соотношении перформатива и констатации: «Констатация – это язык, показывающий вещи такими, какие они есть, называющий уже существующие вещи. Перформатив – это риторическая операция, языковой акт, использующий лингвистические категории дескриптива для создания чего-то нового, не для описания мира, а для его реорганизации. Такое соотношение перформатива и констатации можно счесть “апорией”» [1, С. 115].

В нашем случае Парменид в диалоге с Сократом констатирует свое утверждение: «Все есть Единое». Здесь же мы наблюдаем риторическую операцию Зенона, который, используя утверждение Парменида, строит воображаемую логическую ловушку, исходя от обратного: раз онтологический статус существования есть только у Единого, следовательно, у множественного подобного статуса просто нет. В ходе полемики Зенон отрицает и утверждение о том, что «многое существует». Тем самым, его полемический прием кроме прямого отрицания утверждения «многое существует», становится и скрытым риторическим перформативным актом основного элейского тезиса: «Все есть Единое». Высказывание: «Многое не существует» – можно считать перформативом в силу того, что апория предикации вызывает к жизни целый ряд последующих логических высказываний, восемь гипотез (оснований), в которых полностью раскрывается логика Платона устами Парменида. Можно сказать, что в диалоге «Парменид» Платон создал свою логическую систему как снятие перформатива Зенона – апории предикации.

Следует отметить, что в самой структуре диалогов Платона как философского произведения, философского текста, в отличие, скажем, от литературного произведения, в котором перформативные акты вызывают к жизни персонажей и события сюжета, перформативами можно считать как появление участников диалога, так и сами диалоги. Диалоги как перформативы вызывают к жизни в философском тексте, в отличие от

литературного, например, элементы философского текста: абстрактные объекты (понятия, категории, концепты, конструкты, принципы) философских дисциплин.

Сам термин «перформатив» (от англ. «perform» – представлять, исполнять, осуществлять), как известно, был введен в научный обиход английским философом Джоном Лэнгшоу Остином [2]. Перформативные речевые акты, согласно его концепции, не описывают какие-либо действия или факты, но сами осуществляют действия, создают факты и устанавливают сущности в прагматических координатах непосредственного общения «я – ты – здесь – сейчас»: Я клянусь, Благодарю Вас, Обещаю тебе и др.

Хотя феномен перформативности отличается от театрального перформанса, так как соотносится исключительно с коммуникативным аспектом речи, в структуре платоновских диалогов мы можем наблюдать и элементы перформанса. Полагаю, что эти моменты театрализации произведения связаны с образом жизни философов, на котором Платон периодически заостряет внимание читателя, дабы включить его в сам процесс философской жизни. Это, в свою очередь, отличает философский текст платоновских диалогов от современных, хотя и сближает по форме со способом подачи постмодернистских философских текстов. Полагаю, что в платоновских диалогах, как в модели античного философского текста, в отличие от философских текстов других эпох, моменты перформанса восходят, с одной стороны, к ритуальным перформансам античных мистерий. С другой стороны, важной составляющей античного философского произведения становится образ жизни философов, сцены из которого вызываются к жизни в диалогах и несут в себе элементы философского перформанса.

Таким образом, мы видим, сколь многофункционален и многопланов перформатив в философском тексте.

Список литературы

1. Каллер Дж. Теория литературы. Краткое введение. – М.: Астрель АСТ, 2006. – 158 с.
2. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс 1986. – С. 22–130.

Korobkina E. N. The Performatives of Plato's Dialogues. Aporia of Zeno's Predication as a Performative

The article examines the relation of Parmenides main thesis on existence as “everything is one» and the aporia of predication of the pupil of Parmenides Zeno that “much does not exist” as a statement of the thesis. And for the full disclosure of the thesis, the rhetorical operation of Zeno's denial, that “much does not exist” as a performative act, reorganizing the thesis into a figure of a seeming logical impasse, a performative act of denying the thesis as a predication aporia. To relieve this aporia was written by Plato, the second part of the dialogue “Parmenides” in the form of eight hypotheses (reasons) set out in the dialogue the philosopher Parmenides, and in fact, they are the essence of Plato's logic created by Plato for the removal of the aporia of Zeno predication as a response to the performative act of Zeno. Dialogue “Parmenides” had a significant impact on the development of the philosophy of Neoplatonism in General in the history of philosophy.

Keywords: performative, aporia, descriptive, statement, philosophical text

УДК 316.33

КАК ВОЗМОЖЕН ФИЛОСОФСКИЙ ТЕКСТ ОБ ИДЕОЛОГИИ?

Коротченко Ю. М.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: yuliyakor03@gmail.com*

Рассматривается специфика взаимоотношений между философией и идеологией с позиций современной парадигмы социально-философских исследований. Утверждается, что философская аналитика дает инструмент рефлексивного, не ангажированного отношения к идеологическому за счет эксплицирующей исследовательской интенции и апелляции к тексту и языку.

Ключевые слова: философия, идеология, философская аналитика, идеологический текст, язык идеологического текста

История человечества знает эпохи идеологического господства в отдельных государствах и даже в обширных регионах. При этом идеология господствует над всем – от промышленного производства до сферы производства смыслов, к которой принадлежит философия. Это очевидный и известный отечественной истории факт. Но это одна сторона вопроса об отношении между идеологией и философией: что исходит от идеологии по направлению к философии. Меня интересует другая: что и как может сказать философия об идеологии и остаться собой? Должна ли философия говорить об идеологии?

Под понятие «идеологическое» попадают политические теории, общественно-политические идеалы и ценности, политические программы, политические лозунги; политическая символика. Сегодня идеология не вырастает из общественных реалий, из действительной социальной истории некоторого класса, она конструируется политтехнологами как средство реализации властных интересов заказчиков. Задуманная автором термина как учение об идеях (собственно, об этом и говорит этимология этого термина), испытавшая негативное отношение Наполеона к себе и своим апологетам («идеологам») как к чему-то эфемерному и оторванному от жизни и реальной политики, идеология сегодня как нельзя более практична. Что о ней может говорить философия? Философия, оставаясь собой, говорит обо всем одинаково, она всегда рефлексия, не ангажированная внешними факторами и осуществляемая на том уровне обобщенности методологических процедур и результатов, который не достигается частными дисциплинами. Применительно к идеологии, следовательно, необходимо найти предельно общий концепт, под который подпадает идеология как таковая, а не чья-то идеология, и который не изучается частными социальными дисциплинами. Вышеперечисленные компоненты идеологического позволяют отнести его феномены к продуктам активности сознания, которая связана с осмыслением, оцениванием, в конечном счете, – с интерпретацией общественной жизни. Как отмечалось, сегодня идеология создается технологически. Но при этом ожидается, что ее носителем будет коллективный субъект – класс, страта – социальный актор, без которого интересы никакой политической силы не достижимы. Тогда речь должна идти об идеологии как о продукте интерпретационной активности некоторого коллективного сознания. Это осуществимо в границах социальной философии, современная парадигма которой как раз и предполагает апелляцию к такого рода предметам исследования.

Представляется, что идеологическое неизбежно и всегда присутствует в обществе. Рассуждения о необходимости устранения идеологии из социальной реальности вызываются опытом тотального идеологического господства, однако, даже желание такого устранения не отменяет факта присутствия идеологии в общественной жизни. С точки зрения современных представлений о том, каким должно быть социальное знание, последнее апеллирует к обществу как к осмысленному миру и как к формирующемуся в виде продукта осмысления. Смысл являет себя в тексте, последний представляет собой «эмпирию» смысла. В философии есть две мощных традиции, в которых текст является основным предметом рефлексии – герменевтика и аналитическая философия. При этом если герменевтика предлагает прочитывать социальную жизнь как текст, то аналитика исследует текст в собственном смысле этого слова и показывает, как «вычитать» из него общественно значимые смыслы. Тогда, применительно к идеологии, это может быть текст, произведенный в рамках некоторой политической теории, от лица некоторого социально-политического актора, текст программы некоторой политической силы или кандидата на политический пост, высказывания в виде политических лозунгов и т. п. Аналитический подход позволяет эксплицировать типы смыслов такого текста. Собранные в бриколаж, эти смыслы создают социальный образ автора. Соответственно, в идеологическом тексте реконструируется социально-политический субъект. Выделим такие типы смыслов, без которых его идеологический образ является существенно неполным: героическое и враждебное; нормативное; ценностное; репрезентирующее (язык). За счет чего их можно обнаружить, в чем они воплощены – ведь

смысл не дается непосредственно? Аналитический подход, с его эксплицирующей интенцией, апеллирует в этом вопросе к языку, на котором написан и предъявлен обществу такого рода текст. Словарь данного языка задается нами в [1, С. 87–105], при этом идеологический текст является разновидностью более широкого класса текстов, который мы называем валуативными [см. там же]. Философская аналитика становится «философским ответом на ... идеологические угрозы» [2, С. 5], и таким ответом должна стать культура скептической верификации идеологических ожиданий, надежд, а, главное, – преследуемых политических интересов, о которой пишет Э. Ю. Соловьев в [там же, С. 5–17]. Тогда становится понятно, что философия не просто может специфически говорить об идеологии, но также что она должна о ней говорить во избежание нарушения чистоты философского дискурса и для разоблачения социально-политических смысловых интенций адептов идеологического.

Список литературы

1. Коротченко Ю. М. Валуативные модели социального: герои и ценности. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2018. – 153 с.
2. Соловьев Э. Ю. Философия как критика идеологий. Часть I. // Философский журнал. – 2016. – Т.9. – № 4. – С. 5–17.

Korotchenko Y. M. How is it Possible the Philosophical Text on Ideology?

It is researched the specifics of the correlation between philosophy and ideology from the modern paradigm for socio-philosophical studies standpoint. It is stressed that philosophical analytics provides a tool for reflexive, non-biased attitude to the ideological products through explicating research intention and appeal to the text and language.

Keywords: philosophy, ideology, philosophical analytics, ideological text, language of ideological text

УДК 1(091)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И КРИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ¹

Львов А. А.

*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: a.lvov@spbu.ru*

Историки философии нередко сталкиваются с актуальной политической или резонансной общественной повесткой дня. Несмотря на, казалось бы, достаточно специальный характер исследований, именно историки мысли зачастую оказываются на передовой актуальных вызовов в современном гуманитарном знании. Нам важно исследовать, какие именно методологические стратегии разрабатывают в связи с этими вызовами историки философии сегодня, насколько они оказываются вовлеченными в актуальные общественные, политические и культурные дискуссии и какого рода критика предлагается на основании используемого ими исследовательского материала.

Ключевые слова: история философии, ангажированность, вызовы в гуманитарных науках, социально-политический контекст истории философии, критический контекст истории философии.

Историко-философская деятельность не может развиваться вне актуальной повестки дня. Как и любая деятельность в пространстве интеллектуального поиска, история философии неизбежно сталкивается с идеологическими или социально-политическими вызовами, на которые историки философии предлагают свои ответы. Показательно, что в XX веке именно историк – науки, философии или в смысле Дж. Вико *res gestae* – оказался на передовой гуманитарного исследования. В частности, история мысли оказалась таким пространством, на котором различные исследователи проводили «мысленные эксперименты» или с помощью

¹ Работа выполнена при поддержке РФФ (проект № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии»).

которой интерпретировали актуально происходящие события (например, работы Л. Альтюссера или Х. Фрайера).

Современная картина историко-философских поисков многогранна. С одной стороны, мы наблюдаем, как именно историки философии продуктивно преодолевают сложившиеся стереотипы – например, феномен европоцентризма или примат сугубо академического характера философствования. Расширяющееся поле антропологических исследований также влияет и на историко-философские поиски: пристальное внимание современных исследователей все чаще обращает на себя история региональной мысли в контексте региональной культуры (от русской и американской до бразильской и южноафриканской). В этом смысле можно говорить о том, что историко-философские исследования способствуют становлению и развитию потребности к самосознанию региональных культур.

С другой стороны, историки философии предоставляют фактический материал для иных, смежных в гуманитарном исследовательском пространстве, дисциплин. Известны не только отдельные статьи, посвященные, например, женщинам в истории философии, но и обширные энциклопедические издания на эту тему. Появляются также и критические историко-философские исследования, касающиеся такой важной проблемы в современной политологии, как демократические тенденции в конфуцианстве. Вместе с тем мы видим, что сегодняшнее положение обязывает историков мысли и к большему профессионализму, который смог бы предостеречь и самих исследователей, и их дисциплину как от тенденциозности, так и от поверхностных обобщений, нередко оборачивающихся популизмом.

Нередко историки философии действуют именно как историки *науки*, и их издания нацелены на дополнение имеющихся знаний и сведений – своеобразного расширения эрудиции (яркий пример – различные *Companions* и *Dictionaries*). Эта рутинная практика *нормальных ученых* (в терминах Т. Куна) имеет важное образовательное значение, прежде всего связанное с формированием и воспитанием ученой публики. Такого рода исследования позволяют сопоставить общественную значимость актуальных гуманитарных исследований и вовлеченность в них неспециалистов по всему миру. Важно отметить, что прямым следствием гуманитарных исследований является критика (в широком смысле) актуальной социокультурной ситуации, разработка общепринятых ценностей и идеалов.

Lvov A. A. Socio-political and Critical Contexts of the History of Philosophy: the Current State of the Problem

The historian of philosophy frequently faces the current political or high-profile social agenda. Although a rather specific character of research, it is the historians of thought who became at the forefront of the topical challenges in the present day Humanities. It is important for us to study the methodological strategies, which the historians of philosophy elaborate as their response today, how engaged are they in the current social, political and cultural discussions, and what kind of criticism do they offer on the basis of their research material.

Keywords: history of philosophy, engagement, challenges in the Humanities, socio-political context of history of philosophy, critical context of history of philosophy.

УДК 1(091)

ТЕКСТ КАК ФОРМА ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА¹

Медведев Н. В.

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация
E-mail: mnv88@mail.ru

Доклад посвящен анализу текста как наиболее значимой формы философского дискурса. Обсуждается вопрос о возможностях и границах приложения традиционного линейного письменного дискурса к различным способам философствования. Автор обращается к рассуждениям Платона о неполноценности письменной формы

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-00254

философского дискурса, а также выявляет основания, объясняющие отказ позднего Л. Витгенштейна излагать свои мысли в форме книги. Приводятся доводы в пользу гипертекстового прочтения витгенштейновских заметок.

Ключевые слова: Витгенштейн, текст, философский дискурс, устная речь, письменность, гипертекст.

В научной литературе, посвященной осмыслению природы философии, редко обсуждается вопрос о том, какую форму дискурса использует или должна использовать философия. Как правило, особенность философского дискурса принимается за стилистическую характеристику, которая представляет интерес скорее для литературной теории или языкознания, но не для философии. Действительно, философия, прежде всего, должна передавать людям некоторое смысловое содержание, причем независимо от способа употребления языковых или дискурсивных форм. Вместе с тем история философии изобилует многочисленными примерами, когда выдающиеся мыслители использовали для выражения своих мыслей специфические формы дискурса, которые сами по себе обладают философской значимостью. Можно сослаться на *диалоги* Платона, *исповедь* Августина, *афоризмы* Ницше, *заметки* Витгенштейна.

Доклад посвящен анализу текста как наиболее важной формы философского дискурса. Рассматривается вопрос, насколько допустимо приложить традиционный линейный письменный дискурс к определенным способам философствования. Вначале я обращусь к рассуждениям Платона о неполноценности письменной формы философского дискурса, а затем проанализирую причины отказа Л. Витгенштейна философствовать в границах традиционной формы письменного текста. В заключение приведу аргументы в пользу гипертекстового прочтения витгенштейновских заметок в *Философских исследованиях*, а также дам обоснование когнитивного потенциала гипертекста для философского творчества.

В диалогах Платона мы находим размышления о письменной форме текста, который не может адекватно передать философскую мысль. Позиция Платона по этой проблеме представлена в двух знаменитых отрывках: один содержится в диалоге «Федр» [3, С. 185–190], другой в Седьмом письме [2, С. 493].

В «Федре» Сократ излагает миф о том, как возникла письменность. По словам Сократа, он может «только передать, что об этом слышали наши предки, они-то знали, правда ли это» [3, С. 185]. Из его рассказа мы узнаем, как египетский бог Тевт, первым создавший число, геометрию, астрономию и письмена, пришел однажды к египетскому царю Тамусу, чтобы показать свои искусства, дабы передать все это остальным египтянам. Когда Тамус спросил о пользе письменности, Тевт ответил ему так: «Эта наука, царь, сделает египтян более мудрыми и памятьливыми, так как найдено средство для памяти и мудрости» [3, С. 186].

Затем Сократ совместно с Федром приводит аргументы, которые оказываются созвучными скептической позиции Тамуса. Главный довод, направленный против письменного текста, состоит в том, что последний имеет статическую природу и не способен пробудить в душе читателя живой отклик. Слова, написанные на папирусе (или бумаге), являются, по Сократу, слишком тяжеловесными и неточными, чтобы с их помощью можно передать подлинные знания. Греческий философ отдает предпочтение «живой и одушевленной речи знающего человека», которая «по мере приобретения знаний пишется в душе обучающегося» [3, С. 187], т. е. устной диалогической речи.

Судя по разнообразию форм философского дискурса, представленных в последующей истории философии, многие философы в той или иной мере столкнулись со схожей проблемой – необходимостью преодолевать ограниченные рамки линейной, статической структуры письменного текста.

Австрийский философ Л. Витгенштейн (1889-1951), в отличие от Платона, не высказывается прямо о природе письменного философского текста. Вместе с тем в Предисловии к *Философским исследованиям* мы находим откровенное признание о причинах его безуспешных попыток последовательно изложить свои мысли в форме трактата: «Я с самого начала намеревался объединить все эти мысли в одной в книге, форма которой в разное время представлялась мне разной. Но мне казалось существенным, чтобы мысли в ней переходили от одного предмета к другому в естественной и непрерывной последовательности.

После нескольких неудачных попыток увязать мои результаты в такую целостность я понял, что это мне никогда не удастся. Что лучшее из того, что я мог бы написать, все равно осталось бы лишь философскими заметками» [1, С. 77]. Витгенштейн поначалу обратился к традиционной форме письменного философского дискурса (книге), основанного на линейной, непрерывной последовательности предметов в их «естественном порядке». Форма письменного дискурса, хотя и была популярной на протяжении всей истории философии, по существу, считается нормативной, однако она не способна передать динамику и органичность философского способа мышления.

Неспособность Витгенштейна «увязать результаты вместе» объясняется несколькими причинами: либо неспособностью его как автора представить свои размышления линейным способом, либо его антипатией к письменным текстам в целом, либо более основополагающей причиной, связанной с самой природой письменного текста. По словам Витгенштейна: «Как только я пытался принудить мои мысли идти в *одном* направлении вопреки их естественной склонности, они вскоре оскудевали. – И это было, безусловно, связано с природой самого исследования» [1, С. 77]. Как видим, Витгенштейн указывает на основополагающий недостаток традиционного философского дискурса, связанного с формой трактата. Этот недостаток можно преодолеть только путем *свертывания* философского сообщения. Поэтому Витгенштейн при изложении своих размышлений прибегает в форме заметок. Данная форма письменного дискурса, представленная в *Философских исследованиях*, определяется некоторыми комментаторами как гипертекст. При сопоставлении с письменным/печатным текстом, гипертекст имеет преимущество: здесь читатель активно вовлекается в процесс прочтения текста, он испытывает удовольствие от квази-диалогической связи с текстом. Гипертекст способен «отвечать» на запросы читателя, что дает возможность последнему войти в другое измерение письменного послания [4, С. 33].

Таким образом, гипертекст содержит очевидный когнитивный потенциал для занятий философским творчеством [5], поэтому его можно признать, наряду с традиционным устным дискурсом и письменным/печатным текстом, эффективным инструментом в реализации философской деятельности.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. – Часть I. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – С. 75–319.
2. Платон. Письма // Платон. Собрание сочинений в 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 4. – С. 460–516.
3. Платон. Федр // Платон. Собрание сочинений в 4 т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 135–191.
4. Brezina V. Philosophy, spoken word, written text and beyond // Philosophy of information society. Papers of the 30th International Wittgenstein Symposium. August 5–11, 2007. Kirchberg am Wechsel. Vol. XV. Kirchberg am Wechsel, 2007. P. 32–34.
5. Kolb D. Socrates in the Labyrinth // Landow G.P. (ed.) Hyper/Text/Theory. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994. P. 323–342.

Medvedev N. V. Text as a Form of Philosophical Discourse

The report is devoted to the analysis of the text as the most significant form of philosophical discourse. The question of the possibilities and limits of the application of traditional linear written discourse to various ways of philosophizing is discussed. The author addresses Plato's reasoning about the inferiority of the written form of philosophical discourse, reveals the reasons explaining the refusal of the late L. Wittgenstein to express his thoughts in the form of a book. Arguments in favor of hypertext reading of Wittgenstein's notes are presented

Keywords: Wittgenstein, text, philosophical discourse, oral speech, writing, hypertext.

**ПЕРФОРМАНС В ФИЛОСОФИИ: «ТЕАТР ОДНОГО АКТЕРА»
ИЛИ ЖИВАЯ ОЛИЦЕТВОРЕННАЯ МЫСЛЬ?**

Парибок А. В.¹, Псху Р. В.²

¹*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: paribok6@gmail.com*

²*Российский Университет Дружбы Народов, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: r.pskhu@mail.ru*

В докладе рассматриваются пути взаимопроникновения философии и театра, меру актерской составляющей в свершении или исполнении устного философского текста, а также профессиональные приемы философа (или преподавателя философии), используемые для «отпечатления» философских идей в сознании его слушателей, которые сближают искусство устной речи философа с театральным (сценическим) искусством. Предлагается освещение вопроса: что делает устный философский текст выразительным?

Ключевые слова: перформанс, театр, философский текст, философская речь, актерское мастерство

*И нет у нас другой возможности полностью выразить себя,
кроме как через великое послушание,
«достоинство и сосредоточенность».*

Ежи Гротовский

Введение. Постановка проблемы.

Замечено, что часто наличие в той или иной культуре развитой самостоятельной философской традиции сопряжено с наличием не менее развитого театрального искусства, а порой и теории его. Если взять за основу три философских культуры, на базе которых в 1948 г. немецкий экзистенциалист Карл Ясперс в работе «Истоки истории и ее цель» [16] создал понятие «осевого времени», – Греция, Индия и Китай, то можно заметить, что именно в этих культурах (хотя и не только в них) появляются и самостоятельные профессиональные традиции театрального искусства (хотя в Китае, в отличие от Греции и Индии она появляется значительно позднее). И это не случайно, поскольку и философия, и театр относились к области божественного. Так, по Аристотелю божественное знание – характеристика философско-теоретического. В древней Индии теория и методология театрального искусства именовалась пятой ведой, то есть божественным, священным достоянием, а в систематических словарях театральные термины помещались в тот же раздел, что и имена и атрибуты богов, единицы времени и астрономические понятия – то есть на небеса. Можно полагать, так случилось потому, что и философское мышление, и театральная образность избыточны для успешности и адекватности в посягостороннем мире, они возвышаются над ним. Вот и первому философу Фалесу пришлось специально продемонстрировать свою способность пользоваться умом для земных нужд (известная история с урожаем оливок). В древнегреческой философии «театральное» присутствует как в образах ранних греческих философов (к примеру, Эмпедокл, Пифагор, Диоген и др.), так и в самих философских произведениях (в частности, в философской поэме Парменида «О природе» или диалогах Платона, особенно в «Пире»), которые создаются в соответствии с определенными канонами построения сценического сюжета. На восточных окраинах эллинистического культурного мира, в индо-греческом царстве, Платоновы диалоги ставились на театральных сценах. И если в дальнейшей культурной истории Запада философские тексты были существенно «подсушены» логикой Аристотеля и на протяжении многих столетий театр латентно присутствовал в философском творчестве, то, начиная с конца 19 столетия их взаимопроникновение становится более выразительным и временами весьма трагичным. В известной ранней работе «Рождение трагедии из духа музыки», которой Ф. Ницше распрощался с карьерой эллиниста, говорится о

двух началах греческой культуры – дионисийском и аполлоническом. Ницше разоблачает в ней пагубность засилья рационального начала в европейской культуре и философии. Он в некотором смысле философ, внесший в мир европейской философии большую долю эксцентричности, свойственную ранее скорее театральному действу, и знаменует собой, наряду с Шопенгауэром и Кьеркегором, новую эру в европейской философии – современный этап ее развития.

В театральном искусстве именно 20 век становится наиболее интересным с точки зрения проникновения философии в театр. Казалось бы, даже классики театрального искусства К. С. Станиславский (1863–1938) и ныне здравствующий А. А. Васильев, эмигрировавший во Францию, больше думают о философском наполнении, о философском содержании театральной формы. Васильев, создавший в Москве Школу Драматического искусства, является автором ряда постановок, которые поражают, прежде всего, глубиной своего философского содержания. Даже само здание театра подчинено определенной философской концепции театра: театр – это храм искусства, и зритель приходит не расслабляться и развлекаться, а духовно со-творить актерам, которые на сцене совершают по сути ритуальное действие. Именно в 20 веке создаются наиболее интересные философские работы о театре («Рапсодия для театра» А. Бадью, работы Ежи Гротовского и др.), а на сценах появляются философские пьесы (одна из последних – «Тао-огородница», в которой исполнительница на протяжении нескольких недель исполняет перформанс с фрагментами из «Дао Дэ Цзин» Лао-Цзы¹).

В этой связи интересно было бы рассмотреть пути взаимопроникновения философии и театра, меру актерской составляющей в свершении или исполнении устного философского текста, а также профессиональных приемов философа (или преподавателя философии), используемых для «отпечатления» философских идей в сознании его слушателей, которые сближают искусство устной речи философа с театральным (сценическим) искусством. Анализ работ К. С. Станиславского, М. А. Чехова, Ежи Гротовского, посвященные актерскому искусству, наряду с работами, посвященными рассмотрению феномена театра (в частности, Алана Бадью), а также ряд классических философских трудов, рассматриваемых с точки зрения их перформативного потенциала, могли бы способствовать освещению главного вопроса: что делает устный философский текст выразительным. И предварительным ответом на него может стать образ идеи, обладающей своим уникальным специфическим пространством/сценой своего «исполнения». Рассмотрению данного вопроса и посвящено данное эссе.

Основная часть.

I. Театральное искусство и его задачи с точки зрения К. С. Станиславского, М. А. Чехова, Ежи Гротовского и А. Бадью. Нравственный потенциал театрального искусства.

Изложим в основных чертах базовые принципы театрального искусства, как они понимаются выдающимися теоретиками 20 столетия, в частности, К. С. Станиславским, М. А. Чеховым и Ежи Гротовским. Также небезынтересно будет рассмотреть то, как театр представлен в работе одного из философов постмодерна Алана Бадью.

Самым известным теоретиком театрального искусства по праву считается Константин Сергеевич Станиславский, создавший знаменитую актерскую систему, которая носит его имя. В книге «Работа актера над собой» (1938) Станиславский дает описание процесса осознания того, каким образом создается роль, или каким образом осуществляется перевоплощение актера в некий сценический образ [12]. Это осознание в итоге должно помочь актеру достичь максимальной психологической достоверности своей игры. Последняя включает в себя три

¹ Актриса, которая является единственной исполнительницей в этой пьесе, играет бесстрастно, иногда весь спектакль сводится к позе лотоса, в которой она сидит на протяжении всего спектакля с закрытыми глазами. Практикуется бесстрастная игра без всякой игры, прохождение смысла без всякой репрезентации.

технологических элемента. Прежде всего, это ремесло, которое понимается как использование готовых штампов в игре. Ремесло помогает зрителю понять, какие именно эмоции актер изображает на сцене. Далее идет искусство представления, основанное на многочисленных репетициях, во время которых актер испытывает настоящие переживания своей роли и которые помогают ему закрепить на уровне автоматизмов определенные формы выражения этих переживаний. И наконец, последним элементом является искусство переживания актером своей роли, которое собственно и порождает аутентичный сценический образ. При этом главным принципом данной системы остается то, что Станиславский называет «жизненной правдой», то есть соотнесение любого актерского «жеста» с правдой жизни. В этом смысле само слово «театральное» теряет первичное значение как нечто напускное и эффектное. Истинно театральное всегда живое и естественное. Но не все живое и естественное может быть допущено на сцену. Для того, чтобы отделить нужное от того, что носит вторичный характер, необходима сверхзадача, то есть то, что мастер хочет донести до сознания людей, некий высший идеал и высшая ценность. В этом смысле актер – это не марионетка в руках режиссера или драматурга, который пассивно и несколько безучастно исполняет замысел творца на сцене: он является идейной личностью, активно преобразующей и присваивающей то ценное и важное, с чем он лично согласен и то, что он осознал на собственном опыте. Актер не играет на сцене, он действует «в образах и страстях роли», что исключает любое механистическое повторение или исполнение действий на сцене. Другими словами, актер должен творчески перевоплотиться в тот образ, который он пытается создать. Перевоплотиться так, чтобы ему поверили, «стать другим, оставаясь при этом самим собой». Таким образом, из основных принципов системы Станиславского (жизненная правда, сверхзадача, перевоплощение и др.) наиболее важным с точки зрения актерского искусства (равно как и с точки зрения философии) является сверхзадача, тот нравственный идеал или ценность, которую актер стремится донести до зрителя. Именно принцип сверхзадачи, по моему мнению, и объединяет театр (в учении Станиславского) с исконной функцией философии.

Ученик К. С. Станиславского М. А. Чехов (1891–1955) также является основателем школы актерского искусства, которая во многом похожа на систему Станиславского. Принципиальным отличием между двумя системами является то, что в системе Станиславского образ создается в процессе работы актера над собой, он как бы нащупывает его, творит, перевоплощается в ходе многочисленных репетиций, в итоге присваивая и говоря от своего имени, но его голосом. Образ в этой системе – это то, к чему приходит актер. В то время как в системе М. Чехова образ является стартовой точкой работы актера, это – то, с чего актер начинает. И если актер обладает талантом, стилем, мерой и вкусом, то образ будет с самого начала верным в самом главном. Далее актер уже работает над деталями [15]. Этот подход можно сравнить с гештальтпсихологией: ты должен сразу схватить цельность картинки, целостный образ, который необходимо воплотить, в противном случае все образы, создаваемые актером, будут карикатурой и кривляньем.

Польский теоретик театра Ежи Гротовский (1933–1999) является следующей по значимости после Станиславского теоретиком театра, который наиболее полно и глубоко изучил феномен актерской природы. Именно поэтому он называет свой театр Лабораторией, подразумевая под этим, что театр – это центр исследований, это образ жизни. В этом смысле если для театра Станиславского зритель весьма важен (именно публике несколько актеров на сцене отдают добытую сокровенную истину), то для Гротовского зритель нужен лишь эпизодически. Актерское искусство понимается им как форма служения. В статье «К бедному театру» (1965) Гротовский, отвечая на вопрос, «каковы его истоки экспериментальных работ в театре?», говорит о том, что само слово «эксперимент» применительно к его театру неверно, поскольку свидетельствует о случайности успеха, основанного на стереотипах и клише [3]. «Наша работа идет в ином направлении. Во-первых, мы стремимся к освобождению от эклектизма, от восприятия театра как синтеза разных искусств, то есть к точному определению того, что составляет своеобразие, особенность театра и не может дублироваться другими зрелищами. Во-вторых, наша работа сосредоточена на детальном исследовании

взаимоотношений актера и зрителя. Вот что мы считаем сутью театра как вида искусства – духовную и сценическую технику актера... Суть нашего метода в том, что мы не учим актера определенным навыкам для создания “арсенала средств выражения”... У нас все сосредоточено на духовном процессе актера, характеризующемся крайней, абсолютной обнаженностью и раскрытием самого сокровенного, что есть в актере... Это техника “транса” и интеграции всех духовных и физических сил актера, как бы поднимающегося от интимно-инстинктивного к “просветлению”» [3]. Традиционному представлению о театре как синтеза литературы, игры света, игры актеров и пр. (т. н. Богатому театру, «художественному воплощению клептомании») Гротовский противопоставляет Бедный театр, который способен существовать без грима, костюма, сцены, игры света и пр. Единственное, без чего он не может существовать, – это без связи «актер – зритель». Театру не нужно конкурировать ни с телевидением, ни с кино, он всегда будет технически беднее их. Это необходимо признать и принять. «Суть в том, чтобы для каждого типа зрелища найти адекватное соотношение “зритель – актер” и в соответствии с ним решать пространство спектакля» [3], но поскольку сегодня зрителем управляет рациональное начало, то посредством театрального искусства очень сложно потрясти глубинные пласты его психики.

В работе французского философа-постмодерниста Алена Бадью «Рапсодия для театра», которая базируется на его статьях для журнала “L'art du theatre”, перечисляется семь обязательных элементов театра (место, текст, постановщик, актеры декорации, костюмы и публика). При этом язык театра содержит маркеры, обозначающие важные философские концепты [8]. Рассмотрим некоторые базовые термины, в которых Бадью выражает свое понимание театра: 1) Театр и «театр». Бадью определяет театр как то, что имеет место, когда есть публика, актеры, референт, репрезентацией которого и является спектакль [1]. Вводится отличие между «театром», именуемым бульварным (цель – похабные сборы), и Театр как то, что высказывается о себе и о мире. Театр с большой буквы требует от своего Зрителя, чтобы он сам стал толкователем толкования, ибо «ничто не может наверстать, оправдать то, что вы не смогли стать Зрителем». 2) Зритель и публика. Бадью вводит различие между публикой (на нее ориентируется кино) и зрителем (на него рассчитывает театр) [1]. 3) Лень и мысль. В любом обществе, помешанном на производительности, отмечает Бадью, присутствует интеллектуальная лень или отвращение к мысли. Неудобство Театра – в его способности выявить лентяя, под которым понимается человек, не способный стать Зрителем. 4) Имитация, сингулярность и оригинальность. Под главной добродетелью актера понимаются не технические параметры, а этическая установка, которая избегает эффектов и всегда стремится к сингулярности. Сингулярность представляет собой этическую готовность, направленную против всех устоявшихся концепций. 5) Вечность, встреча, настоящий момент или миг. Главный эффект, на который нацелен Театр, – это эффект вечности. И именно постановка призвана подготовить встречу Зрителя с тем, что текст несет в вечности. Момент, в котором переживается мысль, и есть то настоящее, в котором происходит эта встреча [1].

Таким образом, мы видим, что в изложенных теориях актерского искусства философский компонент занимает центральное место. Рассмотрим теперь вопрос присутствия «театрального» компонента в выступлениях ряда философов.

II. Специфика философских выступлений А. М. Пятигорского, Г. П. Щедровицкого и М. К. Мамардашвили.

Вторжение стихии театральности в спокойное бытие философии и сращение элементов сценической игры с представлением публике философского содержания – явление, которое, конечно, не вполне ново для европейской философии. Однако можно без особых опасений предположить, что до шестидесятых-семидесятых годов прошлого века оно ограничивалось университетскими аудиториями, ситуацией преподавания, а также всецело зависело от личностных и природно-индивидуальных черт лектора. Из воспоминаний слушателей, например Г. Гейне, известно, к примеру, что хотя лекции Гегеля в берлинском университете пользовались беспримерным успехом, успех этот следует приписать исключительно их

содержанию, тогда как исполнение оставляло желать много, много лучшего. Лектор листал свои записи, нюхал табак, чихал, покашливал и едва ли замечал аудиторию, не желая или не умея установить с нею живой контакт. Напротив, холерик Фихте был превосходным лектором. Нетрудно вообразить, с какой актерской экспрессией он предлагал слушателям, после тривиального опыта созерцания (собственно, разглядывания) стены лекционной аудитории, перейти в рефлексию: «А теперь созерцайте созерцающую стену!». Но это предположение опирается не в меньшей мере на наше впечатление от фихтевского энергичного, принуждающего читателя к продумыванию, стиля и манеры письма в его трудах, обращенных к широкой публике, чем на знакомство с отзывами современников. Мы, тем самым, приходим на этих двух примерах к представлению о единстве личностного философского стиля, который может оказаться как требующим театральности, так и чуждым ее. Можно добавить, что философ с выраженной актерской составляющей своего присутствия в обществе в немалой степени рисковал прослыть в академической среде эксцентричной фигурой. А существенная новизна как в содержании и профессиональном стиле письма, так и в личностном обиходе мыслителя, по-видимому, превышает творческие возможности одного человека. Так, показательно, что решительно обновивший канон философского письма Мартин Хайдеггер, сближавший философию с искусством слова, с поэзией, в жизни, в манерах оставался сугубо традиционным человеком. Напротив, Витгенштейн отличался бытовой эксцентричностью, но был весьма традиционен в функциональном стиле своих текстов.

Впрочем, как не каждый видный мыслитель бывал хорошим лектором, так и далеко не каждый яркий философский лектор обязан быть оригинальным мыслителем. Уместно уподобить такого лектора артисту-исполнителю: пианисту, декламатору или, наконец, актеру в роли, тогда как философ, чьим воззрениям и концепциям посвящена лекция, окажется, соответственно, композитором или драматургом.

Новые перспективы для философской публичности, прибегающей к театральным средствам, появляются, по-видимому, с точки зрения культуры на самой поздней стадии модерна и при переходе к постмодерну, а с технической стороны, они теперь стали обеспечиваться широчайшей доступностью видеосъемки и интернетом. Первая линия обусловленности породила сначала, уже в пятидесятых годах XX в., понятие перформанса и хэппенинга, возрождение и распространение ранее спорадической (в русском авангарде) практики такого рода. Как нередко бывает, культурные новшества появляются либо параллельно в области искусства и художественной литературы, с одной стороны, и философии, с другой, либо философия следует за искусством с некоторым запозданием. Так, всплеск особого словотворчества, использующего смешение слов и словообразовательных моделей, наблюдается в английской абсурдистской поэзии на исходе XIX века (Л. Кэррол, Э. Лир), а в двадцатые годы XX века в философии к сходным моделям прибегает М. Хайдеггер. Но припомним, что такое перформанс и хэппенинг. Они включают в себя аспект непредсказуемости, то есть непредзаданности заранее хода действия и результата, а также смешение роли и исполнителя роли. Тот, кто осуществляет перформанс или хэппенинг, в существенной мере исполняет или играет самого себя. Переведя эти черты в сферу философии, мы приходим к идее публичного мышления как живого, творимого на месте. Но это есть существенная характеристика именно философского мышления. Оно обязано быть личностным, своим, а не воспроизводить (исполнять, озвучивать) чужие мысли; должно регулярно обращаться к пересмотру своих средств осуществления; при нем, в отличие от ученической или идеологической рассудочно-ценностной подгонки под наперед известный результат, мыслящий заранее вовсе не знает, к чему он придет: он сам может изумиться своему выводу. Достаточно припомнить образ Сократа у Платона. В отечественной философской культуре первыми заметными фигурами, заявившими о себе в таком новом поле, оказались люди не только ярко талантливые, но и чем-то маргинальные для официальной философии. Это М. К. Мамардашвили с его многочисленными публичными лекциями и преподаванием философии не для философов; это Г. П. Щедровицкий, основатель и вождь движения «системомыследеятельностной методологии», наконец, А. М. Пятигорский, философ,

литератор и востоковед. Все они были лично знакомы, в молодости принадлежали одному кругу. Все они помногу выступали перед разными аудиториями, и лишь меньшая часть содержаний мысли, изложенных в таком формате философского перформанса, были ими прижизненно оформлены в виде статей или книг.

Актерские образы самих себя, созданные этими публичными мыслителями, ярко выражают их непохожие интеллектуальные и творческие индивидуальности. Мамардашвили в публичных лекциях нарочито нетороплив, размерен; подбирает точное выражение. Говорит он ясно, но спокойно и негромко, заставляя тем самым напряженно прислушиваться и ловить каждое слово. Его порождение-исполнение мысли несомненно рассчитано на затягивание слушателей во внутреннее пространство мысли лектора; он вовлекает, порой, хочет сказать, ворожит. Пусть суждение А. А. Зиновьева не отличается добродушием, зато в нем есть меткость: «Мамардашвили – это шаман для интеллигенции». Прочтение стенографической записи так осуществленных лекций разочаровывает по сравнению с живым голосом автора. А это свидетельство важности философского актерства в творчестве М. К. Мамардашвили.

Г. П. Щедровицкий – в чем-то важном ему антипод. Перед нами харизматичный руководитель, а для своих последователей методологов – интеллектуальный вождь. Голосом и интонацией он встряхивает аудиторию, выводит ее из обычного немслящего и мало понимающего бытования, завладевает вниманием и умом все аудитории и уверенно их удерживает. Ему удается совместить управление содержанием своей творимой мысли и управление слушателями, что находит полное соответствие во введенном им понятии «двух досок», содержательной и деятельностной.

А. М. Пятигорский – еще в большей мере философ-актер; нередко тяга к экспрессии приводит к тому, что он слегка заглушает содержание своего хода мысли ярким образом или голосовыми эффектами: тоном, интонацией, громкостью. Однако, как правило, понимание целого от таких мало принятых в философском сообществе ходов только выигрывает. Пятигорский прослыл большим оригиналом, эксцентричной личностью, что пусть и звучит не слишком комплиментарно, но никак не затрагивает ни ценности его мысли, ни действенности средств донесения ее. Собственно, складывается впечатление, что он в конечном счете не излагает философию по избранной теме (бесспорно философской), а скорее преподает себя как философа. Это звучит неожиданно и крайне не академично, но в сущности, А. М. Пятигорский в этом подхатывает античную традицию.

Заключение

Что же делает философскую речь выразительной? Предположительный ответ: образ идеи, которая обладает своим специфическим пространством или сценой своего исполнения, организуемого самим философом «театральными» средствами.

В перформансе как жанре искусства устранено различие между автором и исполнителем. В некоторых образцах публично совершающегося философского мышления можно подозревать именно такого рода перформанс, т. е. автор не сообщает уже продуманную мысль, а на ходу ее творит. Равно как и хороший преподаватель философии исполняет чужую мысль как актер, заучивший роль, придуманную не им самим.

У синтеза философии с театром несомненное большое будущее. Уже можно усмотреть, что мышление как актерство и хэппенинг станет центральным моментом деятельности публичного мыслителя. Примеры таковы среди наших современников – за рубежом Славой Жижек, Ноам Хомский, в нашей стране – А. К. Секацкий и П. Г. Щедровицкий.

Список литературы

1. Бадью А. Рапсодия для театра. Краткий философский трактат. – М.: Модерн, 2011. – 96 с.
2. Гейне Г. К истории религии и философии в Германии / Г. Гейне. Собрание сочинений в 6 т. – Москва, 1982. – Т. 4.
3. Гротовский Е. К Бедному театру. – М.: Артист. Режиссер. Театр, 2009. – 298 с.

4. Мамарашвили М. К. Интервью о толковании сновидений. URL: <https://youtu.be/j4x75LW3q28> (Дата обращения: 09.08.2019)
5. Мамардашвили М. К. Лекции о мышлении и сознании. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=THIFN1re3II> (Дата обращения: 09.08.2019)
6. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. – Спб., 2014. – 224 с.
7. Платон. Пир // Платон. Собрание сочинений в 4 т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 81–134
8. Псху Р. В., Марцева А. В., Данилова Н. Н., Калашникова Л. Г. Духовно-нравственное измерение современного театра: философский и лингвистический анализ «Рапсодии театра» А. Бадью. URL: <http://sias.ru/upload/iblock/48a/blok-iskusstvoznanie-2018.-itog-pdf.pdf> (Дата обращения: 09.08.2019)
9. Пятигорский А. М. Соло на краю и импровизации. URL: <https://youtu.be/rVCIdQFnr4I> (Дата обращения: 09.08.2019)
10. Семушкин А. В. Эмпедокл. – М.: Мысль, 1985. – 191 с.
11. Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве [Серия: Мой 20 век]. – М.: Вагриус, 2004. – 472 с.
12. Станиславский К. С. Работа актера над собой. – М.: АСТ, 2017 – 480 с.
13. Фихте И. Г. Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии. Попытка принудить читателей к пониманию. М.: Ленанд, 2016. – 112 с.
14. Фрагменты ранних греческих философов (Часть I). От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики // Лебедев А. В. (составитель). – Москва: Наука, 1989. – 576 с.
15. Чехов М. А. О технике актера. URL: <http://mihail-chehov.ru/sample-page> (Дата обращения: 09.08.2019)
16. Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

Paribok A. V. Pskhu R. V. Performance in Philosophy: “One Actor Theater” or a Living Personalized Thought?

The report examines the ways of the interpenetration of philosophy and theater, the measure of the actor component in the fulfillment or execution of an oral philosophical text, as well as the professional techniques of the philosopher (or teacher of philosophy) used to “imprint” philosophical ideas in the minds of his listeners, which bring the philosophical art of speaking together theatrical (stage) art. The coverage of the question is proposed: what makes an oral philosophical text expressive?

Keywords: performance, theater, philosophical text, philosophical speech, acting

УДК 1(091)

**ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ В ТЕКСТАХ РУССКИХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ
ФИЛОСОФОВ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ¹**

Попова В. С.

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Российская Федерация
E-mail: varyud@mail.ru*

Рассматриваются контексты осмысления времени в текстах некоторых русских философов рубежа XIX–XX веков. Установлено проблемное поле, в рамках которого оказалось необходимым раскрытие феномена времени (проработка парадигмы Канта, проблема чужой одушевленности и другие логико-методологические, философско-психологические и метафизические размышления). Факторы, актуализировавшие тему времени: становление гуманитарной эпистемологии, становление неклассической парадигмы науки, необходимость построения самобытных русских философских концепций, рецепция новых зарубежных идей.

Ключевые слова: время, русская философия, И. Кант, Н. Я. Грот, Г. И. Челпанов, А. И. Введенский, С. И. Поварнин, Н. О. Лосский.

Тема времени приобрела особое значение в контексте русской университетской философии конца XIX – начала XX века в первую очередь в связи с прочтениями кантовской философии. Практически все авторы, писавшие в рассматриваемый период о времени, отмечают: говорить и писать о нем трудно, но разобраться с вопросом необходимо. Необходимости были разные. В основном они касались разработки гносеолого-психологических проблем и развития взглядов на материю.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 19-011-00302 А «Темпоральные размышления в русской философии XIX-XX вв.: опыт реконструкции и актуализация»).

Н. Я. Грот в статье «О времени», вышедшей в трех частях журнала «Вопросы философии и психологии» [1], отмечает, что рассмотрение природы времени имеет решающее значение для судеб психологии и метафизики [там же, С. 248]. Г. И. Челпанов установил и обратную связь: именно психологический взгляд на природу времени может сделать его более зримым и уловимым для исследователя, имея в виду, очевидно, именно философское исследование, поскольку «поэтическое и математическое понимание времени больше всего препятствует установлению правильных взглядов на него» [2, С. 37]. Философские споры разгорались как раз из-за того, что различные интерпретации кантовской концепции времени в работах русских философов зачастую психологизировались. Последовательные кантианцы категорически не принимали таких интерпретаций. Например, А. И. Введенский в критической статье «О Канте действительном и воображаемом: Комментарии к “Критике чистого разума”: (По поводу книги г. Каринского “Об истинах самоочевидных”»)» видел корень искаженного, «воображаемого» представления М. И. Каринского о кантовой концепции в том, что тот приписал Канту воззрение о существовании времени внутри нас и смотрел при этом на учение Канта с психологической точки зрения [3, С. 635–637, 645, 648]. Кстати, по ходу этого разбора, Введенский критикует также некоторые аспекты статьи Н. Я. Грота [там же, С. 650].

Б. Н. Чичерин также подчеркивает значимость темы пространства-времени: без их разработки никоим образом нельзя подходить к исследованию наших познавательных способностей, так же, как и самой познаваемой реальности. Исследование пространства-времени составляет «первое требование всякого философского мышления». Причем здесь Чичерин также неизбежно отталкивается от Канта и продвигается в направлении критическом в отношении того понимания, которое сам приписывает Канту. Именно – сугубой субъективности времени. Помимо того, что время – умозрительная форма представлений, следует признать, по Чичерину, что во времени обнаруживается объективная, метафизическая сторона. Таким образом, природа времени субъективно-объективная. Чичерин и многие другие авторы связывали с темой времени исследование действий нашего мышления. Временем «определяется не только познание внешних явлений, но и познание внутреннего нашего мира и собственного мышления», – констатирует Чичерин [4, С. 6]. Можно встретить мысли о том, что обращение к временным характеристикам необходимо даже для логических концепций, анализирующих умозаключения. Например, С. И. Поварнин, давая обзор, оценку и классификацию различных логических учений, отмечает, что для всякой логики важен вопрос о предмете мысли. Для логической науки, по его мнению, он вневременен. Но есть и другие модели логик. В психологистских логиках (например, у Г. И. Челпанова) умозаключение рассматривается как *процесс* вывода [5, С. 604]. А значит – нечто развернутое во времени. Сама мысль, при помощи которой познаются изменчивые явления, изменяется своим особым образом.

Интересна одна из областей приложения размышлений о времени у Н. О. Лосского. Одной из проблем, волновавших русских университетских философов на рубеже веков, была проблема чужой одушевленности, чужого Я. Она отражена в таких работах как, например: дискуссия вокруг работы А. И. Введенского «О пределах и признаках одушевления: Новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики» (1892), И. И. Лапшин «Проблема “чужого Я” в новейшей философии» (1910), Н. О. Лосский «Восприятие чужой душевной жизни» (1914). Чтобы разобраться с чужой одушевленностью и всевозможными ее доказательствами нужно исследовать душу собственную. Для Лосского помимо прочего тема времени была необходима как раз для развития метафизики души. Главная проблема заключается в восприятии времени: и душа собственная, и душа имярека бессмертна. Это, конечно, вопрос мировоззренческого выбора. Но если это так, то мы склонны переносить на Я временный характер наблюдаемых событий, поэтому мыслим понятие вечности применительно к душе неточно, смешивая «вечность с чрезвычайной длительностью» [6, С. 499]. Человек существует в двух мирах – временном и вечном, но способен отчетливо наблюдать только временную данность. О бессмертии души мы способны

сказать только, что оно существует. Но из того, что мы имеем в знании о временном, мы можем предположить, что вечное является чем-то «гораздо более богатым, чем временная жизнь» [там же, С. 501] Таким образом, через темпоральные размышления производится выстраивание, удвоение и обогащение бытия в концепции Лосского.

Итак, тема времени оказалась архиважной и в связи с громадой кантовой философии, с необходимостью ее переработки, преодоления, и в связи со становлением самобытных философских концепций конца XIX – начала XX века. Череда работ о времени концентрируется в 90-е годы XIX века, в начале XX века тема времени включается в концептуальные тексты, отражающие суть авторских философских доктрин, дискуссий. Причем области приложения результатов темпоральных размышлений в них различны: эмпиристские натуралистические подходы, логико-методологические, философско-психологические исследования, метафизические размышления. Становление гуманитарной эпистемологии, значимость неокантианства в этом процессе, складывание неклассической парадигмы науки, а также задачи, решаемые внутри самобытных русских философских концепций, потребовали переосмысления устоявшейся кантовой парадигмы времени и принятия во внимание новых зарубежных идей (например, А. Бергсона, Э. Гуссерля).

Список литературы

1. Грот Н. Я. О времени // Вопросы философии и психологии. – М., 1894. – год V, кн. 3 (23). – С. 248–280 ; год V, кн. 4 (24). – С. 381–417 ; год V, кн. 5 (25). – С. 445–493.
2. Челпанов Г. И. О природе времени // Вопросы философии и психологии. – М., 1893. – Кн. 19 (IV). – С. 36–54.
3. Введенский А. И. «О Канте действительном и воображаемом: Комментарии к “Критике чистого разума”: (По поводу книги г. Каринского “Об истинах самоочевидных”)» // Вопросы философии и психологии. – М., 1894. – Кн. 25 (5). – С. 621–660.
4. Чичерин Б. Н. Пространство и время // Вопросы философии и психологии. – М., 1895. – № 26 (1). – С. 1–56.
5. Поварнин С. И. Введение в логику // Поварнин С. И. Сочинения. – СПб.: Институт иностранных языков, 2015. – С. 593–648.
6. Лосский Н. О. Идея бессмертия души как проблема теории знания // Вопросы философии и психологии. – М., 1910. – Год XXI. Кн. 104 (VI). – С. 488–503.

Popova V. S. The Time Comprehension in the Texts of Russian Philosophers of the Turn of the XIX–XX Centuries

The contexts of time comprehension are considered in the texts of some Russian philosophers of the turn of the XIX–XX centuries. A problem field was established within which it became necessary to uncover the phenomenon of time (elaboration of Kant's paradigm, the nature of the soul, and other logical-methodological, philosophical-psychological and metaphysical reflections). Factors that actualized the theme of time: the formation of humanitarian epistemology, the formation of a non-classical paradigm of science, the need to build distinctive Russian philosophical concepts, the reception of new foreign ideas.

Keywords: time, Russian philosophy, I. Kant, N. Y. Grot, G. I. Chelpanov, A. I. Vvedensky, S. I. Povarnin, N. O. Lossky.

УДК 101

РЕАЛЬНОСТЬ СМЫСЛА ИЛИ О ЦЕЛИ ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рыскельдиева Л. Т.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: ryskeldieval@gmail.com*

В докладе говорится о том, что поиск решения проблемы смысла приводит к переосмыслению статуса «вещи» (res) в современной философии, уточнению предмета философских исследований и к телеологическому решению вопроса о специфике философского текста. Признавая диалогическую природу философской деятельности, следует признать осмысление основным ее видом, а целью создания философского текста – осмысленный диалог. Таким может быть только диалог с другой философией или культурой, основанной другим полаганием смысла.

Ключевые слова: смысл, реализм, вещь, текст, телеология, диалог.

1. Основным «недугом» современной философии в наши дни часто называют «корреляционизм», а его этиологию связывают с кантианством. На его основе рефлексия движется по кругу – от познания к бытию, которое есть познание. В этом круге нельзя мыслить бытие, которое на самом деле есть мышление. В связи с этим угасающая в наши дни онтология оставляет одну теоретически неразрешимую проблему: как возможно мышление мышления? Выход из этого замкнутого круга некоторые видят в обосновании реализма, как выход к реальности. Спекулятивный реализм начала 21 века – это вторая волна **реалистических поисков** в европейской философии, первая была в англо-американской философии в начале 20 века. В этих реализмах – выражение потребности в реальности или вещиности мира, утраченного в результате поворота к языку и особого внимания к абсурду и бессмыслице. Эта потребность понятна, мало кто откажется от возможности ее удовлетворить, но если бытие есть язык, то как это сделать? Как можно использовать это положение и «вернуть» вещь в философию?

2. Роль вещи (*res*) может сыграть такая штука как смысл – специфически **философская «вещь»**, в соответствие с которой всю современную философию принято называть поисками смысла. Дать определение смыслу нельзя, смысл – это проблема и метафизическая сущность, а смысл как *Smysl* есть непереваемость русского языка. Смысл есть то, что непременно должно быть, но не может быть сведено ни к какому роду сущего, смысл соединяет меня с моим миром и с Другим, указывает на целостность языка и культуры, а его поиск доводит до границы теории, исчерпывает ее возможности и подводит к практике. Тогда у существительного «смысл» проявляется его отглагольная природа: смысл как предел осмысления. Так проблема смысла становится задачей осмысления, а место сущности занимает деятельность. Какова топология осмысления? Очевидно, что в философском тексте.

3. Полагаю, что в наши дни происходит абберрация, ошибочное искажение **смысла философского текста**. У этих абберраций два источника. 1. *Формат текста*, который всегда связан с текстовой культурой: ее эволюция от устной через письменную и печатную к цифровой способна трансформировать и исказить, например, смысл философского диалога. К тому же, если «умная толпа» когда-нибудь сможет сформировать (себе) мировоззрение и осуществлять «смысловой краудсорсинг», то релятивизация истины неизбежна и за смысл никто не отвечает. 2. *Редуccionизм в самой философии*. Думаю, что философия сейчас строит себя по двум разным образцам: науки или искусства, исследования или творчества, но ни один не вмещает в себя полноту философского дискурса. К тому же, если философия – это исследование, то каков его специфический предмет? Если это смысл, то в какой предметной реальности его бытие? Если философия – это творчество, то что значит создание, творчество смыслов? Смыслы можно создавать и сочинять?

4. Посмотрим на смысл философского текста в телеологическом ключе, с точки зрения его цели. **Цель философского текста** тоже не проста, в ней есть как минимум два слоя. Первый, назовем его *внешним*, определяется форматом текста, который, в свою очередь, связан с социокультурными обстоятельствами, с состоянием текстовой культуры и определяет разницу между трактатом и статьей, лекцией и докладом, исповедью и манифестом и т. д. Второй, назовем его *внутренним*, определяется смысловой интенцией автора, направлением его рефлексии и отношением к читателю. Но именно он определяет способ воздействия текста на читателя, тип текстового действия. Какой может быть внутренняя цель?

5. Их мы знаем две. Первую назовем **«дружественным агонимом»**, беседой в публичном пространстве – это сократический диалог, «философские речи» – *φιλοσοφίας λόγους*. Сократ был ими «укушен и ранен», по его словам, так как это не «обычные речи богачей и дельцов». Философские речи, по словам Сократа, вливаются в молодые и одаренные души и способны заставить говорить и делать, что угодно, то есть, философские речи обладают мощным перформативным потенциалом. Вторую сформулируем на основе более позднего текстового материала и обратимся к метафоре охоты в трактатах Нового времени – эпохи, когда произошла интерференция философии и науки. Назовем эту цель **«погоней за истиной»**, в связи с которой Локк и Юм пишут об охоте, азарте, добыче, а Бентам сравнивает философа со

«скаутом», пионером, первопроходцем в области мысли. Страсть, игра, азарт и воображение – «... вот в чем, читатель, состоит удовольствие тех, кто дает волю своим мыслям и излагает их письменно» – признается Дж. Локк.

б. С какой целью создаются философские тексты в наши дни? Какова топология диалога и исследования в современном философском дискурсе? Что в ней исследуется и в какой диалог вступает философ? Ответ на это вопрос, по меньшей мере, неясен, и я вижу единственный путь его прояснения: должен исследоваться смысл и диалог должен быть по поводу смысла, ибо это и есть цель философского текста. Как это понимать? Если смысл – только у целостности, а философия есть автономный и полный дискурс, то с целью поиска смысла исследовать можно только **другую философию**, а диалог вести только с другим философом. И «другой» здесь надо понимать именно по-русски – не как коррелят Ego, не как Alter-Ego, исследование которого, в конечном счете, должно привести меня ко мне и моим предрассудкам, а именно совершенно ДРУГОЙ. Реален ли такой диалог? Он уже идет, так как трудолюбивые и любопытные люди проторили нам к нему путь. Я имею в виду философское востоковедение, переживающее сейчас небывалый расцвет, особенно в нашей стране. Накоплен огромный текстовый материал, результат переводческой деятельности в области индологии, буддологии, синологии и арабистики, включающей в себя и уникальные в мировом масштабе проекты – в этой сфере нам есть чем гордиться. При этом изучается – анализируется и интерпретируется – реально существующая культура, реально существующий мир смысла и смыслополагание. Этот материал мы и можем рассматривать именно как материал для осмысленного философского исследования как исследования реальной «вещи».

Ryskeldieva L. T. The Reality of Smysl or On the Purpose of Philosophical Researches

The report states that the search for a solution to the problem of “Smysl” leads to a rethinking of the status of “thing”(res) in modern philosophy, clarification of the subject of philosophical research and a teleological solution to the question of the specificity of a philosophical text. Recognizing the dialogical nature of philosophical activity, comprehension of Smysl should be recognized as its main form, and the purpose of creating a philosophical text is a meaningful dialogue. This can only be a dialogue with another philosophy or culture, based on a different assumption of meaning.

Keywords: meaning, realism, thing, text, teleology, dialogue.

УДК 1(091) + 115

Н. ГРОТ: ВРЕМЯ В МЕТАФИЗИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ФУНКЦИЙ СОЗНАНИЯ¹.

Савинцев В. И.

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Российская Федерация
E-mail: vyacheslav-savincev@yandex.ru*

В работе рассматривается «энергетический» подход Н. Я. Грота в интерпретации функций сознания. Принципиальное значение в понимании деятельности чувственных реакций, мышления и памяти выполняют пространственные и временные характеристики. Отмечается, что Н. Я. Грот критикует классический взгляд на время и пространство как априорные формы чувственности, дискутирует с представителями эмпиризма и экспериментальной психологии. Философ предлагает искать взаимосвязь между деятельностью души и тела в формах «восприятия» и «сопротивления» – темпоральных показателей энергетического взаимодействия. Применительно к мышлению необходимо различать воспринятое в формах пространства и времени «ощущение» и «сознание» ощущения. К мышлению и памяти, согласно Гроту, следует применять качественно иной тип психологического анализа.

Ключевые слова: психология, метафизика, время, пространство, ощущение, восприятие, сопротивление, мышление.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-011-00302 А «Темпоральные размышления в русской философии XIX-XX вв.: опыт реконструкции и актуализация».

Н. Я. Грот был одним из организаторов и ведущих деятелей Московской психологической школы. Не являясь по образованию ни биологом, ни психологом, он внес мощный вклад в разработку теории сознания, представив в последний период своего творчества неоднозначно воспринятую концепцию распространения физического закона сохранения энергии на мир психический [2]. Задача, которую поставил перед собой философ-идеалист, была предельно актуальной для молодой науки: представители ведущих в тот период психологических направлений (английский эмпиризм, немецкая экспериментальная психология) не давали четких объяснений взаимосвязи физического мира и мира сознания. Их научным предметом по-прежнему, как и в середине XIX в., были единичные и групповые психические реакции, основания которых оставались непроясненными. Грот, размышлявший над этой проблемой с 80-х годов XIX в., нашел обоснование проявлению душевных процессов как результату энергетического обмена.

В сообщении мы рассмотрим лишь один из аспектов этой темы, а именно то, какую функцию в душевной жизни выполняет, с одной стороны, восприятие событий во времени, а с другой, – понимание самого времени. Для Грота эта тема была предельно важной, поскольку, согласно его учению, вся психология XIX века, при интерпретации чувственных реакций, исходила из кантовского понимания времени как формы «внутреннего опыта». Явления рассматривались, таким образом, отвлеченно от природного мира. С другой стороны, вторжение естественнонаучных методов в психологию побуждало многих исследователей к применению экспериментальных методов не только к чувственным реакциям («психометрия»), но и к анализу высших проявлений сознания, сводящих душевную жизнь к механике.

В чем же состояла позиция Грота? Во-первых, как и Кант, он был представителем темпорального субъективизма, указывая, что пространство и время – психические формы восприятия чувственных образов. В отличие от Канта, Грот различал проявление этих форм и их идею – результат внепространственной и вневременной деятельности души. Во, вторых, чтобы представлять процессы во времени и пространстве и «созидать» идеи времени и пространства, надо увязать их с каким-то онтологическим основанием. Монодуалистическая концепция Грота как раз и объясняла энергетическую взаимосвязь бытия души и природы. Философ пишет, что пространственные явления связаны с восприятием «периферических» органов, а явления во времени – «центральных». В реальных ситуациях, как правило, ощущения смешаны и представляют собой комбинацию пространственно-временных характеристик. Помимо процесса «восприятия» со стороны души, Грот выделял и процессы «сопротивления» со стороны природного мира. «Вот эти-то косвенно воспринимаемые нами суммы сопротивлений, – пишет он, – и суть объективное пространство и объективное время. А так как эти сопротивления в своих элементах и отношениях определены и подчинены известным законам, которые мы называем физическими или объективными, – подобно тому, как определены и устойчивы отношения и законы соответствующих им психических усилий, то является возможность измерять первые при помощи последних и обратно» [1, С. 411]. Таким образом, Грот, опираясь на классические теории о пространстве и времени, пытался модернизировать их понимание с помощью новейших натуралистических представлений о взаимном преобразении и переходе энергий. Однако, указывая, что тело и душа работают в тесном единстве, в объяснении работы мысли и памяти он по-прежнему оставался верным неоплатонизму. Он отмечал, что идеи, понятия, законы мышления – это мир вечности (и в этой части своей концепции он существенно расходился и с В. С. Соловьевым, и с Н. С. Трубецким). Аргументация была предельно простой: качественные изменения работы сознания не сводимы к их количественным оценкам, а значит в категориях пространства и времени не измеряемы. Из этого не следует, что для психологии, как междисциплинарной науки, закрыт путь к анализу мышления и его содержания. По мысли Грота необходимы принципиально иные способы постановки вопроса и методы его разрешения: «Но каков этот особый духовный опыт, который настойчиво приводит людей к убеждению в нематериальности, сверхпространственности и сверхвременности духовного бытия, – этого

психология до настоящего времени не выяснила, да и саму проблему она правильно не ставила»[1, С. 383].

Список литературы

1. Грот Н. Я. О времени // Вопросы философии и психологии. – М., 1894. – № 4 (24). – С. 381–417.
2. Межуев Б. В. Владимир Соловьев и Николай Грот: парадоксы взаимовлияния // Соловьевские исследования. – 2018. – №3 (59). – С. 43–58.

Savintsev V. I. N. Grot: Time in a Metaphysical Description of the Functions of Consciousness

In the study we consider the “energetic” method of N. Grot in the interpretation of the functions of consciousness. General importance in the study of the activities of sensory reactions, thinking and memory perform spatial and temporal parameters. We reveal that N. Grot criticizes the Kantian view of time and space. He discusses with empire philosophers and supporters of experimental psychology. N. Grot proposes to establish the relationship between the work of the soul and the body in terms of “perception” and “resistance” – the temporal indicators of energy interchange. According to Grot, a qualitatively different type of psychological analysis should be applied to thinking and memory.

Keywords: psychology, metaphysics, time, space, sensation, perception, resistance, thinking.

УДК 177.3

ОСМЫСЛЕНИЕ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ ГЕНДЕРА: ВЛИЯНИЕ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОГО СУБЪЕКТА

Самовольнова О. В.

*Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: ovsamovolnova@gmail.com*

В статье анализируется то, как перформативные речевые акты, в том числе молчаливые, формируя дискурсивные конструкты нормальности или ненормальности, влияют на формирование гендерного субъекта.

Ключевые слова: гендер, перформативность, интерпелляция

В своем концептуальном развитии теория гендера прошла несколько стадий. На ранних этапах гендер определялся как дополнение к биологическому полу, затем как то, что производится благодаря воздействию социальных факторов. В настоящее время наиболее интересной является постмодернистская концепция перформативного гендера Джудит Батлер, связанная в первую очередь с теорией речевых актов британского философа Джона Остина.

Цель данной статьи – показать, как перформативные речевые акты, в том числе молчаливые, формируя дискурсивные конструкты нормальности или ненормальности, влияют на формирование гендерного субъекта.

Джон Остин разработал теорию, согласно которой все высказывания делятся на те, которые порождают то, что утверждают (иллокутивно), и высказывания, которые заставляют ряд событий произойти после произнесения (перлокутивно). Перформативные высказывания используют перлокутивные лексемы, инициирующие запуск последовательности действий. Самым простым примерами являются декларация войны, мира, судебные вердикты, объявление о заключении брака. По мнению французского лингвиста Эмиля Бенвениста, не существует ни одного перформативного высказывания, которое не являлось бы действием. Более того, всякое перформативное выражение речи есть акт власти.

Джудит Батлер, опираясь на теорию перформативных высказываний Остина, утверждает, что гендер есть по сути сконструированная дискурсом категория. Это «перформативная репрезентация, представляющая собой то, что мы совершаем в данный момент времени». Нет субъекта, который существовал бы вне дискурсивных актов, практики и властных отношений. Любая наша идентичность вынужденно воспроизводится через язык и действия, через жесты,

через нормативные культурные акты. Гендерного субъекта в принципе не существует вне дискурсивного поля.

Батлер опирается в своей концепции на теорию дисциплинарной власти Фуко, согласно которой субъект формируется через дисциплинарные практики, и теорию интерпелляции Луи Альтюссера. По Альтюссеру, формирование субъекта происходит в ответ на обращение – интерпелляцию (l'interpellation) – власти к конкретному индивиду. Это может быть простым окриком полицейского: «Эй, вы, там!». В момент, когда окликаемый оборачивается, происходит формирование гендера – индивид признает, что обращение адресовано именно ему, а не кому-то другому. Властный оклик определяет гендерную субъективность. Через многочисленные интерпелляции происходит активация гендера – в чем и состоит его перформативность.

Гендерные различия формируются дискурсивными конструктами, которые превращаются в нормы. Субъект конструируется путем усвоения норм, которые воспроизводятся как раз через многочисленные интерпелляции. По мнению Батлер, интерпелляция происходит даже тогда, когда нет никакого вербального дискурса. Гендер определяется уже в момент, когда медицинский персонал объявляет родившегося ребенка мальчиком или девочкой. И даже если этого объявления по каким-то причинам не было, то в дальнейшем гендер формируется заполнением многочисленных бланков, справок, через свидетельство о рождении.

Регуляция гендера происходит в дискурсивном поле заданных норм, которые определяют соответствие в первую очередь принятым стандартам. Если субъект хочет быть признанным в социуме, ему необходимо соответствовать нормам. В противном случае он рискует оказаться исключенным и подвергнуться остракизму. В этом случае субъект либо вынуждено начнет соответствовать дискурсивным нормам, либо вступит в диалог с властью, дабы через изменение дискурсивных конструктов добиться признания новых норм и, соответственно, признания Другого. В качестве примеров можно привести борьбу женщин с гендерными патриархальными стереотипами, бодипозитивизм, борьбу за права лиц без гражданства, сексуальных, религиозных и национальных меньшинств.

Samovolnova O. V. Understanding of Gender Performativity: the Impact of Performative Statements on Formation of Gender Subject

The article analyzes how performative speech acts (including unspoken ones) form the discursive constructs of normality or abnormality and how they affect the formation of gender subject

Keywords: gender, performativity, interpellation

УДК: 101

СТИЛЬ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Свирский Я. И.

*Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: svirskhome@yandex.ru*

В тезисах предлагается одно из возможных обоснований необходимости учета стилевых особенностей современных способов философского осмысления ситуации, сложившейся в конце 20-го и начале 21-го века в разных культурных областях. Акцент, прежде всего, делается на том, что сегодня философия должна выходить и, фактически, выходит за те дисциплинарные рамки, которые налагались на нее прежней (классической) традицией философствования, традицией «больших нарративов» (Лиотар).

Ключевые слова: стиль, смысл, трансгрессия, событие, сила, концепт, аффект, выражение.

Специалист в области теории познания и философии науки А. Л. Никифоров в полемической статье «Стили философского мышления» [1] утверждает, что родовые черты науки – это точность, строгость, обоснованность построений. Он также выделяет два стиля изложения философской мысли – рациональный и литературный, – поскольку философское

творчество всегда было связано как с наукой, так и с искусством. Рациональный стиль предполагает, что каждое высказывание осмысленно, обосновано, может быть подвергнуто критике. С другой стороны, литературный стиль сводится, по мнению Никифорова, не столько к мысли, сколько к чувствам, к невозможности критики, к внушению, а не к убеждению. Поэтому содержание текстов такого типа философии нередко обнаруживает чрезвычайную бедность и тривиальность. К первому стилю относятся Декарт, Спиноза, Лейбниц, Кант, Мах и представители аналитической философии. Ко второму: Ницше, Мамардашвили, Делез и представители экзистенциалистского философствования. В предлагаемых тезисах я попытаюсь кратко выступить в защиту второго стиля.

Сегодня часто говорят о том, что философия замкнулась в дисциплинарных границах и перестала выступать в качестве некой активной силы, порождающей те или иные события. Философия перестала быть живой и актуальной, превратившись в некий цех. Укрывшись в истории философии, философы часто забывают о настоящем и будущем. А настоящее – это переход к иному, трансгрессия, пусть даже удерживающая метки прошлого. И такая трансгрессия принципиальным образом открыта, предполагает множественность ходов и взаимодействий с иными культурными образованиями (не только научными или литературными). Трансгрессия ориентирована на доступ к иному. И такое трансгрессивное усилие (в терминологии Спинозы – *sonatus*) подразумевает переосмысление языка философии, ее понятийного аппарата, а также изобретения новых концептов (или переосмысление прежних).

Тогда литература – не столько вымышленный мир, сколько поле сражения, где искажение (стиля, канона, конвенций) указывает не на психологическую индивидуальность автора, но свидетельствует в пользу того, что «литературный объект» (например содержание стихов и прозы М. Волошина) индивидуализируется одновременно с его творцом. Стих, картина, музыкальная пьеса и философский текст суть следы встреч анонимных сил, образующих неповторимую конфигурацию без субъекта и объекта.

Встречи сообщают нам о мире то, о чем мы и не подозревали, и такое новое – не только прирост знания, но, прежде всего, опыт, требующий особого стиля, которым мы пока не обладаем. Стиль должен соответствовать новому сообщению, получаемому из такого опыта. Причем речь идет не об объективации, не о готовых формах, а о событии-концепте, о встрече с неузнаваемым. Но, превратившись в дисциплину, философия порой отворачивается от опыта, от настоящего, от смысла и стиля, бросающих вызов «аналитическим» способам изложения. Уже готовые понятия не позволяют ухватить микро-события, из которых состоит не только мир, но и мы сами, поскольку, вопреки классическим представлениям, субъективность – не то, что дается раз и навсегда. Здесь на смену понятиям приходит требующее не априорных средств действие, которое по существу аффективно.

Дисциплинарная философия с подозрением относится к аффектам. Но я полагаю, что именно в области до-психологических аффектов возникают образы тел, воздействующих на наше тело. Такие образы сочетают в себе природу тела испытывающего воздействие, и природу тела, совершающего это воздействие. Для разговора о подобных взаимодействиях (или в их режиме) необходим, на мой взгляд, особый, несводимый к традиционному стиль мышления и языка. Языка, способного вернуть нас к опыту жизни в современном, крайне динамичном мире, где мы сталкиваемся не только с готовыми формами. Опыт, как и действие, не схватывается исходя из общих предпосылок или предзаданных условий мышления. Напротив, он меняет сами условия, он внедряется в нас, в наше мышление и заставляет мыслить по-иному и мыслить иное, каждый раз меняя стиль изложения. Именно здесь философия (и естествознание) встречается с литературой. Употребление слова «стиль» отсылает не к какой-либо модели объяснения, а к модели показа (не демонстрации, а монстрации – как говорил Ж. Делез). Стиль выражает и через такое выражение нечто сообщает. Именно поэтому стиль выходит за пределы представления; он не метафизичен, не трансцендентен. Выражаемый смысл принципиально имманентен, в том числе имманентен действию.

Стиль – не отражение чего-то, но элемент того, что наряду с ним самим участвует в трансгрессии. Стиль – это сама трансгрессия, трансформация тел, действующих как силы.

Удерживая интенсивность разнородных стихий, стиль сообщает нам о мире не только то, что прежде было неизвестным, но и то, что даже не входило в поле нашего восприятия, в поле некоей очевидности (Гуссерль), не составляло наш «жизненный мир». Стиль пробивает брешь в броне понятийного мышления, как правило, связанного с прошлым. Одновременно, стиль не претендует на какую-то полноту, завершенность. Он – носитель и источник смыслов, перерастающих в действие. Он гетерогенен и множественен, интенсивен и, порой, анонимен. Стиль выражает переход, трансгрессию и именно поэтому имеет отношение к аффектам.

Стиль коррелятивен иным (не «аналитическим») способам познания-узнавания и, в конечном счете, требует выработки иного языка. Стиль предполагает суггестивный заряд, аффективно выводящий читающего или слушающего за пределы высказывания. Стиль придает высказыванию те смыслы, которые не «упаковываются» в значения используемых слов и понятий.

Я не хочу сказать, что позиция Никифорова, со статьи которого я начал, несостоятельна. Но, на мой взгляд, она неоправданно критична к тем способам философствования, которые не признает ее автор, и, кроме того, в ней упускается специфика современной социокультурной ситуации (проявляющаяся, в том числе, и в естественнонаучных изысканиях). «Приходит время, когда писать философские книги так, как это делалось издавна, будет невозможно: “О, старый стиль...”» [2, С. 12].

Список литературы

1. Никифоров А. Л. Стили философского мышления // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2009. – № 3 (7). – С. 5–17.
2. Делез Ж. Различие и повторение. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с.

Svirskiy Y. I. Style as a Way of Expressing of Philosophical Thinking

In these theses, one of the possible justifications for the need to take into account the stylistic peculiarities of modern ways of philosophical understanding of the situation in the late 20th and early 21st century in different cultural areas is suggested. The emphasis is primarily on the fact that today philosophy must go out and, in fact, goes beyond the disciplinary framework that was imposed on it by the former (classical) tradition of philosophizing, the tradition of «big narratives» (J.-F. Lyotard).

Keywords: style, sense, transgression, event, force, concept, affect, expression.

УДК 1(091)

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИКО-ПОНЯТИЙНОГО ПРОЯСНЕНИЯ (В СВЕТЕ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ПОДХОДА Г.-Г. ГАДАМЕРА И ШКОЛЫ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ)

Солодухин Д. В.¹, Солодухина Н. М.²

¹ МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: DV-S@yandex.ru

² Федеральный институт промышленной собственности, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: DV-S@yandex.ru

Дается обзор современных российских исследований, связанных с методологией немецкой школы истории понятий (Begriffsgeschichte). Ставится проблема освоения подхода Г.-Г. Гадамера, в частности, задействования ее философско-эвристического потенциала.

Ключевые слова: история понятий (*Begriffsgeschichte*), Г.-Г. Гадамер, Р. Козеллек, герменевтика, «апперцептивный фон», язык, «языковая нужда», «словесная находка», слово-понятие, сопринадлежность понятий, контекстуализация

В последние годы в нашей стране возрос интерес к герменевтическим идеям немецкой школы истории понятий (*Begriffsgeschichte*). Появился целый ряд переводных и оригинальных публикаций, связанных с подходом Р. Козеллека, Х. Э. Бедекера, Х. Блуменберга, Д. Буссе, и др. Среди них – сборники конференций и иные аналитические материалы. Причем, наметились попытки применять методiku этой традиции к исследованию истории русской политической мысли, политологии и даже как методологическую проблему исследования русской философической традиции в целом (О. В. Хархордин, Н. Е. Копосов, В. М. Живов, Д. В. Тимофеев, Н. С. Плотников и др.). Во втором издании терминологического словаря «Теория и методология исторической науки» (2016), в статье «Историческая семантика» предпринята попытка сопоставить две основные школы – немецкую *Begriffsgeschichte* (Р. Козеллек и др.) и кембриджскую *History of Concepts* (К. Скиннер, Дж. Покок, Дж. Данн). Последней из них посвящен одноименный сборник, изданный в 2018 г. под редакцией Т. Атнашева, М. Велижева. Х. Э. Бедекер и В. Дубина говорят о взаимодействии трех школ – немецкой, англосаксонской и французской (Л. Февр, Р. Робен, М. Пешо, Ж. Гийом, М. Фуко и др.).

Вместе с тем собственно философскому, эвристически-творческому потенциалу *Begriffsgeschichte*, связанному с идеями Г.-Г. Гадамера, думается, по-прежнему уделяется недостаточно внимания.

По мысли Гадамера, изучение истории понятий должно идти в связи с исследованием языка. Необходимо учитывать конкретные условия, вызовы той или иной эпохи и конкретная постановка вопроса (характер его постановки, то есть как именно он ставится). Идея чистых понятий-терминов – нереализуема. Для философствования нужен *естественный, живой язык повседневного общения* со всеми его пред-рассудками и пред-взятостями. Мир мысли, утверждает Гадамер, для нас всегда есть мир, уже пред-истолкованный в языке. В этом смысле образование понятий обусловлено уже сложившимся словоупотреблением. Стало быть, необходимо стремиться выявить скрытый *исток* философских слов-понятий, в которых выражается мысль.

По Гадамеру, историческое прояснение понятий высвечивает не только и не столько их смыслы, как таковые, сколько *усилие* породившей их *мысли*, при этом сама изначальная *интенция*, «смысловая направленность слов», которую стремится выразить мысль, не вполне релевантна своему словесному оформлению. Вот почему важно не просто само по себе «прояснение», как таковое, но именно «возобновление мыслительного напряжения». И лишь тот мыслит философски, кто смог заново пережить «языковую нужду», то есть мучительный поиск мыслью соразмерного *выражения* подразумеваемого («словесной находки»). В этом смысле историко-понятийное прояснение позволяет «вывести выражение философской мысли из *схоластической одеревенелости*» понятия и вернуться к живому слову языка. Слову, которое начинает «резонировать» в нас самих, порождая с-мысли, и тем самым позволяет совершить обратный путь «от слова *языка* к *слову-понятию*», осознаваемому нами понятийному слову (потому-то Гадамер и пишет его не одним словом, а через дефис: «слово-понятие»; в этой связи он говорит также о «виртуальности живой речи», то есть когда мыслящий *понимает*, о чем идет речь у его собеседника и может передать это иными словами).

Философ подчеркивает: «на разрывах философского словоупотребления» выявляется то, что он именуется «короблением» понятий под воздействием мысли. Здесь на месте отношения слова и понятия обнаруживается «*зияние*», своего рода «пропасть», «пустота», заставляющая повседневные слова трансформироваться «в новые понятийные высказывания» (по Гадамеру, это узаконивает историю понятий как философию.)

Философствование предполагает понимающий диалог с предшественниками, и именно история понятий способна создать тот «апперцептивный фон», который обуславливает

сопринадлежность понятий, а значит, и некую преемственность между мыслящими. Необходимо также добавить, что, согласно немецкому мыслителю, такое исследование понятий может нас научить соблюдению *дисциплины* «при употреблении *наших собственных понятий*» – именно в этом и состоит его подлинное предназначение.

Solodukhin D. V. Solodukhina N. M. Clarification of Historical Concepts Epistemological Potential (Gadamer' and Begriffsgeschichte School')

A review of current Russian researches related to the methodology of German, as well as international tradition of the Begriffsgeschichte (conceptual history) is given and problem appealing to H.-G. Gadamer' approach in particular using its philosophic-heuristic potential is raised.

Keywords: Begriffsgeschichte (conceptual history), H.-G. Gadamer, R. Koselleck, Hermeneutics, “apperceptive background”, language, “language need”, “revival of the mental effort”, “verbal find”, word-concept, co-belonging to notions, contextualization

УДК 16

ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙН И МАРИНА АБРАМОВИЧ: НЕОЖИДАННЫЕ КОММУНИКАТОРЫ ИЛИ ФИЛОСОФИЯ – ОТ ТЕКСТА К ПЕРФОРМАНСУ И ОБРАТНО

Терентьева И. Н.

*Нижегородский государственный технический университет им. П. Е. Алексеева, Нижний Новгород, Российская Федерация
E-mail: irinik2017@list.ru*

На основе представлений о коммуникативной природе и коммуникативном потенциале философии и современного искусства проведено сравнение арт-акций Марины Абрамович и репрезентаций философии Людвиг Витгенштейна. В результате, на основе выявленных сходств и различий, сделан вывод о коммуникативности как общем свойстве философствования и искусства, а также выдвинута гипотеза о перформативном потенциале философствования. Предполагается, что разработка этой гипотезы позволит сделать выводы о принципиальной и технологической возможности использования этого потенциала.

Ключевые слова: текст, философия, коммуникация, перформанс, современное искусство, сообщение, сообщество, действие.

Выяснение возможностей участия философии в жизни современного общества и способов этого участия – вот проблема, инициировавшая работу.

Предмет работы: ситуации со-общения применительно к философствованию и искусству. Людвиг Витгенштейн, фактический автор перформативной модели языка [1, С. 101], и Марина Абрамович, общепризнанный «классик» перформанса, рассмотрены с точки зрения способов существования философии и искусства, в аспекте обладания «силой, способной порождать изменения в мире» [2, С. 41].

Использован метод сравнительного анализа создания и воздействия философских произведений и произведений современного искусства (*contemporary art*). Выбор предмета сопоставления определен представлениями о коммуникативных свойствах философии и искусства. Эти свойства проявляются тройко: во-первых, как накопление, трансформация и трансляция некоего содержания; во-вторых, как апелляция к адресату философского текста и произведения искусства, предполагающая интерпретации и реакции; в-третьих, как создание ситуаций и сообществ, связанных с этими произведениями.

Выяснение сходств и различий дает возможность «со стороны» взглянуть на каждый из этих феноменов в контексте сопоставления или даже перехода от текстовой к перформативной модели культуры и таких ее феноменов, как философия и искусство.

Сводится ли изучение философии, равно как и культуры, к текстам? Ответ современных исследователей в основном отрицателен, при всем внимании к структуре и характеру именно

философского текста [3]. Философия – это только тексты или тексты в контексте, или тексты и авторы? Поиск ответа приводит к выводу о возникновении философских текстов именно в коммуникативной ситуации [3, С. 68–69]. С такой же ситуацией связан их «успех» или «провал».

Какое же сходство удалось выявить в результате проведенного сравнения? Перечислим основные пункты выявленного сходства:

- исследовательское отношение к ситуациям, провоцирование таких ситуаций без заранее предполагаемого ответа;
- театральность, наличие «сцены», «мизансцен», зрителей, оппонентов и критиков;
- создание «спектаклей» (а не их исполнение!), непредвиденное развитие событий;
- слом бинарных оппозиций традиционного распределения коммуникативных ролей;
- внимание к «посредникам» коммуникативных актов, недоверие к традиционным «посредникам» и традиционным ролям участников коммуникации, стремление изменить их (Витгенштейн) или избавиться от них (Абрамович). Это, на наш взгляд, главное в выявленном сходстве.

Представим далее основные пункты выявленных различий.

Обратимся к Л. Витгенштейну. Текст обычно рассматривается как главный итог философствования и основной способ представления философии миру. Но это не единственный, хотя и необходимый, способ существования философии. Отношение Витгенштейна к собственным текстам, с публикацией которых он не спешил и о правильном понимании которых так заботился, это подтверждает. Жизнь Витгенштейна демонстрирует все способы существования философии, до- и за-текстовые: метод философствования, работа философского сообщества, собственно произведения и сама жизнь философа.

В становлении Витгенштейна как личности присутствует синергия текстового и экзистенциального воздействия. Трагическая история эпохи и семьи становятся контекстом его вовлечения в различные виды деятельности: от технических и логико-математических до гуманитарных, а в последнем случае – и философских, и даже медицинских [4; 5].

В создании, распространении и влиянии его идей существенна роль возникшего сообщества его учеников-эпигонов. Создание этого сообщества, пожалуй, в равной мере связано как с содержанием идей, так и с влиянием личности и образа жизни их автора.

Наконец, знаменитая история с кочергой может быть представлена как разворачивающийся в пространстве и времени перформанс, сопровождаемый всеми проблемами интерпретации и воссоединяющий текст, контекст и личностные особенности всех участников ситуации [6].

Обратимся теперь к Абрамович. Ее перформансы можно рассматривать как эксперименты с постепенным удалением всех посредников между автором и аудиторией. Эксперименты эти проводятся при постоянном смещении и переопределении традиционных ролей зрителя и автора. Эксперименты Абрамович – это последовательный отказ от языковых посредников, непосредственное (телесное, кинестетическое, визуальное) обращение к аудитории, которая становится участником и соучастником происходящего [2, С. 109, 119].

Минимизация средств сообщения достигает предела в перформансе «Художник присутствует». Это действительно многочасовое присутствие, единственным содержанием которого является взгляд пристально направленных друг на друга глаз Марины и сменяющих друг друга посетителей музея. Реализуя принципы перформативности буквально в лабораторном виде, Абрамович не только проблематизирует понятие искусства (или вообще покидает его пределы?), но и проблематизирует вопрос о воздействии искусства. Ситуативно и непосредственно – это значит сиюминутно и невозпроизводимо? Этой сиюминутности противостоит классическое, опосредованное и относительно (или абсолютно!) вечное?

В заключение сформулируем промежуточные результаты работы в виде утверждений и гипотез. Во-первых, можно утверждать, что коммуникативность искусства и философствования неотделима от их присутствия в самой жизни.

Во-вторых, можно выдвинуть гипотезу о перформативности как общем свойстве философствования (представленного примером Людвиг Витгенштейна) и современного искусства (представленного акциями Марины Абрамович). Естественно, что гипотеза предполагает проверку, но даже проведенное сопоставление позволяет утверждать: да, философствование может стать событием, но к событийности не сводится и в своем бытии предполагает синергию событий и произведений.

Список литературы

1. Медведев Н. В., Медведева Е. Е. Методологический потенциал перформативной модели языка в изучении культуры // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – Т.8. – № 1. – С. 99–107.
2. Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности. – М.: Международное театральное агентство «Play& Play», 2015. – 376 с.
3. Алексеев А. П. Философский текст: идеи, аргументация, образы. – М.: Прогресс-Традиция. – 328 с.
4. Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель / Сост. и закл. ст. В. И. Руднева. – М.: Прогресс, 1993. – 352 с.
5. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
6. Эдмондс Д., Айдиноу Дж. Кочерга Витгенштейна. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 352 с.

Terentyeva I. N. Ludwig Wittgenstein and Marina Abramovich: Unexpected Communicators or Philosophy From Text to Performance and Back

A comparison of Marina Abramovich's art actions and representations of Ludwig Wittgenstein's philosophy is made; their similarities and differences are revealed; the conclusion is made about communication as a general property of philosophy and art; a hypothesis about the performative potential of philosophizing is also put forward. It is assumed that the development of this hypothesis will allow drawing conclusions about the principal and technological possibility of using this potential.

Keywords: text, philosophy, communication, performance, contemporary art, message, community, action.

УДК 141.1

ПАРАДИГМАЛЬНАЯ ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ «ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДУХА» ГЕГЕЛЯ

Тимофеев А. И.

*Университет ИТМО, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: timalex52@gmail.com*

Целью данной статьи является исследование гегелевской «Феноменологии духа» как текста, который содержит, с одной стороны, анализ опыта объективации самосознания, выявление ее противоречий и структуры. При этом особое внимание уделяется рассмотрению того, как Гегель понимал роль языка в самореализации субъекта. С другой стороны, обсужден вопрос о том, как текст самой «Феноменологии духа» может воздействовать на читателя. В целом сделан вывод, что данный текст можно интерпретировать как анализ парадигмы действий, посредством которых выявляется действительность самосознания как индивидуального, так и социального субъекта, как результата осознаваемого действия (опыта).

Ключевые слова: феноменология, самосознание, субъект опыт, деятельность, парадигма, перформативность, язык, текст.

Прежде чем рассуждать о том, как текст «Феноменологии духа» может оказывать воздействие на читателя, требуется понять, каким образом и ради каких целей он организован определенным образом. В этом аспекте «Феноменологию духа» надо противопоставить гегелевской «Науке логики». В последней дана научная система знания, раскрывающая то, как необходимым образом реализовано третье отношение мысли к объективности или, иначе, реализовано тождество мышления и бытия. «Феноменология духа», напротив, изначально не позиционируется Гегелем как наука, т. е. как необходимая система знания. Она представляет собой феноменологический анализ опыта, т. е. дает образцы действий, которые ведут к

реализации некоторой имплицитной цели. В этом смысле она представляет собой парадигмальный, а не системный текст.

Опыт здесь имеет более фундаментальный характер, чем метод, в том смысле, что логическая необходимость, как основа метода, не может быть действительной вне опыта. Опыт трактуется Гегелем как опыт реального живого сознания, самосознания, разума, духа и поэтому его характер может служить образцом для субъекта, стремящегося реализовать свой собственный опыт. Степень воздействия, видимо, зависит от богатства смыслов, которые каждый может найти в тексте. Опыт открыт, поскольку его исходным пунктом является чувственная достоверность каждого «этого» субъекта, но он имеет и имплицитную необходимость, которая реализуется в рамках сигнификативной парадигмы определенной во времени и пространстве культуры. Гегелевское представление опыта имеет внутреннюю *метриопатию*, она реализуется как «хитрость разума», когда внешне и внутренне свободное действие, неизбежно направленное на иное, раскрывает внутренние, а значит, не случайные смыслы определенной культуры. С одной стороны, здесь нет жесткой, стереотипной перформативности религиозного культа, а с другой – раскрытие, реализация индивидуальности осуществляется внутри «этой» культуры и «этого» времени.

Перформативное суждение, по Гегелю, фиксирует действительность самосознания субъекта как результат его осознаваемого действия (опыта). Такое суждение опосредует истинностные и ценностные суждения и тем самым связывает сознание и самосознание субъекта. Таким образом субъект существует для себя, поскольку стало реальным сведение в некоторое единство цели, средства и результата.

Любое действие представляет собой объективацию. Язык, в отличие от других форм объективации, раскрывает всю субъективность Я в его целостности, в то время как поступок объективирует Я частично. Полная объективация Я в сфере предметности имеет место только в смерти, но в ней полностью отсутствует рефлексивность. Язык же рефлексивен, языковой акт имплицитно или эксплицитно предполагает коммуникацию, а значит, и действие. Уровень индивидуализации действия зависит от условий пространства и времени, определяющих свободу и самостоятельность субъектов действия. Социальное формообразование, в котором индивидуализация действия становится максимальной, Гегель называет «духовным животным царством», поскольку в нем каждый индивид презентует себя через свое произведение, исходя непосредственно из своей природной определенности. Это произведение в своей основе является перформансом, так как каждый воздействует на Другого через свой индивидуальный имидж (явление). Такая объективация может быть как успешной, так и неуспешной, в первом случае она включается в совокупное общественное самосознание, во втором – нет.

Если говорить о воздействии языка «Феноменологии духа» с лингвистической точки зрения, то для русскоязычного читателя важно понимать различия между языком оригинала и языком перевода. В тексте оригинала следует выделять концептуальную и поэтическую составляющие. Поэтика Гегеля основана во многом на этимологизации и паронимии, на рифмах и аллитерациях. Текст «Феноменологии духа», как и тексты, например, Хайдеггера, погружен в стихию немецкого языка. Переводу Г. Г. Шпета, который концептуально очень близок к оригинальному тексту, поэтические элементы оригинала во многом не удалось транслировать. В силу этого немецкоязычный текст воздействует на читателя синергией концептуального и поэтического моментов, в то время как русскоязычный читатель воспринимает текст как, по большей части, системный, что делает затруднительным понимание его парадигмальности и перформативности.

Timofeev A. I. Paradigmatic Performativity of “Phenomenology of spirit” of Hegel

The purpose of this article is to study Hegel's “Phenomenology of spirit” as a text, which contains on the one hand the analysis of the experience of objectification of self-consciousness, the identification of its contradictions and structure. Special attention is paid to the way Hegel understood the role of language in the self-realization of the subject. On the other hand, the question of how the text of the “Phenomenology of the spirit” itself can affect the reader is discussed. In

General, it is concluded that this text can be interpreted as an analysis of the paradigm of actions through which the reality of self-consciousness of both individual and social subject is revealed, as a result of a conscious action (experience).

Keywords: phenomenology, self-consciousness, subject, experience, activity, paradigm, performativity, language, text.

УДК 101

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА: О СУБЪЕКТЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Шестова Е. А.

*Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: eschestowa@gmail.com*

В докладе на материале книги Г. Чернавина «Непонятность само собой разумеющего» рассматривается проблема субъекта феноменологического высказывания и его обозначения. Кратко очерчивается историко-философский контекст проблемы: дискуссия о субъекте феноменологической работы и о языке феноменологии в среде фрайбургских феноменологов (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, О. Финк). Кратко характеризуются способы обозначения субъекта феноменологического текста. В качестве теоретической основы рассмотрения берутся положения О. Финка и Ж. Деррида о том, что начало философской (феноменологической) работы требует от субъекта решимости и принятия на себя ответственности. О. Финк называет одной из важнейших задач феноменологического текста сохранение его проблематичного, «тезисного» характера. Именно описание из «я»-позиции, от первого лица, закрепляет тезис за «я» и таким образом по возможности предотвращает его превращение в анонимную самопонятность. Личный характер описания соотносится с феноменологическим перспективизмом и оставляет место для дополнения или исправления, основанного на опыте.

Ключевые слова: О. Финк, язык феноменологии, субъект, ответственность

Отправной точкой доклада послужила книга Г. И. Чернавина «Непонятность само собой разумеющегося» – при обсуждении рукописи встал вопрос о том, от чьего лица в ней ведется повествование, насколько разные формы соответствуют задаче текста, какую философскую специфику отражают. Это привело меня к вопросу о том, кто является субъектом феноменологического высказывания и какие смыслы заключает в себе форма «я-высказывания», то есть высказывания от первого лица? Теоретический источник доклада – тексты О. Финка и отчасти Ж. Деррида, осмысляющие границы феноменологии, в частности, проблему описания феноменологии и феноменологического метода. Я использую их, чтобы сильнее сместить проблематику доклада в сторону феноменологии.

Сама книга Г. Чернавина не является «ортодоксальным» феноменологическим текстом, но все же, это работа в рамках феноменологической традиции: именно феноменологические сочинения (Э. Гуссерля, О. Финка, М. Ришира) Г. Чернавин использует для проблематизации самопонятности. Кроме того, М. Ришир называет «поиск непонятного в само собой разумеющемся» главной задачей феноменологии. Поэтому я считаю возможным рассматривать книгу Г. Чернавина как феноменологический текст, и, в то же время, это текст, уделяющий внимание форме высказывания. Среди прочих самопонятностей в книге эксплицитно ставится под вопрос и самопонятность «я».

Дискуссия о субъекте трансцендентальной феноменологии, которая началась еще при жизни Гуссерля – уже его ближайшие ученики М. Хайдеггер и О. Финк вступают в диалог с учителем, – продолжается по сей день. Я скажу о ней несколько слов, чтобы обозначить феноменологический контекст рассмотрения: вопрос заключается в отношениях между «я» в естественной установке и «трансцендентальным эго». Будет ли это одно и то же «я», и если нет, то каков статус второго «я» и как оно относится к первому? Гуссерль говорит о двух «я»: естественном «я» и «трансцендентальном эго», которое совершает редукцию и является «я» трансцендентальной установки. Хайдеггер полагает, что это одно и то же «я», но в «собственном» и «несобственном модусах бытия. Ойген Финк избирает третий путь и говорит о «видимости» трансцендентального «я» в естественной установке – видимости, которая

соединяет в себе явление и иллюзию. Финк ставит вопрос не только о субъекте опыта, но и об описании опыта, в частности, об описании опыта феноменологической работы. Субъектом феноменологической работы является трансцендентальное «я», а автором дескрипции опыта – «я» естественное. Или даже так: в процессе описания трансцендентальное «я» неизбежно становится естественным, но в этом естественном «я» должен проглядывать раскол, оно должно понимать себя как забывшее себя (но не полностью) трансцендентальное эго. И Финк требует, чтобы феноменологическое описание сохраняло эту проблематику, не становясь догмой.

Какие есть способы обозначить субъекта феноменологического текста?

- «Я» как личное «я», сказуемое в первом лице единственного числа.
- «Я» как «трансцендентальное эго», которое сочетается со сказуемым в третьем лице единственного числа и часто дополняется определением.
- «Мы» как обозначение множественности, сообщества, в которое автор включает и себя тоже («мы, феноменологи»).
- «Мы» научной статьи как признак научного стиля и традиционный способ обозначить позицию автора статьи – безопасную позицию «мы».

Книга Г. Чернавина примечательна тем, что написана от первого лица, от «я» – но анализ самопонятности «я» в последней главе эксплицитно указывает на то, что это «я» не совпадает с субъектом «я, Георгий Игоревич Чернавин». Описание от первого лица единственного числа («я»), исключающего меня из событий, действует сильнее, чем описание от первого лица множественного числа («мы»), вроде бы включающего в себя и автора, и меня, делающее меня тоже в некоторой степени субъектом действия. Это описание активнее вовлекает меня в феноменологическую работу. Для прояснения этого вопроса я опираюсь на высказывания О. Финка и Ж. Деррида: при осмыслении начала феноменологии и ее самообоснования оба автора говорят об ответственности и решимости, необходимых, чтобы присоединиться к феноменологии и говорить о ней.

Георгий Чернавин прочерчивает линию феноменологии как борьбы с самопонятностью от Гуссерля через Финка к Марку Риширу, который стремится выйти от готовых и утвержденных смыслов к измерению смыслов «доинтенциональных», «осциллирующих» и рассматривает язык как измерение «символического учреждения». Позиция Финка тоже направлена на борьбу с застыванием смысла, и прежде всего с догматичностью феноменологии, но иным образом.

Финк предлагает не выходить к измерению анонимности, а попытаться сохранить проблематичность феноменологического описания, иначе – тезисный характер осмысления. Он говорит о необходимости удержать характер любого тезиса как «полагания», а описания трансцендентального измерения – как «явления» трансцендентальной сферы. Описание через «я-позицию» как раз позволяет, с одной стороны, указать на принципиальный перспективизм феноменологии и феноменологической очевидности, а с другой – закрепить наличную перспективу за «я», которая/который производит этот тезис, проводит описание – и берет на себя ответственность за описание.

Таким образом, за счет утверждения «я», берущего на себя ответственность, тезис не приобретает характера самопонятности анонимного тезиса. Именно его личный характер закрепляет притязание автора на то, что смыслоучреждение действительно произошло, что опыт имел место. Вместе с тем такое описание оставляет место для основанного на опыте исправления и дополнения – как на уровне анализа опыта, так и на уровне дескрипции. В описании от лица «мы», к которому автор причисляет и себя, уже присутствует самопонятность, указание на опыт, разделяемый «нами» как бы по умолчанию. «Мы» уже понимаем или должны понять, в то время как «я» книги Г. Чернавина, задается множеством вопросов, не понимает или отказывается понимать. Эту разницу можно прочитывать и как два модуса «я» – естественное, живущее в само собой разумеющемся, «я», и «я», которое (которая) не понимает ни мир, ни себя, но все-таки берет на себя ответственность предьявить свое притязание на очевидность.

Shestova E. A. First Person Responsibility: Subject of Phenomenological Text

In my report I investigate the issue of subject of phenomenological text and that's description modes as exemplified in the book "The incomprehensibility of what is goes without saying" by G. Chernavin. I describe briefly the historical context of the problem: discussion about the subject of phenomenologizing and the language of phenomenology among Freiburg phenomenologists (E. Husserl, M. Heidegger, E. Fink). I compare different modes of marking the subject in phenomenological works. As the theoretical basis I make use of some ideas of J. Derrida and E. Fink about responsibility and decision: they assume, it is required for beginning of phenomenologising. E. Fink stresses out that phenomenological text should be problematic and "thetic". The first person description attaches a thesis to "I-subject" and prevents its anonymous reiterating. This mode of description correlates to phenomenological perspectivism and maintains a thesis as something, that may be supplemented or corrected by new experience-based description.

Keywords: E. Fink, language of phenomenology, subject, responsibility

УДК 140.8

ГЕРМЕНЕВТИКА ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ ТЕКСТОВ

Шульга Е. Н.

*Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: elena.shulga501@gmail.com*

Рассмотрено обоснование Антоном Маркошем проблематики герменевтического понимания знаковых процессов в живых системах. Показано, что исходя из философских идей Г.-Г. Гадамера и его экзистенциальной герменевтики, можно «прочитывать» жизнь глазами ученого, гуманитария и философа – интерпретировать смысл наблюдаемых объектов живой природы, понимаемой и рассматриваемой, например, в контексте эволюционной биологии. Не следует, конечно, в этом случае говорить только о понимании, связывая его непосредственно с субъективным действием исследователя, но планомерно и последовательно погружать себя в такой интеллектуальный процесс, где прошлое и настоящее соотносятся друг с другом в нашей интерпретации живого. Сделан вывод о значении герменевтики в понимании сущности живого на современном этапе развития философии жизни.

Ключевые слова: герменевтика, биогерменевтика, текст, смысл, жизнь

Исследование живого в наше время поставило перед учеными задачу наблюдения жизненных процессов, их сравнительную оценку и анализ, и, не в последнюю очередь, их понимание. Но еще в конце 19-го века Вильгельм Дильтей, утверждая философский статус герменевтики как науки о понимании, определяя ее границы и намечая перспективы герменевтических методов, подчеркивал эпистемологическое значение тех дисциплин, где на первом месте стоит задача понимания. Понимание основывается на интерпретации смыслов. Встает вопрос: являются ли носителями смысла живые существа и живая природа в целом? На первый взгляд, не все живые существа подлежат интерпретации с точки зрения понимания их смысла. Например, деревья, согласно Дильтею, не являются носителями смысла и не могут рассматриваться в контексте проблематики понимания и интерпретации. Собственно говоря, это обстоятельство как раз и было одним из аргументов, подтверждающих необходимость различать знание «понимающее» и знание «объясняющее» и на этом основании выделять «науки о духе» и «науки о природе».

Для современного научного познания характерно новое, нетрадиционное отношение к интерпретации тех или иных проявлений жизни. В поле зрения ученых находятся теперь не только объекты и методы исследования структурной организации живого на всех известных ее уровнях, но и выдвигаются новые парадигмы, инспирированные междисциплинарным подходом, являющимся характерной чертой постнеклассической науки. Один из основателей *биогерменевтики* Антон Маркош, считает, что научные описания структуры клеток, иммунологического отклика, нейронной активности и синтеза белков служат отличными вспомогательными путеводителями, полученными учеными для собственной конкретно-научной ориентации в решении внутренних научных проблем. При этом никогда не следует путать их с той огромной и многомерной территорией, где живые объекты, изучаемые

биологами, самостоятельно ориентируются в многообразии знаков и смыслов, отличных от тех, которые ученые пытаются перевести на язык традиционных человеческих символических знаков [2, Р. 120]. В большинстве случаев такого рода «перевод» совершенно не учитывает то обстоятельство, что для многих живых организмов (млекопитающих, птиц) «интерпретация» их знаков является для этих животных их же собственным выражением присутствия в окружающей среде, сообщением о себе природе. Его невозможно сделать более компактным, неизменным, однозначно прочитываемым. Эту уникальную область жизни существ, действующих, воспринимающих и символизирующих что-то миру (например, посредством меток, следов и т. п.), редуцировать к неизбежно упрощенному и идеализированному научному описанию заведомо не удастся. Такое описание, как считает, в частности, Маркош, не проясняет, но лишь делает для нас непрозрачным сам феномен «прочтения» спектра жизненно важных ситуаций и активного выбора способов реагирования на них из широкого набора доступных данному виду организмов возможностей [2, Р. 184].

Для изучения жизни на уровне генома с точки зрения биогерменевтики фатальным является то обстоятельство, что многие биологи незаметно для себя часто воспринимают геном просто как некий текст, пусть и непостоянный, сам себя изменяющий, сам себя интерпретирующий. В этом случае «интерпретация» биологом генетического сценария сводится просто к обычной расшифровке, раскодированию по известному, заранее заданному ключу. К сожалению, проблема познания жизни гораздо более запутанна, сложна и нетрадиционна. Демонстрируя задачи, стоящие перед биогерменевтикой как наукой о понимании и истолковании биологических текстов, наибольшую часть своего труда «Читатели книги жизни» Маркош посвящает акценту на вопросе о том, какое вопиющее и вводящее в заблуждение чрезмерное упрощение действительных процессов, иллюстрирующих генетическую экспрессию, выражено в традиционной концепции расшифровки генома. Он показывает, что более продуктивным с позиции реального положения дел и более перспективным подходом, чем механическая расшифровка или рассуждения по аналогии с процессами жизни, было бы подлинное «герменевтическое прочтение». Образец такого стиля мышления, по его мнению, можно найти, в частности, в классическом герменевтическом тексте Г.-Г. Гадамера «Истина и метод». Этот текст снабжает нас новой конструктивной эвристикой для размышления над прочтением (написанием?) генетических текстов [1, С. 214].

Следуя идеям Гадамера, можно «прочитывать» жизнь глазами ученого или гуманитария и философа и интерпретировать смысл понимаемого, например, рассматривать все аспекты понимания жизни в контексте эволюционной биологии. Не следует, конечно, в этом случае думать только о собственном понимании или связывать феномен понимания непосредственно с субъективным действием того или иного исследователя, но лишь планомерно и последовательно погружать себя в такой интеллектуальный процесс, где прошлое и настоящее соотносятся друг с другом в нашей интерпретации. В нашем случае речь идет о том, что обоснование концепции живого (например, в русле эволюционной биологии) требует выдвижения и развития таких новых идей, которые будут затем задавать перспективу исследования (работая на будущее). Однако такие идеи возникают на основании уже сформулированных положений и предварительных концепций, в том числе таких, которые уже были доказаны и подтверждены предшествующим опытом познания действительности (в прошлом), а это как раз и предполагает присутствие, наличие понимания (всего контекста познания и исследования живого – естественнонаучного и философского).

Дальнейшая разработка описанной проблематики позволила получить более полное представление о методах и стратегиях биогерменевтики, которая оказалась весьма перспективной областью междисциплинарных исследований. Оказалось, что строго научное разъяснение жизненных феноменов никогда не является достаточным и полным и должно обязательно предполагать изучение дополнительных условий, объясняющих характер жизни в ее специфических формах проявления (например, идею так называемого «жизненного прорыва», интерпретацию ДНК как «программы», направляющей весь онтогенез и т. д.). В

целом, биогерменевтика смотрит на живые организмы как на автономные объекты или отдельные субъекты, чье существование и способы проявления жизни подлежат интерпретации. При этом на живые существа (на изменяющиеся существа-знаки) необходимо смотреть и как на интерпретаторов окружающей среды (своего собственного окружения), что, в конечном счете, сближает проблемное поле биогерменевтики и экологии. Фактор жизни, рассматриваемый как ценностный ориентир их согласованного развития, служит фундаментальным основанием для объединения усилий этих двух, относительно самостоятельных направлений исследования.

Список литературы

1. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
2. Markoš A. Readers of the Book of Life: Contextualizing Developmental Evolutionary Biology. New York: Oxford University Press. 2002. 245 p.

Shulga E. N. Hermeneutics of Mutable Texts

Anton Markoš's substantiation of the problematics of hermeneutical understanding of sign processes in living systems is considered. It is shown that we can "read" the life through the eyes of scientist, humanitarian and philosopher starting from H.-H. Gadamer's philosophical ideas and his existential hermeneutics – interpreting the meaning of observable objects within living nature while being comprehended and considered e. g. in a context of evolutionary biology. In this case, indeed, it shouldn't be said just on understanding connecting it immediately with a subjective action of a researcher but systematically and consistently involve oneself into such an intellectual process where the past and the present are brought into a correlation with each other in our interpretation of living things. The conclusion is drawn about a significance of hermeneutics in understanding the essence of living things on a modern stage of the development of the philosophy of life.

Keywords: hermeneutics, biohermeneutics, text, meaning, life

УДК 130.2

ПЕРСПЕКТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ ДИАЛОГИЧНОСТИ «ШПИОНА»

Акулинин В. Н.

*Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: akulininvn@gmail.com*

Доклад посвящен вопросу парадоксальной идентичности свой-чужой. С помощью перспективистского подхода бразильского философа и антрополога Эдуарду Вивейруша де Кастру исследуется фигура шпиона в качестве практической реализации идентичности свой-чужой. Шпионская деятельность рассматривается как практика двойной игры, причем не в военном или политическом контексте, а в контексте повседневном. Философский анализ фигуры шпиона позволяет обнаружить повседневные следствия диалогичности парадоксальной идентичности свой-чужой.

Ключевые слова: перспективизм, парадоксальная идентичность свой-чужой, шпион.

Согласно военному праву, шпионажем является незаконная разведывательная практика в интересах иностранного государства. Шпионом же является лицо или организация, осуществляющая такую деятельность. Но фигура шпиона может быть изъята из контекста военного права и рассмотрена в антропологическом и философском ключе. В таком случае, основной проблемой станет парадоксальность шпиона. Он одновременно «свой» и «чужой». Шпион как способ, режим, протокол практики двойной игры, может функционировать только в режиме вложенности двух идентичностей, их одновременной актуализации. Шпиону нужно стать чужим для «своих», или своим для «чужих» для того, чтобы получить доступ к пространству «чужих», которое ему необходимо для того, чтобы быть шпионом. Шпион – это свой-чужой.

Проблематизировав парадоксальную одновременность идентичности свой-чужой, мы можем подойти к анализу этой идентичности с позиций перспективизма бразильского философа и антрополога Эдуарду Вивейруша де Кастру. Такой аналитический подход позволит исследовать фигуру шпиона в философском и антропологическом ключе. Проведя параллельный анализ парадоксальной идентичности шпиона как своего-чужого с подобно устроенной идентичностью свояк-враг, которую исследует де Кастру, мы приходим к ряду интересных следствий.

Шпион не может быть только «своим», ведь тогда он не сможет быть «чужим», значит, не сможет быть шпионом. Шпион не может также стать только «чужим», потому что тогда он станет перебежчиком. Его функционированию как способа, режима, протокола действия свойственна внутренняя диалогичность. Ему необходимо удерживать актуализированными два горизонта смысла для того, чтобы оставаться «своим», будучи «чужим». Используя понятийный аппарат де Кастру, можно сказать, что шпиону нужно удерживать сразу две перспективы: перспективу свояка и перспективу врага. Но почему это необходимо? Де Кастру показывает на исследуемом материале, что свояк и враг являются имманентно пустыми, поэтому каждому из них нужен Другой. Они нужны друг другу как искривленные зеркала. Аналогичная метафора может быть применима и к идентичности свой-чужой.

Попытка помыслить шпиона на манер перспективизма де Кастру открывает ход к философскому и антропологическому прочтению этой практики: быть шпионом. Отталкиваясь от внутренней диалогичности, которая определяет спектр практик, в которые вовлекается шпион, возможно оперировать фигурой шпиона в качестве аналитического инструмента. Этот инструмент может быть применим к исследованиям множественности идентичностей, проблемы Другого, социальной сложности в целом.

Список литературы

1. Кастру Э. В. де. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. – М., 2017. – 200 с.

Akulinin V. N. Perspective Analysys of Spy's Dialogism

The report is devoted to the question of the paradoxical identity of the own-allien. With the help of the perspective approach of the Brazilian philosopher and anthropologist Eduardo Viveiros de Castro, the figure of the spy is explored as a practical realization of the identity of own-allien. Spying is viewed as a double-play practice, not in a military or political context, but in an everyday context. The philosophical analysis of the spy's figure makes it possible to detect the everyday consequences of the dialogicity of the paradoxical identity of own-allien or that of others.

Keywords: perspectivism, paradoxical identity, own-allien, spy.

УДК 101

О СУМЕРЕЧНЫХ ПОЛЕТАХ СОВЫ МИНЕРВЫ

Антипов Г. А.

*Новосибирский государственный университет экономики и управления – «НИНХ», г. Новосибирск, Российская Федерация
E-mail: dr-eji2@yandex.ru*

Вписываются ли философия и философствование в процессы социального, исторического творчества и если да, то как? Гегель считал, что философия приходит туда всегда «после», после того, когда некоторая форма жизни уже сложилась и исчерпала свой творческий потенциал. Ее роль только в осознании и констатации подобной завершенности. «Сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек», – говорил он. Маркс, судя по всему, придерживался иного мнения. Автор предпринимает попытку сопоставить данные позиции, опираясь на представление о философии как форме социальной рефлексии.

Ключевые слова: философия, наука, рефлексия, культура

Название предлагаемого материала, очевидным образом, навеяно предисловием к гегелевской «Философии права», где он писал: «Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, тогда некая форма жизни стала старой, но серым по серому ее омолодить нельзя, можно только понять, сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек» [1, С. 44]. Слова о сове Минервы нередко повторяются с почтительным придыханием, но что, собственно, они означают? Нет ответа.

Тем не менее, контекст, из которого вылетает эта сова, его анализ позволяют получить вполне внятный ответ, причем проливающий свет на принципиальные существенные аспекты отношения «философского текста» к реальной действительности. Выход в подобную модальность напрашивается еще и в связи с потребностью наконец разобраться с известным воинственным кличем Карла Маркса к радикальному пересмотру «тактико-технических данных» пресловутого ночного пернатого, побуждение к которому он явно выцедил в упомянутом Предисловии. Вспомним: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Полет совы, таким образом, следует заменить чем-то вроде атаки ночного бомбардировщика. И тогда придет, наконец, всеобщее счастье.

Итак, если в Древнем Риме жрец-авгур по полету птиц в ходе ауспий определял успех тех или иных акций в плане «изменения» мира, то, согласно Гегелю, философ может лишь констатировать постарение самого «актера». (Облеченные властью римские государственные деятели должны были прибегнуть к ауспий перед каждым крупным политическим или военным актом: выборами, битвами и т. д., который совершался только при благоприятном исходе гадания). Философу же и философии вмешиваться каким-либо образом в реальную действительность Гегель категорически запрещал. Подобное в принципе «не есть предмет философии». Как он говорил, «в противном случае она вмешалась бы в ход вещей, ее не касающихся; в этой области она может не трудиться давать добрые советы; Платон мог бы воздержаться от рекомендации нянькам не стоять с детьми на одном месте, а всегда качать их,

и Фихте мог бы воздержаться от конструирования, как это тогда называли, усовершенствования паспортной системы, которое сводилось к тому, что в паспорте подозрительных лиц помещались не только их приметы, но и их изображения. В такого рода измышлениях нет и следа философии, и она тем более может отказаться от подобной сверх премудрости, что по отношению к этой бесконечной массе предметов она должна проявить величайшую либеральность» [1, С. 42].

Примечательно, что концепт конструктивизма фигурирует у Гегеля не только по поводу чудачеств, как он считал, Платона и Фихте, но и звучит в суждениях, приближающихся по форме к категорическим императивам. «Данная работа, – писал он, – поскольку в ней содержится наука о государстве, будет попыткой постичь и изобразить государство как нечто разумное в себе. В качестве философского сочинения она должна быть дальше всего от того, чтобы конструировать государство таким, каким оно должно быть; ... его цель лишь показать, как государство, этот нравственный универсум, должно быть познано. Задача философии – постичь то, что есть, ибо то, что есть, есть разум» [1, С. 42].

Характерно, что в нашем современном дискурсе концепт конструктивизма поднялся с акцентированной Гегелем философской периферии на, так сказать, передовые рубежи в эпистемологии и философии науки. Любопытна своей переключкой с нашим временем и констатированное Гегелем ничтожное состояние философского дискурса, полнейшая его дискретизация в глазах современников. Он даже позволил себе по поводу положения философии, в параллель, сослаться на ответ одного профессора времен французской оккупации Рима по поводу положения публичных учебных заведений там: «Их терпят как бордели». Думается, подобная характеристика вполне подойдет и для «статуса» философствования у нас.

И Гегель противопоставляет расхожему, современному ему, толкованию философии – свое. Одна из приводимых им дефиниций содержания философии выглядит так: «Постигающее в понятиях познание Бога и физической и духовной природы, познание истины» [1, С. 39]. По сути же философия, переводя Гегеля в современный концептуальный ряд, есть самосознание культуры, ее рефлексия. Культура в смысле «не натура». Это объективная идея по Гегелю, то есть совокупность не от природы данных, объективных относительно индивидуального Я форм его жизнедеятельности и мышления. Она может быть истолкована в качестве механизмов функционирования и развития жизнедеятельности и мышления человека. Говоря конкретнее – это социальные институты, идеалы, нормы и ценности, формы языковой коммуникации и мышления.

В нашем случае существенно именно присущее Гегелю понимание механизмов функционирования и эволюции культуры как действующих независимо от воли и сознания множества отдельных индивидов (Я). Поэтому-то философская рефлексия способна лишь констатировать то или иное состояние культуры, например, кризис, разрыв в действии ее механизмов, но управлять их действием не способна по своей сути. Больной, конечно, осознает приход болезни, но пути ее преодоления тщетно искать в его рефлексии. Как говорил по этому поводу Герцен: «Мы не врачи, мы боль!»

Есть, однако, другая форма культуры, могущая, по крайней мере, потенциально, такую возможность предоставить. Это, конечно, наука. Заметим, у Гегеля компетенции данных форм (философии и науки) еще в полной мере не разведены, именно потому, что и в жизни их дифференциация только «становилась». Более внимательным, как известно в данном случае оказался О. Конт, «живший» значительно ближе к когнитивному центру тогдашней науки, чем «провинциал» Гегель. При этом, конечно, речи не могло быть о научных формах знаний о культуре, естествознании, «физика» отчетливо демаркировала науку от всех других форм интеллектуальной деятельности, в том числе и философии. Показательно, что контовская социология – это социальная физика.

Прилежный ученик Гегеля – Маркс в определенном смысле «пострадал» от указанной невнятицы. Маргинал, движимый мыслью о социальном реванше, он интуитивно понял, что традиционная философия ему не помощница. Но вот наука, уже явно демонстрировавшая свои

успехи в преобразовании природного мира, вселяла надежду на подобное же и в социальном мире. Отсюда и горделивая задача «Капитала»: открыть не больше ни меньше, как «экономический закон движения современного общества». Но мертвый Гегель все-таки его достал и заставил двигаться по трекам своего «спекулятивного». Как проговорился этот «крестный отец» коммунизма, «при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами, то и другое должна заменить сила абстракции!» Иными словами, он так и остался философом, конкретнее, «историософом», «социософом», если воспользоваться аналогией с концептом натурфилософии, культурологическим типом лжепророка. Во всяком случае, не экономистом, социологом и т. п.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мир книги, Литература, 2007. – 464 с.

Antipov G. A. On the Twilight Flights of the Minerva' Owl

Do philosophy and philosophizing fit into the processes of social and historical creativity, and, if so, in which way? Hegel believed that philosophy always enters these processes only “after”, only after a certain form of life has already developed and exhausted its creative potential. Philosophy’s role is only the understanding and stating the completeness. He kept saying that “The Minerva’s owl begins its flight only at dusk”. Marx seemed to have a different opinion. The author makes an attempt to compare these positions, keeping in mind the idea that philosophy is a form of social reflection.

Keywords: philosophy, science, reflection, culture

УДК: 02.41.11

ФИЛОСОФСКИЙ ДИАЛОГ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА И ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Бороздина Н. О.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: borozdina@rggu.ru

В статье рассматриваются пути коммуникации гуманитарного образования и вызовов мира в эпоху глобализации. Освещаются способы взаимодействия Университета как социального института с культурами, внутри которых он работает и с которыми взаимодействует в условиях тотальной информатизации общества.

Ключевые слова: Философия образования, глобализация, современный университет, философия диалога.

Мир в эпоху глобализации – это постоянно усложняющаяся система. Очевидным является тот факт, что развитие подобной системы нуждается в контроле огромного ряда специалистов. Эти специалисты, когнитивная рабочая сила, должны формироваться университетом. Как и во все предыдущие эпохи, высшая школа сохраняет опцию воспитания экспертов для обеспечения качественной общественной жизни. Являясь неотъемлемой частью социума, университет, бесспорно, находится под его влиянием. Как следствие, изменения во всем мире, вне зависимости от сферы, где они происходят – экономика, политика, наука – усложняют эти системы и принципы их взаимодействия. А это значит, что к выпускникам вузов, потенциальной когнитивной рабочей силе, предъявляют новые, более высокие требования. Компетенции выпускника теперь определяются в рамках оценки тех качеств, которые он способен предложить на рынке труда. Глобализированный мир требует навыков межкультурного общения, способности быстро ориентироваться в меняющейся реальности и вести диалог. Эти условия, диктуемые современным миром бесконечной культурной – виртуальной и реальной – коммуникации, вписываются в дискурс философии диалогизма.

В этом контексте следует сразу отметить, что жизнь и образование в условиях глобализации сопряжены с определенными рисками. И речь идет даже не о том, что технологии иногда дают сбой, который зачастую можно исправить только вручную. Один из

важных рисков – это пресыщенность информацией. При таком развитии Всемирной сети Интернет, технологий, гаджетов и средств коммуникации, мы оказываемся в ситуации, когда на любой интересующий нас вопрос можем ответить нажатием нескольких клавиш смартфона. С одной стороны, это прекрасно. С другой, это создает иллюзию, что мы владеем всей информацией, а это далеко не так. Мы рискуем перестать запоминать, поскольку это оказывается ненужным. Зачем прилагать усилия, если в любой момент можно открыть Интернет и проверить все, что нас интересует? Плохо то, что понимание того, что компьютер может в любой момент ответить на твой вопрос, отбивает у тебя желание запоминать информацию. Тем не менее, умение правильно задавать вопрос, искать на него ответ и необходимую информацию остается важным жизненным навыком.

Миссия современного гуманитарного университета сегодня – это подготовить специалиста-гуманитария, способного решать сложные задачи в условиях нарастания неопределенностей – социальных и политических, – продвигать гуманитарные ценности, способствующие устойчивому развитию социума, государства и нации. Одна из важнейших задач высшего образования в современных условиях – подготовить специалиста способного не только работать со сложностью, но работать со сложностью в условиях высокой конкуренции. Для того, чтобы подготовить такого специалиста, университет должен приблизить обучение студента к той конкурентной ситуации, в которой он окажется уже в качестве дипломированного выпускника. Следовательно, режим междисциплинарности, должен сочетаться с трансдисциплинарностью, когда производства и общественные организации пересекают границу вуза, а вуз со своими практиками активно осваивает внешние среды. Общество, представляющееся по Луману аутопоэтической системой, требует от нас постоянно держать наготове *n*-ное количество вариантов действия, поскольку развитие событий в саморазвивающейся системе мы можем прогнозировать лишь с долей вероятности. Однако это не значит, что процесс не подвержен контролю со стороны «человека–управляющего». Контроль в данном случае утрачивает представление об управлении всем и вся, приобретая черты неклассического образовательного менеджмента. Поэтому к числу первых задач современного гуманитарного университета следует отнести подготовку специалистов, способных работать в состоянии устойчивого когнитивного беспокойства, поскольку, как отмечают Т. Лукман и П. Бергер, именно когнитивная сила конструирует ту социальную реальность, в которой мы оказываемся. Опираясь же на философию диалогизма – и диалог в философии – мы можем предположить, что именно навыки ведения подобных диалогов и являются залогом успешного развития гуманитарного образования и науки в эпоху глобализации.

Borozdina N. O. Philosophical Dialogue of the Modern University and the Global World

The article discusses the ways of communication of humanitarian education and the challenges of the world in the era of globalization. It highlights the ways in which the University interacts as a social institution with the cultures within which it works and with which it interacts in the conditions of the total informatization of society.

Keywords: Philosophy of education, globalization, modern university, philosophy of dialogue.

УДК 167.1

ОБРАЗНО-СМЫСЛОВЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ КАК ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Бургете Аяла М. Р.

*Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: burguete@mail.ru*

Показывается что понимание диалога как сравнительного анализа текстов, в котором исследователь становится его полноправным участником, делает возможной межкультурную коммуникацию, вне времени, пространства и

культурных различий. Такой подход применим к анализу текстов, созданных в различных познавательных структурах и традициях, представленных различными видами существования и производства знания: рационально-логическими рассуждениями и текстами, облаченными в поэтические художественные формы, основанных на мифопоэтическом восприятии.

Ключевые слова: диалог, коммуникация, пространство смыслов, сравнительный анализ текстов, межкультурное понимание

Говорить о диалоге как способе общения можно лишь в том случае, когда в рассуждениях его участников есть общие основания, дающие шанс на встречу в едином смысловом поле, где возможна коммуникация. Цель диалога – достижение взаимопонимания, что одинаково касается как единомышленников, так и оппонентов. Только поняв другого по существу, можно с ним согласиться или ему возразить. Непосредственный, живой диалог, в общей массе интеллектуального наследия явление не такое частое. Речь пойдет о диалоге, в который вступают исследователи, имеющие дело с текстами. Особое место занимают тексты, прошедшие испытание временем, созданные человеческой мыслью и пережившие своих авторов на столетия. Они обретают собственную плоть и кровь и продолжают питать последующие поколения мыслителей как источники и хранители знаний.

Понимаемый таким образом диалог показывает принадлежность автора к определенной смысловой реальности и во многом оправдывает традиционное привлечение высказываний признанных авторитетов в качестве свидетелей истинности собственных рассуждений. Этот аргумент многие столетия являлся решительным аргументом в доказательной базе. Обширный список используемой и цитируемой литературы – одно из требований, предъявляемых к современным публикациям, особенно в области гуманитарных наук, по сути, не что иное как отголосок этой традиции.

К сожалению, даже принадлежность к одному языковому, временному, социальному пространству, следование принятым логико-рациональным правилам рассуждений не дает гарантии адекватного восприятия чужих идей. Это неизбежно приводит к разногласиям, конфликтам, а зачастую к таким оценкам, которые на долгое время закрепляют за авторами ярлыки и погружают в забвение теории и идеи, особенно если высказанные идеи не вписываются в рамки своего времени. И тогда задача исследователя – активно вмешаться в диалог, а значит, не только попытаться понять участников забытых конфронтаций, реконструировать и восстановить первоначальные смыслы, но и коррелировать смысловое наполнение основных понятий участников коммуникации, включая себя. Это необходимо для того, чтобы преодолеть ситуацию, когда находясь, казалось бы, в одной, по многочисленным параметрам, реальности люди все равно говорят на языке, состоящем, как будто, из одних омонимов. Слова звучат одинаково, логика рассуждений – одинаковая, а говорят все равно о разном, потому что смысл вкладываемый в основные понятия различный, а подчас, прямо противоположный.

Понимание диалога как сравнительного анализа текстов, когда исследователь становится его полноправным участником, делает возможным диалог вне времени, пространства и непосредственного общения. Это можно сказать о текстах, порожденных различными познавательными структурами и традициями. Они представлены различными видами существования и производства знания: рационально-логическими рассуждениями и текстами, выраженными в поэтических художественных формах, в основе которых лежит мифопоэтика. Такой подход позволяет сравнивать, казалось бы, несравнимое. И может выступить залогом межличностного, межязыкового и межкультурного взаимопонимания независимо от языковой, временной или культурной принадлежности. Сравнить полученные смыслы позволяет философская составляющая обеих познавательных структур, которая выступает связующим звеном между реальностями, создаваемыми этими подходами. Мифопоэтическое мировосприятие, служившее некогда источником достоверных знаний о мире и человеке, вытесненное в плоскость литературно-художественного творчества, продолжает выступать как одна из вневременных, поликультурных и междисциплинарных основ, делающих возможным существование, понимание и передачу смыслов. Это дает возможность

расшифровать и понять письменность и знания иных культур, переводить поэтические тексты, воспринимать смысловое наполнение идей и творений, существующих в других культурах.

В качестве примера проследим параллели между философскими моментами поэзии Максимилиана Волошина [1] и содержанием взглядов, заложенных в дошедшем до нас наследии «потерянного мира» – мировоззрении народов, говоривших на языке науа (ацтеков) [2], покажем, что образы и смыслы, рожденные их творческим воображением, сравнимы, и могут быть схожи, не только по форме выражения: в мифах, поэзии, изобразительном искусстве, но и – содержательно.

Можно проследить две линии – обе имеют наглядные зацепки в Доме Волошина в Коктебеле. Одна – это дружба с мексиканским художником Диего Риверой, знакомство с которым состоялось в 1915 г. в Париже. Вторая линия связана с текстами, с вопросом о том какая литература могла быть доступна [3] и была в распоряжении Волошина и здесь поможет уникальная волошинская библиотека.

Первая линия, несмотря на внешнюю привлекательность, имеет, самое большее, общий фоновый характер и не позволяет выделить никакой содержательной составляющей. Вторая предоставила возможность отыскать в фондах библиотеки работу Бернардино де Саагуна, изданную во французском переводе в 1880 г. [4]. Книга была прочитана примерно наполовину, о чем говорят пометки на полях и количество разрезанных страниц. Еще один источник, вышедший в 1910 г. и включенный в книгу К. Бальмонта «Змеиные цветы», – вольный перевод на русский язык отрывков из эпоса майя киче «Пополь-Вух».

Разумеется, речь не идет о дословных совпадениях, кроме того, тексты науа будут представлены для нас, в основном, в двойном переводе и можно согласиться с тем, что сравниваются всего лишь наши интерпретации. И все же, прибегнем к воображению, в надежде на то, что «через способность к воображению раскроется природа человека и его способность взаимодействовать с текстами, в том числе и с текстами самого бытия» [5, С. 22] потому что речь в них пойдет именно о вопросах бытия, а значит о философии.

Список литературы

1. Волошин М. Стихотворения / вступительная статья С. С. Наровчатова; составление, подготовка текста и примечания Л. А. Евстигнеевой. – Л.: Советский писатель., 1977. – 464 с.
2. Леон-Портилья М. Философия науа. Исследование источников /, пер. с исп. Р.Бургете, М.Бургете. – М.: Постум, 2010. – 480 с.
3. Бургете Аяла М. Р. Поэзия в поисках истины // Культура и искусство. – 2015. – № 4 (28). – С. 393–412. – DOI: 10.7256/2222-1956.2015.4.14987
4. Мемориальная библиотека М. А. Волошина в Коктебеле. Книги и материалы на иностранных языках. Каталог. – М., Центр книги Рудомино, 2013. – 378 с.
5. Налимов В. В. Спонтанность сознания . Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности / изд. 3-е. – М.: Академический проект; парадигма, 2011. – 399 с.

Burgete Ayala M. R. Figurative and Semantic Parallels as a Space for Dialogue of Cultures

It is shown that the understanding of the dialogue as a comparative analysis of texts, in which the researcher becomes its full participant, makes possible intercultural communication, beyond time, space and cultural distinctions. This approach is applicable to the analysis of texts created in various cognitive structures and traditions, represented by various types of existence and production of knowledge: rational-logical reasoning and texts dressed in poetic artistic forms based on mythopoetic perception.

Keywords: dialogue, communication, space of meanings, comparative analysis of texts, intercultural understanding

ФИЛОСОФСКИЙ СПОР КАК ФОРМА РАССУЖДЕНИЙ О ПРИРОДЕ СЛОЖНОГО

Бусов С. В.¹, Зобова М. Р.²

¹ *Университет ИТМО, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

E-mail: swbusoff@mail.ru

² *Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им.проф.М.А.Бонч-Бруевича, г.*

Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: mrzobova@mail.ru

Диалог, полемика, диалектика, парадокс, антиномия – все это многообразие способов выразить и понять сложную природу вещей может быть сведено к форме философской дискуссии с целью поиска истины. Для разрешения проблемы сложности требуется новый метод, возникший в недрах теории самоорганизации, где основными категориями становятся понятия порядка и хаоса. Речь идет о вариантах перехода «от механизмов к организмам», которые определяют радикальное изменение характеристик системы. Среди такого рода переходов особое место принадлежит бифуркации, которая качественно меняет характер эволюционного процесса. Из понимания того, что мир стохастичен, что существуют бифуркационные зоны, следует необратимость эволюционного процесса и его направленность. Принципы отбора становятся важнейшими законами природы. Необоснованное сведение отбора – механизма эволюции – к логическому выводу, к механизму мышления, приводит к упрощению образа реальности. Но это необходимо, поскольку позволяет применять логические установки на практике.

Ключевые слова: диалектика, синергетика, спор, сложность, отбор, выбор, вывод, истина, свобода

1. Диалог, способ альтернативных суждений, идеологическая полемика, диалектика, диалектическая триада, парадокс, апория, антиномия – все это многообразие способов выразить и понять сложную природу вещей может быть сведено к форме философской дискуссии с целью поиска истины.

2. И. Кант в каждой из антиномий сталкивает противоположные суждения об общем предмете, имея в виду концепции разных философов и ученых, живших в разные эпохи, – налицо диалогическая форма философского текста. Во 2-й антиномии «сложного и простого» обе категории абсолютно противоположны. С современной точки зрения есть все основания выводить сложное из простого и до известного предела сводить сложное к простому; то, что на сегодняшний день рассматривается как простое, в будущем покажется сложным. Кант полагал, что наличие пропасти между явлением и сущностью, феноменом и «вещью в себе» не позволяет нам видеть истинную картину, а именно ответить на вопросы: состоит ли сложное из простого, может ли простое «усложниться», а сложное «упроститься»?

3. У Гегеля просматривается скрытый, а кое-где и явный, диалог с Кантом. Если Кант полагал невозможным понять переход «от механизмов к организмам», то Гегель, оперируя концепцией «мирового разума», попытался разрешить эту апорию, «снять» дихотомию простого/сложного в понятии развития – с помощью «диалектической триады».

4. Для Платона проблема сложности решалась идеалистически (холизм). Но и редукционизм, представленный древнегреческими атомистами и их историческими последователями-материалистами, также не сделал кардинального шага в решении проблемы сложности.

5. Для разрешения возникшей дилеммы (материализм и идеализм, хаос и порядок) требуется новый метод, возникший в недрах теории самоорганизации, где основными категориями становятся понятия порядка и хаоса. Речь идет о вариантах перехода «от механизмов к организмам», которые определяют радикальное изменение характеристик системы (переходы из одного состояния в другое, от простого к сложному и наоборот). Среди такого рода переходов особое место принадлежит бифуркации, которая качественно (а то и катастрофически) меняет характер эволюционного процесса. Из понимания того, что мир стохастичен, что существуют бифуркационные зоны, следует необратимость эволюционного процесса и его направленность. Принципы отбора становятся важнейшими законами природы.

6. Материальное отбирается (эволюция совершается через естественный отбор), а идеально-логическое выводится (эволюция – через социальный и психологический отбор и, в

конечном счете, через логический вывод). Необоснованное сведение отбора – механизма эволюции – к выводу, к механизму мышления, приводит к упрощению образа реальности. Но это необходимо, поскольку позволяет применять логические установки на практике.

7. Свобода – важнейший элемент спора, диалога, дискуссии, она формирует варианты компромиссных решений. Непосредственное или опосредованное преобразование объекта – вот, пожалуй, единственный путь постижения истины человеком. Но этот путь закрыт, если нет свободы преобразований, если человек не учитывает «творческую роль хаоса».

8. Исключая крайности таких позиций, как агностицизм или идеализм versus материализм, мы натываемся на трудности взаимопонимания, если отсутствует общая эмпирико-научная база, которая не позволит отдалиться от проблемы реальности.

9. В споре рождение истины – весьма редкий случай, чаще спор или дискуссия завершаются обнаружением общего идеала, объединяющего людей, стремящихся к истине, для решения проблемы.

10. Разные идеалы, разные мировоззрения часто не позволяют людям не только определиться с истиной, но даже достичь каких-либо компромиссных решений в споре, т. е. полноценного диалога не получается.

11. Диалог по проблеме сложности может быть продуктивным лишь в том случае, если мы будем строить разговор «в контексте *превращения открытости сложности в метод познания сложности*, от сложности природы к природе сложности» (В. И Аршинов).

12. Намечается переход к преодолению антиномий, как это случилось когда-то – от Канта к Гегелю, – но уже на новом витке развития философии, овладевающей природой сложного.

Busov S. V., Zobova M. R. Philosophical Dispute as a Form of Discussions About the Nature of the Complex

The dialogue, the polemics, the dialectics, the paradox, the aporia, the antinomy – all these are variety of ways to express and understand the complex nature of things that can be reduced to a form of philosophical discussion in order to search the truth. To solve the problem of complexity is required a new method arising in the bowels of the theory of self-organization where the main categories become order and chaos. We are talking about transition options “from mechanisms to organisms”, which determine the radical change of the system’s characteristics. Among such transitions the special place belongs to bifurcation qualitatively changing the nature of the evolutionary process. From the understanding the fact that the world is stochastic and there are bifurcation zones follows the irreversibility of the evolutionary process and its orientation. The principles of selection become the most important laws of nature. The unreasonable reduction of selection – the mechanism of evolution – to a logical conclusion, to the mechanism of thinking leads to simplification of reality image. But this is necessary because it allows using logical settings in practice.

Keywords: dialectics, synergetics, dispute, complexity, selection, choice, conclusion, truth, freedom

УДК 140.8

СТРАТЕГИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Васюков В. Л.

*Институт философии РАН, г. Москва, Российская федерация
E-mail: vasyukov4@gmail.com*

Диалог культур может иметь разную направленность, но он всегда предполагает равноправное партнерство и уважение к культурным традициям. Поиск общих культурных универсалий для сторон диалога не представляет собой просто отбор разделяемых обеими сторонами диалога понятий. Для этого часто требуется анализ этнических предубеждений в языке средств массовой информации, способа приобретения социальных знаний, формирования мнений и установок, выяснение идеологически пристрастных точек зрения и т. д. Плодотворным здесь представляется использование стратегического подхода, заключающегося в отборе универсалий, наиболее значимых в контексте диалога и для конкретных сторон. Стратегия в этом случае понимается как общая инструкция интерпретации для каждой коммуникативной ситуации, позволяющая соотнести контексты проводимого диалога с определенными наборами культурных универсалий, общими для всех сторон.

Ключевые слова: диалог, культурные универсалии, стратегии, неклассическая аргументация

Описывая диалог культур, В. С. Степин указывает, что он может иметь разную направленность. Он может быть ориентирован на тот тип модернизации, в котором более успешные страны предлагают свою версию техногенных ценностей и свой образ жизни в качестве идеалов и образцов, которые следует воспринять менее успешным странам. Наряду с этим он может предполагать равноправное партнерство и уважение к культурным традициям. В этом случае сверхзадачей диалога культур становится отыскание ценностей, обеспечивающих выход из глобальных кризисов [1, С. 264].

Поиск общих культурных универсалий для сторон диалога не представляет собой некую автоматическую процедуру, это не просто отбор разделяемых обеими сторонами диалога понятий. Для этого часто требуется анализ этнических предубеждений в языке средств массовой информации, способа приобретения социальных знаний, формирования мнений и установок, выяснение идеологически пристрастных точек зрения и т. д.

Плодотворным здесь представляется использование стратегического подхода, заключающегося в отборе универсалий, наиболее значимых в контексте диалога и для конкретных сторон. Стратегия в этом случае понимается как общая инструкция интерпретации для каждой коммуникативной ситуации, позволяющая соотнести контексты проводимого диалога с определенными наборами культурных универсалий, общими для всех сторон.

Стратегический подход к диалогу культур, предполагающий равноправное партнерство и уважение к культурным традициям, ориентированный на поиск ценностей, обеспечивающих выход из глобальных цивилизационных кризисов, позволяет выработать определенные теоретические макростратегии, пригодные, в силу своей универсальности, для использования в разнообразных контекстах и ситуациях.

Как осуществляется формирование наборов культурных универсалий, на основе которых будет вестись диалог? Первый случай сводится к объединению культурных универсалий во всеобщую совокупность, позволяющую использовать их разнообразные комбинации, востребованные для данного контекста. Опасность в этом случае заключается в неконтролируемом применении взаимно противоречащих понятий, что приводит к абсурду и логически неверным результатам. Одним из способов устранения ситуаций с возникновением подобных осложнений могло бы быть использование неклассической аргументации, основанной на использовании неклассической логики в рассуждениях в данном контексте (например, паранепротиворечивой, когда допускается одновременное принятие двух взаимно противоречащих утверждений – применяемые правила умозаключений в этом случае никогда не приводят к произвольности следствий).

На практике подобные контексты характерны для этнографических исследований. Так, например, наблюдения этнографами африканского племени *азанда* привели исследователей к необходимости использования для анализа их верований паранепротиворечивой логики [2]. Это племя верит в то, что ведьмы и колдуны могут быть обнаружены по наличию некой «колдовской субстанции», которая передается по наследству детям колдуна или ведьмы, а поскольку клан азанда представляет собой группу лиц, биологически объединенных по мужской линии, то обнаружение того, что некоторый мужчина – колдун, приводит к выводу, что все члены его клана являются колдунами. Хотя азанда считают одни из кланов более близкими к колдовской силе, нежели другие, все же они не считают всех членов первых кланов колдунами. Для этнографов здесь возникает противоречие в общем понятии колдовской силы. Азанды не признают данного противоречия, хотя они его видят, однако и этнографы способны теоретически видеть противоречие иначе, в рамках паранепротиворечивой логики.

Второй вариант стратегии кросс-культурного диалога предполагает «параллельное» использование культурных универсалий. Мы сопоставляем универсалии, образуя из них некоторые пары, а поиск совместных ценностей приводит к принятию таких ценностей, которые рассматриваются и как ценности каждой из культур, и как совместные ценности. Пример верования азанда с подобной точки зрения можно интерпретировать теперь иначе, в рамках пар универсалий, сопоставляя «колдовской силе» еще и определенные генетические

свойства. В этом случае исчезновение или возникновение колдунов в клане азанда рассматривается еще и как дополнительно зависящее от генных мутаций.

Следующий вариант стратегии кросс-культурного диалога возникает также при сопоставлении культурных универсалий, однако это сопоставление носит более развернутый характер. Теперь принимая то или иное сопоставление универсалий разных культур, следует также принимать и выводы, полученные на основе подобного сопоставления. Отсюда, если в рамках кросс-культурного диалога мы сопоставляем понятию одной культуры понятие другой, то вытекающие из этого следствия в рамках второй культуры должны быть осмыслены и приняты в рамках первой. При этом обратный «перевод» также должен сработать. Например, в диалоге современного европейца с представителем античной рабовладельческой культуры понятию полноправного гражданина будет соответствовать понятие свободного гражданина, владеющего рабами, имеющего право продать или убить своего раба. При обратном «перевод» современный европеец должен сопоставить какое-то свое право с правом партнера по диалогу – рабовладельца древнегреческого полиса – и признать необходимость результата подобного перевода, поскольку он будет когерентным праву гражданина древнегреческого полиса. В дальнейшем диалоге подобная аналогия позволяет если не признавать, то понимать и терпеть культурные отличия партнеров по диалогу.

Последний вариант связан с обязательным всеобщим одобрением сопоставления тех или иных культурных универсалий другой стороной диалога. Так, если вы говорите о праве национальных меньшинств на автономию, то граждане некоторых стран (в том числе и европейских) не будут согласны с вами, не считая это право повсеместным. В этом случае ваше формирование набора культурных универсалий для диалога культур должно учитывать это обстоятельство, и вы должны использовать только те культурные универсалии, которые приемлемы для вашего партнера по диалогу.

Список литературы

1. Степин В. С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 408 с.
2. Da Costa N. C. A., Bueno O., French S. Is there a zande logic? // History and Philosophy of Logic. 1998. Vol. 19. Iss. 1. P. 41–54.

Vasyukov V. L. Tolerance Strategies in a Dialogue of the Cultures

The dialogue of cultures would have diverse directivity though always being presupposing equitable partnership and respect to cultural traditions. The quest for common cultural universals of dialogue aspects shouldn't be just the selection of concepts recognized by both sides of a dialogue. To that end often an analysis of ethnic bias in the mass-media language, of the way of social cognition, of the forming of opinions and attitudes, of ascertaining of ideologically biased points of view etc. is needed. The seminal one here would be an implementation of a strategic approach which consists in the choice of universals most significant in the context of dialogue and for the particular sides. The strategy in this case means a general instruction for the interpretation of any communicative situation which allows to correlate contexts of the dialogue carried on with some set of cultural universals being common for all sides.

Keywords: dialogue, cultural universals, strategies, non-classical argumentation

УДК 316.423

НАЦИОНАЛИЗМ – КОСМОПОЛИТИЗМ – АНАРХИЗМ: В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Власов А. А.

*Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: mioxin@gmail.com*

Современные социальные процессы неизменно обращаются к категории «глобального»: глобальная политика, глобальная этика, глобальные ценности, – что, в свою очередь, обращает наше внимание на космополитизм как политическую модель построения такой структуры, которая выходила бы за рамки отдельного суверенного

государства-нации. Определенно можно сказать, что реализация такой политической модели будет иметь своим следствием существенное изменение традиционных отношений, которые регулируют взаимодействие социальных групп как на внешнеполитическом, так и на внутреннем уровне. Таким образом, не является ли космополитизм революционной моделью, способной коренным образом преобразовать устоявшиеся модели социальных связей? Можно ли считать его, по крайней мере, элементом потенциальной социальной революции? Ответом на этот вопрос, как ни парадоксально, будет другой вопрос: «Элементом какой социальной революции может быть космополитизм?» – поскольку сама космополитическая концепция не является однозначной, и за ней обнаруживается далеко не единственное возможное прочтение того, к каким результатам может привести развитие идеи «космополиса».

Ключевые слова : социальная революция, анархизм, космополитизм, национализм.

Смена парадигм, переоценка ценностей, переосмысление отношений, находящихся в основе общества, государства и самих условий человеческого сосуществования, – все это представляет собой отдельные характеристики того, что подразумевает под собой социальная революция. Анархизм, национализм и космополитизм – три социальные концепции, противостоящие друг другу на первый взгляд, но имеющие, при более внимательном рассмотрении, связи более утонченные и подчас взаимозависимые, которые обусловлены, не в последнюю очередь, неоднозначностью самих этих концептов.

Само понятие социальной революции, возникшее в рамках философии анархизма, уже давно перестало принадлежать только ему и вышло за пределы его политической программы. Следовательно, говоря о социальной революции, необходимо учитывать те возможные интерпретации, которые могут быть отнесены к ее современной трактовке.

Последовательно раскручивая спираль критического анализа, можно совершить переход от изменений, происходящих внутри отдельного государства-нации, к взаимоотношениям между глобальными акторами, чтобы в итоге обнаружить позицию максимальной критики существующих отношений.

Таким образом, говоря о связи национализма и социальной революции, в первую очередь имеет смысл обратить внимание на то, каким образом отдельные национальные ценности и идеи выходят за рамки одной политической единицы (государства) и становятся всеобщими. Иллюстрируя такую ситуацию с помощью нелиберального проекта глобализации, можно заключить, что стратегия развития западной демократии и капитализма стремится снять характерную для коммунитаризма проблему «свой – чужой» путем устранения «чужого». А именно, распространяя унифицированную систему социальных отношений, копирующую себя в каждом отдельном государстве, делая его достоянием унифицированной нации. Можно было бы предположить, что такое политическое образование – это государство космополитов, но доминирующий западный характер подобного рода преобразований вместе с капиталистической моделью способствуют не просто размыванию культурного различия, но утверждению ценностей одной нации, руководящей претворением в жизнь этого проекта. Национализм в своем высшем проявлении приобретает форму правового космополитизма, но распространяющегося только на тех участников отношений, которые принимают унифицированные правила.

Переходя к отношениям между отдельными государствами на внешнеполитическом уровне, можно определить несколько иной характер социальной революции, которая выходит за рамки социальных отношений внутри одной политической формации. Отталкиваясь от модели федерализации, предложенной Кантом, которая послужила основой для возникновения критической теории международных отношений, можно заключить, что космополитический проект Канта, направленный на снятие угрозы войны и устранение анархии в международных отношениях, оборачивается диктатурой мирового правительства. Иначе говоря, космополитизм, развивая систему международных институтов, которые смогли бы регулировать поведение каждого отдельного участника межгосударственных отношений, способствует возникновению новой политической иерархии и, следовательно, не только способствует достижению задач теории реализма – установлению регулирующего органа международных отношений и созданию глобальной иерархической структуры, но и

противоречит целям либерализма – уменьшению власти государства, создавая единый мировой аппарат контроля.

Возвращаясь к изначальному источнику концепции социальной революции, то есть к политической программе анархизма, можно увидеть, что предлагаемая им модель противопоставляется как первому прочтению через глобальное национализирование, так и второму – через претворение в жизнь идеи мирового регулирующего органа. С одной стороны, анархизм предполагает сохранение культурного многообразия, что выражается в концепции интернационализма, которая занимает противоположную позицию по отношению к националистической модели глобализации. С другой стороны, в сфере межнациональных отношений характер анархистской федерализации отличен от кантовской модели и предполагает создание не представительного института управления, но динамичной системы делегируемых депутатов. Кроме того, правовой аспект космополитизма также рассматривается анархистами с иной точки зрения, когда равенство достигается не на уровне политических прав граждан, но изначально закрепляется за человеком еще до его вступления в нормативно-правовые отношения. И наконец, идея создания единой мировой иерархичной структуры совершенно чужда концепту анархической социальной революции, поскольку сама основа социальных отношений видится анархистами в устранении любого проявления вертикальных связей, подразумевающих существование той или иной формы господства, и в развитии горизонтальных общественных связей, построенных на признании исходного равенства участников отношений.

Таким образом, анализируя явление социальной революции, можно обратить внимание на появляющийся треугольник понятий, на основании коммуникации которых проявляется актуальный смысл того, что в настоящее время включает в себя эта концепция и почему важно осознать ее аксиологическую нагрузку, чтобы представить те социальные изменения, которые могут произойти в обществе при выборе того или иного пути собственного развития.

Vlasov A. A. Nationalism – Cosmopolitanism – Anarchism : the Search for a Social Revolution

Anarchism, nationalism and cosmopolitanism are three social concepts that are opposed to each other at first glance, but, with a closer scrutiny, they tend to have a more sophisticated and sometimes interdependent relationships which are determined, not least of all, by the ambiguity of these concepts. This concept, which arose within the framework of the philosophy of anarchism, has long ceased to belong only to that philosophical approach and has gone beyond the limits of its political program. Consequently, speaking about the social revolution, it is necessary to take into account those possible interpretations that can be attributed to the modern reading of this concept. Consistently spinning the spiral of critical analysis, it becomes possible to make a transition from changes occurring within a separate nation-state to the relationship between global actors, in order to finally discover the position of maximum criticism towards existing relations.

Keywords: social revolution, anarchism, cosmopolitanism, nationalism.

УДК 003

ПЕРЕВОД КАК СПОСОБ КОЛОНИЗАЦИИ ЗНАНИЯ

Волкова А. А.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: mymailmymail1994@mail.ru

В статье исследуется проблема перевода, которая рассматривается на нескольких уровнях: от истории науки до выстраивания межкультурных коммуникаций. В истории науки ситуация перевода возникает при интерпретации терминов прошлых эпох. Также перевод присутствует в социологии науки, что обозначил в своих исследованиях Б. Латур. Особо острой проблема перевода становится в постколониальной философии, где позиция исследователя приобретает новые оттенки значения. На всех уровнях переводчик наделяется властью над переводимым объектом. Исследуемая в постколониальной философии, языковая иерархия и односторонний межкультурный перевод способствовали эпистемологическому порабощению и укреплению модели центра-периферия.

Ключевые слова: проблема перевода, постколониальная философия, деколониальный поворот, транскультурация, логоцентристская эпистема.

Среди историков науки до сих пор идут споры о двух подходах к производству историко-научного знания. В 1965 году Дж. Стокинг мл. обозначил проблему, которая представляет собой дилемму презентизма и антикваризма. Презентизм представляет собой толкование прошлого через призму настоящего. Но тут возникает вопрос: насколько такое толкование справедливо? Дж. Стокинг и Т. Кун в работе «После “Структуры научных революций”» отвергают принципы презентизма и говорят о необходимости использования антикваристского похода. Антикваризм, по мнению Куна, наиболее подходящая позиция для анализа исторического, он предотвращает неадекватность восприятия истории [3, С. 72–74]. Кун говорит о том, что перевод научных терминов должен осуществляться максимально точно, вплоть до простого заимствования исторических терминов, невозможности замены их эквивалентом из языка сегодняшней науки.

Термин «перевод» использует и Б. Латур в статье «Дайте мне лабораторию, и я переверну мир» [4]. Он расширяет его значение и переносит из ситуации анализа истории науки в социологию науки. Анализируя работу Л. Пастера по исследованию причины заболевания коров, Латур приходит к выводу, что задача ученого состоит в переводе чего-то нового и неизвестного на общедоступный язык. Так работают ученые-естественники, которые переводят явления природы сначала на язык науки, например, физики. Перевод в естественных науках является дословным, т. к. здесь важно перевести каждую деталь. Ученый, работающий с социальным, должен выбрать стратегию для себя: будет ли он переводить на язык науки явления общественной жизни дословно, избегая искажений, максимально отстраненно и объективно, или же необходимо осуществлять перевод художественный, передавая, главным образом, смысл, подстраивая оригинальный текст под реалии современной социокультурной ситуации.

Проблема выбора между двумя подходами в социальных науках провоцирует появление нового вопроса, а именно: какое место должен занимать сам исследователь социального? Должна ли его научная работа отражать особенности его личности, взглядов? Иными словами, может ли автор занимать какую-либо позицию относительно объекта исследования или не допускается вмешательство ни капли субъективного в научную работу?

Проблема перевода присутствует, пусть и в неявном виде, в постколониальных исследованиях. Посредством колонизации западная доминирующая культура пытается встроить в свой нарратив Другого, носителя иной культуры. При этом колонизируемый субъект должен лишиться своей культуры, а затем и перестать быть субъектом. Это означает, что колониализм перерастает из определенного набора политических действий в идеологию, определяющую способы взаимоотношения культур. Модель центр–периферия выстраивает иерархию, которая изначально строится на разнообразии, многочисленности культурных форм, которая впоследствии должна исчезнуть. Западная доминантная культура стремится к тому, чтобы выстроить гомогенное пространство, комфортное для нее самой. Это однородное пространство достигается за счет преодоления культурного многообразия. С. Бенхабиб говорит, что универсализация всегда есть следствие понимания, объяснения. Такие способы выстраивания межкультурных коммуникаций неизбежно приводят к конфронтации, к разделению на объясняющих и объясняемых [1, С. 61]. Процесс объяснения подразумевает, что нечто чужое нужно сделать своим, подчинить это. Бенхабиб утверждает, что каждая культура – это не закрытая монада, которая не имеет сообщения с внешним миром, а, значит, для того, чтобы достичь взаимопонимания, необходимо существование такого однородного пространства с равными возможностями для участия всех культур. Конечно, такое пространство необходимо для достижения консенсуса. Проблема заключается в том, что выбор способа создания самого этого пространства и языка выстраивания диалога будет очевиден – это язык западной культуры. На сегодняшний день, глобальность мирового пространства можно принять за такое, однако оно создано западной наукой, которая стала универсальной. Включение в нее различных традиционных наук не представляется

возможным на сегодняшний день. Это значит, что даже если последние колонии официально прекратили свое существование, колониализм не исчез и сегодня, а приобрел другие формы выражения, более незримые, но не менее действенные, чем прежде.

Предложенная М. Тлостановой концепция транскulturации вскрывает проблему перевода и языковой иерархии [5, С. 9]. Колониальность задает однонаправленный вектор культурного и эпистемологического перевода. Это означает, что все локальные (колониальные) культуры не могут пользоваться своей эпистемологической системой. Существует только одна легальная эпистемология, на язык которой необходимо осуществлять перевод способов познания всех остальных культур. Такой перевод искажал понимание многих культурных особенностей и способствовал возникновению колониальности знания. Описываемое выше ориенталистическое представление о Востоке в полной мере иллюстрирует такой однонаправленный перевод.

Языковая иерархия сопровождает проблему перевода в условиях колониализма. «Западноевропейские языки (прежде всего английский, французский и немецкий) превратились в языки науки, знания, философии и утверждения модерности, а остальные были сведены к роли языков культуры и религии и к области пассивных реципиентов знаний и наук, генерирующихся в Западной Европе и Северной Америке» [5, С. 9]. Это разграничение полномочий напрямую отсылает к логоцентризму, описанному Деррида. В рамках логоцентристской эпистемы преимущество отдается алфавитным европейским языкам [2, С. 229], в то время как неалфавитные языки считаются непригодными для науки. Тем самым, такая языковая иерархия и односторонний межкультурный перевод способствовали эпистемологическому порабощению и укреплению модели центр-периферия.

При переводе с одного языка на другой смысл всегда передается как интерпретация переводчика. Остается белое пятно непонятого, такого, что нельзя с точностью передать на другом языке. В этом зазоре и располагается та самая уникальность и неповторимость каждой культуры.

Список литературы.

1. Бенхабиб С. Притязания культур. Равенство и разнообразие в глобальную эпоху / Сейла Бенхабиб; пер. с англ.; под ред. В. Л. Инозецева. – Москва: Логос, 2003. – 350 с.
2. Деррида Ж. О грамматологии / Жак Деррида; пер. с франц. и вступ. ст. Н. Автономовой. – Москва: Ad Marginem, 2000 – 511 с.
3. Кун Т. После «Структуры научных революций» / Томас Кун; пер. с англ. А. Л. Никифорова – Москва: АСТ, 2014. – 443 с.
4. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. – 2002. – №5–6 (35). – С. 1–32
5. Тлостанова М. В. Транскulturация как новая эпистема эпохи глобализации // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия «Философия». – 20016. – №2 (12) – 5–16 с.

Volkova A. A. Translation as a Way of Colonization of Knowledge

In the article I research the problem of translation. This problem located on a several levels: from the history of science to the crosscultural communication. The interpretations of past age's terms demonstrates the problem of translation in the history of science. Bruno Latour discovered the problem of translation in the sociology of science. The problem of translation becomes especially actual in the postcolonial philosophy which puts the researcher in new conditions. At all levels translator has the power over translated object. The language hierarchy and unilateral intercultural translation in the postcolonial philosophy stimulate epistemic enslavement and strengthening the model center-periphery.

Keywords: the problem of translation, postcolonial philosophy, the decolonization turn, transcultural, logocentric episteme.

СТРАТЕГИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ДИАЛОГАХ «С ТОГО БЕРЕГА» А. И. ГЕРЦЕНА¹

Вязинкин А. Ю.

Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация
E-mail: vyazinkin@yandex.ru

В статье рассматривается философская проблема освобождения человека в контексте диалектических приемов А. И. Герцена в книге «С того берега». Диалогическая форма некоторых глав работы рассматривается как попытка определить антропологический идеал суверенной личности в системе антропологических типов, разработанных в рамках философии русского народничества. Определены основные стратегии освобождения человека, предложенные мыслителем.

Ключевые слова: А. И. Герцен, Н. К. Михайловский, суверенная личность, русское народничество, философия диалога, диалектика.

Проблема освобождения человека – центральная философская тема отечественной мысли XIX в. Определяющее значение эта проблема оказала и на эволюцию социально-философских и антропологических взглядов великого русского мыслителя Александра Ивановича Герцена (1812–1870).

Большинство исследователей сходятся на том, что ключевая работа Герцена – сборник очерков «С того берега», наиболее неоднозначная и противоречивая книга, отразившая разрыв мыслителя с идеализмом и романтизмом, и обозначившая переход на позиции радикального реализма, а также обращение к разработке социалистического идеала общественного устройства.

Три главы книги очерков «С того берега» («Перед грозой», «Vixerunt», «Consolatio») построены в диалогической форме. Полемический диалог в данном случае призван не только продемонстрировать равнозначность единственности «Я» и Другого, но и расщепленность единственности «Я», реализовать своеобразную «технику себя», цель которой – примирить внутренние противоречия, преодолеть социальный, политический и философский антагонизмы не только во внешнем мире, но и в собственном мировоззрении.

Л. Я. Гинзбург отмечала, что Герцен, находившийся под влиянием гегелевской картины мира, использовал диалогическое построение очерков не из художественных соображений, но как «диалектический метод революционера и просветителя» [1, С. 116]. С ее точки зрения, диалоговая форма не является следствием полигенетической самоидентификации автора, но представляет собой только полемический прием.

Современный исследователь Р. З. Хестанов, напротив, утверждает, что в очерках «С того берега» представлены фигуры авторской идентификации, подразумевая под этим понятием «архетипическую модель авторского присутствия в тексте, <...> которое дано в качестве некоторой аббревиации индивидуального опыта» [2, С. 164].

Обращаясь к тексту Герцена, как к дискурсивному нарративу, Хестанов выделяет весьма условные фигуры «Пророка» и «Иностранца своего времени». Мы же отмечаем в книге «С того берега» попытку Герцена обозначить контуры антропологических типов, во внутренней конструкции которых лежат следующие основания:

1) Антропологический тип #1: опора на сущее (радикальный реализм), созерцательное начало, социализм с элементами анархизма;

2) Антропологический тип #2: опора на должное (идеалистический романтизм), деятельностное начало, революционный демократизм².

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-011-00465 «Проблема суверенной личности в философии русского народничества».

² В главах «Перед грозой» и «Vixerunt» автор, очевидно, занимает позицию собеседника-реалиста (тип #1), а его оппонент (тип #2) – молодой идеалист, исповедующий «романтизм сердца». В главе «Consolatio» герои другие: собеседник-врач выражает идеологию радикального реализма, чья формула жизни искусственно сужена до эмпиризма, в то время как носителем романтико-идеалистических идей становится молодая дама. Именно в этой главе Герцен признает некоторую ограниченность реалистического мировоззрения, а также невозможность окончательного разрыва с идеализмом

Развитие антропологических идей Герцена следует рассматривать именно как последовательную смену ориентации на разнообразные образцы, как непрерывную попытку сформулировать представления об антропологическом идеале, выраженном в определенном типе: «дилетант», представитель «касты ученых», «нигилист», «скиф». Как и в работе «Дилетантизм в науке», Герцен не может окончательно принять основания одного из типов, не может сформулировать антропологический идеал. Если в первых двух диалогах он акцентировано занимает позицию условного антропологического типа #1, то в диалоге «Consolatio» тяготеет к основаниям антропологического типа #2, вкладывая в уста собеседника-врача (тип #1) фразу: «Я знал, что мы с вами после нескольких слов переменим роли или, лучше, что вы обойдете меня и очутитесь с противоположной стороны» [3, С. 95]. Парадоксальность позиции автора компенсируется неизменностью представленных стратегий освобождения человека.

Антропологическая задача философии Герцена в книге «С того берега» становится более прозрачной, когда мы обращаемся к идейному наследию другого отечественного мыслителя – Николая Константиновича Михайловского (1842–1904). Будучи во многом последователем идей Герцена, Михайловский, чуждый исходным положениям гегельянства, в своих социально-философских изысканиях упростил диалектические эксперименты автора «С того берега», обобщив ряд его положений и создав типологию исторических фигур «бунтующего человека», антропологических типов «подвижника» (соответствует антропологическому типу #1) и «вольницы» (соответствует антропологическому типу #2).

Антропологический тип «подвижника», опираясь на принципы радикального реализма, выступает на арене истории с пассивным протестом, он отрекается от действительного мира, который по «пророчеству» Герцена обречен на гибель. Цель бунта «подвижников» в социально-философской и историко-антропологической трактовках Михайловского состоит в установлении человеком самобытной жизни, которая будет способна сохраниться после исторической катастрофы. Таким образом, речь идет о проблеме автономии личности.

Для антропологического типа «вольницы» характерно «требование всего» [4, стб. 744]. Бунт «вольницы» – это активный протест, революционная борьба за установление социальной справедливости, с акцентуацией на должном. «Вольница» добивается своих прав и свобод, торжества справедливости, что следует рассматривать как революционную стратегию освобождения человека.

Таким образом, стратегии освобождения человека, определенные Герценом в диалоговых очерках «С того берега», ориентировались на достижение персоналистического идеала – суверенной личности. Диалоговая форма ключевых глав была призвана разрешить при помощи диалектического приема внутренние противоречия в убеждениях Герцена, определявшие невозможность формулировки антропологического идеала. Образ суверенной личности, тем не менее, был этим идеалом и определял социально-философские и антропологические искания в индивидуалистической линии философии русского народничества, основанной на принципах «имманентного субъективизма» (Р. В. Иванов-Разумник).

Список литературы

1. Гинзбург Л. Я. «С того берега» Герцена. (Проблематика и построение) // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. – 1962. – т. XXI. – Вып. 2. – С. 112–124.
2. Хестанов Р. З. Александр Герцен: импровизация против доктрины. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 344 с.
3. Герцен А. И. С того берега // Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 томах. – Т. 6. – М.: Наука, 1955. – С. 7–143
4. Михайловский Н. К. Литературные заметки 1879 г. // Михайловский Н. К. Сочинения в 6 т. – Т. 4. – СПб.: Русское богатство, 1896.

Vyazinkin A. Y. The Strategy of Release of the Person in Dialogues «From the Other Shore» of A. I. Herzen

The article is developed the philosophical problem of liberation of the person in the context of dialectic receptions of A. I. Herzen in the book “From the other shore”. The dialogical form of some heads of work is considered as attempt to

define an anthropological ideal of the sovereign personality in the system of the anthropological types developed within philosophy of the Russian Narodnik's. Defined the main strategies of liberation of the person which is offered by the thinker.

Keywords: A. I. Herzen, N. K. Mikhaylovsky, sovereign personality, Russian Narodnik's, philosophy of dialogue, dialectics.

УДК 654.197

ДИАЛОГ В НОВОСТНЫХ РЕПОРТАЖАХ В КРЫМСКОМ РЕГИОНАЛЬНОМ ТЕЛЕЭФИРЕ

Громова Е. Б.

*Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: katerinagromova1964@yandex.ru*

В тезисах рассматривается потенциал диалога в информационных сюжетах региональных телевизионных новостей (на примере «Вести. Крым» ТРК «Таврида» (Россия1))

Ключевые слова: инфотейнмент, философский диалог, стендап, анонс, лайф-ту-тейп(ЛТТ)

Исходя из принципа общедоступности телевидения, мы вправе назвать новостные региональные телевизионные программы «грошевой прессой» нашего времени, создаваемой за государственные деньги. Наша цель – выявить, выходят ли новостные тексты за границы медийности, задают ли «ценностную парадигму восприятия действительности, актуальную повестку дня»? [1, С.103]. И в какой степени диалог, как коммуникативная компонента СМИ, помогает это делать?

Контентный мониторинг новостных информационных выпусков «Вести Крым» (Телерадиокомпания «Таврида») показывает, что даже в жестком формате информационного сюжета можно обнаружить ресурс диалога о главных вопросах человеческого бытия, переключку прошлого и настоящего, опознать «встречное течение» жизни [2, С. 28] как реакцию на пропагандистскую интенцию. В основе этого диалога – некая «сверхценность» новостного сюжета, которая обязательно присутствует в новостных выпусках, построенных не по принципу жесткой (как, например, в формате «Евроныюз») новости. Эта «сверхценность» остается после ответа на обязательные новостные вопросы («Кто? Что? Где? Когда?», в некоторых случаях «Почему?», а также «С какой целью?»), и позволяет удерживать внимание зрителя. В новостях это называют «инфотейнментом» (т. е. информируя-развлекаю). Это совокупность контентных и формообразующих приемов, которые позволяют эффективно поддерживать успешный диалог со зрителем.

В первую очередь это – отбор фактов-«эндемиков», особенно важных для региональных новостей.

Эфирный выпуск 30 мая «Вести: Крым» (Телерадиокомпания «Таврида») [3] содержит несколько сюжетов. Севастополец Сергей Лисейцев как многодетный отец получает в Кремле награду из рук Президента. При бедственном положении больницы с обвалившейся штукатуркой в пгт. Ленино, никто из пациентов не жалуется на персонал, врачей и медсестер хвалят. В Крыму ликвидируют ялтинскую киностудию, которая существует с 1917 года и всегда была одним из основных культурных маркеров Крыма. В ялтинской спортивной школе тренеры написали заявления об увольнении. Это – реакция спортивных педагогов на смену по воле министерства директора, который руководил школой более тридцати лет. Молодой директор не имеет отношения ни к педагогике, ни к футболу, зато «приехал с материковой части». Ситуация для Крыма вполне типичная, легко считываемая местной аудиторией. Борьба поколений, молодости со зрелостью, «чужих со своими» – современный крымский социальный стереотип. Умному зрителю понятны и другие, «эндемичные» для Крыма, фрагменты новостной повестки. Например, история о том, как обманули керчан-соседей

Крымского моста. Им обещали построить новые дома, но сегодня 25 семей по-прежнему живут вдоль технической дороги, их жизненное пространство превратилось в свалку. В той же Керчи один из жильцов водрузил на стену многоквартирного дома барельеф В. И. Ленина, отбитый у «металлистов». И никто в доме не возражал против этого – ситуация, которую трудно было бы представить во многих регионах, например, Украины. Заслуга новостей в том, что они «легитимизируют» эти эндемичные крымские факты, артикулируют их [4].

Не менее важный компонент диалога – это *эмоции*, т. е. приверженность не только фактам, но и впечатлениям. «Вести. Крым» [5] рассказывают об официальном старте курортного сезона. Отдыхающий в восторге произносит: «Всем на море! Вода изумительная!» «Мы просто в восхищении!» – восклицают туристы на тропе Голицына. Сама ведущая верхом на лошади на Ай-Петре не может обойтись без «ВАУ!» Как «дочке» телекомпании «России 1», программе «Вести. Крым» важно сделать пиар полуострову для интернет-зрителей из других регионов. А в пиаре без эмоций обойтись невозможно/

И третий компонент – это сами *герои сюжетов*.

«Полтонны мусора за час (!) поднимают спортсмены – любители со дна моря» – сообщает автор следующего сюжета. Чтобы собрать один полный мешок мусора, нужно нырнуть до 10 раз, все участники совершают погружение на задержке дыхания, никакое оборудование не используется, и работа эта не оплачивается. «Все происходит на глазах у отдыхающих, кто-то благодарит, а кто-то пытается помочь» – замечает журналист. «Если не помощь этих людей, – говорит девушка в купальнике, – я не знаю, кто бы это делал». В другом сюжете спортсмены переплывают керченский пролив. Среди них Брайни Фэни, 62 года, которая прилетела из Лондона, чтобы принять участие в заплыве. Она вспоминает о победителе заплыва на Босфоре – мужчине, которому было 88 лет. Один из пловцов говорит: «Это для меня возможность соединить берега, такие важные для всей страны».

И окончание выпуска: ведущий напоминает о страничках «Вести. Крым» в соцсетях, и призывает к диалогу: «если есть новости, сообщайте, мы – приедем». «Стендап» (прямое обращение к зрителю журналиста), «лайф-ту-тейп» (когда журналист без закадрового текста «интегрируется» в реальность, проживает моменты жизни вместе с героями сюжета, рассказывая об этом), съемка корреспондентом «сэлфи» на фоне действия будущего сюжета как анонс программы, – эти приемы тоже помогают поддерживать диалог со зрителем. Впрочем, и совершенно неожиданная для «Вестей» рекламная заставка на трех языках, признанных в Республике Крым государственными – русском, украинском, крымско-татарском, обещают его активное продолжение.

Таким образом, контентный мониторинг информационных выпусков «Вести. Крым», показывает методы и модели поддержания диалога с аудиторией в формате профессионально подготовленного новостного сюжета, что в конце концов способствует формированию ценностной парадигмы восприятия действительности и актуальной повестки дня.

Список литературы

1. Чернов А.В. «Власть тьмы» в «Водовороте»: драма Толстого как повод и обоснование публицистического выступления уездного градоначальника // Медиаальманах. Издательство МГУ им. М. В. Ломоносова, факультет журналистики. – 2018. – № 2 [85] – С. 102–109
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 648
3. Вести-Крым: эфир 30.05.2019. URL: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-30-05-2019-2045> (Дата обращения: 06.06.2019)
4. Вести-Крым: эфир 01.08.2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=MK_1_VheOdw (Дата обращения: 06.06.2019)
5. Вести-Крым: эфир 03.06.2019. URL: <https://vesti-k.ru/vesti-krym-efir-03-06-2019-1125/> (Дата обращения: 06.06.2019)

Gromova E. B. Dialog as the Element of the Crimea Regional Television News Programs

The resource of the dialog is analyzed in the text row of the regional television news (“Vesti. Crim” (TRC “Tavrida” Rossia1)

Keywords: infotainment, philosophical dialog, stand-up, Life-to –tape (LTT)

ФИЛОСОФИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Данилова Н. Н., Холина Н. Н.

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: danani@list.ru

В докладе рассматривается лингвистический подход к пониманию философии диалога культур как формы межкультурной интеракции. Отмечается, что диалог является не только средством обмена информацией, но и способом гармонизации общественных и культурных межнациональных противоречий. В пространство культур входит и мир языков культур. Лингвистический анализ языковых единиц открывает возможности для изучения концептуальной и языковой картин мира носителей различных культур, способствуя достижению коммуникативного консенсуса.

Ключевые слова: диалог культур, философский подход, межкультурная интеракция, лингвистический анализ, коммуникативный консенсус.

В современных условиях активного общения между разными странами необходимо расширенное понимание диалога, которое может предложить философия, так как она помогает осмыслить межкультурный диалог и показать пути достижения его эффективности. Философия – это смысловой и этический фундамент для определения форм построения межкультурного диалога [1, С. 183], а диалогизм признается новой философской призмой современности [2].

Диалог можно рассматривать как форму интеракции не только в межличностном, но и в межкультурном плане. Он служит обмену информации различного рода. Актуальность такого диалога объясняется тем, что «национальное дробление» [3, С. 15] ведет к многообразию национальных культур, общение между представителями которых затрудняется, так как человеческое мышление оказывается ограниченным той культурой, к которой он принадлежит [3, С. 15]. И тогда диалог становится не только средством обмена информацией, но и способом гармонизации общественных и культурных межнациональных противоречий.

В пространство культуры входит в том числе и мир языков культур. При семиотическом подходе все элементы культуры рассматриваются как факты коммуникации. Поэтому только функциональное взаимодействие языковых и социокультурных процессов является условием успешного изучения коммуникативного поведения в аспекте межкультурного общения.

Для достижения коммуникативного консенсуса необходимо знание того набора ценностей, которые соответствуют видению мира членами другого культурного сообщества. В лингвистических исследованиях указывается, что, например, изучение семантических и культурных оснований частных оценок помогает выявить систему ценностных приоритетов, характерных для той или иной культуры [4, С. 104], как это можно наблюдать, в частности, при семантическом анализе таких коррелирующих слов русского, английского и немецкого языков:

- амбициозный
- ambitious
- ambitioes

В них имплицитно заложены противоположные оценочные семы, так как русское слово имеет отрицательную коннотацию, в то время как в английском и немецком языках коннотация положительная.

Лингвистический подход к анализу семантических структур коррелирующих лингвистических единиц разных языков открывает возможности для изучения концептуальной и языковой картин мира носителей различных культур и их роли в межкультурном диалоге, поскольку в кросс-культурной среде точное понимание значения языковых единиц способствует взаимопониманию коммуникантов.

Список литературы

1. Рзаева Р. О. Многообразие культур и философия диалога в современном мире // Век глобализации. – 2011. – Выпуск № 2 (8). – URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/136288/> (Дата обращения: 01.04.2019).
2. Борисов А. А. Диалог в лингвофилософском, социокультурном и межкультурном измерениях // Вестник МИЛ. – 2015. – №2. – С. 29–33.
3. Трубецкой Н. С. Вавилонская башня и смешение языков // Вавилонская башня: Слово. Текст. Культура // Ежегодные международные Чтения памяти кн. Н.С. Трубецкого – 2001 МГЛУ (16–17 апреля 2001г.). «Евразия на перекрестке языков и культур». – М., 2002.
4. Горячева Л. А. Семантические и культурные основания рационалистических оценок // Вавилонская башня: Слово. Текст. Культура. Ежегодные международные Чтения памяти кн. Н. С. Трубецкого – 2001 МГЛУ (16–17 апреля 2001г.) «Евразия на перекрестке языков и культур». – М., 2002. – С. 11–25.

Danilova N. N. Kholina I. M. Philosophy of Dialogue of Cultures (Linguistic Aspect)

The report dwells on the linguistic approach to the understanding of the philosophy of dialogue between cultures as a form of cross-cultural interaction. It is pointed that a dialogue is not only a means of exchanging information but also a way of harmonizing social and cultural cross-national contradictions. The domain of culture includes languages of different cultures. Therefore, linguistic analysis opens the door to the study of conceptual and linguistic worldview of representatives of different cultures, which in its turn facilitates the achievement of communicative consensus.

Keywords: dialogue between cultures, philosophical approach, cross-cultural interaction, linguistic analysis, communicative consensus.

УДК 141

ДИАЛОГ КАК ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ МЕХАНИЗМ ПЕРЕВОДА В СЕМИОТИКЕ КУЛЬТУРЫ Ю. М. ЛОТМАНА

Демин И. В.

*Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: ilyadem83@yandex.ru*

Анализируется трактовка перевода в семиотической концепции Ю. М. Лотмана. Перевод, будучи элементарным актом мышления и универсальным механизмом создания текстов культуры, описывается Лотманом как диалогический процесс. Новизна предложенного Лотманом подхода состоит в том, что диалог интерпретируется не как обмен информацией в рамках единого культурно-семиотического пространства, но как поиск общего языка в условиях несовпадения семиотических кодов участников коммуникации.

Ключевые слова: семиотика культуры, язык, перевод, культурная коммуникация, диалог.

Разработанная Ю. М. Лотманом и другими представителями Московско-тартуской школы трактовка культуры является оригинальной версией лингвистически и семиотически ориентированной философии и может быть поставлена в один ряд с исследованиями Эрнста Кассирера, Ролана Барта, Мишеля Фуко, Клиффорда Гирца [1, С. 10–17].

Категория перевода, наряду с понятиями диалога и границы, играет решающую роль в культурно-семиотической концепции Лотмана. Оригинальность и новизна этой концепции в значительной степени определяется тем фактом, что Лотман выходит за рамки узколингвистического понимания перевода и рассматривает данный феномен в широком философско-культурологическом контексте.

Семиотическая теория культуры Лотмана базируется на презумпции полиглотизма культуры. Множественность языков представляет собой *исходную данность* культурно-исторического бытия. Языка в единственном числе, строго говоря, не существует. Как культурно-семиотический феномен язык может функционировать, рассматриваться и изучаться лишь в контексте полиглотического пространства культуры.

Полиглотизм культуры проявляется на всех уровнях коммуникации, в том числе и на уровне межличностного общения. Всякий социальный субъект изначально погружен в многоязычную, полиглотическую среду. «Культура каждого коллектива представляет собой

совокупность языков и каждый из его членов выступает как своего рода “полиглот”» [2, С. 397]. При этом язык отправителя сообщения в полной мере никогда не совпадает с языком получателя сообщения. Из этого следует, что любая форма знаковой коммуникации предполагает *акт перевода*, который определяется Лотманом как «элементарный акт мышления» [3, С. 193].

Культура в ее семиотическом измерении характеризуется не только *множественностью* языков, но и их принципиальной *разнородностью*. Погруженные в пространство культуры языки различны по своей природе, происхождению, семантическим, синтаксическим и прагматическим параметрам. Значение категории перевода в контексте семиотической теории культуры связано с тем обстоятельством, что соотношение различных языков семиосферы может быть описано лишь в терминах «переводимости» / «непереводимости». Спектр возможных способов соотносительности языков простирается от их полной взаимной переводимости (взаимно-однозначный, машинный перевод) до полной непереводимости и несоизмеримости. Эти две модели находятся на противоположных полюсах семиосферы и в реальной культурной коммуникации не реализуются в чистом виде, однако, в пространстве *между* ними локализуется все многообразие конкретных коммуникативных взаимодействий. Реальные акты межъязыкового взаимодействия всякий раз осуществляются в ситуации *частичной* переводимости / непереводимости. Категория перевода в культурно-семиотической теории Лотмана, таким образом, приобретает статус *универсального мерила* культурной коммуникации как таковой.

Процесс перевода, в результате которого генерируются новые тексты культуры, описывается Лотманом как *диалогический* процесс. Если перевод есть элементарный акт мышления, погруженного в культурно-семиотическую среду, то диалог есть «элементарный механизм перевода» [3, С. 193]. Трактовка диалога у Лотмана обусловлена общим пониманием культуры как сложной *полиглотической* системы, а культурной коммуникации – как *межъязыкового* взаимодействия. Общий язык не рассматривается более как *условие возможности* диалога, напротив, сам диалог становится возможен и необходим в ситуации *отсутствия общего языка*, в условиях несовпадения (не полного совпадения) семиотических кодов участников коммуникации.

Диалогическая ситуация (то есть сама *возможность* диалога) возникает там, где имеются семиотические барьеры и границы. Цель участников коммуникации в этом случае состоит в преодолении границ, в поиске и обретении общего языка. Однако «если без семиотического различия диалог бессмыслен, то при исключительном и абсолютном различии он невозможен» [3, С. 193]. Трактовка диалога как элементарного механизма перевода предполагает, что языки участников коммуникации не могут быть тождественными (или «симметричными», то есть подающимися взаимно-однозначному переводу), но они не могут быть и абсолютно несоизмеримыми. Диалог (а, следовательно, и перевод) возможен в пространстве *между* полной тождественностью языков (монологическая и моноглотическая модель культурной коммуникации) и их абсолютной несоизмеримостью. Содержание процесса диалога состоит в том, что «для выработки общего языка каждый из участников ситуации стремится перейти на “чужой” язык» [3, С. 193]. В процессе диалога происходит столкновение двух текстов на разных языках, «из которых каждый стремится преобразовать противоположный по своему образу и подобию, трансформировать его в “перевод на себя”» [4, С. 419].

Таким образом, в семиотической концепции Лотмана перевод оказывается не просто неотъемлемым компонентом всякой культурной коммуникации, его можно определить в качестве универсального механизма межъязыкового взаимодействия как такового.

Список литературы

1. Семиотический поворот в социально-гуманитарном познании: истоки, предпосылки, культурный контекст: коллективная монография / отв. ред. И. В. Демин. – Самара: Самар. гуманитар. акад., 2018. – 270 с.
2. Лотман Ю. М. Культура и информация // Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: «Искусство-СПБ», 2010. – С. 393–399.

3. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
4. Лотман Ю. М. Проблема «обучения культуре» как типологическая характеристика // Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: «Искусство-СПБ», 2010. – С. 417–425.

Demin I. V. Dialogue as an Elementary Mechanism of Translation in Lotman's Semiotics of Culture

The article analyzes the interpretation of translation in Lotman's semiotic concept. Translation is an elementary act of thinking and a universal mechanism for the creation of cultural texts. Lotman describes the translation as a dialogic process. The novelty of Lotman's approach is that the dialogue is interpreted not as an exchange of information within a single cultural-semiotic space, but as a search for a common language in the context of a mismatch between the semiotic codes of the participants in communication.

Keywords: culture semiotics, language, translation, cultural communication, dialogue.

УДК 1 (091)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «КРИТИКИ ЧИСТОГО РАЗУМА» П. Ф. СТРОСОНОМ КАК ПАРАДИГМА ДЛЯ КАНТОВЕДЕНИЯ

Евстигнеев М. Д.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация

E-mail: racdonny@gmail.com

В докладе планируется представить анализ интерпретации «Критики чистого разума», предложенной П. Ф. Стросоном. Предполагается, что интерпретация Стросона имеет парадигмальное значение для исследования кантовского творчества. В рамках выступления будут продемонстрированы основные аспекты, в которых интерпретация Стросона является особенно значимой в перспективе современного кантоведения. Среди этих моментов: попытка интерпретации «Критики» в русле им же разработанной дескриптивной метафизики, рассмотрение работы в рамках т. н. трансцендентальной аргументации и, наконец, интерпретация «Критики» в свете разделения на релевантную доктрину опыта и некогерентный трансцендентальный идеализм. Будет показано, как эти моменты отражаются в исследованиях ведущих современных кантоведов и, тем самым, обозначены стросонианские и анти-стросонианские тенденции современного кантоведения.

Ключевые слова: П. Ф. Стросон, И. Кант, кантоведение, трансцендентальный идеализм, трансцендентальный аргумент, дескриптивная метафизика

Некоторые интерпретации остаются в истории в качестве, пускай не истинных, но обладающих парадигмальным значением. Стросоновская интерпретация, безусловно, принадлежит к этой группе. В докладе не ставится вопрос об ее соответствии кантовскому тексту, скорее, задача заключается в том, чтобы показать какие аспекты стросоновской интерпретации особенно значимы для современного кантоведения.

Стросон изложил свою интерпретацию «Критики чистого разума» в книге «Границы смысла» (The Bounds of Sense), вышедшей в 1966 году [3]. Стросоновская интерпретация оказалась чрезвычайно влиятельной: от нее принято отсчитывать новый виток в истории кантоведения как дисциплины. Ниже будут проанализированы основные аспекты стросоновской интерпретации.

1. Имя Стросона, в первую очередь, связано с понятием дескриптивной метафизики. Дескриптивная метафизика – это проект, изложенный в книге «Индивиды» – Стросон полагает, что метафизические теории можно разделить на две группы: на дескриптивную и ревизионистскую. В то время, как дескриптивная занимается лишь экспликацией актуальной структуры опыта, ревизионистская пытается предложить лучшую, другую. Стросон называет также предшественников своего проекта – Аристотеля и Канта, тем самым указывая, что в философии Канта содержится дескриптивная метафизика [2, С. 9].

Проект дескриптивной метафизики мотивирован двумя проблемами.

(i) Проблема отношения идеального и естественного языка: философия обыденного языка Д. Остина продемонстрировала недостаточность языков описания предшественников. Стросон, продолжая проект Д. Остина, полагает, что обыденный язык представляет из себя не логически несостоятельный набор предложений, а является целым, обладающим некоторой внутренней логикой, определяющей то, как мы думаем о мире и воспринимаем его. Соответственно, задачей метафизики, согласно Стросону, является экспликация этой внутренней логики.

Такая постановка проблематики позволяет рассматривать философию Канта, как раз в перспективе дескриптивной метафизики. Корни кантовского проекта дескриптивной метафизики можно обнаружить еще в докритическом творчестве: в эссе на премию академии наук он разделяет методы философии и математики на основании того, что первая проясняет понятия, в то время как вторая их создает [4]. Далее в «Критике» это разделение выливается в различие между аналитическими и синтетическими суждениями. Это различие, однако, не является различием в логической форме – это семантическое различие, причем основанное на различии между конструированием и прояснением. Стросон указывает, что Кант недооценил социального характера познания, однако, поскольку Канту был известен прото-куайновский аргумент о проблемах разделения суждений на аналитические и синтетические, то следует думать, что парадигма рассмотрения Канта в рамках дескриптивной метафизики эвристически бесполезна.

(ii) Вторая и, возможно, главная задача дескриптивной метафизики заключается в том, чтобы опровергнуть скептицизм. Причем опровергнуть скептицизм предполагается посредством аргумента, носящего название трансцендентальный.

2. Второй аспект – это трансцендентальные аргументы. Трансцендентальным следует называть такой аргумент, который, посредством демонстрации некоторой необходимой структуры наших мыслей о мире, показывает, что скептицизм бессмысленен. Причем не потому что доказано существование предмета скепсиса, а потому что скептический вопрос даже не может быть корректно задан.

Полагается, таким образом, что Кант, поскольку предлагает дескриптивную метафизику, использует этот вид аргумента. Аргумент, который использует Кант, носит название *дедуктивного* и выстроен по модели: q есть необходимое условие p , поскольку p имеет место, то имеет место и q . Причем, важно, чтобы q было единственным возможным объяснением p .

По вышеописанной модели можно истолковать и основные аргументы Канта: *дедукцию категорий* (Стросон, правда интерпретирует не всю дедукцию); аргументы *эстетики, основоположений, опровержения идеализма* и т. д. Стратегия интерпретации «Критики» в рамках трансцендентальных аргументов, правда, сильно ограничивает возможности кантовского текста. С этим связан последний, третий аспект рассмотрения.

3. Стросона принято рассматривать как отца основателя аналитического кантоведения. На данный момент границы этого термина сильно размыты, однако я предпочитаю понимать под ним такой способ интерпретировать или комментировать кантовский текст, который полагает, что в нем можно выделить когерентную и приемлемую часть и отбросить остальное. Сам Стросон предложил проект сепарирования метафизики опыта от трансцендентального идеализма, с демонстрацией некогерентности последнего. Тем самым, он предлагает ряд тезисов в контексте которых демонстрируется, что а) метафизика опыта Канта является независимым от трансцендентального идеализма проектом и б) что последний представляет собой некогерентную доктрину, противоречащую фундаментальными посылкам «Критики». Под «фундаментальными посылками» «Критики» Стросон понимает эпистемологическое разделение на партикулярии и их общие репрезентации – он указывает, что это фундаментальное различие, необходимое для всякой эмпирически-ориентированной философии [3, С. 72]. Далее Стросон приводит положение, которое называет «принципом значения» – суть его заключается в том, что «не может быть легитимного или даже осмысленного применения идей или концептов, которое не соотносит их с эмпирическими или экспериментальными условиями их применения» [3, С. 14]. Стросон полагает, что ему удастся

продемонстрировать, как положительная доктрина «Критики» при помощи этих положений эксплицируется без трансцендентального идеализма.

Интерпретация Стросона оказалась чрезвычайно влиятельной и породила множество дискуссий в научном сообществе. Так в одной из последних книг, посвященных интерпретации трансцендентального идеализма Канта, Л. Эллайз анализирует теоретическую оппозицию Эллайз-Стросон, как парадигмальную для современного кантоведения [1, С. 7]. Сама она полагает, что ей удалось избежать работы в этой парадигме, поскольку как проponentы стросонианского кантоведения, так и их оппоненты движутся в единой логике поставленных Стросоном проблем. Этим и объясняется значимость его творчества. Особенно это становится ясно в контексте того, что интерпретаторские работы последних лет нацелены на преодоление стросонианского способа рассматривать философию Канта.

Список литературы

1. Allais L. Manifest Reality: Kant's Idealism and his Realism. New York: Oxford University Press, 2015. 329 P.
2. Strawson P. F. Individuals: An Essay in Descriptive Metaphysics. London: Routledge, 2003.
3. Strawson P. F. The Bounds of Sense: An Essay on Kant's Critique of Pure Reason. London: Routledge, 2006.
4. Кант И. Исследований ответственности принципов естественной теологии и морали. – Москва: Чоро, 1994. – С. 159–190.

Evstigneev M. D. Strawson's Interpretation of "Critique of Pure Reason" as a Paradigm of the Kant Studies

This paper is dedicated to analysis of Strawson's interpretation of Critique of Pure Reason. I propose that Strawson's interpretation has paradigmatic significance for Kant-scholarship. The paper will demonstrate the main aspects in which the interpretation of P. F. Strawson is particularly significant in the perspective of modern Kant studies. Among other aspects: strawsonian attempt to interpret Critique in the case of descriptive metaphysics, attempt to consider Critique within so-called transcendental arguments and finally, the tendency in strawsonian Kant-scholarship to interpret Critique in the light of the division into relevant doctrine of experience and incoherent transcendental idealism. It will be shown how these aspects are reflected in the studies of leading modern Kant-scholars that provide the ground for discussion of strawsonian and anti-strawsonian tendencies of modern Kant studies.

Keywords: P. F. Strosion, I. Kant, Kant studies, transcendental idealism, transcendental argument, descriptive metaphysics

УДК 13:27:94(470)

КОММЕНТАРИИ В. В. РОЗАНОВА К «МЕТАФИЗИКЕ» АРИСТОТЕЛЯ КАК ФОРМА ДИАЛОГА

Едошина И. А.

*Костромской государственный университет, г. Кострома, Российская Федерация
E-mail: tettixgreek@yandex.ru*

В докладе раскрываются причины обращения В. В. Розанова к комментированию «Метафизики» Аристотеля, отмечается специфика комментариев, носящая нескрываемый личный характер. Выдвигается тезис, что именно эта специфика носит диалогический характер, восходящий к древним значениям слова «диалог». Дается краткая типологическая характеристика, приводятся несколько примеров.

Ключевые слова: «Метафизика» Аристотеля, В. В. Розанов, перевод, комментирование, типология, диалогическая природа.

В 1887 году оставленный женой Василий Розанов уезжает из Брянска в Елец и поступает на работу в гимназию. Здесь он знакомится с учителем классических языков Павлом Дмитриевичем Первовым (1860–1929), впоследствии известным переводчиком и преподавателем в Лазаревском институте восточных языков в Москве. П. Д. Первова влечет к В. В. Розанову не только неординарность личности нового педагога, но еще его библиотека, в

которой было немало философской литературы на иностранных языках. Потому он часто бывает у В. В. Розанова.

Постепенно рождается совместная идея «пересаживать» на русскую почву «крупнейшие достижения великих философов человечества» [4, С. 96]. Начать решили с Аристотеля не только потому, что *он был завершителем античной философии и родоначальником средневековой философии*, как пишет П. Д. Первов. Была и другая причина. В. В. Розанов, по его признанию, так глубоко и искренне почитал Аристотеля, что еще в Брянске стал переводить «Метафизику»: ему хотелось понять сущность Аристотелевых терминов, например, τὸ τί ἦν εἶναι, ἐντελέχεια [5, С. 161].

В совместной деятельности П. Д. Первов переводил Аристотеля, а В. В. Розанов комментировал. Но комментарии эти оказались столь своеобразны, что вызвали недоумение со стороны Э. Л. Радлова и Н. Н. Страхова, когда речь зашла о публикации¹. Часть комментариев (возможно, под влиянием критических замечаний) носила вполне традиционный характер: делались отсылки либо на другие тексты самого автора, либо что-то уточнялось в области терминологии, либо привлекались иные авторы, давались краткие характеристики встречающихся имен философов, пояснялись греческие слова, уточнялись их значения (особенно в области терминологии) и пр. Подобные комментарии невелики по объему и в основном информативны. Иной объем комментарии приобретали, когда В. В. Розанов начинал сопоставлять Аристотеля с другими мыслителями, когда излагал учение какого-либо философа. В его комментариях встречаются возражения Аристотелю со стороны самого комментатора, защита Платона от критики со стороны Аристотеля и пр.

Но каковы бы ни были комментарии В. В. Розанова по содержанию, они нескрываяемо личностны. В. В. Розанов не просто комментирует, но так или иначе относится к читаемому тексту, что позволяет говорить о диалогической природе этих комментариев, причем в самом древнем, изначальном смысле.

Диалог возник в пределах празднования культа бога Диониса, который положил начало театральному искусству. К. Кереньи пишет, что «до Феспиды кто-то просто поднимался на стол (ἐλεός), на котором расчленили жертвенное животное, и отвечал хору. Так развивался диалог» (пер. с нем. Л. Ф. Поповой) [3, С. 205]. Кереньи здесь напрямую следует за Аристотелем, который связывает развитие диалога с разговорной речью, потому использует слово «λέξεως» (речь) как синоним слову «диалог» (Περὶ ποιητικῆς, 1449a). Причем эта речь аналогична той, что используется в обыденной жизни при общении – беседе друг с другом. Впервые главную роль диалог стал играть в драме только при Эсхиле, который ввел второго актера (до этого был один в качестве помощника автора). Однако в общении была своя особенность: актеры разговаривали (в силу четкой ранжированности: πρωταγωνιστής, δευτεραγωνιστής) не столько между собой, сколько с теми, кто пришел в театр. Это значение в слове «диалог» станет определяющим в моих дальнейших рассуждениях.

В. В. Розанов хорошо знал историю философии, античной в том числе, о чем свидетельствуют его комментарии к «Метафизике» Аристотеля. Своеобразие этих комментариев заключается в том, что он смог в них прикоснуться «к подлинной аристотелевской мысли» и остаться «на ее уровне» [2, С. 9]. Однако В. В. Розанов не только остался на уровне Аристотелевой мысли, но вступил с ней в диалог, что было в принципе свойственно специфике его мышления. Не случайно свящ. П. А. Флоренский видел в текстах В. В. Розанова (например, в «Уединенном») драму [6, С. 68]. А драма немислима без диалога. Кроме того, диалог – древнейшая форма изложения философской мысли.

Многие комментарии Розанова являются полисемантическим откликом на мысли Аристотеля. Это могут быть грамматические разъяснения, как в случае с термином τὸ τί ἦν εἶναι, которые позволяют В. В. Розанову прямо в самом комментарии заключить: «Определение сущности как τὸ τί ἦν εἶναι или, если мы верно угадали смысл этого буквально не переводимо термина, как “то, что делает то, в чем оно есть, тем, что оно есть”» [1, С. 85].

¹ Они переведут пять книг «Метафизики», которые опубликуют в Журнале Министерства Народного Просвещения в течение 1890-1895 гг.

Часто розановский комментарий представляет его собственные размышления над текстом Аристотеля: это могут быть суждения, развитие аристотелевских мыслей или отношение к ним. Например, в связи с приводимой Аристотелем связью между законом и мифом, В. В. Розанов замечает: «У нас законы – продукт кабинетной работы ученых юристов, в Греции же они отличались народным характером, рождались на площади; они были простою записью исторически сложившихся обычаев...» [1, С. 88]. В другом месте он спорит с Аристотелем, упрекающим «тех, которые идеи принимают за причины»: «...возражение Аристотеля было бы справедливо ... если бы те новые вещи (идеи), которые выдумываются для объяснения известных (действительных), были совершенно тождественны с ними. Но идеи, как вечные и неподвижные понятия, конечно, проще сравнительно с действительными вещами, которые сложны из своих логических оснований и того, в чем проявляются последние (вещество), и, сверх того, еще подлежат изменению» [1, С. 66].

Даже приведенные примеры позволяют увидеть, сколь необычны комментарии В. В. Розанова, и необычность эта коренится в их диалогической природе.

Список литературы

1. Аристотель. Метафизика / пер. с греч. П. Д. Перлова и В. В. Розанова. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – 232 с.
2. Библихин В.В. К переводу «Метафизики» Аристотеля // Аристотель. Метафизика. Пер. с греч. П.Д. Перлова и В. В. Розанова. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – С. 7–18.
3. Кереньи К. Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни / Пер. с нем. – М.: Ладомир, 2007. – 319 с.
4. Перлов П. Д. Философ в провинции // В. В. Розанов: Pro et contra: в 2 кн. Книга 1 / сост., вступ. статья и комм. В. А. Фатеева. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 88–101.
5. Письмо В. В. Розанова к В. И. Герье от 2 апреля 1887 г. // Непопулярный наставник и его верный ученик. Переписка В. Герье и В. Розанова. Публ. и комм. В.Г. Сукача / Россия XXI. – 2003. – № 5. – С. 159–161.
6. Письмо свящ. П. А. Флоренского к В. В. Розанову от 26 марта 1912 г. // Розанов В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники. Книга вторая / под общ. ред. А. Н. Николюкина. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. – С. 66–70.

Yedoshina I. A. V. V. Rozanov's Comments on Aristotle's "Metaphysics" as Dialogue Form

In theses the reasons of the appeal of V. V. Rozanov to commenting of "Metaphysics" by Aristotle reveal, the specifics of comments carrying are noted it is not hidden personal character. By the author of theses it is claimed that these specifics have the dialogical character which is going back to ancient word meanings "dialogue". Short typological characteristic is given, several examples are given.

Keywords: Aristotle's "Metaphysics", V. V. Rozanov, transfer, commenting, typology, dialogical nature.

УДК 101

ДИАЛОГ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРАКТИКА

Заранин О. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: zaraoleg@yandex.ru*

В докладе предлагается подход к вопросу об особенностях философской коммуникации с точки зрения диалога. Рассмотрение диалога в контексте соотношения априорной формы и ее содержательного наполнения позволяет выделить типы гетерономной и автономной философской коммуникации.

Ключевые слова: диалог, философская практика, автономия, гетерономия.

Само понятие «диалог» высвечивает проблему специфики философской коммуникации. Греческое слово «διάλογος» обозначает беседу. Сейчас мы под диалогом подразумеваем, прежде всего, классический вид философского текста – запись беседы с мудрецом. Но сегодня термин «диалог» обнаруживает множество других значений: это и повседневный разговор, и публичный обмен мнениями как форма общественной жизни, и речевой жанр, и

коммуникативная технология, и метод познания, и режим обработки информации и т. д. В атмосфере такой многозначности диалог как особый вид специфической – осмысленной – философской коммуникации легко смешивается с разговорами, обменом мнениями или познавательной активностью. Это создает видимость того, что для начала диалога в философии достаточно высказать свое мнение, артикулировать собственную точку зрения, предложить оригинальный взгляд на вещи, высказать провокационный тезис. Эта видимость возникает в *pendant* расхожему мнению о том, что философствование заложено в природе человека-философа, оно выражает его естественную потребность. Сведение философии к потребности, а философского диалога – к естественным формам речевой жизни (разговору, обмену мнениями или совместной деятельности) есть редукционизм того же типа, что и *metaphysica naturalis*. Его эпифеномен – эффект гетерономии, при котором философия инкорпорируется в нефилософские речевые формы (литературно-художественный диалог, научный диспут, повседневная разговорная речь и т. д.). Редукционизм проблематизирует само понятие философской коммуникации, делая его ситуативно перегруженным. Философская коммуникация, погруженная, например, в речевую ситуацию познания, изменится и будет уже качественно другой, если рассматривать ее с точки зрения ситуации нравственной жизни. Это не просто типологическое различие, но дефицит сущностной идентичности, прочитываемый как следствие редукции диалога к его эмпирическим проявлениям в речевой жизни. Обсуждать нравственную проблему с целью дать жизненный совет – это совершенно не то же самое, что обсуждать теоретическую проблему с целью прояснить значение исходных терминов и тем самым, возможно, снять саму проблему. Коммуникация превращается в совокупность коммуникаций, каждая из которых обладает ситуативной самодостаточностью и задействует отдельный язык. Вариативность узуса вытесняет грамматику с ее интенцией приведения к общему виду.

Но что если диалог может быть реализован напрямую в качестве некоей формы, приуроченной природой не человека-философа, а самим механизмом философской рефлексии? В качестве априорной формы без обращения к обстоятельствам, его вызвавшим, к вне-диалоговым обстоятельствам? В таком случае философская коммуникация способна продуцировать в качестве собственных возможностей разные речевые ситуации: познавательную, «пойэтическую» или нравственную, не впадая в противоречие между узусом и грамматикой. Это будет философское познание и философская нравственность, которые можно рассматривать, в противоположность гетерономии, как речевые феномены философской автономии.

Понятие философской автономии как коммуникативного феномена намечается в анти-редукционистском размежевании между диалогом как априорной формой именно осмысленной коммуникации и его эмпирическими проявлениями в речевой жизни, как например, обмен мнениями, дружеский разговор, совместное обсуждение или дискуссия. На вопрос – что есть в таком случае диалог как непосредственно реализуемая априорная форма? – мы можем ответить: философская **практика осмысления**. И тогда сослаться на феномен диалога в сократовско-платоновской традиции.

В качестве практики диалог не сводим к техническому навыку, которым можно овладеть и с успехом применять как некое средство, как форму речевой жизни. Сократический образец построения философской речи следует воспринимать не с точки зрения технического мастерства, формируемого риторикой, но с точки зрения практической целесообразности. Скажем так: если техника связана с достижением внешней цели и в этом смысле вызывается потребностью решить определенную задачу, то **философская практика**, напротив, с точки зрения внешних целей, выглядит явно избыточной, но это именно так, потому что практика имеет цель, видную и понятную только изнутри нее самой. Отсюда парадокс сократовского протретики: чтобы понять, зачем нужна философия человеку, этому человеку нужно быть уже в пространстве философской мысли. Выражение «речевая практика» в русле сократовско-платоновской традиции подразумевает, как бы мы сказали сегодня, автономную форму

речевой деятельности, избыточную с точки зрения вопроса о том, какой внешней цели она служит. Какова же цель практики философского диалога?

В качестве внутренней цели Сократ указывает «арете», высвобождает его из традиционного для греков контекста соперничества с другим («агон») и наделяет значением «превосходство над собой», которое проявляется, прежде всего, в речи. И обозначается как речь, в которой человек дает отчет в том, что и почему он говорит, как бы выходя из потока привычной речевой жизни в рефлексии того, что в этом потоке интуитивно ясно и очевидно. Аристотелевское требование непременно дать определение используемым понятиям, в конечном счете, восходит к сократическому стремлению выйти из круга неосознанного словоупотребления, за рамки обыденной речевой жизни. В этом стремлении теряется теоретическая «валидность» полученных определений, а имеет значение только сам процесс речевого контакта «Я» и «Ты», такого контакта, который разрывает неосмысленное, ситуативное речевое общение и требует особого коммуникативного усилия – усилия по осмыслению. Такой диалог как речь о речи уводит из мира вещей, к которому естественным образом отсылает язык, в область самоотчета, где теоретическое высказывание о том, что есть вещи, предваряет практическое усилие осмысления. Итак, особенность философского диалога, рассматриваемого в контексте различия практики и техники, заключается в том, что цель речи в нем состоит в изменении самой речи. Эту «речеперемену» и можно обозначить как осмысленность.

Итак, с точки зрения диалога можно выделить два типа философской коммуникации. Во-первых, тип гетерономной коммуникации, основу которого составляет редукция диалога как априорной формы к ее эмпирическим проявлениям в речевой жизни. Особенностью такого типа является то, что философская коммуникация встраивается в «чужие» речевые ситуации, откуда заимствует цель. Во-вторых, тип автономной коммуникации, который предполагает возможность реализации диалога непосредственно как априорной формы. Особенностью второго типа является способность коммуникации в виде философской практики продуцировать собственные речевые ситуации, охватываемые общей целью осмысления.

Zarapin O. V. Dialogue as a Philosophical Practice

The report proposes an approach to the question of the features of philosophical communication from the point of view of dialogue. Consideration of the dialogue in the context of the correlation of a priori form and its content allows us to identify the types of heteronomic and autonomic philosophical communication.

Keywords: dialogue, philosophical practice, autonomy, heteronomy

УДК 1 (091)

ПОНЯТИЕ «ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА» В ТЕОРИИ ГЕГЕМОНИИ АНТОНИО ГРАМШИ, И ЕГО РОЛЬ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА УЧЕНОГО И ОБЩЕСТВА

Зволев Н. П.

*Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: gilein@yandex.ru*

В докладе рассматриваются понятия «здоровый смысл» и «обыденное сознание» в теории гегемонии Антонио Грамши, и, особенно, в их отношении к роли интеллектуала в обществе. Будучи материалом и результатом рабочего процесса интеллектуала, эти понятия тесно связаны с историческим материализмом и классовым разделением общества. Но поскольку деление общества на два класса становится проблематичным, есть ли шансы, что мы сможем спасти теоретическую плодотворность этих понятий? И можем ли мы спасти роль интеллектуала? В качестве решения этих проблем предлагается рассмотреть интерпретацию теории гегемонии Грамши, представленную в подходе Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф.

Ключевые слова: обыденное сознание, здравый смысл, гегемония, Антонио Грамши, Эрнесто Лаклау, Шанталь Муфф.

С точки зрения Антонио Грамши, помимо материального базиса, в обществе можно выделить две системы, относящиеся к надстройке – политическое и гражданское общества. К первой системе будут относиться формальные институты, такие как суды, законодательные собрания, полиция. Ко второй – церковь, СМИ, школы. Господствующая социальная группа осуществляет свою власть как через аппараты принуждения в политическом обществе, так и через установление гегемонии в гражданском обществе.

Исследователь политической философии Грамши, Джозеф Фемиа определяет гегемонию как «порядок, при котором используется общий социально-моральный язык, в котором доминирует единственный концепт реальности, наполняя своим духом все способы мышления и поведения» [1, Р. 24]. Такой порядок формирует обыденное сознание человека, его мировоззрение и самоощущение как члена общества. Обыденное сознание является набором из навязываемых господствующей социальной группой представлений о мире, остатков таких представлений от предыдущих групп, элементов религиозных представлений, и как таковое оно не консистентно. Помимо таких «словесных» составляющих, обыденное сознание включает и «практические» элементы, то есть представления, которые были выработаны самим человеком, в его повседневном труде и общественной жизни. Поэтому в обыденном сознании зачастую можно найти противоречия между высказываемыми предпочтениями и нормами, на которые ориентируются люди, и их реальными действиями. Грамши называет такой феномен «противоречивым сознанием», в котором сталкиваются обыденное сознание и здравый смысл.

В своей теории гегемонии Грамши рассматривает два вида интеллигенции – органическую и традиционную. Для последней характерно восприятие себя как замкнутой группы людей, стоящих отдельно от остального общества, которые «чувствуют свою непрерывную историческую преемственность и свои “особые качества”» [2, С. 329]. Органическая интеллигенция возникает вместе с появлением господствующей социальной группы, в виде ее «приказчиков», то есть, выполняя функции доминирования в политическом обществе и осуществления гегемонии в гражданском обществе. При этом, роль ученого, или, в данном случае, философа трудно переоценить. Во-первых, каждое философское учение появляется в рамках определенных социально-исторических условий, которые служат предметом анализа философа, даже если продуктом этого анализа становится идеалистическая философия. Эти социально-исторические условия содержат как обыденное сознание своей эпохи, так и здравый смысл, который будет трансформирован философами в господствующую идеологию следующей эпохи. Во-вторых, философские системы проникают в массы, седиментируются, через преподавание этих систем в университетах и, пусть в более упрощенных формах, в школах. Это позволяет Грамши заявить, что «обыденное сознание – это фольклор философии» [2, С. 482].

Поэтому роль философа не ограничивается интеллектуальным обслуживанием элиты, ведь, с точки зрения Грамши, по мере все более очевидного расхождения обыденного сознания и здравого смысла, возникающего из-за накопления противоречий в обществе, философ будет вынужден перейти к критике обыденного сознания. Конечно, в представлении Грамши такой философ является философом практики, или марксистом, и противоречия, о которых он говорит – это противоречия между производительными силами и производственными отношениями, между буржуазными социальными отношениями и ростом классового сознания у пролетариата. Поэтому вопрос об актуальности теории гегемонии Грамши состоит в том, насколько актуален исторический материализм в современных условиях, насколько эти классовые противоречия очевидны сегодня, есть ли возможность как-то «модернизировать» его теорию, уйдя от проблемы классов. Такую попытку пересмотреть теорию Грамши предприняли Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф. Если в начале XX века политическое пространство делили между собой буржуазия и пролетариат, то, как считают Лаклау и Муфф: «Приумножение политических пространств, сложность и трудность их определения, является

главной особенностью развитой капиталистической социальной формации» [3, Р. 137]. В новых условиях, по мысли исследователей, исчезает привязка теории гегемонии к экономическому базису. При этом, обыденное сознание и здравый смысл продолжают играть в ней важную роль, оставаясь ключевыми инструментами для ее осуществления.

Список литературы

1. Femia J. Gramsci's political thought. Oxford: Clarendon Press, 1981. 303 p.
2. Грамши А. Тюремные тетради: В 3-х ч. Ч. 1. / пер. с ит. – М.: Полит-издат, 1991. – 560 с.
3. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics. Verso, 2001. 198 p.

Zvolev N. P. The Concept of “Common Sense” in the Theory of Hegemony of Antonio Gramsci and its Role in the Context of the Dialogue Between Scientist and Society.

This article deal with the concepts of “good sense” and “common sense” in the theory of hegemony of Antonio Gramsci, and specially in their relation to the role of intellectual in society. While being an input and output of the working process of intellectual, these concepts are closely related to the historical materialism and class division of society. But since the division of the society into two classes become problematic, are there any chances that we can rescue the theoretical fruitfulness of these concepts? And could we rescue the role of intellectual? As a solution to these problems this article suggests to consider the interpretation of Gramsci's theory of hegemony by Ernesto Laclau and Chantal Mouffe.

Keywords: common sense, good sense, hegemony, Antonio Gramsci, Ernesto Laclau, Chantal Mouffe

УДК 1 (091)

ДИАЛОГ. КОНЦЕПЦИЯ ВСЕЕДИНСТВА В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ СЕРГЕЯ ДУРЫЛИНА

Иванькович Л. В.

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Российская Федерация
E-mail: ljudaivankovich@gmail.com*

Диалог существует при наличии Другого. Играя заметную роль в творчестве С. Дурылина, эта мысль дополняется мыслью о том, что Другой есть Друг. В некоторых художественных произведениях С. Дурылина Бог является участником диалога. Только в союзе с Богом достигается истинное единство, истинная целостность. Именно Бог возводит необходимое всеединство. Через Бога, общение с ним, человек постигает и себя, и мир; именно Бог обеспечивает бытийность человека на земле.

Ключевые слова: человек, Бог, диалог, всеединство, познание, Другой.

Говоря о Другом, мы часто обращаемся к западной философской мысли: Л. Фейербах, М. Бубер, Э. Левинас, Г. Марсель, Ж.-П. Сартр и многие другие своими взглядами на «Другого» и его соотношение с Я дают представление о диалоге в философском и культурологическом контекстах.

Каждый из мыслителей предлагает свою концепцию, но все они имеют общее: Другой – не есть Я; Другой нужен. Я к нему стремится, пребывает с ним в отношениях, стремится к сближению, но продолжает существовать отдельно.

Тема Другого звучит и в русской философской мысли. Это и С. Франк, и П. Флоренский, и В. Розанов, и М. Бахтин и Вяч. Иванов, и В. Эрн. Русская мысль всегда выстраивалась на идеях близости, любви. Русский человек изначально, априорно близок Другому. В России философская мысль не могла ограничиться лишь рациональным постижением тех, кто нас окружает: только сверхрациональное постижение может дать ответ или попытаться его дать. Другой нам дан для постижения себя, для постижения Бога. Бог может являться Другим – это ярко отражено в творчестве Сергея Дурылина. Для русских мыслителей изучение, постижение Другого не может происходить отдельно от постижения Я. Поэтому в русской философии проблема Другого часто не выносится на первый план, а рассматривается лишь как сопутствующий вопрос, без явного ответа.

Определенной формой диалога и, следовательно, формой постижения себя и Другого, является письмо. Причем письма могут быть написаны как определенному адресату, так и вымышленному лицу. Под особенным углом зрения стоит рассматривать письма к дамам. Письмо к «даме» долгое время носило романтический, любовный характер, однако именно письмо к «даме» стало рассматриваться как философическое с легкой руки П. Я. Чаадаева, опубликовавшего в 1836 году первое из них в журнале «Телескоп». Линию «философического письма к даме» продолжают А. С. Хомяков, Д. В. Веневитинов, В. Соловьев, в их письмах просматривается наставнический тон со стороны адресантов. И сами письма скорее являлись статьями, нежели образцами эпистолярного жанра. Хотя, насколько ясно из содержания этих образцов, адресаты не всегда нуждаются в наставлениях. В беседе, размышлении, диалоге – безусловно.

Изучая творческое наследие Дурылина, приходишь к мысли, что мыслитель постоянно был в состоянии диалога. Его художественные произведения, его литературоведческие статьи – не просто традиционный диалог читателя и писателя. В переписке Дурылина Другой присутствует всегда. И он не один, как воображаемый Друг у Флоренского, и не «друг читатель», как у Розанова. Дурылин выстраивает целый мир Других, без каждого из которых он не может полноценно существовать. И только во всей этой полноте человек постигает себя, свою суть, свои основы, достигает единомыслия и приближается к постижению истины, заложенной в Боге.

Другой всегда связан с Я. Понять, каков Другой, в каких отношениях с Я он состоит, можно лишь обратившись к Я, поняв, что же есть Я такое. Творчество Дурылина часто синкретично, и понять, что есть такое человек, что есть Я, помогает его статья «Об ангелах», написанная в 1922 году во Владимирской тюрьме.

Человек, в понимании Дурылина, и близок к Богу, и далек от него. Но только в союзе с Богом достигается истинное единство, истинная целостность. Через Бога, общение с ним, человек постигает и себя, и мир; для диалога с Богом человек использует лучшее, что в нем есть: чувства и язык; именно Бог обеспечивает бытийность человека на земле.

Практически каждое письмо – это послание Другу, Другому, без которого что-то не может состояться в жизни автора. Женщин в жизни Дурылина было много: соратницы, друзья – но все единомышленники, желающие помочь, поддержать, быть рядом. Но не только с ними автор писем состоит в единомыслии, во всеединстве. Различные Другие возникают в ходе переписки, без которых не мог состояться Дурылин-философ.

В творчестве С. Н. Дурылина можно выделить целую иерархию Других: и коты, и бесы для него являются таковыми. В письмах мы увидели персонажей, которых всегда считали общедоступными: Лермонтов, Тютчев, Пушкин, Глинка и многие другие. Однако Дурылин сумел их сделать частью себя. Если общее, то и мое. Я – часть мира, часть Невидимого Града. С помощью диалога со своими Другими Дурылин познает себя и мир, выстраивает отношения и учится существовать, учится быть.

Ivankovich L. V. A dialogue. The Concept of Unity in the Epistolary Heritage of Sergey Durylin

A dialogue exists in the presence of the Other. For Durylin the Other is a Friend. The relations of the human with God are special. But it's only in alliance with God that one can achieve true integrity and unity. In some of the Durylin's writings God is involved into a dialogue. It's exactly God who leads to the essential solidarity. Through God and communication with him The Man comprehends himself and the world. For the dialogue with God the human uses the best of what is contained in him: the feelings and the language. It's exactly God who provides for the being of the man on the Earth.

Keywords: the man, God, dialogue, unity, cognition, the Other.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СИНГУЛЯРНОСТЬ КАК КОНТЕКСТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Карелин В. М.

*Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: Vlad.karelin@gmail.com*

Вопросы актуальной образовательной политики нередко напрямую касаются организации познавательной деятельности. Вместе с тем, вне поля зрения зачастую остается проблема формирования состояния технологической сингулярности, исключающей возможность как познания, так и управления сверхсложными технологическими и техносоциальными системами. Настоящее исследование анализирует особенности тенденций образовательной политики, формирующиеся в обозначенной перспективе.

Ключевые слова: технологическая сингулярность, образовательная политика, сложные системы, модернизация образования.

В современных дискуссиях о будущем образования и необходимости его реформирования можно выделить несколько проблемных полей. Одно из них – постоянные изменения социокультурной жизни и обусловленных ею процессов и феноменов, а следовательно, и изменение соответствующего этому содержания образования. Другое – обоснованное первым – развитие не только надежных методов усвоения знаний, но и методов получения новых знаний, а также стратегий гибкой адаптации к изменениям. Еще одна обширнейшая область – проблематика административной организации учебного процесса и эффективной ее перестройки в соответствии с этими переменами.

Есть и много других серьезных трудностей, однако в настоящее время планомерно формируется еще одна проблемная область, которая пока еще редко рассматривается в контексте образовательной политики. Речь о кумулятивном росте знаний, под которыми понимаются не только факты или данные, но и новые закономерности, методы, практики. Говорить об этом вопросе необходимо как о крайне остром, т. к. темпы прироста накапливаемых знаний превышают темпы развития средств анализа. Данная тенденция уже заявляет о себе в ряде дисциплин (в частности, в биоинформатике). В свете этого отрыв образования от производства и науки (не говоря о разрывах между уровнями образования) ставит под вопрос основания образования как социального института. Связанная с этим производственная проблема – работа со сложными системами новых типов, предполагающая управление ими, но планомерно исключающая доступность их полного понимания управляющим субъектом в силу их растущей технологической сложности. Формирующаяся при этом ситуация технологической сингулярности (о которой говорил еще фон Нейман) предстает как обгоняющая прирост возможностей познания сумма приростов сложности техносоциальных реалий.

В этом контексте велика роль образовательной политики, под которой следует понимать совокупность различных политик, прежде всего – социальной политики государства, политик отдельных образовательных институций, а также политики профессионального сообщества как выражения гражданской позиции.

Необходимость образовательной политики многолика, каждое из ее направлений можно определить ключевой задачей каждого из них. Первое направление – исследовательское: расширение возможностей средств познания и управления природой. Второе – управленческое: ограничение риска запуска спонтанных процессов в случае недостаточной управляемости систем, которые могут оказаться способными к технологической аутокоррекции, аутоконтролю и общей автономизации. Третье – легитимация социальной ценности образования, производимая представителями профессиональной образовательной среды.

Именно последнее названное направление делает регистр обсуждения темы максимум футурологическим, но никак не фантастическим. Вероятно, значимость образования как социального института, будет неуклонно снижаться. Можно прогнозировать девальвацию

образования даже как проекта «life-long learning» в силу его привычности и все большей тривиальности: уже в наши дни ясно, что многие профессиональные сферы непредставимы без постоянного повышения квалификации.

Сверхзадачей большинства стратегий образовательной политики при этом может оказаться стремление отсрочить приближение точки технологической сингулярности как состояния отчужденности субъекта не только от результата деятельности – включая познавательную, но и от средств, которые могут обретать автономию. Роль человека во взаимодействии с соответствующими системами – один из основных предметов образовательной политики. Релевантные этим системам образовательные стратегии – не только обучение адаптивности, но и разработка свернутых схем действия, позволяющих управлять сложными системами без подробного знакомства с их устройством, а при необходимости – разрабатывать механизмы ограничения их бесконтрольной активности.

Последним форпостом образовательной политики будет ее самооборона. Вероятнее всего, области социогуманитарного знания, особенно те, что наименее подходят для технологизации, будут использоваться в качестве средства обоснования ценности человеческого знания. Становясь предметом «новой архаики» они могут оказаться наиболее распространенным источником контраргументации для дискуссий, обосновывающих ценность образования, как и связанной с ним всякой образовательной политики – представимой и в качестве ценностного дискурса, и в качестве отдельной профессиональной сферы, и в качестве области социальной политики государства.

Karelin V. M. Technological Singularity as a Framework for the Educational Policy

Issues in modern educational policy often deals with the organization of cognitive activity. Alongside this, the problem of development of the state described as “technological singularity”, which eliminates the possibility of understanding as well as of managing some super-complex technological and techno-social systems, usually remains unnoticed. The present study analyzes the peculiarities of the tendencies, which takes shape within the given scope.

Keywords: technological singularity, educational policy, complex systems, modernization of education.

УДК 1(08)

МЫСЛЬ МЕЖДУ АВТОНОМНОСТЬЮ И АГОНАЛЬНОСТЬЮ: К СОЦИОЛОГИИ ФИЛОСОФИИ

Кильдюшов О. В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация

E-mail: kildyushov@mail.ru

Доклад посвящен социальному функционалу философии в рамках европейской культуры, а также связанному с ним институциональному измерению индивидуальной мысли. В нем фиксируется структурный парадокс, характерный для философии как культурной практики: с одной стороны, философское мышление – это всегда аутентично-индивидуальное творчество. Так, у каждой оригинальной мысли есть автор и в этом смысле автономия является для философии конститутивной на уровне индивидуального мышления. С другой стороны, философское творчество всегда соотносено с релевантным для него высококонкурентным полем интеллектуального производства.

Ключевые слова: философия, культурная практика, автономия, агональность, интеллектуальное производство.

1. При социологическом анализе философии важно зафиксировать структурный парадокс, характерный для нее как культурной практики: с одной стороны, философское мышление – это всегда аутентично-индивидуальное творчество: у каждой оригинальной мысли есть автор. В этом смысле своеволие или автономия являются для философии конститутивными как на уровне индивидуального мышления, так и на уровне всего поля философского производства.

2. С другой стороны, социологически философы находятся не в безвоздушном пространстве, а в культурно престижном, и уже потому крайне агональном поле социальных позиций, высказываний и жестов, где им приходится конкурировать друг с другом за признание. Причем конкурировать не только с современниками, т. е. в режиме синхронии! Ведь благодаря собственной культурной традиции, насчитывающей 2,5 тысяч лет, философия обладает гигантским архивом, работа с которым составляет значительную часть усилий дисциплины. Так что каждое философское высказывание неизбежно соотносится со всеми уже произведенными продуктами философской работы, т. е. философский агон протекает и в режиме диахронии.

3. В этом смысле философия напоминает современный спорт, где между собой соревнуются не только конкретные спортсмены, вышедшие на старт в рамках конкретного состязания. Благодаря квантификации, т. е. количественной фиксации результатов, которой не было, например, в античных играх, теперь каждый атлет соперничает со всеми спортсменами, когда-либо выступавшими в его дисциплине.

4. Таким образом, история философии как особая культурная практика и уникальная форма знания человечества о самом себе есть одновременно история социально-институционализированной борьбы интеллектуалов за признание в качестве интерпретаторов всеобщего.

5. Причем этот перманентный агон философов за семантическую гегемонию на протяжении уже более двух с половиной тысячелетий осуществляется на основе своей собственной, имманентно-философской критериальной базы. Т. е. для философии невозможна никакая внешняя легитимации, использующая нефилософские способы аргументации.

6. Таким образом, философское знание артикулирует имплицитные формы социального, делая их эксплицитными – и создает тем самым возможности для так же соперничающих политических предпринимателей сделать их более эффективными и морально приемлемыми в рамках той или иной традиции ценностной или целевой рациональности.

7. В этом смысле философия как институционализированная рефлексия существующих форм и норм культурных практик выполняет важнейшую социальную функцию – она обеспечивает аргументативные основания для их рационального признания или, напротив, непризнания, выявляя тем самым мотивы для их «сознательного» изменения.

8. Таким образом, бесконечный спор, казалось бы, абсолютно индивидуальных умов о сущем (знаменитая платоновская *γυμνασμάχια περὶ τῆς οὐσίας*) есть необходимое условие развития человеческих сообществ. Поскольку именно благодаря этому перманентному философскому баттлу, как сказали бы в Ютьюбе, и формируются представления о том, что является разумным, желаемым и возможным в тот или иной момент культурной и политической истории человечества.

9. При этом социальный функционал философии не изменился за прошедшие 2500 лет – это по-прежнему аналитическое уточнение семантики и прагматики базовых понятий социальной практики, их проверка на предмет соответствия критериям разумности и моральности, которые также разрабатываются в борьбе конкурирующих философских программ. В этом смысле философия выступает в качестве инстанции, обладающей уникальными когнитивными компетенциями, охватывающими весь социальный космос.

10. Понятно, что здесь сразу возникает вопрос о привилегированности позиции философа с точки зрения структуры социальной агентности: ведь очевидно, что, будучи вынужденно включенным в те или иные социальные практики, обладающие, к тому же, собственной нормативностью, философу довольно сложно занять некую метапозицию по отношению к собственной культуре, традициям и институтам. Тогда что позволяет ему претендовать на взгляд на мир *sub specie aeternitatis*?

11. Парадигматически этот особый статус философа как социального агента визуализируется фигурой Сократа, который, с одной стороны, обладает теми же культурными компетенциями, что и другие члены афинского полиса, но при этом способен

проблематизировать, казалось бы, само собой разумеющееся. Понятно, что при этом философ становится социальным трикстером, подобно богу Гермесу, способным дискурсивно проникать в различные культурные среды и практики.

12. Эвристической предпосылкой успешности философского предприятия является осознание специфики такого рода проблематизирующего участия в собственной культуре, в том числе путем экспликации самих форм рефлексии и критики культурных практик, имманентных им норм и критериев оценки. Именно подобная двойная рефлексивность философского инструментария, направленного не только на мир, но и на само систематическое мышление, позволяет любому заинтересованному разуму приобщиться к данной культурной практике.

13. Если мы перейдем с индивидуального уровня конкретного философа на уровень всего поля семантического производства, то нужно вспомнить про представления самих эллинов о систематической рефлексии как социально престижной и конкурентной сфере человеческой активности: различные версии списка наимудрейших являются первым свидетельством принципиальной агональности теоретического мышления, ориентированного на создание конкурирующих картин и способов интерпретации мира.

14. При этом, несмотря на наличие специфических способов подготовки и социализации мыслителей в виде тех же философских школ, в рамках философии нет и не может быть инстанции, которая могла бы административно «назначить» определенного мыслителя, скажем, главным философом. В этом смысле все философы – типичные самоназначенцы, своевольно присваивающие себе право на высказывание от имени всего культурного сообщества.

15. Но социологически фактический статус определенного мыслителя скорее связан с так или иначе организованной рецепцией его интеллектуальной продукции со стороны сообществ, релевантных с точки зрения внутри- и межгрупповой конкуренции производителей культурно значимых смыслов.

16. Судя по всему, успех в этой бесконечной борьбе мыслителей за признание зависит именно от уникальной констелляции избранного предмета философской рефлексии, от применяемого метода, как и от оригинальности стиля письма или общего авторского эстетического жеста, что возможно только в рамках автономного творческого процесса, не имеющего ни конкретного источника, ни точного прецедента, ни верных последователей...

17. При этом осуществляемая сообществом конкурирующих философов систематическая рефлексия социокультурных практик представляет собой не только обширное поле исследований норм и понятий в узко-техническом смысле накопления и трансляции «научного» знания, но и сама в качестве важнейшего элемента европейской культурной традиции и уникальной современной культурной практики является ценностью *sui generis*.

18. Автономность, самореферентность и конкурентность философского творчества не допускает никаких гетерогенных, нефилософских способов обоснования. Своевольный философский дискурс выступает в качестве суверенной аналитической метаинстанции, способной критически анализировать логики и рациональности, имманентные всем остальным социокультурным процессам и практикам. Однако он сам не может оцениваться вне специфически агональных процедур верификации, которые сами являются частью философской традиции критики и борьбы за признание.

Kildyushov O. V. Thought Between Autonomy and Agonistic Practice: Towards the Sociology of Philosophy

The conference paper is devoted to the social function of philosophy as a practice constitutive for the European culture and the institutional dimension of individual thought associated to it. It fixes the structural paradox characteristic of philosophy as cultural practice: on the one hand, philosophical thinking is always a matter of an authentic individual creativity. Thus, each original thought has its own author, in this sense autonomy is constitutive for philosophy at the level of individual thinking. On the other hand, philosophy as practice always finds itself in correlation with highly competitive, agonistic field of intellectual production which is of extreme relevance for her.

Keywords: philosophy, cultural practice, autonomy, philosophy as agonistic activity, intellectual production

МАРСЕЛЬ ДЮШАН КАК МЫСЛИТЕЛЬ

Кудрин С. К.¹, Чудинова Е. М.²

Пермский Государственный Национальный Исследовательский Университет, г. Пермь, Российская Федерация

E-mail: ¹ward_93@mail.ru, ²Chudolena2@yandex.ru

В докладе рассматриваются философские идеи известного франко–американского художника XX века Марселя Дюшана. В контексте мировоззрения Дюшана раскрывается взаимосвязь между концептуализацией искусства и художественной практикой. В дополнение к этому, отражено его собственное понимание искусства. Охарактеризован подход франко-американского мыслителя к анализу и оценке произведений искусства. Осуществлена критика мирозерцания М. Дюшана.

Ключевые слова: Марсель Дюшан, философия и искусство, диалог, художник–мыслитель, право на лень, отказ трудиться, праздная деятельность, не-художник, не-творчество, реди-мэйд.

Марсель Дюшан стал одним из самых известных художников в западном искусстве XX века. Это может быть объяснено тем, что он трансформировал понятие того, что есть искусство и произведение искусства.

В наши дни публикуется большое количество работ по его творчеству ([1; 2; 3]). Несмотря на этот факт, большей частью они исследуют художественный аспект его деятельности, философский же – часто опускается.

Цель данной статьи – максимально полно узнать М. Дюшана как художника путем уяснения его в качестве мыслителя.

Центральная идея у Дюшана – право на лень. Лень – причина праздной активности. Она есть конкретная установка по отношению к условиям существования при капитализме. При помощи нее осуществляется отказ трудиться – подчиниться обязанностям и нормам капиталистического общества. Лень подрывает все основы этого общества – обмен, частную собственность и труд. Праздная активность – выход из ролей, навязанных капиталистическим обществом. Она открывает иную субъективность при помощи новых способов существования и новых типов проживания времени. Она посягает на идентичность «производителей» и их гендерные атрибуты [4, С. 17]. Она фокусируется на процессе, а не на результате, будучи обращенной к становлению субъективности и ее способности к действию. Отказ трудиться и праздная активность – центр всей жизни Марселя Дюшана.

Дюшан переосмысливает место и роль художника в капиталистическом обществе. Художник отныне не может больше быть творцом в нем, таким образом, он приходит к идее «не-художника». Не-художник должен пересмотреть свои поведенческие и художественные манеры [4, С. 35]. Он обязан творить в инфратонком измерении. Условия перехода в него – лень и праздная деятельность как ее следствие.

Художник по Дюшану – медиум, проводящий процесс субъективации. Цель художника – воспроизвести новую субъективность и вовлечь в нее всех остальных. Оценка произведений искусства – по готовности к действию по трансформации субъектности [4, С. 77]. Художник никогда полностью не осознает свою деятельность. Производя перенос субъективации, художник вызывает у воспринимающего *osmos* [4, С. 78], т. е. переход от одной субъективации к другой, благодаря включению протоличностных сил. Эти силы и позволяют ему совершить этот процесс. Он достижим только в точке полной анестезии, в которой автор и его вкусы отсутствуют.

Зритель для Дюшана играет более важную роль, чем художник, ибо «картина рождается во взаимодействии со зрителем. Самостоятельного существования у произведения искусства нет» [5, С. 51]. Главную ценность картине придает зритель: «Последнее слово – всегда за зрителем» [5, С. 51].

Кроме того, Дюшан выступает против речи. Язык, как и вкус, есть привычка, притом, что он – символ власти и преграда для художника при проникновении в инфратонкое. Нужно

выйти за пределы существующего языка, отказавшись от привычных правил и норм его, чтобы по-новому взглянуть на них в уже воплощенном реди-мэиде.

Реди-мэиды яснее всего олицетворяют мировоззрение М. Дюшана. Они есть художественная техника лентяев. Сам Дюшан определяет реди-мэид как «произведение без создававшего его художника» [4, С. 47]. Рэди-мейд освещает образ не-художника и отсылает к не-творчеству. Он является техникой разума, вначале десубъективирующей, а затем, путем изначальной десубъективации, создающей новую субъективность. Для рэди-мейда достаточно его словесного описания. Он не есть нечто созданное художником, но нечто выпавшее в точке полной анестезии. Также реди-мэид есть попытка избавиться от монетизации произведения искусства за счет отказа как от оригинала, так и от копии.

Еще реди-мэид разрешает Дюшану отказаться от всякого изо(ото)бражения, позволяя удовлетворяться им самим. Реди-мэид, следовательно, оказывается не воспроизведением чего-либо, а представлением, не репрезентацией чего-нибудь, а презентацией [4, С. 56].

Тем не менее, реди-мэид стал частью арт-рынка. В этом проявилось противоречие взглядов М. Дюшана. Он не сумел остаться за рамками рынка из-за своего эго и желания подзаработать денег.

Это противоречие в мировоззрении Дюшана явно просвечивает через всю его жизнь. Даже сам он улавливает его, говоря, что «он типичный гражданин капиталистической страны» [5, С. 130]. Это связано с позицией, занимаемой им в общественном устройстве по отношению к средствам производства. Дюшан – мелкий буржуа.

Он указывает на исключительную важность случая в создании произведения искусства. Случайность есть чистое проявление подсознательного, которое уникально. Еще случай – возможность выйти за пределы рационального контроля. Он служит для проявления собственной личности за границами разума.

М. Дюшан рассуждает о жизни и смерти произведения искусства. Период жизни – до закрепления произведения искусства в арт-институции. Смерть – когда произведение искусства становится частью истории.

Дюшан считает себя картезианцем. Он говорит, что никогда ни во что не верил, а подвергал все сомнению, именно благодаря этому он стал тем, кем стал.

Для него значимой является идея движения, так как современный мир основан на нем. Оно навязывает определенный стиль жизни и, соответственно, творчества, который Дюшан отвергает. Только неспешность в создании произведения искусства может служить гарантом его качества и долговечности.

Дюшан является критиком науки – относительность ее знания, утилитарный характер, строгая подчиненность причинному закону не устраивают его. Для него закона причинности не существует, он есть лишь «иллюзия причинной связи» [5, С. 126].

М. Дюшан понимает искусство как снадобье, как «успокоительное от той жизни, что мы ведем» [5, С. 85]. При больших дозах оно становится наркотиком, вызывая тяжелую зависимость.

Дюшан как мыслитель был явно противоречив, и при этом не боялся этого, ибо сама жизнь, по нему, есть вечно изменяющийся поток.

В XXI веке идеи Марселя Дюшана могут быть переосмыслены и использованы благодаря их революционному запалу и созвучию современности.

Список литературы

1. Кро К. Марсель Дюшан. – М.: Ad Marginem, 2016. – 208 с.
2. Marcadé B. Marcel Duchamp : la vie à crédit. Paris: Flammarion, 2007. 595 p.
3. Banz S. Marcel Duchamp and the Forestay Waterfall. Zürich: JRP-Ringier, 2010. 408 p.
4. Лаццарато М. Марсель Дюшан и отказ трудиться. – М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2017. – 96 с.
5. Томкинс К. Марсель Дюшан. Послеполуденные беседы. – М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2014. – 160 с.

Kudrin S. K., Chudinova E. M. Marcel Duchamp as a Thinker

A description of the famous French-American artist of the twentieth century Marcel Duchamp as a thinker is given. It was analyzed his worldview. It gives a description of the main concepts; in addition, it shows their influence on the art of the artist. In addition to this, his own understanding of this phenomenon of culture (art) is reflected. The approach of the Franco-American thinker to the analysis and evaluation of works of art is characterized. Criticism of the worldview of M. Duchamp was carried out. It was illustrated a summary of Marcel Duchamp in the role of a philosopher.

Keywords: Marcel Duchamp, philosophy and art, dialogue, artist-thinker, the right to be lazy, refusal to work, idle activity, non-artist, non-creation, ready-made.

УДК: 101.3

«НАУКОУЧЕНИЕ» ФИХТЕ КАК ПРАГМАТИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА

Кузьмин А. А.

*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Россия
E-mail: 59aak@mail.ru*

Практическая часть основ общего «наукоучения» Фихте базируется на рассмотрении таких наших способностей, как сила воображения, рефлексия и разум. Фихте ставит перед собой задачу охватить посредством этих способностей всю систему человеческого духа и тем самым сделать выбор между творческой силой воображения, как мгновением творческого озарения, или же полностью погрузиться в спонтанность понятийного мышления.

Ключевые слова: Наукоучение, рефлексия, сила воображения, прагматика, Фихте.

Для «Наукоучения» предметом философии будет выступать абсолютное знание (знающее себя знание). Абсолютное знание, тем не менее, будет выражать собой образ абсолютного, но по смыслу оно не есть само абсолютное. Еще Декартом намеченная линия развития философии заострила вопрос о том, что нужно искать не место истины в знании, а место знания в истине. Такой позиции придерживается и Фихте, рассматривая абсолютное знание как образ истины, а не истину саму по себе. Тем самым предмет философии рассматривается в качестве несовпадающего с Абсолютом и конституируется только как явление абсолютного. Тем не менее, даже явление абсолютного должно быть причастно абсолютности Абсолюта. Такие факты нашего мышления вызываются к жизни произвольностью нашей способности к рефлексии. Первоначально рефлексия погружена в стихию человеческого духа. И основная задача философии заключается в обнаружении и выделении нечто реального, которое находится под толстым слоем ненужных добавлений этой стихии духа.

Но прежде чем философия научится находить за толстым слоем вековых напластований духа предмет рефлексии, мы должны приступить к философствованию, которое «требует самостоятельности; самостоятельность же может дать себе только сам человек» [1, С. 167]. И если человек обрел самостоятельность своего мышления и освоился с духом философии И. Канта, «которая ведь должна была иметь дух» [1, С. 178], то в этом случае для него «Наукоучение должно быть своего рода прагматической историей человеческого духа» [1, С. 216].

Фихте различает естественную рефлексия и философскую рефлексия. Искусственность философской рефлексии выражается в том, что она не способна «установить некоторый несомненный факт» [1, С. 216]. Необходимая же рефлексия первоначально. Она находится в стихии человеческого духа и производит несомненные факты по своему наитию, не прибегая при этом к возможности философского конструирования. «Более высокая философская рефлексия» [1, С. 216] в согласии с законами естественной рефлексии, благодаря которым был найден выше описанный факт, «должна с необходимостью идти дальше вплоть до положения» [1, С. 216]. Однако любое положение в форме понятия неизбежно предполагает наличие понятия другого, которое уничтожает первое как его противоположность. «Следовательно, нет вообще ничего в наличности и ничего не может быть; наше сознание остается

незаполненным, и в нем нет решительно ничего» [1, С. 218]. Результатом философской рефлексии выступает абсолютное ничто, «а ничто не может быть и предметом рефлексии» [1, С. 218].

Правда, в этом процессе благодетельную помощь философской рефлексии оказывает сила воображения, «которая незаметно поддвигала под упомянутые голые противоположности некоторый субстрат» [1, С. 218]. Превращение понятийных противоположностей в некий момент синтеза Фихте рассматривает как «борьбу между неспособностью и требованием» [1, С. 219]. Эта игра и противоборство продолжается до тех пор, пока ее результатом не станет определенное понятийное содержание и его проекция во «множественное в пространстве и времени» [1, С. 219]. Игра рефлексии и силы воображения для Фихте становится моделью продуктивного синтеза противоположностей. «Это состояние носит название состояния созерцания (*Anschauung*)» [1, С. 219].

Затем взаимодействие рефлексии и силы воображения Фихте демонстрирует на материале мышления. Наряду с созерцанием он вводит в оборот и такие познавательные способности, как рассудок и сила суждения. Сила воображения из продуктивной силы воображения становится репродуктивной, а созерцательная деятельность становится мыслительной деятельностью. Мыслимое в свою очередь мыслится «как причина созерцания. Мыслящее должно определять себя самого к тому, чтобы мыслить нечто как мыслимое» [1, С. 239]. Для того чтобы получить твердую опору для мышления, всех выше перечисленных способностей явно недостаточно. Фихте допускает существование более высокого уровня абстрагирования, чем можно было себе представить до сих пор. «Такая абсолютная способность отвлечения [*Abstraktions-Vermögen*] необходимо должна существовать» [1, С. 240], – говорит Фихте. На этом уровне абстрагирования сила воображения становится полностью неререфлектированной.

Неререфлектированная сила воображения – это уничтожение всякой объективности и смутное созерцание какой-либо наличности. «И упомянутая абсолютная способность отвлечения, стало быть, есть сама разум» [1, С. 240]. Итак, философская рефлексия покидает свое место взаимодействия с силой воображения, для того чтобы вступить на зыбкую почву идеального абстрагирования, где уже не существуют никакие созерцательные наличности, а возможно только «взаимодействие между мыслящим и мысленным в мышлении» [1, С. 239].

Итак, Фихте настаивает на том, что внутреннее побуждение к реальности «практической способности Я» [1, С. 284] лежит в основе всякого философствования, хотя это и не осознавалось предшествующей философией. «*Das Ding an sich*» (вещь в себе) – это предмет необходимой идеи и прообраз образа. Поэтому практическая часть основ общего наукоучения вновь возвращает нас к рассмотрению силы воображения. Только в данном случае сила воображения воспаряет над противоречиями мышления и становится творческой. Фихте для себя во время написания «Основы общего наукоучения» еще не решил окончательно, что лучше, продуцировать образы посредством творческой силы воображения и тем самым овладеть мгновением творческого озарения, или же полностью погрузиться в спонтанность понятийного мышления. Хотя Фихте и настаивает на том, что «не через какой-либо естественный закон и не через какое-либо последствие из него поднимаемся мы до разума, а через абсолютную свободу, – не путем перехода, а одним скачком. – Поэтому в философии необходимо нужно исходить из Я, так как его нельзя вывести; и потому-то предприятие материалистов объяснить обнаружение разума из законов природы остается невыполнимым» [1, С. 303]. Фихте все же не в состоянии сделать выбор между силой воображения и разумом. И тема разума у него возникает только как возможность ограничения чувства. Ведь нам только «кажется, будто чувствуешь реальность вещи, тогда как чувствуешь только Я» [1, С. 306].

Если следовать логике Фихте, то «рефлексия направляется на первоначальный факт; и это-то я называю первоначальным объяснением. Нечто совсем другое представляет собою сознательное и научное объяснение, которым мы занимаемся при трансцендентальном философствовании. В нем рефлексия направляется на само это первоначальное объяснение первого факта с тем, чтобы установить его научным образом» [1, С. 342]. Однако дальше вырисовывается совершенно другая картина, поскольку «от конечного нет пути в

бесконечность» [1, С. 343]. И перед «Наукоучением» ставится совершенно другая задача, задача пройти в обратном направлении «от неопределенной и недоступной определению бесконечности» [1, С. 343] к определению конечного. Именно в этом и заключается природа наукоучения, «долженствующего охватить в себе всю систему человеческого духа» [1, С. 343].

Список литературы

1. Фихте И. Г. Сочинения в двух томах. Т. 1. / Сост. и примечания В. Волжского. – СПб.: Мифрил, 1993. – 687 с.

Kuzmin A. A. Science of Knowledge Fichte as Pragmatics of Human Spirit

The practical part of the foundations of the General Science of Knowledge Fichte is based on the consideration of our abilities such as the power of imagination, reflection and reason. Fichte sets himself the task of embracing through these abilities the whole system of the human spirit and thus making a choice between the creative power of imagination as a moment of creative insight, or completely immerse yourself in the spontaneity of conceptual thinking.

Keywords: Science of Knowledge, reflection, power of imagination, pragmatics, Fichte.

УДК 323.2 (477.75)

ДИАЛОГОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОСНОВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Кузьмин П. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: pv.kuzmin@mail.ru*

Показана злободневность темы, связанная с тем, что в России сравнительно недавно началось конституирование диалоговой коммуникации во взаимоотношениях государства и гражданского общества. Процесс упорядочения отношений между ними протекает сложно и противоречиво. Подчеркивается, что диалоговая коммуникация дает возможность в новом ракурсе увидеть отношения власти и общества, в первую очередь как отношения субъектов общественно-политического процесса. Проводится мысль, что подлинная коммуникация между властью и обществом зависит от их готовности к налаживанию постоянных, равноправных отношений. Достижение такого состояния диалоговой коммуникации автор связывает с созданием и реализацией механизма взаимодействия институтов государства и гражданского общества.

Ключевые слова: коммуникация, диалоговая коммуникация, государство, гражданское общество.

Современные демократические государства стремятся к построению партнерских отношений с гражданским обществом, осознавая, что опора на зрелое гражданское общество – одно из условий общественной силы и устойчивости политической системы общества. В настоящее время о необходимости налаживания диалога между государством и гражданским обществом заявляют не только отдельные граждане, представители различных институтов гражданского общества, но и представители политических партий, должностные лица государственных органов. Однако одного осознания этой необходимости явно недостаточно. Полагаю, что проблема взаимодействия между государством и гражданским обществом нуждается в научной разработке. Необходим творческий поиск достижения конструктивного взаимодействия, что является достаточно сложной задачей. Почему? Во-первых, социальный механизм осуществления государственного управления стал сложнее и противоречивее. Во-вторых, поиск оптимального взаимодействия между государством и гражданским обществом осложняется отсутствием опыта такого взаимодействия по крайней мере в постсоветских государствах, в том числе в Российской Федерации.

Несмотря на немалое число публикаций по вопросам коммуникации государства и гражданского общества (работы А. Н. Баранова, Д. Ц. Бугиловой, В. С. Вершинина, М. В. Гавриловой, О. В. Гаман-Голутвиной, А. В. Дмитриева, З. М. Зотовой, И. И. Кального, А. В. Крутова, Л. И. Никовской, Л. В. Сморгунова, А. И. Соловьева, Л. Н. Тимофеевой,

Ф. В. Федюкова, А. Т. Хлопьева и др.), ряд аспектов политической коммуникации исследован недостаточно и требует внимания со стороны научного сообщества.

Рассмотрение предложенной темы предполагает предварительное уточнение основных используемых понятий.

Государство – это институт, организующий совместную жизнь населения на определенной территории и обеспечивающий там должный социальный порядок, поддержание соответствующих норм и правил человеческого общежития.

Гражданское общество автор рассматривает как систему внесударственных отношений и институтов, выражающую разнообразные потребности, интересы и ценности членов общества и дающую возможность человеку реализовать его гражданские права.

Под коммуникацией понимается социально-обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового общения по различным каналам с помощью различных средств коммуникации.

Исследование коммуникации в России и мире всегда связывалось с состоянием политического режима. Характер политической коммуникации менялся вместе с изменением политической системы. В авторитарных и тоталитарных системах преобладал односторонний поток коммуникации сверху вниз – от власти к народу. По мере демократизации политической системы и образования публичной сферы развивается обратная связь политической коммуникации, идущая снизу вверх – от граждан, народных представителей и их институтов к власти.

Диалоговая коммуникация зависит от потребности власти в налаживании постоянных, равноправных отношений с обществом, ее готовности быть подконтрольным обществом, готовности воспринимать и должным образом реагировать на запросы общества. Указанные характеристики можно рассматривать как открытость власти в широком смысле слова. Открытость власти предполагает наличие публичного пространства для диалога сторон, ориентации власти не на административные технологии, не на патерналистский характер отношений, а на координацию усилий с институтами гражданского общества в осуществлении стоящих проблем.

Одним из условий открытости властных структур является наличие в стране режима законности и правопорядка, при котором закон соблюдается населением, чиновниками и должностными лицами.

Известная готовность российского государства вступить в диалог с российским гражданским обществом проявляется, во-первых, в декларировании государством во многих программных документах (стратегиях, программах и т. п., утвержденных подзаконными нормативными актами), федеральных законах курса на взаимодействие с гражданским обществом, а во-вторых, в создании и деятельности государственных образований, содействующих формированию и поддержке институтов гражданского общества, призванных способствовать реализации, охране и защите прав и свобод человека и гражданина путем диалога с создавшим их государственным органом.

Готовность гражданского общества вступать в диалог с государством складывается из двух факторов: уровень развития гражданского общества и степень доверия гражданского общества государству.

Готовность государства и гражданского общества вступать в диалог друг с другом создает абстрактную возможность их взаимодействия на основе идеи диалоговой коммуникации. Определенным толчком к началу реализации таких взаимоотношений служит гражданская, политическая активность участников обеих сторон. Изучение проблемы показывает, что несмотря на численный рост общественных объединений в современной России, политическая и гражданская активность людей находится пока на незначительном уровне. Конечно, проявление активности граждан во взаимодействии с государством во многом является результатом осознания ими ценности государства, убежденности в том, что без гражданского общества государство не в состоянии решать общественно значимые задачи.

Kuzmin P. V. Interactive Communication as a Basis for Interaction Between the State and Civil Society

The article describes the current issues related to the fact that institutionalization interactive communication in the relations between the state and civil society only recently begun in Russia. The process of streamlining the relationship between them is complex and controversial. It is emphasized that interactive communication provides an opportunity to see the relationship of government and society in a new perspective, primarily as the relationship of the subjects of the socio-political process. The idea is being held that genuine communication between the government and society depends on their readiness to establish permanent, equal relations. The author associates the achievement of such a state of dialogue communication with the creation and implementation of a mechanism for interaction between state institutions and civil society.

Keywords: communication, interactive communication, state, civil society.

УДК 316.324.8

КОНЦЕПЦИИ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ А. ГЕЛЕНА И Х. ШЕЛЬСКИ Логинов А. В.

*Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: loginovav@mail.ru*

В докладе рассмотрено взаимоотношение двух значимых социально-философских концепций технической цивилизации, разработанных на основе философско-антропологического подхода и теории социальных институтов А. Гелена, с учетом всей европейской социологической традиции. Несмотря на преемственность и сходство рассматриваемых теорий, выделяется ряд существенных различий. Прежде всего, они касаются перспектив развития современного общества и оценки современной ситуации, которая имела у А. Гелена более пессимистичный характер. Можно проследить концептуальный диалог между учителем и учеником в послевоенных работах А. Гелена и Х. Шельски, создавших различные варианты консервативных социально-политических теорий.

Ключевые слова: социальная теория, антропология, техническая цивилизация, социальные институты, постистория, консерватизм

В немецкой философии техники второй половины XX в. можно заметить тенденцию к переходу от пессимистических оценок перспектив развития научно-технической цивилизации в духе «критики культуры» к более нейтральному и спокойному описанию происходящих процессов, представлявшихся многим исследователям необратимыми. Именно эту тенденцию можно заметить, если сравнить социально-философские подходы Арнольда Гелена и Хельмута Шельски. Ряд их идей в области философии техники сохраняют свое значение и в наше время. Философия техники играет существенную роль в философской антропологии и социальной философии А. Гелена. Концепция техники немецкого теоретика формировалась в широком контексте философско-антропологических и социально-антропологических теорий середины прошлого века. Уже М. Шелер различал следующие виды техники: промышленную, технику управления, психотехнику. Согласно Гелену, техника – это создание искусственной среды человеком, способ выживания в естественной среде, к которой человек не приспособлен в силу своей биологической «недостаточности». Техника у него выступает как «объективация человеческой деятельности» и способ «непрямой интерпретации» человеческого существа. Техникой немецкий теоретик называет возможности и средства, при помощи которых человек меняет природу, делает ее подконтрольной. Объяснение сущности техники у Гелена остается все же достаточно традиционным. Техника выполняет следующие задачи: «замена органов», «усиление органов», разгрузка. Феномен разгрузки позволяет снять избыточное напряжение, возникающее из-за редуцированности у человека основных инстинктов. Историческое развитие техники было связано с все большей удаленностью технических устройств «от тела», все большим символическим опосредованием действия. Постепенно происходит выработка и отбор новых технологий, отличительной чертой технологии становится то, что результат должен быть достигнут с минимальными издержками, все усилия концентрируются на результате. В настоящее время техника достигла такого уровня развития, что сформировались

грандиозные суперструктуры. А. Гелен убедительно описывает ситуацию, которая в период его творчества только намечалась. Рост мегаполисов, появление крайне запутанной системы глобальных организаций, усиливающаяся бюрократизация общества – все это ведет к отчуждению человека от социальной жизни. Автоматизированное и специализированное выполнение задач ведет к бессмысленному осуществлению операций. Гелен пишет об «абсолютной культурной волне», о качественном своеобразии современного общества. Изменения происходят с такой быстротой, что за одно десятилетие могут произойти такие радикальные сдвиги, которые ранее занимали несколько столетий. Для человека всегда была важна самоидентификация с чем-то иным. В настоящее время машина заменила и животное, и Бога. Х. Шельски, ученик А. Гелена, принимая базовые положения учителя, развивал ряд ключевых положений, сформулированных в его философской антропологии и социальной теории. Его концепция технической цивилизации – это и развитие некоторых идей и стремление преодолеть ряд положений, которые отстаивал немецкий философ. Х. Шельски стремился осмыслить принципиальный разрыв с историческим прошлым, к которому привело непрерывное научно-техническое развитие. Согласно Шельски, этот разрыв с историей имеет радикальный характер. Антагонизм между образом человека, сформированным европейской культурой и радикально новыми условиями, порожденными развитием науки и техники, будет только углубляться в будущем. Х. Шельски также одним из первых указал на технологические основы современного государства, которое действует в рамках той же логики эффективности, что и крупные корпорации. Главной задачей государства становится рост могущества. Традиционные политические институты не в состоянии ничего принципиально изменить, чем выше уровень развития науки и техники, тем ограниченнее оказываются возможности принятия политических решений. Вместе с тем он отмечает и реальные проблемы, которые возникают в рамках современного общества. В их число входит вопрос о моральном выборе в конкретных жизненных ситуациях. Поскольку такие категории как истина, достоинство, справедливость обладают высокой степенью абстрактности, они могут стать моральной основой для любых поступков. Понятие ответственности индивидуализируется, также как и в экзистенциализме, но только здесь речь идет не о универсальной «ситуации человека», а об уникальных условиях, сложившихся в рамках современного социума. Субъективность в настоящее время находит свое выражение в большей степени в художественном творчестве, чем в философской рефлексии. Оно имеет незавершенный, открытый характер дневников, заметок, записок. Важны не столько ответы на данные вопросы, сколько сами постоянно возобновляющиеся вопросы. Несмотря на все это, необходимо продолжать думать, надо «отважиться на эту жизнь». В приведенных концепциях технической цивилизации можно выделить ряд сходств и несколько существенных различий. Сходными являются философско-антропологические предпосылки данных теорий. В центре рассмотрения двух теоретиков находилась проблема социальных институтов. Однако А. Гелен гораздо более пессимистично оценивал ситуацию в современном обществе. С его точки зрения, в наше время ключевые институты находятся в глубоком кризисе, не справляясь с основными своими задачами. Социальные институты в наше время вытесняют масштабные суперструктуры, которые лишают человека свободы выбора в принципиальных моментах, предоставляя широкую свободу в повседневной жизни. В противоположность точке зрения своего учителя Х. Шельски подчеркивал пластичный характер, способность к быстрой адаптации, «эластичную прочность» правовых установлений, имеющих институциональный характер. Анализ искусства в концепциях Гелена и Шельски имеет схожий характер. Оба теоретика подчеркивали рефлексивный характер современного искусства. С другой стороны, у А. Гелена преобладала негативная, скептическая оценка современного искусства, Х. Шельски подчеркивал позитивные моменты в фрагментарности, незаконченности, поскольку только такое искусство соответствует быстро меняющемуся современному миру. Если А. Гелен склонялся к негативной и пессимистической оценке современных социальных процессов, то Х. Шельски был склонен принять «научную цивилизацию» как неизбежность, даже если

понятие «душа», «человек», «индивидуальность» потеряют прежний смысл. Эта позиция подверглась справедливой критике, в частности, со стороны Ю. Хабермаса.

Loginov A. V. Concepts of Technical Civilization A. Gehlen And H. Schelski

The report considers the relationship of two significant socio-philosophical concepts of technical civilization, developed on the basis of the philosophical-anthropological approach and the theory of social institutions of A. Gehlen, taking into account the entire European sociological tradition. Despite the continuity and similarity of the considered theories, a number of significant differences stand out. First of all, they concern the prospects for the development of modern society and the assessment of the current situation, which A. Gehlen viewed in a more pessimistic way. One can trace the conceptual dialogue between the teacher and the student in the post-war works of A. Gehlen and H. Shelsky, who created various versions of conservative socio-political theories.

Keywords: social theory, anthropology, technical civilization, social institutions, posthistory, conservatism

УДК 008.001.8+316.3 ББК 71.05+87

«ИДЕАЛЬНЫЕ ТИПЫ» ОБРАЗОВАННОСТИ В ИСТОРИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

Люрья Н. А.¹ Бычкова Н. И.²

*¹ Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Российская Федерация
E-mail: luryana@mail.ru*

*² г. Москва, Российская Федерация
E-mail: ninlu@yandex.ru*

Система образования анализируется с позиций общественного феномена как явление культуры в двух аспектах: с позиций социального института, выступая связующим звеном между культурным потенциалом общества и его реально используемой составляющей; и с позиций акта «включения» индивида в данную культурную среду. Основываясь на методологии «идеальных типов» М. Вебера, выделены три типа образовательных систем: 1) традиционное образование; 2) профессиональная система образования; 3) современный тип образования? и соответствующие им «типы образованности личности» в историческом процессе развития общества .

Ключевые слова: Система образования, развитие, культурные ценности, история, "идеальный тип".

Специфика системы образования как деятельности, отличной от других видов социальной деятельности, зависит от состояния общественного развития и осуществляет обучение и воспитание в целях воспроизводства **социально значимого опыта**. Законы педагогического процесса обуславливают **внутреннее** содержание выделенной целостности – социального института. Однако чтобы выделить саму целостность, необходимо определить ее взаимоотношение с другими общественными структурами, необходимы регулятивы, обеспечивающие функционирование и развитие этого института. Более конкретно социальный институт образования можно определить как такой институт, который осуществляет социальные функции обучения и воспитания, **подчиненные общественным потребностям**. Социальная значимость передаваемого опыта служит критерием отделения образования как института, от образования, получаемого индивидом вне системы, в семье, в быту, в трудовой деятельности и т. д.

Образование как относительно самостоятельная система начинает функционировать и развиваться в процессе развития общества, определяясь в соответствии с этим процессом и оказывая на него обратное влияние.

Анализ этого процесса позволяет определить «идеально-типическую» (М. Вебер) структуру социального института. При этом конкретная структура института образования определяется в каждый исторический период согласно ведущим «ценностям эпохи», а «отнесение к ценности» определяется соотношением этих ведущих ценностей с задачами формального образования. Эта методология позволяет вскрыть существенные характеристика

индивидуально-неповторимого исторического события или феномена (в нашем случае – института образования), если удастся корректно «развести» оценочное суждение и «отнесение к ценности». Выделенные характеристики служат базой для построения «идеального типа» (Макс Вебер) – модели, предполагающей ценностно-ориентированный подход.

Основываясь на методологии М. Вебера, выделены три типа образовательных систем: 1) традиционное образование; 2) профессиональная система образования; 3) современный тип образования; и в соответствии с этими понятиями вводится понятие «типы образованности личности» – тот идеал («образ», «образец»), который сознательно воспитывается тем или иным образовательным институтом общества.

Типология образовательных систем позволяет рассмотреть, как институциональные формы образования формировали типы образованности личности, которые связываются с идеалами эпохи, зафиксированными в целях и идеалах той или иной образовательной системы

Традиционный тип образованности обусловлен привычками, обычаями, верованиями, общими для всего коллектива. Субъект поступает по традиции, ему не нужно ставить перед собой цель, определять ценности, он просто подчиняется установившемуся в обществе правилам. А вся образовательная система совпадает с жизнедеятельностью общества.

Профессиональный тип образованности связан с включением передачи профессии через регулярное образование в образовательный институт. Профессионализация – это этап в развитии института образования. Она предполагает необходимое условие – всеобщую грамотность. Поэтому образовательный институт делится (проходит градацию, отделяет ступени), он берет на себя функцию охватить все общество. Требование всеобщей грамотности, или всеобщего начального обучения стирает различия между социальными группами, но градация остается на других ступенях прохождения образования. Образованность отождествляется с прохождением этих высших ступеней. Система ценностей выведена из сферы института образования. Она задает его ориентацию и обеспечивает функционирование, ставит задачи (явно и неявно), но формирует их не она.

Современный (креативный) идеал образованности связывает образование с **предназначением** человека: оно становится двояко обусловленным: как культурным пространством проживания индивида, так и осмыслением этого пространства личностью. Возрастающее значение личностного начала в современной культуре имеет следствием то, что современный (креативный) идеал образованности меняет роль профессионализма. Требование быть профессионалом аналогично требованию всеобщей грамотности прошлого. Все сферы жизнедеятельности человека участвуют в этом процессе передачи профессии, приобретают или выполняют для субъекта образовательные функции. Функции образовательного института перенимают на себя другие институты общества, поэтому можно сказать, что институциональная форма образования преодолевается, размывается, превращается в «образовательное пространство» проживания людей современной цивилизации. Поэтому для высшего образования становятся актуальными задачи: а) конструировать содержание образования в междисциплинарных областях, где отсутствует достаточный опыт профессиональной деятельности, б) выполнять смыслообразующую функцию для индивида.

Lyurya N. A., Bychkova N. I. “Ideal types” of education in the history of educational systems

The education system is analyzed from the standpoint of a social phenomenon as a phenomenon of culture in two aspects: from the standpoint of a social institution, acting as a link between the cultural potential of a society and its actually used component; and from the standpoint of the act of “inclusion” of the individual in a given cultural environment. Based on the methodology of “ideal types” by M. Weber, three types of educational systems are distinguished: 1) traditional education; 2) professional education system; 3) the modern type of education and the corresponding “types of education of the individual” in the historical process of the development of society.

Keywords: Education system, development, cultural values, history, “ideal type”.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И РОЛИ МЕТАФОРЫ В ЗОНЕ ОБМЕНА¹

Майленова Ф. Г.

*Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: farida.mailenova@gmail.com*

Любое взаимодействие, будь то диалог врача и пациента, науки и общества, автора текста и читателя, проходит в так называемой зоне обмена (Галисон). Анализ проблем понимания в зоне обмена, включая проблему взаимопонимания – как междисциплинарного, так и межличностного и внутриличностного, является предметом исследования и философских, и психологических наук. Для достижения взаимопонимания сторонам диалога необходимо говорить на одном языке, и, так как зачастую на уровне «рацио» этого общего языка нет, объединяющую роль играет язык метафор, который использует понятный каждому язык – образность предметного мира. Именно благодаря метафорам можно объяснить, представить и понять сложнейшие вещи, которых не было в личном опыте участников диалога, даже при существенной разнице их картины мира.

Ключевые слова: междисциплинарность, зона обмена, метафора, чистый язык, проблема понимания, трансфер знаний и практик.

Анализ проблем понимания в зоне обмена, включая проблему взаимопонимания – как междисциплинарного, так и межличностного и внутриличностного, является предметом исследования и философских, и психологических наук. Любое взаимодействие, будь то диалог врача и пациента, науки и общества, автора текста и читателя, проходит в так называемой зоне обмена [1]. Для достижения взаимопонимания стороны диалога должны говорить на одном языке, однако на уровне «рацио» достижение этого общего сопряжено с немалыми трудностями, так как смысл, вкладываемый в понятия, у каждой стороны диалога свой, даже когда участники являются специалистами в одной области и речь идет о профессиональных вопросах (например, попытки достичь понимания в дискуссиях между представителями различных философских или психологических школ бывают порой удручающе неудачными). Однако, диалог может быть успешным, даже если уровень знания и понимания его участников разный, благодаря метафорам и образному языку, который способен восполнять лагуны непонимания или недостаточного понимания. Только с помощью метафор, используя понятный каждому язык – образность предметного мира, можно представить и понять сложнейшие вещи, которых не было в личном опыте. Способность думать, размышлять и взаимодействовать невозможна без метафор.

Уровни передачи информации

Уровни информации, передаваемой с помощью языка, можно условно поделить на *сенсорный, концептуальный и метафорический*.

Первый уровень, *сенсорный*, относится к чувствам и ощущениям, и в языке это большей частью передается через прилагательные (знойный, сладкий, кислый), наречиях (горячо, липко, сухо) и отглагольные существительные (рык, крик, жара, мороз). На этом уровне, кроме визуальной информации (цвет, размер, объем, яркость) также описывается звуки, запахи, вкус, тактильные ощущения.

Второй уровень, *концептуальная информация*, уже предполагает рефлекссию, абстрактное мышление, и включает в себя суждения, категории, обобщения, включая описания эмоций и убеждений.

Следующий уровень, *метафорический*, в котором происходит сравнение и описание свойств одного явления через другое, может включать в себя и сенсорную информацию, и концептуальную, тем самым позволяя осуществить взаимопонимание в зоне обмена и способствуя пониманию концептов и явлений, которых не было в прошлом опыте участников коммуникации. Благодаря метафорам возможна так называемая «мгновенная» передача информации, что способствует взаимопониманию и дальнейшему наращиванию знаний в диалоге.

¹ Подготовлено при финансовой поддержке гранта РФФИ №18-011-01082

Метафоры в диалоге, или «зонах обмена»

Метафоры, апеллируя к сенсорному опыту, опираются на то, что мы все имеем тело и живем в физическом мире, имеющем гравитацию, и наши переживания физического мира влияют на переживания ментальных событий. Эмоции и моральные оценки зачастую описываются через физические свойства предметов (теплый-холодный, далекий-близкий, заострить, закруглиться и т. п.), и этот социальный феномен усваивается уже в раннем детстве. В книге «Философия во плоти» Лакофф и Джонсон [2] указывают на то, что даже младенец очень быстро улавливает, что, например, тепло означает преданность, любовь и близость; что важные вещи (такие, как родители) – большие, или они находятся в центре.

Весь наш язык, включая повседневный, заполнен метафорами, зачастую мы даже не осознаем, насколько их много. Реймонд В. Гиббс, автор книги «Категоризация и понимание метафор» [3], считает, что люди используют в среднем шесть метафор в минуту при обычном общении. Особенно часто метафоры используются при обучении и воспитании, так как для того, чтобы возникло и усвоилось новое знание, оно должно «закрепиться» в сознании с помощью чего-то знакомого. По большому счету, любое сравнение, сопоставление – это метафора. Если перед высказыванием (будь то научная гипотеза или обычный разговор) можно поставить слова «это как» или «это как будто», то это метафорическое выражение. Используя понятия, свойства предметов из одного контекста и перенося их в другой, мы тем самым задействуем метафорический уровень понимания.

«Настоящая теория рациональности – это идея о том, что мы думаем посредством фреймов, метафор, нарративов; наш мозг склонен адаптировать поступающую в него информацию, и поэтому мы приходим к различным умозаключениям», – пишет Бенджамин Берген, автор книги «Громче слов» [4]. По его мнению, идея о человеке как об исключительно разумном существе должна быть дополнена новыми знаниями, показывающими роль эмоций, образов, внутренних пристрастий и метафоричности человеческого мышления при принятии решений.

Список литературы

1. Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий / пер. Герович В. А. // Вопросы истории, естествознания и техники. – 2004. – №1. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VIET/GALISON.HTM> (Дата обращения: 04.05.2019)
2. Lakoff G., Johnson M.. *Philosophy In The Flesh: the Embodied Mind & its Challenge to Western Thought*. Basic Books, 1999. 640 p.
3. Raymond W., Gibbs Jr. *Categorization And Metaphor Understanding* // *Psychological Review*. 1992. 99 (3). P. 572–577.
4. Bergen B. K. *Louder Than Words: The New Science of How the Mind Makes Meaning*. Basic Books, 2012. 312 p.

Maylenova F. G. Investigation of the Problem of Understanding and Role of Metaphor in the Exchange Zone

Any interaction, be it between doctor and patient, science and society, author and reader, takes place in the so-called exchange zone (Galison). The analysis of the problems of understanding in the exchange zone, including the problem of mutual understanding – both interdisciplinary and interpersonal and intrapersonal – is a subject of research in both philosophical and psychological sciences. In order to achieve mutual understanding, the parties to the dialogue need to speak the same language, and, since there is often no such common language at the level of “razio”, the language of metaphor, which uses the imagery of the subject world, which is understandable to everyone, plays a unifying role. It is thanks to the metaphors that it is possible to explain, imagine and understand the most complex things, which were not present in the personal experience of the participants of the dialogue, even if there is a significant difference in their picture of the world.

Keywords: interdisciplinarity, exchange zone, metaphor, pure language, problem of understanding, transfer of knowledge and practices.

**ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА-БОГОСЛОВА И. М. СКВОРЦОВА
(1795-1863): ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИЙ И ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ТЕКСТОВ**

Мачкарина О. Д.

*Мурманский государственный технический университет, г. Мурманск, Российская Федерация
E-mail: odmachkarina@yandex.ru*

В докладе раскрываются особенности философской позиции И. М. Скворцова как интерпретатора философского наследия софистов, Эпикура, Платона, Аристотеля, Плотина, Г. Паламы, Григория Нисского, И. Канта. Особое внимание уделяется идеям нравственности и добродетельности человека, идеалу совершенного человека, выявляющих основу философской позиции И. М. Скворцова.

Ключевые слова: Скворцов И. М., рецепция, нравственная философия, история философии, проблемы человека, идеал совершенного человека, категорический императив.

Иван Михайлович Скворцов – доктор богословия, выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, наставник и ординарный профессор Киевской духовной академии, основатель киевской религиозно-философской школы. В течение длительного времени в Академии он преподавал математику и философские науки: систему философии, логику, метафизику, опытную психологию, нравственную философию. Особый интерес в его наследии вызывают работы, посвященные проблеме воспитания и образования человека, анализу норм, обуславливающих бытие человека в обществе. Необходимо отметить, что философское наследие И. М. Скворцова до сих пор малоизучено, отмечены лишь отдельные аспекты его творчества, однако как историк философии богослов исследован слабо.

Будучи последователем лейбнице-вольфианской линии рационализма, опирающимся на идеи Фридриха Х. Баумейстера (1708–1785), популяризатора школы Лейбница, последователя идей Х. Вольфа, автора нравоучительной философии, Иоганна Генриха Винклера (1703–1770), автора «Физики или Естественной философии», включающей главы, посвященные антропологии и физиологии человека, Франца-Самуэля Карпе (1741–1806), венского философа, и критического рационализма И. Канта (1724–1804), богослов И. М. Скворцов еще в начале своей творческой и преподавательской деятельности в 1819 году на собрании студентов, посвященном открытию Киевской духовной академии, объявляет, что философия – «величественное и прекрасное произведение духа нашего, какое удивительное и великолепное здание», предназначенное «преимущественно для достижения потребностей духа нашего» [1, С. 49–50], для постижения метафизического начала, начала знания. В соответствии со своими религиозными убеждениями, теолог видит предназначение философии в познании «вечного закона Высочайшей Премудрости и свое предопределение» [Там же, С. 50].

Эта мысль прослеживается в сочинении «Христианское употребление философии или философия Св. Григория Нисского», в котором Скворцов, излагая учение «христианского любителя философии», подчеркивает, что Григорий Нисский – пример древних учителей церкви, которые «хорошо знакомые с философией, пользовались ею для блага христианства» [2, С. 129] и «для совершеннейшего познания человеческого» [Там же, С. 130].

Стремление Скворцова найти в трудах древних философов обоснование религиозных догматов было вызвано желанием найти ответы на вопрос: как можно соотносить свою приверженность вере, философию древних и новых мыслителей и при этом сохранить свободу собственных умствований, словами мыслителя: «каким образом философский образ мышления можно вносить в самое святилище веры» [Там же, С. 135]. В философии Григория Нисского Скворцов различает две философии: философию, принадлежащую одному разуму, и философию, содержащуюся в откровении. Скворцов отметил, что Григорий Нисский не отрицал значимости наук (геометрии, астрономии и др.) в познании Бога.

Русский богослов соглашается с утверждением св. Григория об ограниченности человеческого разума, с тем, что разум не может видеть «первых оснований откровения истины», но вместе с тем, разум позволяет связать истины веры с другими истинами. Для того

чтобы познать истину, человек должен познать самого себя, и «из собственной природы», как пишет богослов, познать Бога [Там же, С. 136]. В этих утверждениях Григория Нисского Скворцов обнаруживает сильное влияние философии Аристотеля и неоплатоников на его представление о мире и человеке, и возможность применения философии к толкованию Писания.

Отдает должное внимание теолог и взглядам Св. Григория на человека, в которых также обнаруживает влияние идей Платона, Аристотеля, стоиков Клеанта и Хризиппа и других. Вслед за ними он обосновывает идею поврежденности «человеческой природы» [3, С. 88], склонность человека к чувственным и корыстным действиям, необходимость его нравственного совершенствования, используя для этого, как и Григорий Нисский, философию и богословие, «философия нравственная и естественная может быть в сочетании с любомудрием высшим, духовным» [2, С. 131].

В своей нравственной философии, которую Скворцов формирует на основе изучения этических взглядов античных философов, философов нового времени и особенно учения И. Канта, став популяризатором его идей в России, русский религиозный философ сосредотачивает внимание на определении истоков добродетели, настаивая, как картезианец, на рациональном обосновании нравственности. Согласно Скворцову в основе нравственности лежит «свободная воля» человека и «правильный закон». Правильный закон – это закон нравственный, принимаемый человеком как необходимость, которая налагает на него обязанность действовать сообразно осознанию его важности [4, С. 130].

Чтобы понять, что есть «свободная воля» необходимо определить: в чем состоит свобода? Есть ли свобода у человека? Каковы свойства свободы? В «Записках по нравственной философии» И. М. Скворцов определяет «свободную волю» как «свободу нравственную», как «способность определять самого себя к действию, по представлении известной цели» [Там же, С. 126]. Обозначая актуальные вопросы, философ уверен, что без ответов на них невозможно понять суть нравственности, объяснить истоки добродетели, которую нельзя, как, например, в духе своего времени объясняли представители Эллады, сводить все к поиску человеком пользы или страху «худых последствий». Истоки добродетели в самом человеке, в его разумной природе. «Добродетель достойна искания сама по себе» [5, С. 70], – пишет Скворцов. Человек способен выбирать между добром и злом, оправдывать себя или обвинять, свободно «определять себя к действию», но велика роль внешних обстоятельств: образования, воспитания, которые не гарантируют выбор человеком нравственных поступков, но способствуют формированию нравственности в человеке, чувства долга и ответственности, способности сознательно осуществлять выбор. Скворцов подчеркивал, что уповать на одно воспитание нельзя, поскольку: «воспитание может усилить или ослабить в нас чувство нравственное, но не может дать его нам, или совсем истребить его в нас» [4, С. 131–132].

Свобода не может быть абсолютной: «в нас есть начало свободное ... как существенная принадлежность свободы разумной» [Там же, С. 129]. Поиск ответов на обозначенные вопросы заставляют богослова обратиться к философскому наследию Плотина, Г. Паламы и других. Необходимо отметить, что богослов пропускает взгляды античных мыслителей через призму оценок Цицерона, которому философ отдает предпочтение, что проявляется в схожести некоторых убеждений И. М. Скворцова и Цицерона. И, вместе с тем, нельзя не отметить и наличие критики Цицерона в вопросах толкования им природы человека и ее поврежденности, в представлении об истинном удовольствии, о справедливости, о воздержании и мужестве. Подвергнута критике и теория счастья Цицерона, построенная на удалении скорби, на определении цели деятельности разумного существа как порядка и согласия с самим собой, в то время как богослов считал, что счастье – это предмет преимущественно чувств и разума, которое постигается с помощью философии, в чем проявилась субъективная религиозная позиция философа.

Особое место в философском наследии И. М. Скворцова занимает критика философии И. Канта. В работе «Критическое обозрение кантовой религии в пределах одного разума» Скворцов признал, что Кант открыл три величайшие истины: недостаточность нашего разума

в познании сверхчувственных вещей; невозможность обоснования нравственности, основанного на понятиях удовольствия или неудовольствия; ущербность и развраченность природы человека.

В поисках нравственного совершенства, понимания того, что есть счастье, каковы его критерии, в поисках идеи совершенного человека, русским философом анализируются философские сочинения разных эпох, в том числе и названные ранее, которые при этом подвергаются им серьезной критике. Не стало исключением и учение Канта, в котором, согласно Скворцову, идея совершенного человека превратилась в идею нравственную. Идеалом совершенного человека для религиозного философа был только идеал христианства – Иисус Христос.

Скворцов И. М. пытался преодолеть субъективизм, соглашаясь в отдельных моментах с нравственной философией И. Канта, и сформулировал категорический императив по-своему: поступай таким образом, чтобы правило воли твоей было достойно Бога. Таким образом, приведенный анализ позволяет утверждать, что в религиозно-идеалистической философии Скворцова И. М. прослеживается рецепция идей античных мыслителей, а также велико влияние критической философии И. Канта.

Список литературы

1. Скворцов И. М. Метафизические начала философии // Аскоченский В. И. История Киевской духовной академии, по преобразовании ее, в 1819 году. – СПб, 1863. – С. 49–68.
2. Скворцов И. М. Христианское употребление философии или философия Св. Григория Нисского // Труды Киевской духовной академии. – 1863. – III. № 10. – С. 129–160..
3. Скворцов И. М. Критическое обозрение Кантовой религии в пределах одного разума // Скворцов И. М. Сочинения: в 2 т. – Киев : НПУ им. М. П. Драгоманова; Мелитополь: МГПУ им. Б. Хмельницкого, 2014. – Т. 1. – С. 86–119.
4. Скворцов И. М. Записки по нравственной философии // Скворцов И. М. Сочинения: в 2 т. – Киев : НПУ им. М. П. Драгоманова; Мелитополь: МГПУ им. Б. Хмельницкого, 2014. – Т.1. – С. 120–186.
5. Скворцов И. М. Критическое обозрение учения древних об истинном благе человека // Скворцов И. М. Сочинения: в 2 т. – Киев : НПУ им. М. П. Драгоманова; Мелитополь: МГПУ им. Б. Хмельницкого, 2014. – Т.1. – С. 65–85.

Machkarina O. D. Philosophical Heritage of Professor-Theologian I. M. Skvortsov (1795–1863): Features of the Reception and the Problem of Interpreting Texts

The report reveals the peculiarities of the philosophical position of I. M. Skvortsov as an interpreter of the philosophical heritage of sophists, Epicurus, Plato, Aristotle, Dam, G. Palama, Grigory Nissky, I. Kant. Special attention is paid to the ideas of morality and virtue of man, the idea of the perfect man, which forms the basis of the philosophical position of I. M. Skvortsov.

Keywords: Skvortsov I. M., Reception, Moral Philosophy, History of Philosophy, Human Problems, Perfect Human Ideal, Categorical Imperative

УДК 1 (091)

ГЕРЦЕН А. И. И ЛИФШИЦ М. А.: ДИАЛОГ СКВОЗЬ ВРЕМЯ¹

Машукова Е. Ю.

*Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: lilacrainbow@yandex.ru*

В статье предлагается сравнительный анализ идей А. И. Герцена, русского социалиста и революционера, и концептов М. А. Лифшица, советского философа, эстетика, убежденного марксиста, считавшего себя наследником Октябрьской революции. Автор отмечает, что многие концепты и идеи Лифшица были впервые высказаны Герценом. Это идея нравственного значения революции, идея сохранения культурного наследия

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18-011-01042 А «Консервативные идеи в советской философии и литературе (круг М. А. Лифшица)»).

человечества, как важнейшей задачи построения социализма, критика мещанства, поиск третьего пути, так называемая философия «щели», вера в особые качества русского народа, понимание того, что важнейшим условием построения нового справедливого общества является рост сознательности народа. Вряд ли речь идет о заимствованиях или подражании, скорее дело в сходных мотивах и общем психологическом складе личности.

Ключевые слова: Герцен, Лифшиц, революция, третий путь, мещанство, история.

Человек жив, когда внутри его бурлит вечность.

М. Лифшиц

В последние годы мы можем наблюдать настоящий бум интереса к наследию М. А. Лифшица. Издаются книги «обыкновенного марксиста», проводятся открытые лекции, круглые столы, на которых обсуждается его творческое наследие.

И главный вопрос для обсуждения: почему Лифшиц и его мысли оказываются востребованными сегодня? Думается, во многом, из-за критики Лифшицем мещанства, обывательщины, пошлости, из-за борьбы с современностью за возвращение к подлинному человеческому существованию. Это всегда очень актуально – как сохранить человеческое в человеке. Об этом же размышлял и А. И. Герцен.

Внимательное чтение Лифшица обнаруживает, что Герцен не является просто автором, который часто упоминается советским философом. Во многом, влияние Герцена на Лифшица является недооцененным. Задача данной статьи – восполнить этот пробел. Практически нет работ, где бы Лифшиц по тому или иному поводу не упоминал Герцена, кроме основной статьи «Читая Герцена», это и: «Либерализм и демократия», «Что такое классика?», «Диалог с Эвальдом Ильенковым (проблема идеального)», «Надоело. В защиту обыкновенного марксизма», «О Гегеле», и многие другие. Причем, читает Лифшиц не только знаковые работы, такие как «Былое и думы», «С того берега», письма «К старому товарищу», но и значительно менее известные произведения, например предисловие к роману Жорж Санд «Похождения Грибуля», из которого он и заимствует важнейшее для себя понятие «щели».

Многие идеи, впервые высказанные Герценом, будут развиты в философском наследии Лифшица. Вряд ли речь может идти о простых заимствованиях, скорее можно говорить о схожем психологическом складе личности, об одинаковом взгляде на мир.

Какие же параллели можно обнаружить в их наследии?

Необходимо отметить, что для Лифшица, при всем его декларируемом марксизме, характерен эстетический взгляд на историю: «...история есть великая поэтесса, которая пишет свои трагикомедии железом и кровью» [1, С. 147]. Это очень походит на «растрепанную импровизацию истории» Герцена, но не на концепцию материалистического понимания истории К. Маркса.

Для Герцена также характерно эстетическое понимание истории, не случайно К. Леонтьев называет его «гениальным эстетиком», отталкиваясь от термина самого Герцена «историческая эстетика», который был им обоснован в главе «Venezia la Bella» из «Былого и дум». В этой главе Герцен показал, что феномен Венеции с утилитарной точки зрения «гениальное безумие», поскольку этот город построен «там, где город построить нельзя». Но, великолепная роскошь венецианских дворцов доказывает, что история развивается по законам эстетики, где критерием развитости выступают высшие достижения человеческого духа [2, С. 469].

Герцен подчеркивал вариативность истории, для него характерен поиск третьего пути, позволяющего избегать крайностей двух противоположностей. Известно, например, что он подчеркивал свое промежуточное положение между западниками и славянофилами.

Поиск так называемого третьего пути был сформулирован Лифшицем в знаменитой философии «щели», идею которой Лифшиц заимствует у Герцена: «У людей нет альтернативы: либо то, либо это, но на самом деле есть третий путь... Щель, которую находит классика, это скорее ворота в бесконечность, обретение абсолютного смысла» [3, С. 10].

Вторая параллель – отношение к революции.

М. А. Лифшиц одним из первых осознал нашу революцию как начало всемирно-исторической эпохи, которая имеет своей целью, по его определению, *Restauratio Magna*, т. е. Великое Восстановление безусловных достижений всей мировой культуры.

Но идею нового социального порядка, который должен быть «не только мечом рубящим, но и силой хранительной», впервые высказал Герцен, в письмах «К старому товарищу», в полемике с апологетом разрушения М. Бакуниным [4, С. 581].

Еще одна параллель – критика мещанства. Безусловные достижения человеческого духа с середины XIX в. стали подвергаться отрицанию классовой цивилизацией, утверждает Лифшиц, но об этом же говорит и Герцен. Вспомним блестящие страницы, которые Герцен еще в середине XIX века посвятил критике западноевропейской цивилизации, попавшей в ловушку мещанства.

Следующая параллель – трактовка сущности социализма. В понимании Лифшица события 1917 г. в России предвещали «неотвратимое слияние двух мировых потоков – движения миллионов, и второй линии: мировой культуры, хотя и отдаленной от массового основания, но, тем не менее, глубочайшим образом, через ряд посредствующих звеньев связанной с ним» [5, С. 275]. Но концепция «русского социализма» Герцена также была основана на идее соединения западноевропейской науки с русским народом, который был социалистом по инстинкту, но которому не хватало личностного начала.

Как известно, Герцен верил в особый дух русского народа, в который не верил просветитель Чернышевский, но в который также верил и Лифшиц. Эту парадоксальную диалектику исторического развития духа народов Лифшиц разъяснил в своих лекциях о мировом значении русской культуры, читанных в августе-сентябре 1943 года, в частности, объясняя, почему русский народ одерживает победу над фашизмом, он подчеркивал:

«Настоящая храбрость есть у человека, который не слишком преувеличивает опасность и который вместе с тем, достаточно ясно ее понимает... Таково преимущество сознательного человека, подлинно культурного человека, когда непосредственная, простая, элементарная основа в нем еще не испорчена, а развитие уже получено» [6, С. 99].

Статью «Читая Герцена» Лифшиц написал в 1962 году, к 150-му юбилею мыслителя. Статья интересна нам тем, что Лифшиц доказывает: Герцен был именно революционером, ему очень важно не отдать Герцена либералам, вопреки современному исследовательскому мейнстриму, для которого характерно убеждение, что революционность Герцена большевиками была преувеличена. Оправдать Герцена для Лифшица – это доказать, что идеи Герцена близки взглядам на революцию Ленина: «Ленин – гениальный читатель Герцена» [7, С. 61]. Предмет анализа – работа Герцена, письма «К старому товарищу». Анализируя ее, Лифшиц высказывает идеи, которые являются стержнем его собственной философской позиции.

Старое общество держится не столько силой, сколько признанием, и чтобы одолеть эту привычку, нужно пробудить сознательность масс, считает Герцен. В работе «Мифология древняя и современная» Лифшиц пишет о том, как пытаются людей в XX веке сделать несознательными, законсервировать эту несознательность, манипулируя ими. Но новый социальный порядок, основанный на принципах справедливости, будет возможен лишь тогда, когда у всех людей будет «сознательное сознание».

Как известно, характерной особенностью герценовского мышления является антидоктринерство, нежелание строить систему, вообще отказ от претензий на абсолютную истину, но и М. А. Лифшиц так и не смог систематизировать свои взгляды, думается, что дело здесь не только в том, что не хватило времени, а в том же отсутствии догматизма, принципиальной свободы мысли. У Лифшица есть понятие «*non finita*», незаконченность, но это такая незаконченность, в которой еще больше законченности, чем в самой законченности... в полной мере эти слова применимы и к самому Лифшицу и к Герцену.

Список литературы

1. Лифшиц М. А. О Гегеле. – М.: Grundrisse, 2012. – 304 с.

2. Герцен А. И. Былое и думы. 1852–1868. Части VI-VIII // Герцен А. И. Собр.соч.: В 30 т. – Т.XI. – М.: Издательство академии наук СССР, 1957. – 807 с.
3. Лифшиц М. А. Что такое классика. – М.: Искусство XXI век, 2004. – 512 с.
4. Герцен А. И. К старому товарищу // Герцен А. И. Собр. соч. в 30 т. – Т. XX. Кн. 2-я. – М.: Издательство академии наук СССР, 1960. – 996 с.
5. Лифшиц М. А. Ленинизм и проблема наследств // Лифшиц М. А. Соч в 3 т. – Т 3. – М., 1987. – С. 259–285
6. Лифшиц М. А. Очерки русской культуры: М.: Академический проект, 2015. – 751 с.
7. Лифшиц М. А. Читая Герцена // Лифшиц М. А. Соч в 3 т. – Т 3. – М., 1987. – С.59–73.

Mashukova E. Y. Herzen A. I. and Lifshitz M. A: Dialogue Through Time

The article offers a comparative analysis of the ideas of A. Herzen, the Russian socialist and revolutionary and the concepts of M. A. Lifshitz, the Soviet philosopher, aesthetics, a convinced Marxist who considered himself the heir to the October revolution. The author notes that many concepts and ideas of Lifshitz were first expressed by Herzen. This is the idea of the moral significance of the revolution, the idea of preserving the cultural heritage of mankind as the most important task of building socialism, criticism of bourgeoisie, the search for a third way, the so-called philosophy of the “gap”, the belief in the special qualities of the Russian people, the understanding that the most important condition for building a new just society is the growth of consciousness of the people. It is unlikely that we are talking about borrowing or imitation, rather it is a matter of similar motives and General psychological personality.

Keywords: Herzen, Lifshitz, revolution, the third way, bourgeoisie, history.

УДК 820

ФИЛОСОФИЯ МИФА VS НАТУРФИЛОСОФЫ: МОНОЛОГИ ГЕСИОДА КАК ПЕРВОЭЛЕМЕНТЫ «СОКРАТИЧЕСКИХ ДИАЛОГОВ»

Меньшикова Е. Р.

Новый Институт Культурологии, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: elen_menshikova@mail.ru

Поднимая вопрос умаления слова «миф», которое сейчас трактуется и используется затертым клише «байки» и «выдумки», утверждаю: назрела стойкая необходимость в реабилитации этого слова, в возвращении ему определяющего значения – активного начала, влияющего на становление человека и на его политическую рефлексию, и, вместе с тем, тяну нить сократического диалога к Гесиоду, его «Трудам и Дням», что направляли взгляды, мысли и поступки архаичного человека, формируя не столько послушание, сколь понимание мироустройства, в котором нет справедливости априори, но воспитывая патриотизм трудолюбием, наделяя исключительным правом на собственное самосознание, самоуправление, что дарует то особое состояние духа, что позволяет видеть «космос» в окружающем мире флоры и фауны, где человек, не агрессор, но наблюдатель. И нужно еще уметь прочесть оставленный и сплетенный историей Миф, и вот та политическая рефлексия, которую в нас пробуждает Миф, позволяет вырабатывать собственную тактику в этой битве объективаций, вечной распре, именуемой жизнью. Миф – это не байка, это правило боя ... для Сознания.

Ключевые слова: Гесиод, Космос, Пустота, Мысль, Хаос, политическая рефлексия, Миф, Сознание.

Осознанная, отрефлексированная современность, возможна лишь в Сознании, а сознание формирует Миф – та питательная среда, без которой мыслительная мышца обмякнет, атрофируясь, и что создает «*натуральный ландшафт философии*», шлифуя систему мировоззрения, оставляя нам зерна прозрений и понимания современных общественных «беспутств». Однако современное словоупотребление лексемы «миф», особенно стараниями зарубежной «научной прессы» (Бодрийяр, н-р), сводит его денотат («*история, формирующая образ действия*») к нолю, а точнее, полностью нивелирует, стирает прежнее значение, трансформируя на 180 градусов, поворачивая избушку к лесу «*заблуждения*», изымая исторический аспект – концептуально-значимый для понимания, тем самым социальную значимость слова «миф» в его общем культурологическом аспекте, затрагивающем смыслопостижение, то есть влияющем на формирование мировоззрения, на умение выстраивать свое постижение бытия в ретроспективе исторических событий (реальных), игнорирует по праву молодости (постмодерн рожден в 50-е прошлого века).

Следуя аналогии «неравномерности» А. Линда, его космогонии, зададимся вопросом: что вызывает стресс у темной энергии – что бесит Пустоту? Хаотичное беганье вниз/вверх, создавая трансмиссионные потоки (невидимые, но предощушаемые) создают необходимое трение всей системы Пустоты – и она, блефуя смертью, рождает материю из энергии (практически следуя или встраиваясь в карнавальным принцип перерождения, который так подробно изложил М. Бахтин). Но ведь так еще изложено в «Теогонии» Гесиода: *«Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный, Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких, И, между вечными всеми богами прекраснеши, – Эрос»* [1, С. 196]. «Вниз» нас тянет Страх: мозг тревожно, поскуливая, сигнализирует об истощении: он обесточен и опустошен – боязнь физической гибели, буквально физического исхода, ввергает мозг в Пустоту – полный вакуум *немыслия*, не-бытие как скудеющее пространство, освобожденное от рефлексий, как от постоя, а «вверх» – толчками (шатко-валко), неровно-испуганно нас поднимает Стыд – от не-состояния, от возможности не воплотиться в слове, жесте, деле – стыд за не-деяние. Возможно то лишь наша догадка, но возможно: Темное вещество не лишено Сознания? Мысль не столько материализует (воплощает), но и сама способна материализоваться в энергию буквально этическим *«кнутом и пряником»* – словно мироздание щекочет самое себя, чтоб «не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы»? Мы не уходим в сослагательное наклонение, но строим гипотезы – не все же физикам бодаться с *«глокою куздрой»* – Сознанием.

Бутылочное горлышко стресса – цейтнот – создается намеренно, чтобы потом, вдруг, выскочил *инсайт* – хоть джинном, хоть чертом, хоть стрижом, но вылетел и наполнил энергетическом током, создавая те самые трансмиссионные потоки, что приведут к энергетическому взрыву, рождая нечто, что покорит, встревожив, мир, как рожденные когда-то *«сияющий День»*, *«угрюмый Эреб»*, *«черная Ночь»*, *«звездное Небо»*, *«Эрида с могучей душой»* – персонифицированные пространственно-временные объекты, что привлекают своей непознаваемостью с момента появления [1, С. 196–198]¹. И каждый раз я «собираюсь» заново, словно после Большого Взрыва – и мне нужно вновь «родить» Гею, Тартар, День, Ночь, Небо, Эрос, Эфир, Фею и Фебу, Эриний и Океан. Зачем? кому это нужно? тебе нужно? – но ты одна, совершенно, а смысла нет и не будет *«отчего есть и пошла...»*. Всякий раз сызнова стегать пространство стрелами-апейронами, нескончаемым током – тьмою, и как в первый раз в первый класс: мучительно страшно, и силой воли ты заставляешь себя встать и идти туда, где совершенно пусто и гулко от твоих шагов, робких, но оттого, что ты, словно «беременна» чем-то, оттого, что тебя толкает твой «груз», как когда-то твоя будущая дочь ножкой, торопясь к свету, – то *пустое множество*, что норовит стать чем-то, – и ты берешь карандаш и пишешь, и вот то, что скатывается с кончика грифеля тебя не то, что поражает возмущая, но возмущает каким-то немыслимым противостоянием, упрямством разбега и прыти эйдоса, что взрывает источник – тот (не)пустой вакуум, что бередит, утяжеляя, и заставляет Сознание двигаться – ручками-ножками перебирать, определяться уже, самоорганизовываться их Хаоса – *хаосом* – рваться за ту темную материю, что предстоит увидеть и «раскроить» – понять свойства, узреть кристаллические решетки, уловить ультразвук трансгрессии². И поскольку этот «переход хода» – «выход за пределы» – стремителен и ты не успеваешь схватить «диво дивное» за хвост, поскольку не это важно, а ценно не расплескать ни одной фонемы, что сами ложатся кружевным сплетением мысли, исполняя «молчание» вашей *глокою куздры*, что всегда своевольна и упряма, но именно она позволяет вам понять насколько вязки ее синапсы, насколько крепка крученая нить, насколько сильны хорды интуиций – словом, какова

¹ Отметим, что абстрактные понятия, соотносившиеся с богами, рожденными от/из Хаоса (*Эреб* – гр., Мрак, *Эрида* – гр., Раздор), могли быть предложены только развитым Сознанием, который видел картину мира всю разом, – наши предки были не так наивны, как многие привыкли считать, и, судя по умозрительно ярким описаниям, космолог и физик Линд с детства увлечен греческой мифологией.

² **Трансгрессия** (греч. «движение сквозь») – 1) наступление моря на сушу в рез.-те тектонических движений земной коры; 2) термин неклассической философии, означающий феномен перехода непроходимой границы, прежде всего границы между возможными невозможным; 3) в биологии – появление при скрещивании особей мутации, усиливающих признаки предыдущих особей.

топография смыслов и поступков, эндогенетика Нумуса, того *бодренка*, что всегда норовит *за разум завести*, но когда надо *врага возьмет живьем*. И поскольку «ум – наш бог» (Анаксагор), нам важно, чтобы наше «божество» не испытывало глады, и мы применяем не только простую пищу, но изысканную, к которой прибегал любопытный халиф, взыскав на улочках Багдада *сократического диалога*...

Список литературы

1. Гесиод. Теогония // О происхождении богов / Пер. Н. И. Гнедича. Сост., вступ. ст. И. В. Шталь. – М.: Изд-во «Советская Россия», 1990. – 320 С.

Menshikova E. R. Philosophy of Myth vs Natural Philosophers: Hesiod'S Monologues as Primary Elements of "Socratic Dialogues"

Raising (again and again) the question of derogation of the word "myth", which is now being interpreted and used by the erased cliché of "tales" and "fiction", I assert: there is a pressing need to rehabilitate this word, to return to it a decisive meaning – an active principle that influences its formation of a man and his political reflection, and at the same time drawing the thread of the Socratic dialogue to Hesiod, his "Works and Days", which directed the views, thoughts and actions of an archaic person, forming not so much obedience, as an understanding of the world order, in which there is no justice a priori, but bringing patriotism to industriousness, endowing with exclusive right on one's own self-consciousness, self-government, which gives that particular a state of mind that allows you to see the 'universe' in the surrounding world of flora and fauna, where a person is not an aggressor, but an observer. And we must also be able to read the Myth left and woven by history, and this political reflection that Myth awakens in us allows us to develop our own tactics in this battle of objectivities, the eternal strife that called life. Myth is not a tale, it is a rule of battle ... for Consciousness.

Keywords: Hesiod, Cosmos, Emptiness, Thought, Chaos, political reflection, Myth, Consciousness.

УДК 316.7:81

ПРОБЛЕМА СНЯТИЯ ЯЗЫКОВЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Михайлов В. В.

Институт языков и культур имени Льва Толстого, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: myhailovvv@mail.ru

В тексте рассматривается проблема наличия и снятия языковых ограничений, как барьеров к межкультурной коммуникации, тормозящих эволюцию народов и мешающих их объективной самооценке. Выделены основные способы решения указанной проблемы.

Ключевые слова: словесно-письменные и неписьменные языки, межкультурная коммуникация, снятие языковых ограничений

1. Различие вербально-письменных языков – основной барьер в межкультурной коммуникации. Т. к. органы чувств – зрение, слух, осязание, нюх и т. д., (в том числе экстрасенсорные) чаще всего работают у представителей разных рас, этносов и культур более-менее единообразно и согласованно, выдавая примерно одну и ту же или достаточно близкую картину мира. С другой стороны, этические, религиозные, культурные разногласия также в значительной мере обусловлены непониманием на языковом уровне, неясностью слов, терминов, понятий. У разных социокультурных сегментов одного общества с одним бытовым языком также возникают свои профессиональные и социокультурные диалекты: языки науки, философии, искусства, религии, криминальных сообществ, социальных групп сектантского типа, воспринимаемые посторонними как иноязычная и малопонятная речь.

2. Потребность в межкультурной коммуникации, диалоге, общении и сотрудничестве с иностранными, иноязычными, инокультурными людьми – является важнейшей и с духовной, и с социальной, и с экономической, и с политической точки зрения. Без нее наша свобода

существенно ограничивается, а эволюционный потенциал индивидов и сообществ подрывается. Без сравнения себя с другими утрачивается способность к объективной самооценке, недостатки своего сообщества начинают казаться нормой жизни.

3. Возникает проблема снятия языковых ограничений. И тривиально, то есть только через изучение одного или нескольких иностранных языков, она разрешима лишь частично. Т. к. языков очень много и даже английским владеют далеко не все, тем более в совершенстве для обсуждения каких-то сложных тем.

4. Решения проблемы: 1. Технократическое – гаджеты с функцией автоматического перевода письменной и устной речи. 2. Поиск некоего базового (базовых) языков, через которые можно расшифровывать значение слов из большинства (или даже всех) языков (концепция «системных языков мозга» Н. Н. Вашкевича, «чаромутия» П. Лукашевича). 3. Поиск базовой азбуки, «первоалфавита», написав (озвучив) на котором слово многих или любых языков можно понять его смысл без изучения данного языка. 4. Изучение иностранных языков по новым методикам на основе изложенного во 2 и 3 пунктах данного раздела. 5. Создание новых образно-чувственных языков на основе общностей восприятия мира, например языки киноискусства, мультипликации, музыки. 6. Развитие невербальной коммуникации в обход языковых различий: язык жестов, языки для слепых, глухонемых, телепатия, эмпатия, запахи и т. п. 7. Создание «жаргонных» словарей и разговорников.

5. Обобщение: снятие языковых ограничений является важнейшим элементом достижения социальной свободы. Более подробно вопрос теории и практики снятия языковых ограничений рассматривается в авторской монографии «Социальная свобода...» [1].

Список литературы

1. Михайлов В. В. Социальная свобода: идеология и технология освобождения человека. Свобода в обществе и свобода от общества. – М.: Издательские решения, 2018. – 266 с.

Mikhailov V. V. The Problem of Releasing Language Restrictions in Intercultural Communication.

The text deals with the problem of the presence and removal of language restrictions as barriers to intercultural communication, inhibiting the evolution of peoples and interfering with their objective self-assessment. The main ways of solving this problem are highlighted.

Keywords: verbal-written and non-written languages, intercultural communication, removal of language restrictions

УДК 101.3/165.0

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ: ДИАЛОГ ТЕКСТОВ

Останина О. А.

*Вятский государственный университет, г. Киров, Российская Федерация
E-mail: oa.ostanina@yandex.ru*

Взаимодействие различных уровней и форм культуры, уровней и форм знания можно рассмотреть как диалог текстов. Диалог текстов философии и истории имеет свои основания и особенности. Он представлен в многообразии вариантов, что объясняется разными значениями понятия текста; он опирается на онтологические, антрополого-экзистенциальные, аксиологические и гносеологические основания.

Ключевые слова: философия, история, текст, диалог, основания диалога.

Диалог текстов можно рассматривать как способ взаимодействия различных уровней и форм культуры, уровней и форм знания. Диалог исторических и философских текстов представляется очевидным. Наша цель – выявить его особенности и раскрыть основания этого диалога.

Диалог философского и исторического текстов имеет особенности: между философией и историей существует теснейшая связь, несмотря на различие их «статусов». С возникновением

философии начинается собственно история (К. Ясперс). Вспомним известную фразу Г. В. Ф. Гегеля «Философия как мысль своей эпохи» [1, С. 110], в ней указывается на историчность философии, которая «совершенно тождественна со своей эпохой»; она «выше своего времени если не по содержанию, то по форме мышления» [1, С. 114]. Философия выступает своего рода метаисторией.

Историчность философии выражается и в том, что мышление строится на основаниях, созданных в прошлом самими людьми в культуре, языке [2, С. 257].

Философия имеет собственную историю, и диалог текстов может быть рассмотрен в ее границах. О своеобразии истории философии говорит Г. В. Ф. Гегель: в содержание и состав событий и деяний, составляющих предмет истории философии, входят не столько личность и индивидуальный характер героев «мыслящего разума», сколько то, что они создали, «чем больше они ... представляют собою составную часть области свободной мысли, всеобщего характера человека, тем в большей степени сама эта лишенная своеобразия мысль и есть творческий субъект» [1, С. 67]. В политической же истории индивидуум является субъектом деяний и событий со стороны особенностей своего характера, гения, своих страстей... того, благодаря чему он является именно данным индивидуумом» [1, С. 67]. Суждения Г. В. Ф. Гегеля можно отнести и к социальной, и к экономической, и к культурной истории.

С другой стороны, в истории «присутствует» философия, более того, именно благодаря философии история обретает свою сущность. История только кажется на первый взгляд «последовательным рядом случайных событий, в котором каждый факт стоит сам по себе. Но уже в политической истории мы этим не удовлетворяемся; мы познаем ... в ней необходимую связь, в которой отдельные события получают свое особенное место и свое отношение к некоторой цели, приобретают ... значение» [1, С. 73]. И для современных историков характерно внимание и к обобщающим теоретико-философским представлениям, и к детализированным характеристикам, что указывает на междисциплинарность исторического нарратива, исторического текста [3].

Понятие «текст» употребляется в разных значениях: как совокупность письменно зафиксированных знаков, как явление культуры и культура в целом, как поступок, событие, действие. Данные значения применимы по отношению и к философским, и к историческим текстам: философский текст, например, можно рассмотреть как поступок, действие (Ж.-П. Сартр, М. Фуко), историческое действие или событие можно представить как текст. Диалог философии и истории, таким образом, имеет многообразие вариантов, одноуровневых и разноуровневых.

Иначе говоря, «история как текст» относится к процессу, событиям; философия здесь направлена на их осмысление, на считывание смыслов. Также «история как текст» понимается как результат реконструкции процесса, события; здесь проявляется методологическая роль философии.

Главным для нас является вопрос об основаниях диалога философских и исторических текстов. Рассмотрим их.

Философия – это часть истории как процесса (в том числе в лице философствующих субъектов) и, одновременно, ее осмысление.

Философия и история сходятся в стремлении постичь человека, в самопознании человека: философия ищет ответ на вопрос о смысле бытия (М. Хайдеггер); история – это история преследующего свои цели человека (К. Маркс); только в истории человека раскрывает свою сущность (В. Дильтей); в основе историописания лежит понимание сущности человека (М. Шелер); в истории обнаруживаются глубинные, экзистенциальные основы бытия, которые исследует философия (М. Хайдеггер, К. Ясперс).

Человек понимает себя и мир посредством языка, любое познание, любой текст укоренены в языке; язык – неметафизическая предпосылка познания (К.-О. Апель). И философские и исторические тексты основаны на естественном языке, в них представлены особенности эпохи, языковая картина мира определенной эпохи, определенного народа, правила языковых игр и принятия норм. Конкретному историческому периоду присущ свой способ создания

текста, демонстративные и риторические приемы, общая текстовая культура, способ построения сюжета, временные и пространственные структуры.

В основе философских и исторических текстов находятся одни события, которые описываются и осмысливаются, создавая исходное содержание текста и соотнося его с реальностью, обуславливая объективность как исторического, так и философского знания. Философские и исторические тексты прямо или косвенно, явно или неявно выражают социально-экономические и социально-политические интересы общества или групп; они ценностно-мировоззренчески ангажированы.

Существуют определенные закономерности, общие для построения текста и социального действия: Г. Зиммель называет их «законы жизни», О. Шпенглер – «морфология культуры», П. Рикер – «парадигмы интригообразования». Данные закономерности возникают в результате закрепления освоенных форм сознания и культуры. В тексте, репрезентирующем знание, выражаются «законы, формы жизни». Речь идет о фундаментальных основаниях культуры и разума, определяющую роль в которых играют временные структуры, о корреляции форм исторического бытия и форм мышления, концептуальных схем.

Философские тексты являются источником для исторического познания, а исторические тексты – источник для философской, философско-исторической рефлексии.

Таким образом, диалог философских и исторических текстов, являясь многоуровневым и неоднородным, имеет объективные и субъективные, онтологические, антропологические, гносеологические и аксиологические основания, свою традицию развития.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии: Книга 1. – СПб.: Наука, 1993. – 350 с.
2. Смит Р. Быть человеком: историческое знание и сотворение человеческой природы. – М.: Канон+: Реабилитация, 2014. – 367 с.
3. Хвостова К. В. Современный исторический нарратив // Вопросы философии. – 2018. – № 2. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1869 (Дата обращения 28.03.2019)

Ostanina O. A. Philosophy and History: the Dialogue of Texts

The interaction of different levels and forms of culture, levels and forms of knowledge may be considered as the dialogue of texts. The dialogue of texts of philosophy and history has its own foundations and features. It is represented in the diversity of variants because of different meanings of the notion “text”. This dialogue bases on ontological, anthropological and existential, axiological and gnosological foundations.

Keywords: philosophy, history, text, dialogue, foundations of dialogue.

УДК 130.2:62

ДИАЛОГ VS «ТЕХНО-ЛОГ» В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Плужникова Н. Н.

*Московский технический университет связи и информатики, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: pluzhnikova_1982@bk.ru*

Статья посвящена анализу процесса трансформации понятия «диалог» в условиях цифровой культуры. Автор обращает внимание на существенные сдвиги в мировоззренческой парадигме, которые меняют восприятие не только диалога, но и человека, его сознания в современном обществе. Автор вводит понятие «техно-лог» как обозначение специфического способа цифровой коммуникации субъекта.

Ключевые слова: Диалог, техника, человек, интеллект, информатизация, цифровая коммуникация

Культура, как и человек, рождается и существует только в диалоге. Возникнув в древнегреческой культуре, слово «диалог» обозначало беседу, как встречу и взаимодействие двух различных позиций, существующих, тем не менее, как единое целое. При этом диалог

это всегда «встреча» как единство именно различного, и с этих позиций сама культура может быть рассмотрена как диалогический феномен.

Долгое время диалог был возможен исключительно в сфере взаимодействия человек-человек. Однако по мере развития общества, в эпоху информатизации общества, диалог становится сферой взаимодействия не только человека с человеком, но и сферой взаимодействия человек-техника. Многие философы XX века, особенно К. Ясперс и М. Хайдеггер указывали на технику как особую сферу действительности, которая, обладая собственной логикой развития, подчиняет себе человека, создавая условия невозможности диалога. Проблема приобретает широкую гуманитарную составляющую, поскольку указывает на специфику взаимодействия человека и техники. Так, еще немецкий философ XX века К. Ясперс высказывал идею, что овладение техникой меняет самого человека, в эпоху технического развития «Дух сводится к способности обучаться и выполнять полезные функции» (Ясперс). А испанский философ Х. Ортега-и-Гассет считал, что «Современный человек – я имею в виду не индивида, а человечество в целом – уже не волен выбирать между жизнью в природе и использованием сверхприродного. Он бесповоротно и окончательно приписан к последнему, включен в него так же прочно, как первобытный дикарь в естественное окружение. И это таит в себе среди прочего такую угрозу: едва осознав собственное бытие, человек обнаруживает вокруг себя сказочное число предметов и различных средств, созданных техникой и образующих раскинувшийся перед ним на переднем плане некий искусственный пейзаж, который заслоняет от его взора первоизданную природу» (Ортега-и-Гассет).

Более значимым в условиях информатизации является, на наш взгляд, тот факт, что в эпоху информатизации общества меняется не столько понятие и содержание диалога, сколько сознание человека и отношение к самому себе. Особой структурой или элементом цифровой коммуникации становится человек-техника. Данное взаимодействие можно обозначить как «техно-лог» – специфический способ цифровой коммуникации, в которой сознание субъекта становится частью информационного пространства.

В глобальной информационной (сетевой) среде информационное пространство представляет собой форму существования материи, при этом под материей понимается информация (информационные данные). Способом структурирования информации выступают информационные системы, которые являются местом расположения информационного пространства. В таком смысле, под информационным пространством следует понимать пространство передачи информации и взаимодействия элементов информации в информационных системах различного вида.

Информационное пространство необходимо для накопления, сохранения и передачи информации. К числу качественных характеристик информационного пространства можно отнести:

1. Протяженность – расстояние, на котором информационные объекты доступны для потребителя информации;
2. Объем – количество информационных ресурсов, входящих в информационное пространство той или иной протяженности;
3. Плотность – насыщенность того или иного информационного пространства информационными ресурсами по отношению к создателям информации или потребителям.

Таким образом, информационное пространство включает в себя:

- совокупность банков и баз данных;
- технологии их сопровождения и использования;
- информационные телекоммуникационные системы, функционирующие и взаимодействующие в определенной длительности (цифровом времени).

Примером информационного пространства может быть информационная среда со структурированными данными, в которой цифровые данные выступают как физические компоненты информационного пространства, например, образовательная среда.

Безусловно, многие философы были правы, считая, что техническая среда есть среда искусственного замещения природного бытия человека. Эта среда, которая активно воздействует на его сознание и поведение. Под техникой подразумевалась особая техническая среда, которую мы называем сегодня информационной. Это среда, в которой главным элементом является не информация, как бы парадоксально это не звучало, а знания, которые конструируются, выстраиваются самим человеком из информационных потоков. Поэтому в этом случае уместно ввести такое понятие как «техно-лог». К свойствам «техно-лога» можно отнести:

- упрощенное восприятие мира;
- метафизический, а не диалогический способ познания;
- алгоритмизация смысложизненных задач.

В настоящее время данная форма взаимодействия указывает на существенные мировоззренческие сдвиги и угрозы человеческому существованию, которые несет информатизация общества и цифровая коммуникация.

Pluzhnikova N. N. Dialogue vs Digital Communication in the Conditions of Society Informatization

The article is devoted to the analysis of the process of transformation the concept "dialogue" in a digital culture. The author shows the significant shifts in the worldview paradigm that change the perception of not only dialogue, but also the person, his consciousness in modern society. The author introduces a concept of "techno-log" as a designation of a specific method of digital communication of the subject.

Keywords: Dialogue, technology, human, intelligence, informatization, digital communication

УДК 378.4

ДИАЛОГ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В УНИВЕРСИТЕТЕ

Рубанцова Т. А.

*Новосибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск, Российская Федерация
E-mail: rtamara@ngs.ru*

Статья посвящена диалогу как способу формирования образовательного пространства университета и коммуникационных процессов в образовании при подготовке юристов. Показывается значение и роль студента как самостоятельного субъекта учебной деятельности, который способен к самостоятельному поиску и проектной деятельности в процессе образования.

Ключевые слова: образовательное пространство, инновационные методики, проектная деятельность студента.

В современной высшей школе диалог играет огромную роль в формировании образовательного пространства университета. Коммуникативные методики в процессе преподавания не получили широкого применения в педагогической практике, однако сейчас настало время активно применять данные методики обучения. Преподаватель и студент являются основными субъектами образовательного процесса в вузе. В системе традиционного образования именно их взаимодействие формировало образовательное пространство университета. В настоящее время наметилась существенная тенденция сокращения аудиторных часов в процессе обучения, что негативно сказывается на процессе усвоения знаний, особенно это касается гуманитарных дисциплин, в том числе философии [1, С. 15].

В современном образовательном пространстве университета к студентам предъявляются новые требования [2, С. 36]. Они становятся самостоятельными субъектами учебного процесса, студенты должны участвовать в проектной деятельности, ставить и реализовывать учебные цели, контролировать свои результаты в учебном процессе. Студент должен уметь выявлять и описывать научные проблемы, решать учебные задачи, то есть он должен проводить поисковую деятельность и докладывать свои научные и учебные результаты.

Студент должен уметь строить свою коммуникацию с преподавателями и своими сверстниками по вопросам, которые встают перед ним в процессе учебы [3, С. 24]. Однако чаще всего студент является пассивным потребителем чужих мнений и практик, не проявляет инициативы, вместо активного диалога на семинаре читает готовые доклады, взятые из интернета, а на лекциях посещает социальные сети. Современные молодые люди большую часть времени проводят в виртуальном пространстве, в том числе и образовательном, сокращается время непосредственной коммуникации друг с другом и с преподавателем. Так сформировано университетское современное образование. Средняя школа также вносит свою лепту, школьник, «натаскивается» на вопросы и ответы по шаблону на ЕГЭ, не вникая в смысл и часто не понимая гуманитарного текста. В результате современный студент обладает обрывочными бессистемными знаниями по многим школьным предметам и «клиповым» мышлением, то есть он не может сформулировать свою точку зрения, выразить ее в процессе диалога, отстоять свое мнение по поводу того или иного события.

Современный педагог в университете должен обладать умением формировать коммуникативные навыки студента, проектировать и формировать проблемные ситуации, которые способствовали бы развитию диалога в процессе обучения. Педагог – организатор диалога в процессе учебной коммуникации, именно он формирует учебное пространство, выстраивает свои отношения со студентами, их отношения друг с другом в процессе обучения.

Преподавателю необходимо быть открытым для критики, он должен строить совместную работу со студентами. Преподаватель должен обладать высокой коммуникативной речевой культурой и навыками ее применения, так как ему необходимо рассматривать разные подходы и точки зрения в процессе обучения студентов [4, С. 18]. Однако чаще всего педагог работает по своей системе, которая сложилась на протяжении многих лет в системе традиционного образования, в процессе обучения он требует от студентов готовых шаблонных ответов на поставленные им вопросы. Такая методика не требует творческого подхода и развития коммуникационных навыков у всех субъектов образовательного процесса. Это одно из основных противоречий современного образовательного пространства университета. Форма этого пространства существенно изменилась, так же, как и его содержание, а основные субъекты образования используют устаревшие методы и способы подачи и усвоения учебного и научного материала.

Решением проблемы могли бы стать новые проектные методики, основанные на проектной деятельности и развитии критического мышления. У студента должны быть сформированы именно в процессе обучения в университете навыки ведения дискуссий, спора, отстаивания своей точки зрения, обоснования доказательств в споре, способность вести диалог. Именно в системе высшего образования студенты должны научиться жить в современном мире постмодерна, понимать и уважать разные культурные традиции и знания.

Для преподавателей, стремящихся дать своим студентам как можно больше «мировых знаний», основной проблемой является сделать это, не подорвав познавательную активность обучающихся. В развивающем образовании групповая работа заставляет студента ставить цели и находить способы решения. Это происходит на стадии «осмысления» проблемы при работе в группе. В традиционном подходе групповые формы взаимодействия намного прочнее удерживают внимание ученика и его включенность в работу, чем, например, работа у доски одного студента. Групповую работу можно использовать в более сложных видах учебной деятельности: организации понимания и анализе, проектировании, исследовании проблемной ситуации, программировании, проблематизации [2, С. 69].

Активным же оно становится тогда, когда студент умеет привлечь к делу собственную любознательность, свое желание во всем найти смысл и способен при этом использовать достижения ученых в различных областях науки. Для стимулирования развития таких граждан для общества, мы должны помочь студенту обрести личный, собственный интерес, помочь найти личную для него значимость того, что он изучает [5, С. 47].

Диалог в процессе обучения обеспечивает взаимодействие между студентами и педагогами, эта деятельность способствует осмыслению предмета. Особенностью обучению

диалогу как способу коммуникации среди студентов является необходимость приобретать знания через коммуникацию в группе. Дискуссия требует проблемного анализа со стороны студентов, но проводит ее преподаватель. Студенты в дискуссионных формах обучения конструируют свои коммуникативные способы доказательства и применяют свои навыки.

Следовательно, формирование нового образовательного пространства через формирование коммуникативных навыков в диалоге является основным фактором современного образования. В процессе обучения студент осваивает новые коммуникативные навыки ведения диалога, учиться слышать других, отстаивать свою позицию. Он, рассматривая проблему с разных позиций, формирует способность отсеивать свое мнение. Ценными профессионалами в современном обществе будут те специалисты, которые не только умеют сотрудничать с окружающими, но также понимают ход событий, способны принимать профессиональные решения [6, С. 78]. Диалог в современном образовании становится важным способом формирования нового образовательного пространства в университете.

Список литературы

1. Соколов Е. А., Рубанцова Т. А. Философско-методологические проблемы формирования личности специалиста в высшей школе. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2006. – 239 с..
2. Рубанцова Т. А., Зиневич О. В. Инновационные методики для улучшения качества образования: учеб. пос. – Новосибирск: НГТУ, 2010. – 120 с.
3. Рубанцова Т. А. Проблемы гуманизации современного образования. – Новосибирск: СГУПС, 2007. – 175 с.
4. Бермус А. Г. Российское образование и российское общество: развитие во взаимодействии // Общественные науки и современность. – 1998. – №5. – С. 33–39.
5. Конев В. А. Культура и архитектура педагогического пространства // Вопросы Философии. – 1996. – №2. – С. 46–49.
6. Якиманская И. С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе. – М., 1996. – 178 с.

Rubantsova T. A. Dialogue as a Way of Formation of New Educational Space at the University

Article is devoted to dialogue as a way of formation of educational space of the university of communication processes in the course of education when training lawyers. The value and a role of the student as independent subject of educational activity which is capable to independent search and design activity in the course of education is shown.

Keywords: educational space, innovative techniques, design activity of the student.

УДК 130.2:008

СПЕЦИФИКА ДИАЛОГА МЕЖДУ ИНДИВИДОМ И АНТРОПОСФЕРОЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сидоренко В. А.

*Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки, г. Луганск, Луганская Народная Республика
E-mail: vls.80@mail.ru*

Работа посвящена вопросу информационного обмена между индивидом и антропосферой, его качественным и количественным характеристикам, а также интерналистской и экстерналистской тенденциям в подходах к его изучению.

Ключевые слова: коммуникация, информационный обмен, антропосфера, глобализация.

Накопление культурной информации занимало и занимает важнейшее место в процессе антропогенеза. Несмотря на то, что отличительной чертой постиндустриальной стадии развития общества считается развитие информационных технологий и акцент на инновационные сектора экономики, решающим конкурентным преимуществом вида *homo sapiens*, начиная с момента его возникновения, была коммуникация, обусловившая

формирование культуры как системы наиболее эффективных решений встающих перед человеком проблем.

Изучение коммуникативных механизмов культуры в глобальном понимании позволяет очертить информационные контуры человеческой эволюции. Именно коммуникация и коммуникативные системы играли ключевую роль в развитии человечества, поскольку его эволюция происходила в открытой системе обмена энергией, веществом и информацией с внешним миром. Следовательно, эволюционный скачок человека имеет глубокую коммуникативную природу и детерминированность. При продвижении по иерархической магистрали – линии, которая отображает переход от менее организованного общественного устройства к более продвинутому, – происходило количественное накопление культурной информации, которая, достигая критических объемов, обуславливала качественное продвижение человечества по эволюционной лестнице.

Культурное знание является ситуативным объемом информации, необходимым индивиду для решения стоящей перед ним задачи и транслируемым ему антропосферой. Ситуативной данная информация является вследствие различия предпосылок и условий решения задачи, а также конечных целей. Ситуативность обуславливает как содержание, так и объем транслируемых данных: для однократного решения конкретной задачи требуется максимально схематичный и имплицитно реализуемый пакет информации, в то время как при перспективе возникновения и необходимости решения сходных проблем в будущем индивиду необходимы данные для их теоретического осмысления и анализа, что вызывает потребность в трансляции более детальной и объективированной информации.

Информационный подход к пониманию культуры во главу угла ставит, прежде всего, взаимодействие и взаимоусвоение культурных моделей, включающих в себя знания, умения, навыки, ценности и другие культурные особенности индивида или социальной группы, то есть все то, что и раньше входило в определение культуры, однако анализируется этот комплекс с учетом динамики его развития и трансформации. Информационный обмен является основой культуры, так же, или даже в большей степени, чем речевой или энергетический.

Умение человека ориентироваться в культурно-информационном пространстве, определять собственную потребность в определенных информационных взаимоотношениях с другими субъектами, интериоризировать полученные данные, используя социокультурные фильтры, и использовать эти данные в дальнейшем информационном взаимодействии – именно эти факторы и являются определяющими в понимании роли человека в современном информационном обществе. В связи с этим возникает вопрос методологии исследования структур сознания, ответственных за культурную коммуникацию. В настоящее время наиболее значительными тенденциями в развитии информационного подхода к определению культуры являются экстернализм и интернализм. Начав оформляться в середине XX века (В. Д. Фальк, Б. Уильямс, Э. Гетье), данные направления стали методологическими в развитии гуманитарных наук, прежде всего в области поиска движущих сил и факторов развития коммуникации.

Основным обоснованием экстернализма служит утверждение о том, что внутренние структуры сознания невозможно наблюдать и когнитивная антропология не сможет развиваться как наука, основанная на количественных измерениях, если не перенести акцент на те аспекты культуры, которые можно прямо перевести в количественные данные. Культурные схемы при этом трактуются как привнесенные извне, заимствованные из внешней культурной среды через посредничество коммуникативных механизмов.

Интерналисты (А. Койре, А. Р. Холл, П. Росси, Г. Герлак) со своей стороны объясняют развитие культуры исходя из внутренних факторов изменения информационных элементов, не прибегая к заимствованиям из внешнего мира. Возражение интерналистов состоит в том, что объектом философской антропологии выступают именно культурно обусловленные ментальные схемы, а не артефактные носители информации, поскольку артефакты не могут быть репликаторами в том же смысле, в котором выступают психические образования или нуклеиновые кислоты.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что одним из основных проблемных вопросов дискуссии о специфике диалога между индивидом и антропосферой является возможность количественного измерения степени вовлеченности субъекта в культурную коммуникацию (экстерналистская парадигма) и возможность охарактеризовать коммуникативные механизмы, исходя из свойств ментальных структур, определяющих соответствие его индивидуального опыта коллективному опыту культурной группы или человечества в целом. Поиск ответа на этот вопрос представляется весьма перспективным направлением как для философской антропологии, так и для целого ряда смежных междисциплинарных научных областей.

Sidorenko V. A. Specificity of the Dialogue Between an Individual and the Anthroposphere in the Globalization Era

The paper discusses the issue of information exchange between an individual and the anthroposphere, its qualitative and quantitative characteristics, as well as internalistic and externalistic trends in approaches to studying it.

Keywords: communication, information exchange, anthroposphere, globalization.

УДК 130.2

ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН И АНАТОЛИЙ ЗВЕРЕВ: ОТ ИДЕИ ДВОЙНИЧЕСТВА К ДИАЛОГУ СО ЗРИТЕЛЕМ

Сливная З. А.

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация

E-mail: apostolskaya@mail.ru

В статье рассматривается применение мифологеми/метафоры двойничества для создания сложной семиозисной среды, включающей зрителя в диалог с художественными произведениями и их авторами в пространстве современного художественного музея. Автор анализирует философскую основу конструируемого кураторами культурного кода, объединяющего инструменты дополненной реальности и арт-объекты для трансформации зрителя в со-творца и персонажа эстетической семиотической среды, включенного в метафизический диалог писателя и художника-иллюстратора (Ганса Христиана Андерсена и Анатолия Зверева).

Ключевые слова: художественный музей, дополненная реальность, культурный код, двойничество, Г. Х. Андерсен, Анатолий Зверев.

Применение дополненной реальности для углубления и усиления диалога со зрителем является современным трендом в развитии социокультурного пространства художественного музея. Музей Анатолия Зверева (Музей AZ) занимает лидерские позиции в применении цифровых технологий для создания эстетической среды, используя технологии 3D-съемки, цифровой анимации и мультимедии не только для включения и погружения посетителей в произведения художников-нонконформистов, но и разработку сложной системы кросскультурного полилога гениальных художников, режиссеров, поэтов и писателей. Ее основой выступает творческий поиск семиозиса, обеспечивающего сближение литературы, кинематографа и живописи на основе конструирования новых культурных кодов. Сближение художественного творчества и философской практики осуществляется через поиск параллелей в философской стратегии праксеологически, идейно или эстетически связанных судьбах творцов. Одним из вариантов кода семиозиса является тема двойничества.

Двойничество как мифологема и литературная метафора представляет собой сюжетно-композиционное развертывание образа героя за счет диалога двух голосов, отражающих диалог сознания. Архаичность двойничества, его мифологические корни, обеспечивает персонажу причастность к архетипическим глубинам. По определению С. З. Агранович и И. В. Саморуковой, двойничество представляет собой языковую структуру, в которой образ человека корректируется одним из исторических вариантов бинарной модели мира; при этом

оно находит свое воплощение в конкретных моделях языка культуры от архаического мифа и ритуала до стереотипов современного сознания, которые воплощаются в различных дискурсивных практиках, где бинарная картина мира опосредуется идеологическим, политическим, художественным или иным контекстом [1]. Двойничество как образная модель концентрирует связи «одного» с «другим», порождая модель равнорангового социального отношения, в котором возможно взаимное признание и понимание (что, вообще говоря, одновременно характерно для диалога как формы коммуникации). наличие у его агентов общих корней. Выражение «общие корни» следует понимать достаточно широко, включая в него любые рудименты первоначального единства. Авторы цитируемой работы выделяют три типа двойничества: а) двойники-антагонисты; б) карнавальные пары; в) близнецы («русский тип»). Первый тип связывает двух противоборствующих конкурентов, один из которых воплощает гипертрофированную черту другого, при этом они воплощают образы мифологических братьев-близнецов, принадлежащим к разным мирам. Второй конструирует взаимодополняющих и взаимозамещающих друг друга в карнавальной игре двойников-дублеров, принадлежащих к одному миру. Третий тип позиционирует функциональную идентичность персонажей-двойников при обязательной принадлежности их к одному миру.

Именно третий тип двойничества был использован кураторами выставки «Сказки Андерсена» в Музее AZ для создания сложной системы семиотической среды, включающего зрителя в диалог с художественными произведениями и их авторами. Арт-объектной основой выставки стали иллюстрации Анатолия Зверева к четырем сказкам Ганса Христиана Андерсена («Русалочка», «Дикие лебеди», «Новое платье короля», «Соловей»), созданные в 1961 году. Иллюстрации помещены в фантазийное пространство, соединяющем в себе видеоинсталляции, кинетические объекты современных художников и музыку. Структурированное этажами музея, это пространство погружает зрителя в сказочное подводное царство, мир людей и птичьей стаи, кинестетическую инсталляцию «Нити обмана» и райский дворец правителя Поднебесной. Ключом к мирам выставки является анимационный фильм об Андерсене и Звереве, сплетающих этажи в единое мироздание через двойническую бинарную симметрию. Андерсен и Зверев представлены в ней функциональными двойниками, близость судеб и творческих исканий которых реализуется в детском сборнике сказок, написанных одним и проиллюстрированным другим для взрослых. Тяжелое детство, бедность, поздняя учеба, непонятость современниками, имидж чудака-полубезумца, страхи и экстравагантность не только функционально сближают писателя и иллюстратора, но и закладывают код к интерпретации их «совместного шедевра»: голос является главной темой четырех сказок (голосом жертвуют Русалочка и Элиза, голос позволяет Мальчику разоблачить глупость Голого короля, голос позволяет соловью очаровать Императора и прогнать от него смерть), рисунки Зверева, музыкальные по технике исполнения, заставляют сказки материализовываться не только в видимых формах, но и звучать особой тональностью. Зритель, поддаваясь эстетике залов, их музыкального оформления, взаимодействуя с кинестетическими объектами, сближая для себя разделенных столетием Андерсена и Зверева, сам становится творцом и персонажем этой семиотической среды, домысливая ее и трансцендируя во временную перспективу, реализуя бинарные оппозиции как тернарную структуру, в которых философия искусства связывает элементы двучлена. Развлекательная мультимедийная форма подачи арт-объектов благодаря сложному семиотическому коду постепенно обнажает перед ошеломленным и заинтригованным зрителем метафизическую глубину, к которой он лично причастен.

Список литературы

1. Агранович С. З., Саморукова И. В. Двойничество. – Самара: Издательство «Самарский университет», 2001. – 132 с.

Slivnaya Z. A. Hans Christian Andersen and Anatoly Zverev: from the Idea of Duality to Dialogue with the Audience

The article deals with application of the mythologeme/metaphor of duality to create a complex semiotic environment that includes the viewer in a dialogue with the works of art and their authors in the space of the modern art Museum. The author analyzes the philosophical basis of the cultural code constructed by the curators, which combines the tools of augmented reality and art objects for the transformation of the viewer into a co-Creator and character of the aesthetic semiotic environment, included in the metaphysical dialogue of the writer and Illustrator (Hans Christian Andersen and Anatoly Zverev).

Keywords: art Museum, augmented reality, cultural code, duality, G. H. Andersen, Anatoly Zverev.

УДК 1:001(075.8)

СИНТЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФИЛОСОФИИ НАУКИ И ИСТОРИИ

Шамарина Е. Т.

*Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: tonalsh@mail.ru*

Синтез концепций, методов и идей, их расширение, исследование и модификация американского философа науки Майкла Фридмана представляют потенциал для объяснения развития как истории науки, так и истории философии. Опираясь на историографию науки и на принятие особенностей научных революций, данных Т. Куном, он переосмысливает эволюцию физики пространства-времени от Ньютона до Эйнштейна. Принятие его стратегии позволяет по-новому взглянуть на стандартные интеллектуальные проблемы, связанные со скептицизмом, метафизикой и теологией.

Ключевые слова: философия науки, история философии, динамика разума, релятивизированный a priori.

У философии науки есть конкретные вопросы, которые не могут быть адекватно решены без обращения к историческому развитию научных практик и научных теорий. Американский философ науки Майкл Фридман был одним из тех, кто применил методологию историографии в своих трудах. Так же, как и Томас Кун в монографии «Структура научных революций» (1962 г.), он принимает революционные изменения в истории науки, но видит в них возможность понять конкретные проблемы, которые привели к развитию философии во время революционных потрясений. В своем эссе «Переосмысление синтетической истории» [1] Фридман проводит ревизию собственного синтетического подхода с целью проиллюстрировать масштаб и ценность методологии синтетической истории в ее разнообразных формах. В этой работе выделяются два основных центра притяжения его исследований: Кант и его отношения с наукой Ньютона, с одной стороны, и логические эмпиристы и их связь с теорией относительности Эйнштейна с другой. Подход Фридмана подчеркивает кантианские и неокантианские корни логических позитивистов, что в его понимании свидетельствует о центральном положении философии Канта в истории современной философии. Этот конкретный подход, а также особое место в современной математической физике теории пространства и времени, обсуждаемые в науке от Ньютона к Эйнштейну, и особая роль априорных основополагающих принципов (как в геометрии, так и в механике) в этих теориях были названы Фридманом «динамикой разума». Говоря иначе, «динамика разума» – это попытка описать эволюцию физики пространства-времени в рамках переосмысленной Фридманом версии трансцендентальной философии Канта.

В своей ранней статье «Замечания по истории науки и истории философии» (1993 г.) [2] Фридман исследует два примера в контексте этой историографической перспективы. Первый пример – это переход от аристотелевско-схоластической физической динамики к механической динамике, которому был дан импульс такими учеными как Галилей, Декарт и Ньютон. Этот сдвиг поднял новые фундаментальные проблемы в науке, что, в свою очередь, породило философские вопросы, касающиеся статуса и возможности наших знаний о природе мира. Фридман полагает, что эволюция современной философской традиции есть

последовательные попытки примирения с фундаментальной проблемой относительности движения, лежащей в основе новой физической динамики. В этом контексте его синтетический метод может быть более показателен, чем «обычная картина преемственности излишне тщетных попыток решить проблемы скептицизма по поводу внешнего мира» [2, Р. 43]. Фридман утверждает, что Кант выдвинул новую парадигму, потому что метафизика Канта сформулировала априорные условия возможности опыта. В то же время Кант учредил «реорганизацию и переосмысление самой метафизики» и таким образом спровоцировал свою «революцию» в философии, ниспровергнув метафизику с ее высокого пьедестала над человеческим знанием.

В своем втором примере Фридман указывает, что аналогичная проблема возникает в начале двадцатого века, когда философы столкнулись с очередной революцией в естественных науках: специальной и общей теориях относительности, основанных на неевклидовой геометрии. Он утверждает, что мы можем воспринимать логических позитивистов как философов, которые, пытаясь философски примириться с глубокими концептуальными революциями, положившими начало науке XX века, еще раз пересмотрели основные концепции и принципы философии, чтобы найти «новую, неметафизическую задачу для философии» [2, Р. 49]. И, хотя они отказались от определенных аспектов кантианства в его первоначальном виде, дух Проекта Канта для метафизики был еще жив в начале XX века. В частности, логические позитивисты продолжали «отстаивать измененную позицию кантианцев, согласно которой существует фундаментальное различие между пространственно-временными рамками физической динамики и эмпирическими законами, сформулированными в этих рамках» [2, Р. 50]. Это фундаментальное различие есть не просто кантианское различие *a priori* и *a posteriori*. Сталкиваясь с революционными изменениями в математике и науке, оно превратилось в различие между релятивизированным *a priori* и *a posteriori*, между исторически-динамическими математическими и физическими законами, с одной стороны, и пониманием мира, с другой стороны. Признавая эту кантианскую нить, проходившую в начале двадцатого века в философии науки, Фридман предлагает проект не только для историков философии, но и для философии в целом.

Понятие «релятивизированный *a priori*» был введен им в первой книге «Основы пространственно-временных теорий: релятивистская физика и философия науки» (1983 г.) [3]. В «Динамике разума» (2001 г.) [4] он уже четко определяет этот термин как неизменяющую характеристику научного знания, которая выдержала революционные изменения в физических науках. Во-первых, новая концептуальная основа или парадигма должна содержать предыдущую основополагающую структуру в качестве приближения к предельному случаю, содержащему определенные особые условия. Во-вторых, новая конститутивная основа принципов должна также постоянно развиваться из предшествующих принципов посредством ряда естественных преобразований. В-третьих, этот процесс непрерывной концептуальной трансформации должен мотивироваться и поддерживаться соответствующей новой философской мета-структурой, продуктивно взаимодействующей как с прошлыми философскими мета-структурами, так и с новыми научными разработками. Учитывая, что общая теория относительности возникла из предыдущей пространственно-временной структуры, можно, например, разумно требовать, чтобы четырехмерная метрика пространства-времени Эйнштейна продолжала сохраняться примерно в том же смысле в будущих теориях.

Таким образом, вводя термин «релятивизированный *a priori*», Фридман осознанно производит синтез многих философских и научных идей прошлого. Он следует в русле идеи релятивизации кантианских основополагающих принципов геометрии и механики, впервые предложенной Райхенбахом в книге 1920 года «Теория относительности и априорное знание» [5]. Неявным утверждением Фридмана является то, что историческое взаимодействие между философией и наукой является существенным фактом природы взаимоотношений двух данных дисциплин. Цели и методы, стандарты и проблемы в философии и науке

обеспечивают контекст, частично унаследованный ими от их исторического прошлого, поэтому необходимо понимание их исторического взаимодействия в современных практиках.

Приняв историю и философию науки в качестве отправного пункта своих исследований, Фридман придал роли науки в истории философии радикально больший вес. Было бы неверно игнорировать другие факторы, способствовавшие развитию новых философских идей: так, например, скептицизм расцвел и помог сформировать эпистемологию Канту, имея исходным пунктом философию Декарта. По мнению Фридмана, прогресс в философии может быть достигнут путем признания исторического долга, возвращения к своему верному философскому прошлому и распространению недооцененной точки зрения на современные проблемы.

Список литературы

1. Friedman M. Synthetic history reconsidered // Domsy M., & Dickson M. (Eds.). Discourse on a new method: Reinvigorating the marriage of history and philosophy of science. Synthetic History and the Dynamics of Reason. La Salle: Open Court, 2010. P. 571–813
2. Friedman M. Remarks on the history of science and the history of philosophy // P. Horwich (Ed.). World changes: Thomas Kuhn and the nature of science. Cambridge, MA: MIT Press, 1993. P. 36–54.
3. Friedman M. Foundations of Space-Time Theories: Relativistic Physics and Philosophy of Science. Princeton: Princeton University Press, N. J., 1983. 385 p.
4. Friedman M. Dynamics of Reason: The 1999 Kant Lectures at Stanford University. Chicago: CSLI/University of Chicago Press, 2001. 143 p.
5. Reichenbach H. The theory of relativity and A Priori knowledge. Berkeley: University of California Press, 1965. 116 p.

Shamarina E. T. Synthetic Approach to the Philosophy of Science and History.

The synthesis of concepts, methods and ideas, their expansion, research and modification of the American philosopher of science Michael Friedman represent the potential for explaining the development both the history of science and the history of philosophy. He rethinks the evolution of the physics of space-time from Newton to Einstein relying on the historiography of science and the adoption of the features of the scientific revolutions, given by T. Kuhn. Accepting its strategy allows you to take a fresh look at the standard intellectual problems associated with skepticism, metaphysics and theology.

Keywords: philosophy of science, history of philosophy, dynamics of mind, relativized a priori.

УДК 101:82-1/29

ДИАЛОГ ФИЛОСОФИИ И ПОЭЗИИ: КОНЦЕПЦИЯ «ПОЭТИЧЕСКОГО РАЗУМА» МАРИИ САМБРАНО *Яковлева Л. Е.*

*РГУ имени А. Н. Косыгина, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: nucul@mail.ru*

Проблема соотношения философии и поэзии рассматривается на материале испанской философской традиции. Реконструирована концепция «поэтического разума» испанского философа XX века Марии Самбрано, работы которой не переводились на русский язык. Объединение философии и поэзии, ритма и мелодии диктуется необходимостью преодоления внутренней драмы человека, порожденной разрывом между «я» и «другим».

Ключевые слова: философия, разум, поэзия, истина, метафизика, М. Самбрано.

Проблеме соотношения философии и поэзии особое внимание в XX веке уделяла экзистенциально-герменевтическая традиция. В рамках этой традиции философия и поэзия рассматривались как два альтернативных способа нахождения человеческого бытия в мире. Под влиянием этой традиции и философии постмодернизма происходит переосмысление природы философии, которая рассматривается как создание пространства для обнаружения истины. Поэзис, наряду с матемой, политикой и любовью входит в число родовых процедур,

определяющих это пространство [1, С. 183]. Символичность, целостность, многозначность художественных образов позволяет не только проиллюстрировать сложные ходы философской мысли, но и ведет к новым горизонтам философского видения мира. Литература и поэзия в частности, по мнению Алена Бадью, не только способна продуцировать философские идеи, но и не нуждается в интерпретации извне. «Поэзия для Бадью – это “место мысли”, “процедура истины”, “порождающая процедура”, она “врывается в философию” и полностью охватывает ее» [2, С. 41].

Испанская философия XX века, крупнейшим представителем которой является Мария Самбрано¹, всегда находилась в поиске новых оснований для метафизики. Х. Ортега-и-Гассет видел это основание в историческом или жизненном разуме, Х. Сублири – в чувствующем разуме, М. Самбрано – в поэтическом разуме. Так как именно поэзия есть одна из последних, не заросших тропинок в ноуменальную сферу, движение по которой иногда происходит помимо сознательного намерения автора. Как отмечал Г. Гадамер, «у поэтического и философского способов речи есть одна общая черта. Они не могут быть “ложными”. Ибо вне их самих нет мерил, каким их можно было бы измерить и каким они соответствовали бы. При этом они далеки от какого-либо произвола. С ними связан риск иного рода – риск изменить самому себе. В обоих случаях дело не в том, что отсутствует соответствие предметам, а в том, что слово становится “пустым”. В случае поэзии это означает, что вместо того, чтобы звучать, она становится лишь созвучной – то ли другому стихотворному произведению, то ли риторике обыденной жизни. Применительно к философии это значит, что философская речь застревает на приведении формальных аргументов или впадает в пустую софистику» [3, С. 125]. Но между ними есть и отличия.

Сравнивая философию и поэзию как два альтернативных способа нахождения в мире живого человеческого существа, М. Самбрано выделяет следующие характеристики. Если философия стремится к власти, то поэзия восстает против власти. Ее интересуют индивидуальные характеристики человека, в то время как философию – универсальные характеристики истории. «Поэзия – это встреча, вестник благодати, ответ, предстающий как вопрос. Философия – это поиск, строго следующий методу, хотя на самом деле она является и ответом» [4, Р. 90].

И философия, и поэзия, используя живой язык, выступают как «способы дистанцирования от обыденной речи» (Г. Гадамер), но философия заменяет наличный мир миром понятий, противопоставляя путь мнения и путь истины, чувство и разум. Поэзия же конструирует художественные образы как постоянно обыгрываемое равновесие звучания и смысла. «В стихотворении ни одно слово не подразумевает того, что оно значит. Но одновременно оно как бы возвращается к самому себе, тем самым, удерживаясь от соскальзывания в прозу со свойственной ей риторикой» [3, С. 126]. В этом смысле поэт остается верен видимости наличного бытия, но при этом не может не любить истину. Как отмечает испанский исследователь творчества М. Самбрано, «поэт не верит в истину, открытую философией, которая колеблется между признанием присутствия реального как в вещах, которые есть, так и в вещах, которых нет» [4, Р. 92], но не является при этом скептиком. Истина поэта не императивна.

В своих истоках, пытаясь разгадать тайну объективности мифа, западная философия начинается с поэтического слова «О природе» в трудах ранних греческих философов, а затем идет по пути дискурсивного размышления, стремясь логикой понятий схватить логику реальности, в том числе реальности Абсолюта. Истина становится императивным требованием познавательного процесса, что ведет, в свою очередь, к победе научной рациональности, к отождествлению знания и научного знания. Конечно, во все исторические эпохи существовали философы, которые шли против этой ведущей тенденции западной

¹ Мария Самбрано (1904-1991) – дочь известного гуманиста Бласо Самбрано, ученица Х. Ортега-и-Гассета и Х. Сублири, первая испанка, которая полностью посвятила свою жизнь философии. Автор работ «Философия и поэзия», «Мысль и поэзия в испанской жизни» (1939), «Агония Европы» (1940), «Призвание как литературный жанр и метод» (1941) и др. В 1989 году М. Самбрано получила высшую литературную премию имени Сервантеса. Близким другом семьи был поэт-философ Антонио Мачадо, задавший парадигму испанского гуманизма первой трети XX века.

философии, но не они определяли ее лицо. Ситуация начинает меняться в конце XIX – начале XX века с появлением таких направлений, как философия жизни, феноменология, персонализм, философская герменевтика, экзистенциализм.

В испанской философской традиции осознание того, что метафизика в самой важной части своего дискурса покидает поле логики и становится поэтическим мифом, а поэзия становится до некоторой степени метафизикой, произошло гораздо раньше. И это связано с особенностями испанской философии. К характерным чертам национальной философской традиции Испании относится понимание философии не как науки, а как особого ответственного вопрошания о смысле жизни и истины каждого человека, пронизывающего все области духовной культуры. «Жизнь» воспринимается в испанской культуре как миссия, которая не может быть оправдана достижением материального успеха или славы, но является способом реализации вечных ценностей духа. А в качестве основных средств философского познания используется метафора, образно-символические формы, способные схватить противоречивый, творческий, непредсказуемый характер жизни.

Неразрывная связь поэзии и философии, по мнению Мигеля де Унамуно, объясняется не только личностным характером философского знания, но и тем, что философской рефлексии неизбежно предшествует язык и хранящийся в нем опыт, который схватывается в чувстве, в «мифопоэтическом воображении». Подчеркивание ограниченности логического мышления, непостижимости и непредсказуемости жизни, эмоциональность – общая характеристика универсума испанского языка. У Г. Лорки встречается поразительная характеристика испанского народа как «пропащего народа – в голове сердце». В то же время присущий испанской традиции персонализм проявляется в языке в акценте на личностных действиях индивида. Вечное противоборство со смертью суть «трагического чувства жизни» (Унамуно) испанской культуры.

Эти черты испанской традиции подготовили почву для концепции поэтического разума М. Самбрано, которая подчеркивает, что принципиальным отличием поэзии от философии является то, что поэзия посредством творчества создает апостериорную целостность мира, в которой каждая вещь достигает полноты, а философия исходит из априорной целостности мира. Философия открыта будущему, а поэзия настоящему. Поэзия с помощью синтеза метафор позволяет нам приблизиться к тем измерениям опыта, который разум, руководимый волей к власти, игнорирует. Она устанавливает отношение между чувственно воспринимаемой множественностью и субъектом, то есть, выступает как «способ разрешения внутренней драмы человека, производимой разрывом между «я» и «другим» [5, Р. 11].

Современная философия поставила разум в центр своей жизни, уничтожив все трансцендентное, а поэзия, в свою очередь забыла о рефлексии, и тем самым потеряла тот смысл, который должен быть основным для поэтического феномена. Выходом из данной ситуации является углубление в абсолютный разум и возрождение таких видов разума как поэтический разум.

Список литературы

1. Круглова И. Н. Операциональная концепция природы и специфики философии // Философия и наука: проблемы соотношения. Алешинские чтения – 2016. Материалы международной конференции. Москва, 7–9 декабря 2016 г. / Отв. ред. Т. А. Шиян. – М.: РГГУ, 2016. – С. 183–189
2. Тейтельбаум Е. С. Испанская и португальская философия конца XIX – первой трети XX века: философствование в пространстве литературы и формы этого философствования в творчестве М. Унамуно, А. Мачадо и Ф. Пессоа. Дис ... канд. филос. наук. / Тейтельбаум Елена Сергеевна. – Екатеринбург, 2016. – 142 с.
3. Гадамер Г-Г. Философия и поэзия // Гадамер Г-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – С. 116–146
4. Sevilla S. La razón poética: mirada, melodía y metáfora. María Zambrano y la Hermenéutica // María Zambrano: la razón poética o la filosofía / Teresa Rocha Barco (ed). Madrid: Tecnos, 1998. P. 87–108.
5. María Zambrano 1904–1991. Malaga, 2000 (каталог выставки).

Yakovleva L. E. Dialogue of Philosophy and Poetry: Concept of “Poetic Mind” by Maria Zambrano.

The problem of the correlation of philosophy and poetry is examined on the material of the Spanish philosophical tradition. The concept of the poetic mind by Spanish philosopher Maria Zambrano was reconstructed. The unification of philosophy and poetry, music and words is dictated by the need to overcome the inner drama of man – the gap between “I” and “The other”.

Keywords: philosophy, mind, poetry, true, metaphysics, M.Zambrano.

УДК 1(091)

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ДИСКУССИЙ ПРИ ФОРМАЛИЗАЦИИ АРГУМЕНТАЦИИ¹

Берестов И. В.

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Российская Федерация

E-mail: berestoviv@yandex.ru

В докладе мы показываем, что при формализации дискуссий, развертывающихся в современных философских журналах, нужно учитывать тот факт, что новый участник дискуссии может использовать предшествующую дискуссию целиком в качестве поддержки для своего собственного тезиса. Это означает, что конструируемая формализация должна оперировать объектами, являющимися целыми дискуссиями, содержащими в себе множество положений и отношения поддержки и опровержения, определенные на этом множестве. Показано, что, например, теория диалектической аргументации DefLog не предусматривает возможности объективизации дискуссий и поэтому должна быть дополнена.

Ключевые слова: теория аргументации, структура аргументации, DefLog.

Настоящий доклад посвящен указанию на некоторую неполноту имеющихся формализаций аргументации. Мы намерены показать, что имеются случаи аргументации, которые известные способы формализации и графического представления аргументов не способны отразить. Однако эти случаи составляют весьма значительную часть обсуждения проблем в философских журналах, и, вероятно, также и в журналах других направлений.

В качестве примера современного и во многих отношениях весьма успешного подхода к формализации аргументации укажем на подход, автором которого является известный голландский исследователь Bart Verheij [1]. Он является разработчиком одной из теорий диалектической аргументации, именуемой DefLog. Также им была разработана компьютерная программа ArguMed 2.0, являющаяся помощником при построении корректной аргументации («argument assistant»).

В DefLog могут быть атакованы как положения, поддерживающие определенный тезис, так и связанность положений отношениями поддержки или опровержения. Таким образом, DefLog позволяет как бы «субстантивировать» указанные отношения между положениями, делая их полноценными «объектами», которые могут поддерживаться или атаковаться другими тезисами. Следует подчеркнуть, что субстантивируются отношения не сами по себе, в отдельности от соотносимых ими вещей, но именно отношения между вот-этими положениями. В этом смысле можно сказать, что создается новый объект, состоящий из двух положений, на которых определено отношение поддержки или опровержения. Созданный таким способом новый объект, по [1], может подтверждаться или опровергаться другим объектом (положением). Мы могли бы добавить, что в некоторых ситуациях новый объект можно использовать также и для подтверждения или опровержения другого объекта, хотя в ArguMed 2.0 такую ситуацию визуализировать невозможно. Иначе говоря, наше предложение состоит в том, чтобы сделать создаваемый указанным способом объект более полноценным объектом, чем в [1]: он должен иметь возможность не только подтверждаться или опровергаться другими объектами, но также и возможность подтверждать или опровергать другие объекты.

Однако указанного расширения все еще недостаточно для формализации многих рассуждений, используемых в философских статьях. Дело в том, что современная журнальная статья часто представляет собой отклик на идущую некоторое время дискуссию, участники которой и приводят положения, непосредственно поддерживающие свои точки зрения, и атакуют точки зрения своих оппонентов, надеясь тем самым выставить свои точки зрения в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-01376 (18-00-00760).

более выгодном положении, чем точки зрения своих оппонентов. Если дискуссия идет уже некоторое время, то все отстаиваемые точки зрения могут успеть обрести и поддерживающие их положения, и положения, их атакующие. В этом случае новый участник дискуссии может попытаться занять сторону одного из лагерей, подкрепив его аргументы и атаковав аргументы соперников. Но он также может сделать более радикальный ход: оценив сложившуюся ситуацию целиком как тупиковую (ведь в дискуссии нет ни одной точки зрения, которая не является и поддерживаемой некоторыми положениями, и опровергаемой другими положениями), использовать эту ситуацию целиком (т. е. положения, упорядоченные отношениями поддержки и опровержения) в качестве довода поддерживающего некоторую свою точку зрения, которая, по-видимому, не должна совпадать с точками зрения, отстаивавшимися до появления этого участника дискуссии (ведь дискуссия по их поводу уже показала свою «зацикленность» и безнадежность).

В этом случае «субстантивируется» или «объективируется» не просто отношение поддержки или опровержения, привязанное к своим объектам, но целая дискуссия, представляющая собой множество тезисов, на некоторых членах которого заданы отношения поддержки и опровержения. Для формализации аргумента, содержащего в качестве одного из своих объектов такой сложный объект, как объективированную дискуссию, можно использовать синтаксис языка DefLog, как он описан в [1], с дополнительным оператором конъюнкции, позволяющим описывать объект не только одним, но также и несколькими положениями, которые могут быть положениями о положениях о положениях..., и положения могут быть связаны или нет отношениями подтверждения или опровержения.

Для того, чтобы показать необходимость использования при формализации аргументации такого объекта, как объективированная дискуссия, приведем в качестве примера наш собственный отклик на продолжающуюся дискуссию среди методологов истории философии в [2; 3]. Изначально в дискуссии обсуждаются 2 тезиса: тезис (claim) апроприационалистов (AC) и тезис контекстуалистов (CC). (AC) = «Значение древних философских текстов определяется только их современным использованием», (CC) = «Их значение определяется только обстоятельствами написания текста». Поддержку (support) положению (AC) оказывает положение (AS) = «Прошлое существует только в настоящем», что на DefLog записывается как $(AS) \sim \rightarrow (AC)$. Поддержку положению (CC) оказывает положение (CS) = «Значение любого текста исторично», или $(CS) \sim \rightarrow (CC)$. Кроме того, (AS) и (CS) опровергают (rebut) тезисы противной стороны – (CC) и (AC), соответственно: $(AS) \sim \times (CC)$, $(CS) \sim \times (AC)$. Представленное описание дискуссии показывает, что ситуация зашла в тупик: ни (CC), ни (AC) не имеют преимуществ над конкурирующим тезисом. Для нас в [2; 3] вся зашедшая в тупик дискуссия целиком является основанием для тезиса (SynC), «синтезирующего» (CC) и (AC): $(SynC) = \langle \text{Значение текста конституируется как древними, так и современными его интерпретациями} \rangle$. Для отображения этого мы должны иметь возможность записать, например, $\{ \{ (AS) \sim \rightarrow (AC) \} \& \{ (CS) \sim \rightarrow (CC) \} \& \{ (AS) \sim \times (CC) \} \& \{ (CS) \sim \times (AC) \} \} \sim \rightarrow (SynC)$, что нельзя было записать в исходном варианте DefLog.

Список литературы

1. Verheij B. Evaluating Arguments Based on Toulmin's Scheme // *Arguing on the Toulmin Model: New Essays in Argument Analysis and Evaluation* / ed. by D. Hitchcock and B. Verheij. Dordrecht: Springer, 2006. P. 181–202.
2. Берестов И. В. Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии. Часть I: постановка проблемы // *Вестник Томского государственного университета*. – 2018. – № 436. – С. 69–81.
3. Берестов И. В. Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии. Часть II: Типы значений терминов // *Вестник Томского государственного университета*. – 2019. – № 438. – С. 62–73.

Berestov I. V. The Objectification of Discussion in the Formalization of Argumentation

In the report, we show that when formalizing the discussions that take place in modern philosophical journals, it is necessary to take into account the fact that a new discussion participant can use the preceding discussion as a whole in order to support his own claim. This means that the constructed formalization must operate with objects that are entire discussions, which are containing in itself a set of statements and relations of support and defeat, defined on this set. We

show that, for example, the theory of dialectical argumentation DefLog does not provide for the possibility to objectify the discussions and therefore must be supplemented.

Keywords: argumentation theory, argumentation structure, DefLog.

УДК 16

АРГУМЕНТАТИВНЫЕ СХЕМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ: РУССКИЙ VS АНГЛИЙСКИЙ

Боброва А. С.

*Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: angelina.bobrova@gmail.com*

В работе поднимается вопрос зависимости аргументативных схем от языковой среды, в которой они используются. Сегодня аргументативные схемы – довольно хорошо разработанный аппарат в оценке аргументации, и прикладное программное обеспечение, имеющее дело с реконструкцией аргументов, это подтверждает. Чаще всего используются схемы, построенные на базе английского языка. Однако есть резонные основания предполагать, что аргументативные схемы в английском языке будут несколько отличаться от схем, используемых в русском. Количественных и качественных расхождений не должно быть много, но эмпирические исследования этого вопроса могут привести к любопытным результатам.

Ключевые слова: аргументативные схемы, реконструкция аргументации, оценка аргументации

Аргументация всегда создается субъектом и ориентирована на субъект, а потому очевидно работает в области прагматики. С одной стороны, такая тесная связь аргументативных структур с установками оратора или слушателей привлекает исследователей. С другой стороны, именно она превращает аргументацию в область, сложную для изучения. В наши дни этот вопрос встает с новой силой: как анализировать аргументацию и что именно мы анализируем? Его сложность становится очевидной в случае анализа аргументации средствами программного обеспечения (ПО). Различных видов подобного ПО сегодня довольно много.

Позволю себе ограничиться программами, наиболее распространенными в образовательной среде. Как правило, они нацелены на реконструкцию аргументации и ее дальнейшую оценку. Речь идет о таких инструментах, как Araucaria, OVA (Online Visualisation of Argument/Визуализация аргументов онлайн) 1 или OVA+ 2; 3, Carneades (Carneades Argumentation System/ Аргументативная система Карнеад) 4 5 6, Rationale 7 8, с небольшими оговорками Argugrader (Аргументатор), AVIZE (Argument Visualization and Evaluation/Визуализация и оценка аргументов) 9 и ряде других. За небольшими различиями программы объединяет работа с текстом, основная цель которой – реконструировать аргументацию, заложенную в тексте, и оценить ее методами, предлагаемыми конкретной программой. Выявлять структуру и выбирать оценку пользователь, как правило, должен вручную. За исключением AVIZE он так или иначе загружает в ПО текстовый фрагмент, а затем «выкладывает» значимые для аргументации высказывания на поле. На следующем этапе высказывания выстраиваются в виде дерева, с которым уже могут работать предлагаемые оценочные инструменты. Предполагается, что подобный анализ делает исходную аргументацию более прозрачной и облегчает пользователю процедуру оценки. Но происходит ли это на самом деле? Что мы реконструируем?

Тип оценки, как и тип связи исходных высказываний, определяет сам пользователь, а потому довольно часто один и тот же фрагмент может реконструироваться разными способами. Какой из них следует считать «более правильным»? Найти однозначное решение на поставленный вопрос, полагаю, вряд ли возможно (по меньшей мере, на сегодняшний день). Чрезмерная субъективность является одним из сложных аспектов теории аргументации.

Однако я бы хотела обратить внимание не столько на этот аспект, сколько на проблемы, связанные с оценкой аргументации. Оценочные инструменты в рассматриваемом ПО чаще

все еще работают на базе аппарата аргументативных схем 10; 11; 12, и этот аппарат таит в себе немало проблем: (1) схем довольно много; (2) их классификация не является взаимоисключающей, более того, (3) вряд ли можно быть уверенными в их исчерпываемости. Страдают от этих недостатков и аргументативные схемы Д. Уолтона, которые, по общему признанию, считаются наиболее разработанным вариантом этого подхода, а потому используются в ПО чаще других версий.

Следующим (4) серьезным недостатком аргументативных схем является их чрезмерная привязанность к языку. Как правило, мы имеем дело с англоязычными схемами. Нельзя отрицать, что логика, то есть логические связи, лежащие в основе схем, работают за рамками языка, но схемы, о которых идет речь, работают несколько иначе. Они «прагматизируют» логические связи, провязывая их к языку (или его носителю).

Получается, что российский пользователь, анализируя аргументацию, например, в рамках какой-либо из представленных выше программ, вынужден опираться на образцы, принятые в англоязычной литературе. Я не утверждаю, что это совсем неуместно: большая часть схем отлично работает и в русскоязычном контексте. Однако полного соответствия ожидать все же не стоит. Прежде всего, естественные языки полны иносказаний, двусмысленностей и прочих мелизмов, которые обычно не сказываются на базовых структурах рассуждений, но могут проявлять себя на прагматическом уровне аргументативных схем. Кроме таких скорее всего незначительных качественных различий, вполне уместно допустить наличие количественных расхождений: одна схема аргументации в разных языковых средах может встречаться с различной частотностью.

Насколько мне известно, анализа особенностей аргументативных схем русского языка не проводилось, и похоже, это можно отнести к числу наших упущений. Полагаю, исследования, а точнее результаты таких качественных и количественных расхождений могли бы быть интересны специалистам, которые напрямую или косвенно имеют дело с вопросами теории аргументации. В решении обозначенной задачи могут помочь экспериментальные исследования. На сегодняшний день в нашем распоряжении находится целый ряд программ, которые позволяют работать с большими массивами текстовых данных по заранее заданным условиям, а потому мы можем сделать выборку и проанализировать ее на предмет соответствия определенным образцам рассуждений или аргументативных схем. К сожалению, размер данной публикации не позволяет даже грубо описать его возможные условия, однако позволю себе сказать несколько слов о неизбежных проблемах.

Так, сложно сказать, согласно какому механизму уместно искать рассуждения? Самым очевидным способом является процедура идентификации лингвистических маркеров, столь подробно описанная в прагма-диалектике 1314. Но если ограничиться только ими, можно оказаться в затруднительном положении: маркер присутствует, а рассуждение отсутствует. Многие образцы рассуждений зависят от исходных установок участников аргументации, что довольно сложно запрограммировать. Однако это вряд ли должно послужить поводом, чтобы отказаться от работы с эмпирическими данными. Скорее всего, это говорит лишь о том, что условия подобных экспериментов должны прописываться с особой тщательностью. Массовое изучение текстов уже идет, и этот процесс остановить невозможно, а потому, если к этому процессу не присоединятся представители нормативного подхода к аргументации, данную работу за них сделает кто-то другой, а в этом случае гарантии на удовлетворительный исход может оказаться еще меньше.

Список литературы

1. Bex F., Lawrence J., Snaith M., Reed C. Implementing the argument web // *Communications of the ACM*. Vol. 56(10). P. 66–73.
2. Janier M., Lawrence J., Reed C. OVA+: an Argument Analysis Interface // *Computational Models of Argument: Proceedings of COMMA 2014*. / S. Parsons, N. Oren, C. Reed, F. Cerutti (eds.) Amsterdam: IOS Press, 2014. P. 463–464.
3. Snaith M., Lawrence J., Reed C. Mixed initiative argument in public deliberation // *From e-Participation to Online Deliberation, Proceedings of the Fourth International Conference on Online Deliberation, OD, 2010*. P. 2–13.

4. Gordon T. F. Introducing the Carneades Web Application // Proceedings of the Fourteenth International Conference on Artificial Intelligence and Law (ICAIL 2013). ACM Press, 2013. P. 243–244.
5. Gordon T. F., Prakken H., Walton D. The Carneades model of argument and burden of proof // Artificial Intelligence. 2007. Vol. 171 (10-11). P. 875–896.
6. Gordon T. F. Visualizing Carneades argument graphs // Law, Probability and Risk. 2007. Vol. 6 (1-4). P. 109–117.
7. Rationale Management in Software Engineering / Dutoit A. H., McCall R., Mistrik I. and Paech B. (eds.). Berlin: Springer Verlag, 2006. 431 p.
8. Van Gelder T. The rationale for rationale // Law, Probability and Risk. 2007. Vol. 6(1-4). P. 23–42.
9. Green N. L., Branon M., Roosje L. Argument schemes and visualization software for critical thinking about international politics // Argument & Computation. 2019. Vol. 10 (1). P. 41–53.
10. Walton D., Reed C., Macagno F. Argumentation Schemes. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 456 p.
11. Зайцев Д. В. Схемы аргументации: игры риторического mind'a или источник общезначимости аргументативных рассуждений? // РАЦИО.ru. – 2010. – № 4. – С. 57–77.
12. Walton D. Witness Impeachment in Cross-examination Using Ad Hominem Argumentation // Studies in Logic, Grammar and Rhetoric. 2018. Vol. 55 (68). P. 93–114.
13. Ван Еемерен Ф. Х., Гроотендорст Р. Аргументация. Коммуникация. Ошибки. – СПб., 1992. – 207 с.
14. Ван Еемерен Ф. Х., Гроотендорст Р. Речевые акты в аргументативных дискуссиях. – СПб., 1994. – 237 с.

Bobrova A. S. Argumentative Schemes as Evaluation: English vs. Russian

The paper contributes to the debates on the correlations between argumentative schemes and the language area of their application. The argumentative schemes are the well-developed tool for arguments evaluation, and the computational soft of arguments reconstruction and assessment confirms this. Although the schemes are mostly based on English, it seems that there are some qualitative and quantitative differences between their usage in the sphere of English or Russian. I do not think that diversification is enormous. Nevertheless, it is worth being empirically investigated.

Keywords: argumentative schemes, arguments reconstruction, arguments evaluation.

УДК 111.6+81.371

АРХЭ-ПИСЬМО КАК ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СПОСОБ ДЕКОНСТРУКЦИИ КЛАССИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ ПИСЬМА

Витушко М. В.

*Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: misha-vitushko2011@yandex.ru*

В докладе будет рассмотрено понятие «архэ-Письмо» Жака Деррида в качестве дографического условия возможности появления любых знаковых систем. Особое внимание будет уделено прояснению проблемного поля этого условия, которое является процессом движения самого знака и процессом динамики различения. Пониманию различения как конститутивной особенности означения в тезисах будет дано концептуальное оформление. Будет продемонстрировано, как искажение смысла Письма внутри классической традиции позволяет Деррида прибегнуть к концепту «архэ-письма».

Ключевые слова: письмо, архэ-Письмо, речь, деконструкция, знак, различение, различАние.

В докладе будет сделан упор на понимание концепта «архэ-Письма», который устанавливает особый онтологический способ развенчания классической доминации письма. В своих философских построениях Деррида пытается обосновать несостоятельность классической теории знака, главным выразителем которой является Ф. де Соссюр. В частности, философ показывает, что центральный постулат лингвистики об исключительном дифференцированном характере системы языка является не правомочным, поскольку «...дифференциальность сама по себе лишена материально-чувственного содержания – значение устанавливается не по сопричастности к чувственно данному миру материальных предметов, а по сопричастности к системе знаков» [1, С. 69]. При таких условиях становится невозможным изначальное родство между звуком и понятием, что подвешивает фундаментальные положения классической лингвистики. Деррида, таким образом, показывает принцип иллюзорности естественно-фонетической связи между словом и значением и указывает на неверность истолкования Письма как «знака знака» [2, С. 102]. Письмо

существует благодаря внутрисистемным различиям, которые указывают на дографические структуры определения Письма [3, С. 234]. Именно эти условия представляют собой проблемное поле процесса движения самого знака. Это движение различия Деррида готов объявить самим Письмом, но в силу искажения смысла Письма, произошедшего внутри классической системы языка, он видит новый концепт – «*архэ-Письмо*».

Архэ-Письмо должно подвергнуть деконструкции классическое понятие Письма, т. е. освободить его от узко классического смысла, не позволяющего его не только ввести в область языка, но и толковать как то, что шире самого языка. Деррида утверждает, что «Смысл должен дожидаться, пока его выскажут или запишут, чтобы в себе поселиться и стать тем, чем в отличие от себя он является: смыслом» [4, С. 18–19]. Кроме того, принципиальным отличием архэ-Письма от классического Письма является принцип изначальности начертания, а не произнесения знака. Иными словами, изначальность начертательности разворачивается в области письменного, а не устного означения. Обычное представление о языке, заложенное структурной лингвистикой, исходит из того, что устное означение всегда предшествует письменному, главным аргументом в пользу чего является то, что человек вначале научается говорить, и только потом писать. Соответственно, роль письма сводится к тому, чтобы просто перевести в запись то, что вначале существует как устное слово. Но логика архэ-Письма стремится опровергнуть это положение, указав на то, что нигде в мире не существует чисто фонетического письма, строящегося по принципу «как слышим, так и пишем». Существует некая избыточность письма и главное – его собственные, относительно независимые от устной речи законы. Помимо этого Архэ-Письмо содержит в себе два фундаментальных свойства процесса означения. «Оно, во-первых, не связано с метафизикой присутствия – наивной верой в самоданность, самопредъявление означаемого в момент, когда оно означается, а, во-вторых, оно в той мере начертательно, в какой сами различия могут быть увидены, но не услышаны» [1, С. 70].

Стоит отметить, что архэ-Письмо понимается Деррида как сам принцип расчленения, т. е. как условие возможности любой лингвистической системы – записи, артикулированности и дискурсивности. Письмо объемлет любую графическую начертательность, не только буквенную. Скорее, речь идет о самой возможности изображения. Если бы слово нельзя было записать, его нельзя было бы и сказать. Эта возможность обеспечивается единственным механизмом – внутренней игрой различений, роковым посредничеством знака, при условии бесконечности замещения одного знака другим. В итоге получается, что Письмо у Деррида выходит за пределы истолкования как материальной фиксации фонетических знаков в виде графических: «Если “Письмо” означает запись и особенно долговременный процесс институирования знаков (а это и является единственным нередуцируемым ядром концепции Письма), то тогда Письмо в целом охватывает всю сферу применения лингвистических знаков. Сама идея институирования, отсюда и произвольность знака, немислимы вне и до горизонта Письма» [4, С. 67].

Архэ-Письмо у Деррида надо понимать как механизм образования любых смыслозначений, как то, что позволяет приобретать значения лишь в игре отношений с прочими. Оно дает о себе знать посредством поддержания движения взаимных отсылок и замещений, будучи, таким образом, ответственным за генезис смыслопорождений вообще. Таким образом, «...архэ-Письмо должно быть описано исключительно в терминах имманентности. Оно располагается не по ту сторону означения, но, скорее, вовлечено в само его движение, встроено в референтную сеть и, следовательно, принадлежит внутреннему измерению знаков» [1, С. 73].

Список литературы

1. Гаспарян Д. Э. Письмо (в) философии Ж. Деррида // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2014. – №3. – С. 62–74.
2. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Редакция Ш. Балли и А. Сеше; Пер. с франц. А. Сухотина. Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре; Примечания / Пер. с франц. С. В. Чистяковой. Под общ. ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.

3. Деррида Ж. О грамматологии. De la grammatologie. – М.: Ad marginem, 2000. – 513 с.
4. Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с франц. А. Гараджи, В. Лапицкого и С. Фокина. Сост. и общая ред. В. Лапицкого – СПб.: Академический проект, 2000. – 432 с.

Vitushko M. V. Arche-Letter as an Ontological Way of Deconstructing the Classic Notion of Writing

In this paper, the concept of “Arche-Letter” by Jacques Derrida will be considered as a dographic condition for the possibility of the appearance of any sign systems. Special attention will be paid to clarifying the problem field of this condition, which is the process of movement of the sign itself and the process of the distinction dynamics. Understanding the distinction as a constitutive feature of the meaning in the theses will be given a conceptual design. It will be demonstrated how the distortion of the meaning of the Letter within the classical tradition allows Derrida to resort to the concept of “arche-letter”.

Keywords: letter, arche-letter, speech, deconstruction, sign, discrimination.

УДК 16

МЕДИЦИНСКИЙ СПОР: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРГУМЕНТАЦИИ

Герасимова И. А.

Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: home_gera@mail.ru

В условиях глобальных коммуникаций нарастает противостояние научно-технологической медицины и альтернативных врачебных традиций, включая развитие направления восточной медицины и народную медицину. Анализ общественной полемики ставит новые вопросы перед специалистами по теории аргументации. Автор выделяет мировоззренческие, когнитивные, социально-политические, этические аспекты аргументации. Ключевые проблемы споров затрагивают основы миропонимания, картины мира, антропологические воззрения на причины заболеваний. Обсуждается проблема истины в «доказательной медицине».

Ключевые слова: научно-технологическая медицина, восточная медицина, медицинский спор, картина мира, язык, инструментальный интеллект, личностное знание, этика.

Врачевание – область человеческой деятельности от начала человеческой истории до наших дней. В современную эпоху глобальных коммуникаций произошла встреча разных традиций этого древнего занятия, которые условно можно подразделить на научно-технологическую медицину, традиционную медицину, в развитых формах представленную индийской аюрведой, китайской, тибетской, арабской школами, в западноевропейской истории представленную школами Гиппократ и Галена, средневековой медициной с кульминацией в творчестве Парацельса, а также народную медицину, в том числе в сохранившихся до наших времен колыбельных цивилизациях Азии, Африки, Америки, Австралии. К этому перечню добавим ряд направлений, которые появились на исторической сцене сравнительно недавно, например, гомеопатия. Каждое из направлений исходит из своего понимания причин заболеваний и методов воздействия, имеются безусловные достижения в определенных областях. Основное общественное противостояние, за которым стоит борьба интересов определенных групп за государственную политику, каналы финансирования, влияние на образование и общественное сознание, сосредоточивается между научной медициной техногенной цивилизации и остальными направлениями альтернативной медицины. Анализ отдельных аргументов сторон малоэффективен в виду принципиальной разности по фундаментальным вопросам природы человека, понимания здоровья, причин болезни и пр. Востребована системная аргументация, включающая такие позиции как картина мира, антропологические основания отношения к здоровью и болезни, соотношенные с антропологическими представлениями средства воздействия, представление о сути врачевания как науке и искусстве.

В исследовании баталий вокруг проблемы здоровья стоит принять во внимание глобальную ситуацию: специалисты обращают внимание на ускоренное изменение системных характеристик мира, необходимость постоянного мониторинга таких изменений. Глобальный

мир признается органически взаимосвязанным – один тип рисков влечет за собой изменения во всей системе. Усиливается противостояние между сторонниками технического развития и альтернативными течениями. На медицинских практиках курс на развитие технологий сказывается в пропаганде и широком внедрении цифровых технологий и искусственного интеллекта. Рассмотрим ряд примеров. «Доказательная медицина», по замыслу создателей проекта, призвана обеспечить стандарты в диагностике, средствах воздействия, проведении гарантированных операций «без отклонений от протокола», предполагает обучение в вузах «по протоколу» и пр. В «доказательной медицине» истину можно трактовать как «следование процедуре или протоколу», что становится решающим при судебных разбирательствах. Таким образом, «доказательность» относится к сфере юриспруденции, а не объективного знания естественно-научного типа. В аспекте риторики слово «доказательная», ассоциированное с доверием науке, оказывает бессознательно-эмоциональное воздействие. За вуалью цифровых технологий просматривается механическая картина мира с предпосылкой возможности все просчитать. Разработки по внедрению искусственного интеллекта и робототехники хорошо финансируются, во многих случаях они эффективны, но подспудно грозят экзистенциальными рисками утраты профессиональных способностей. «Медикам запретили думать».

Стоит прояснить когнитивные аспекты аргументации в медицинских спорах. В западноевропейской традиции научная медицина формировалась в недрах науки Нового времени, когда был взят ориентир на исследование объективного мира. Во врачебных практиках внимание сосредоточилось на изучении тела-организма. Союз науки и техники способствовал развитию инструментального интеллекта. Восточную медицину называют холистической, представления о природе человека не ограничиваются телом, во внимание принимаются психическая и духовная компоненты, взаимосвязанные с физиологией. В отличие от инструментального интеллекта, традиционное врачевание развивало способности «по профессии», оттачивая и закрепляя личностные навыки и мастерство по линии передачи знания среди родственников или от учителя к ученику. Именно личностное начало врачевания – искусство врача – отвергается в «доказательной медицине».

В недрах восточных школ медицины зарождались и развивались традиции медицинского спора. Так, в медицинском трактате «Чарака-самхита» (I-II вв. н. э.) описаны типы диспутов, которые имели нормативный характер, сочетая логику, теорию аргументации и эпистемологию. В тибетской медицине играла значимую роль буддийская логика. Древнерусские врачебельные практики можно подразделить на народную медицину, теотерапию (с преобладанием аскетических установок), сочетание теотерапии и натуропатии (отдельные монастыри), космоприродную (холистическую) медицину в традиции Гиппократ-Галена. Медицинский опыт и знания в древнерусскую эпоху передавались преимущественно по личностной линии, отсюда в исследовании разных направлений существенную роль играют методы компаративистики.

Болезнь с глубокой древности воспринималась как наказание за предшествующие действия и нарушения закона в силу несовершенства человека. В индийской традиции, например, болезни разделялись на священные, кармические и допущенные. В менталитете древнерусского общества болезнь считалась божьим наказанием, предупреждением, а случае, психического заболевания – одержанием. На рубеже XIX-XX вв. митрополит Серафим Чичагов в отношении любого типа врачевания писал, что врач снимает только симптомы, но не лечит, лечит Господь. «Причины большинства болезней – греховные структуры человека. Когда человек “что-то нарушает”, он “что-то получает”».

За «допущенные» болезни ответственен и сам человек, и общество в целом, своими действиями оказывая влияние на природную и социальную среду. Отсюда вывод: возможности медицины ограничены в условиях системного кризиса планетарного характера. Оздоровление начнется с утверждения этических основ жизни, осознания воздействующей силы мысли (психическое здоровье), гармонизации социальной жизни и отношений с природой.

Gerasimova I. A. Medical Dispute: Actual Problems of Argumentation

In the context of global communications, the confrontation between scientific and technological medicine and alternative medical traditions is growing, including the developed areas of Oriental medicine and folk medicine. The analysis of public polemics raises new questions for the specialists in the theory of argumentation. The author highlights the ideological, cognitive, socio-political, ethical aspects of argumentation. The key problems of the disputes affect the basics of worldview, anthropological views on the causes of diseases. The problem of truth in "evidence-based medicine" is discussed.

Keywords: scientific and technological medicine, Oriental medicine, medical dispute, worldview, language, instrumental intelligence, personal knowledge, ethics.

УДК 16

ТЕКСТ ПО ЛОГИКЕ ДЕЛОВОГО ЯЗЫКА

Жалдак Н. Н.

*Белгородский национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация
E-mail: zhnn3@rambler.ru*

Прагматичность текста по логике делового языка, т. е. естественного языка, выражается в следующем. Сам он пишется на этом языке, разъясняет для осознанного понимания значения логических средств этого языка, которыми передается информация о множествах учитываемых ценностей и др. Также этот текст обучает познавательной логике вопросов и ответов, необходимых для принятия обоснованных решений.

Ключевые слова: прагматика текста, деловой язык, логические средства, вопросы.

Текст по логике делового языка должен быть рассчитан на деловых людей, на применение в практике делового общения, а следовательно – предельно прагматичен. Язык делового общения – это естественный язык, т. е. язык общения масс людей, потенциальных потребителей и других партнеров по отношениям. Для делового человека поэтому важен именно этот язык, а не язык незначительной группы логиков, склонных к построениям искусственных языков. Сам текст по логике делового языка должен быть написан в основном на естественном языке, простом и общепонятном.

Основным в тексте по логике делового языка должны быть логические средства естественного языка, объяснение того, что эти средства означают для интуитивного понимания массы партнеров, и объяснение того, как этими средствами строить рассуждения, как, пользуясь ими, делать правильные выводы без потерь и искажения информации. Речь идет, главным образом, о логических союзах, которыми выделяются множества элементов, и квантификаторах, которые указывают на число, наличие или/и отсутствие элементов в множествах. Это, в первую очередь, – множества ценностей, которые учитывают, которыми обмениваются. Разумеется, неоднозначность понимания таких логических средств партнерами означает не просто потерю и искажение информации, но и потерю ценностей, подлежащих учету, нарушение производственных отношений.

Логика делового языка – это логика естественного языка. То, что придаваемые нами логическим словам значения соответствуют естественному языку, подтверждается социолингвистическим исследованием. Различных же искусственных логических систем (логик) построено множество, некоторые логики говорят даже о бесконечности логик. Построено множество силлогистик, в которых, например, действует логический квадрат, но различные значения придаются предложениям с квантификаторами «все», «некоторые», «ни один». Но из любого числа логик только одна есть логика естественного языка. Она используется интуитивно массой людей и должна быть осознана и сознательно использоваться для более эффективной деятельности. В процессе этого осознания у каждого исследователя имеются свои неполнота и искаженность, но это – многообразие осознания разными людьми одного объекта. В логике естественного языка неприемлемо произвольное приращение искусственных значений логическим словам. Но необходима, однако, стимуляция

массы опрашиваемых людей к устранению противоречий, но только такая, которая приемлема для подавляющего большинства.

Предположение о нормальности разного понимания логических средств языка в разных группах общества несостоятельно, поскольку речь идет о наиболее часто употребляемых в деловом общении между управляемыми и управляющими средствами передачи информации, и о множествах ценностей, обмен которыми осуществляется посредством общего для всех групп денежного эквивалента. Такое предположение означало бы, что, например, между торговцами и покупателями могло бы быть нормальным различие в понимании покупательной способности денежной единицы, что опровергается практическим опытом рыночного общения торговцев с разными социальными группами покупателей.

В деловом языке важны не слова сами по себе, важно то, что они означают, какие именно множества ценностей. Деловой человек должен не просто проговаривать слова, а образно представлять, что они означают, как соотносятся множества означаемых ими элементов и что имеется в наличии, а что отсутствует. Для фиксации этих образных представлений в деловых документах, в деловом общении, главным образом, служат с древних времен бухгалтерские и др. таблицы. Поэтому в тексте логики делового языка наряду с символическим должен использоваться изобразительный язык таблиц или/и линейно-табличных диаграмм. Такие диаграммы значительно лаконичнее передают логическую информацию таблиц, чем сами таблицы.

В текстах по символической логике высказываний допускается интерпретация импликации как связки равнозначной союзу «если..., то», хотя признаются парадоксы импликации. Обнаружение таких парадоксов, т. е. противоречий между признанием ложными для здравого смысла суждений на естественном языке и признанием истинными этих суждений согласно таблицам истинности, означает опровержение допущения о такой равнозначности путем приведения к абсурду. В тексте по логике делового языка оправдание такого абсурда недопустимо.

В современных занятиях по передаче делового мастерства, называемых коуч-тренингами, деловая успешность особо связывается с умением предпринимателя задавать вопросы. Текст по логике делового языка соответственно должен включать в себя профессионально систематизированную познавательную логику вопросов и ответов [1], построенных на естественном языке. Эта логика должна представлять собой систему логических форм вопросов, предназначенную для получения информации необходимой для принятия деловых решений. Изложение этих логических форм и их разъяснение также должно быть на общепонятном естественном языке.

В остальном в тексте логики делового языка может сохраняться традиционная структура учебников по логике [2].

Список литературы

1. Жалдак Н. Н. Познавательная логика вопросов и ответов. – Белгород : ЛитКараВан, 2010. – 104 с.
2. Жалдак Н. Н. Практическая логика для экономистов: Учебное пособие для студентов экономических факультетов университетов. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. – 124 с.

Zhaldak N. N. Text on the Logic of the Business Language

The pragmatism of the text on the logic of the business language, i.e. natural language is expressed in the following. This text is written in such language, explains for a conscious understanding of the meaning of the logical means of this language, which convey information about the sets of values which are subject to accounting, etc. Also this text teaches the cognitive logic of questions and answers which are necessary to make informed decisions.

Keywords: text pragmatics, business language, logical means, questions.

ЗНАНИЕ, ВЕРА И МНЕНИЕ В ПЕЧАТНЫХ РАБОТАХ КАНТА И ЛЕКЦИЯХ ПО ЛОГИКЕ¹

Крыштон Л. Э.

*Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: ricpatric@gmail.com*

В текстах Канта, как печатных, так и лекционных, важное значение приобретают три модуса признания истинности – знание, вера, мнение. Эти понятия важны не только для кантовской теоретической философии, но и для практической. При этом если для теоретической философии более значимой оказывается понятийная пара знание–мнение и противопоставление этих понятий, то для практической – понятийная пара знание–вера. В конечном итоге, именно на разведении этих разных модусов признания истинности Кант обосновывает различия между теоретическим и практическим применением разума. Пояснения к каждому из этих трех модусов мы видим в «Критике чистого разума». Но не менее значимы для нас здесь оказываются кантовские лекции по логике, которые в значительной степени дополняют и расширяют понимание кантовской мысли в этом аспекте.

Ключевые слова: знание, вера, мнение, Кант, теоретическая философия, практическая философия.

Знание, вера и мнение являются в философии Канта тремя различными способами полагания истинности. В «Критике чистого разума» данному вопросу Кант посвящает отдельный раздел «О мнении, знании и вере» [1, С. 480–486]. Хотя этот раздел невелик по объему, однако он является крайне важным для понимания различий между теоретическим и практическим разумом, равно как и границ между теоретической и практической философией Канта.

Три вида признания истины – знание, вера и мнение – различаются в зависимости от достаточности оснований принятия чего-либо за достоверное. Если и субъективно, и объективно основания недостаточны, то тогда такое принятие истины называют мнением. Если и субъективные, и объективные основания достаточны, то это есть знание. Если же основания только субъективные, то тогда мы можем говорить лишь о вере, но не о знании [там же, С. 481]. Далее в первой «Критике» Кант подробно останавливается именно на понятии веры и ее разновидностях, стремясь тем самым, с одной стороны, провести четкое отличие ее от знания (что принципиально важно для него с точки зрения проведения различия между теоретическим и практическим применением разума), с другой же стороны, показать специфику веры и выгоду отсутствия смешивания ее с понятием знания.

Вера имеет место только в сфере практической. При этом Кант выделяет несколько разных возможных видов веры, в зависимости от того, каков характер цели, условия для достижения которой полагаются необходимыми. Если цель лишь случайна, то такая вера называется Кантом прагматической. И в зависимости от того, какие интересы преследуются человеком, она может иметь большую или меньшую степень, которая легко может быть измерена при помощи пари. Ради более значимых для себя интересов человек готов поставить на кон большую сумму, тогда как ради менее значимых иногда не решается поставить и совсем малую [там же, С. 482]. Совсем иной характер имеет моральная вера, так как абсолютно необходимо, чтобы человек следовал повелениям морального закона, а, следовательно, также необходимы и условия, при которых эта цель может быть реализуема. И такими условиями являются для нас существование Бога и загробного мира. Таким образом, именно моральный закон приводит нас к вере в Бога и загробный мир, и вера эта оказывается непоколебимой [там же, С. 484].

Если мы обратимся к лекциям Канта по логике, то мы найдем сходные определения понятий знания, веры и мнения [2, С. 323], [3, S. 853]. а также упоминание разных видов веры, отличающихся разной степенью уверенности [Ibid., S. 852–853]. Однако находим мы здесь и более развернутые пояснения относительно того, чем именно вера отличается от знания. Различия эти коренятся в степени достоверности, которая присуща всем этим трем видам

¹ Тезисы подготовлены при поддержке РФФИ, грант No 18-011-00889 А, «Кантовские лекции по логике в свете современной теории аргументации и традиции критического мышления».

признания истинности [2, С. 323]. Мнение обладает лишь проблематической достоверностью, вера – ассерторической, и только знанию доступна аподиктическая достоверность. Однако не все виды знания, по Канту, обладают аподиктической достоверностью, но лишь те, которые опираются на априорные основания (т. е. математические и метафизические). Те же, которые опираются на эмпирические основания (получаемые из своего или чужого опыта), обладают лишь ассерторической достоверностью [там же, С. 328], [3, S. 851].

Но если ассерторически достоверными могут быть и знания, и вера, то что же все-таки будет служить отличительным признаком одного модуса истинности от другого? На этот вопрос Кант дает весьма однозначный ответ: вера должна быть и всегда является свободной. Она не определяется объективными основаниями, а следовательно, ее нельзя передать, нельзя в строгом смысле убедить другого в истинности предмета веры. Она всегда зависит лишь от субъективных оснований, то есть от свойств и интересов субъекта [2, С. 327]. В этом и заключается ее достоинство. Вера никогда не станет знанием, но ей и не нужно к этому стремиться. Не следует пытаться применить к предметам веры критерии аподиктичности. Этот путь заведет нас в тупик, так как мы, тем самым, все равно не превратим предметы веры в предметы знания, но зато разрушим их специфику и этим неправильным подходом лишь навредим себе, лишив самих себя возможности удовлетворения наших субъективных интересов. Интересы же эти, по Канту, могут быть только практическими. Необходимо считать реальным высшее благо как объект произвольного выбора субъекта, а вместе с этим субъективно необходимо признавать и условия возможности этого объекта (Бог и бессмертие). Таким образом, Бог и бессмертие души признаются предметами лишь веры, но не знания. Веру в эти объекты Кант называет верой моральной и полагает, что только моральная вера и имеет право именоваться верой в собственном смысле слова. Именно этот вид признания истинности характерен для сферы практического применения разума, тогда как в сфере теоретического применения мы имеем дело либо со знанием, либо с мнением.

Список литературы:

1. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Наука, 1994. – 591 с.
2. Кант И. Логика // Кант И. Собрание сочинений в 8 тт. – Т. 8. – М.: «Чоро», 1994. – С. 266–398
3. Kant I. Wiener Logik // Kant I. Gesammelte Schriften / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaft. Bd. 24, Hf. 2. Berlin: Walter de Gruyter.

KryshTOP L. E. Knowledge, Faith and Opinion by Kant in His Writings and Lecture Notes

In the texts of Kant, both printed and lecture notes, three epistemic modalities – knowledge, faith, and opinion – become important. These concepts are important not only for Kant's theoretical philosophy, but also for practical one. At the same time, for the theoretical philosophy it seems the conceptual pair of knowledge-opinion and the opposition of these concepts to be more significant. For practical philosophy the knowledge-faith conceptual pair is more important. Ultimately, it is on the dilution of these different modalities that Kant justifies the differences between the theoretical and practical use of reason. We see explanations for each of these three modes in the Critique of Pure Reason. But no less interesting for us are Kant's lectures on logic, which greatly complement and expand the understanding of Kant's thought in this aspect.

Keywords: knowledge, faith, opinion, Kant, theoretical philosophy, practical philosophy.

УДК 162.6

ТРИ КРИТЕРИЯ ОЦЕНКИ ДЕЛИБЕРАТИВНОГО АРГУМЕНТА

Лисанюк Е. Н.

*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: elenalisanyuk@gmail.com*

В докладе предложены три критерия оценки делиберативных аргументов: агентный, деонтологический и консеквенциалистский. АДеКо-критерий служит уточнением стандартной ПРД-оценки аргументов на

приемлемость, релевантность и достаточность. АДеКо-критерий основан на кантовской идее универсализации по агентам, ценностям и последствиям. Под делиберативным аргументом мы понимаем аргумент о действиях или ценностях, нацеленный обосновать или отвергнуть определенную линию поведения. Методику оценки делиберативных аргументов посредством комплексного ПРД+АДеКо-критерия мы тестируем при помощи рассуждения киевского Великого князя Владимира (са. 960–1015) о принятии православия, изложенного в «Летописи временных лет».

Ключевые слова: делиберативная аргументация, критерии оценки аргументов, князь Владимир, принятие православия в Киевской Руси.

В докладе предложена методика АДеКо-оценки делиберативной аргументации о действиях или ценностях, основанная на трех критериях: агентном (А), деонтологическом (Де) и консеквенциалистском (Ко). В первой части доклада изложена методика оценки, а во второй мы применяем ее к рассуждению киевского Великого князя Владимира (са. 960–1015) о принятии православия и к некоторым другим практическим рассуждениям. В докладе на конференции «Анахарсис»–2017 была предложена реконструкция рассуждения князя Владимира в терминах делиберативной аргументации.

Необходимость создания специальной методики оценки делиберативных аргументов, отличной от методики оценки дескриптивных аргументов, вызвана тем, что некоторые критерии, применимые для дескриптивных аргументов, имеют существенные ограничения применимости для делиберативных аргументов. Отсутствие специальных критериев оценки делиберативных аргументов влечет риск неправомерного отбрасывания хороших аргументов из-за того, что они могут не отвечать критериям, предназначенным для оценки дескриптивных аргументов, и оказаться чересчур жесткими для оценки делиберативных аргументов. Например, аргументы к палке (*ad baculum*), к человеку (*ad hominem*), к жалости (*ad misericordiam*), к авторитету, к общему мнению (мнению толпы) или к общему правилу поведения в учебниках по аргументации чаще всего зачисляются в ошибки аргументации [1, С. 23]. Даже в тех случаях, когда указывают на их ограниченную приемлемость, граница между приемлемыми и неприемлемыми подобными аргументами остается смутной [2, С. 143]. Предлагаемая методика позволит провести такую границу при помощи уточнения критериев оценки делиберативных аргументов.

Особенность делиберативной, или практической, аргументации состоит в том, что она касается действий и ценностей, в отличие от теоретической, или дескриптивной аргументации о фактах и ситуациях. Например, аргумент (1) – это теоретическая аргументация, а аргумент (2) – делиберативная:

(1) *Католической веры русский народ не примет, потому что она не согласуется с традициями предков*

(2) *Нам не стоит принимать католическую веру, потому что она не согласуется с традициями предков.*

Делиберативная аргументация занимает промежуточное положение между рассуждением и действием, это нетрудно заметить по трем ее свойствам, назовем их условно логическим, диалектическим и акциональным [2, С. 13]. С рассуждением ее роднит тот факт, что она представляет собой умозаключение – переход от посылок к заключению, играющее центральную роль в порождении аргументации в уме ее субъекта. В этом состоит логическое свойство делиберативной аргументации. С действием ее роднят два других свойства. Диалектическое свойство говорит о том, что, как и теоретическая аргументация, она не сводится к созданию умозаключения в уме, а подразумевает также и предъявление аргументации в диалоге ее адресату (адресатам). Логическое и диалектическое свойства – это необходимые признаки аргументации вообще и делиберативной аргументации в частности. Акциональное свойство – это необходимый и достаточный собственный признак делиберативной аргументации, отличающий ее от теоретической аргументации. Оно состоит в акциональном, или недескриптивном характере заключения, призывающего придерживаться определенной линии поведения или принять какие-либо ценности, как это видно в (2). В

делиберативной аргументации посылки рассуждений могут быть как дескриптивные, так и недескриптивные.

Три критерия АДеКо – это своего рода надстройка над ARS-критериями, или ПРД-критериями аргументации, их консервативное расширение. ARS-критерии говорят, что хороший аргумент – это аргумент, приемлемый с формальной точки зрения, релевантный и достаточный для убеждения других агентов диалога. Формальная приемлемость в ПРД-критериях включает дедуктивную и недедуктивную корректность, релевантность оценивается по диалектическому вкладу аргумента в обоснование или опровержение тезиса, а достаточность – по тому, насколько аргумент способен убедить или развеять сомнения [4, xiii–xv].

АДеКо-критерий основан на кантовской идее универсализации по агентам, ценностям и последствиям. Агентный критерий – это уточнение критерия истинности для приемлемых аргументов. Он проверяет универсализацию по агентам: может ли в силу своего обоснования предлагаемое действие быть примером для всех? Ответ на этот вопрос призван выяснить среди прочего, включает ли автор аргумента себя в тех людей, которых призывает поступать определенным образом. Деонтологический критерий связан с универсализацией целеполагания, норм или ценностей: являются ли достойными цель, норма и ценность, к которым апеллирует обоснование данного действия? Считает ли их достойными автор аргумента? Консеквенциалистский критерий – это вопрос универсализации связи между постулируемыми в обосновании целью (ценностью) и ожидаемыми последствиями действия: выступает ли действие, планируемое для достижения поставленной цели (продвижения заявленной ценности), необходимым или достаточным условием для наступления прогнозируемых последствий?

АДеКо-критерии используются по-разному в зависимости от того, какая схема аргументации используется в аргументе, с учетом того, что в делиберативной аргументации используются преимущественно презумптивные схемы аргументации [5, С. 70–75]. Связь между АДеКо-критериями и схемами аргументации состоит в конкретизации критических вопросов к ним. Схемы аргументации характеризуют синтаксическую форму правдоподобных умозаключений, к которым относятся делиберативные умозаключения. Они выполняют функцию, аналогичную логической форме для дедуктивных умозаключений, а три выбранных нами критерия указывают на те аспекты обоснования или опровержения, которые необходимо учитывать в ситуации, когда схема аргументации не предназначена гарантировать истинность заключения ни необходимую, как в дедуктивных умозаключениях, ни вероятностную, как в индуктивных умозаключениях. Вот критические вопросы к схеме аргументации «к последствиям» и их уточнения применительно к АДеКо-критериям:

Критические вопросы	С учетом А-критерия	С учетом Де-критерия	С учетом Ко-критерия
1. Какова вероятность того, что эти последствия наступят?	Вы полагаетесь на эти последствия в качестве обоснования своего действия?	Заслуживают ли эти последствия того, чтобы все на них полагались при обосновании своего действия?	Являются ли эти последствия необходимыми или достаточными основаниями для данного действия?
2. На чем основано утверждение о том, что если сделать <i>A</i> , то наступят эти последствия?	На чем основано утверждение о том, что если сделать <i>A</i> , то наступят эти последствия?	Считаете ли вы истинным утверждение «если сделать <i>A</i> , то наступят данные последствия»?	Является ли <i>A</i> необходимым или достаточным основаниями для наступления данных последствий?
3. Имеются ли последствия противоположного характера, которые стоит учесть?	Учитываете ли Вы последствия противоположного характера при обосновании данного действия?	Имеются ли последствия противоположного характера, которые стоит учесть?	Являются ли последствия противоположного характера необходимым или достаточным основаниями для отказа от данного действия?

Согласно «Повести временных лет», князь Владимир решил в качестве государственной религии Киевской Руси принять христианство по византийскому образцу и отклонил ислам, христианство по католическому образцу и иудаизм. В обоснование такой линии поведения Владимир выдвинул три аргумента, основанных на трех требованиях к новой религии: (ТП) она должна отвечать традициям предков в целом, и (ВП) традиции веселого питья, в частности, и (ИЗ) должна быть связана с исконными землями, где исстари проживают русские племена. Каждое из этих требований Владимир считает необходимым условием для обоснования линии поведения, и все вместе они составляют достаточное условие для этого. Так, католическую веру он отклоняет, потому что она не отвечает (ТП); ислам – из-за того, что он не согласуется с (ВП), а иудаизм – по причине несоответствия (ИЗ). Аргументы Владимира мы реконструируем при помощи схем аргументации «к последствиям» и фиксируем соответствие его аргументации АДеКо-критериям, в отличие от аргументации немецких, болгарских и иудейских послов.

Список литературы

1. Шапиро О. А. Аргументация : практикум. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – 84 с.
2. Зайцев Д. В. Теория и практика аргументации. – М., 2007. – 224 с.
3. Лисанюк Е. Н. Действие, норма и ценность в практической аргументации // Аргументация в праве и морали. Под ред. Лисанюк Е. Н. – СПб: Алеф-пресс, 2018. – С. 9–36.
4. Johnson R. H., Blair J. A. Logical Self-Defense. NY: Idebate Press, 2006. 316 p.
5. Walton D. Fundamentals of critical argumentation. Cambridge UP, 2006. 346 p.

Lisanyuk E. N. Three Criteria for Evaluating Deliberative Arguments

The report proposed three criteria for evaluating deliberative arguments: agent-wise, deontological, and consequentialist. The ADeCo-criterion serves as a refinement of the standard ARS-criteria of arguments evaluation, acceptability, relevance and sufficiency. The ADeCo-criterion is based on the Kantian idea of universalization by agents, values and consequences. By the deliberative argument we mean an argument about actions or values, aimed at justifying or rejecting a certain line of conduct. We testify the method for evaluation of deliberative arguments by employing of a complex ARS + ADeCo criterion by applying it to the reasoning of the Kiev Grand Prince Vladimir (ca. 960–1015) about the adoption of Orthodoxy, described in the Chronicle of Bygone Years.

Keywords: deliberative argumentation, argument evaluation criteria, grand duke Vladimir, adopting orthodox Christianity in Kievan Rus.

УДК 16

«КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ» VS «КЛИПОВОЕ МЫШЛЕНИЕ»: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ¹

Малыхина Ю. Ю.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: yuliyamalykhina.96@mail.ru

В работе представлен компаративный анализ критического и клипового мышления. Показано, что в настоящее время основными носителями информации становятся визуальные средства, что отразилось на мышлении человека. Раскрываются основные характеристики «клипового мышления»: фрагментарность, толерантность к противоречию, и «критического мышления»: ориентация на последовательность, порядок и логику рассуждений.

Ключевые слова: критическое мышление, клиповое мышление, противоречие

¹ Доклад подготовлен при поддержке Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, проект №ВГ-25/18 «Критическое мышление в контексте электронной текстовой культуры: проблемы и способы формирования»

Современного человека со всех сторон атакуют потоки визуальной и звуковой информации; мы все время видим перед собой что-то мелькающее и звучащее. Это ведет и к изменениям в сфере мышления и восприятия человека: возникает «клиповое» мышление как один из способов адаптации к современным реалиям. Его определяют как «фрагментарное», «дискретное», «картиночное» или даже «упрощенное» мышление. Содержательные аргументы, в большинстве своем, не властны над «поколением Z»: миром правят короткие фразы, «мемы» и картинки; все это и составляет клиповое мышление. В основном сегодняшнее восприятие основано не на анализе, а лишь на извлечении нужных «кусков» из общего потока. Однако встает вопрос: как же человек может вычлнить нужную информацию из общего информационного шума? В связи с этим стоит обратиться к вопросу о том, что противопоставит клиповому мышлению, а именно к критическому мышлению. Нам необходимо сопоставить эти два типа, выделить главные их различия, чтобы позже мы могли говорить о специфике формирования критического мышления в условиях «клипа».

Критическое мышление. Понятие «критика» является необходимым понятием для понимания особенностей критического мышления. Сама идея критики связана со способностью человека к суждению, анализу и возможностью давать определенные оценки. Рациональная критика позволяет взглянуть на предметы, процессы и явления по-новому, подвергать анализу различные вопросы, выдвигать новые гипотезы, в отличие от клипового мышления, которое, хоть и позволяет «быстро мыслить», но упускает самое главное – «мыслить содержательно». Сформировавшаяся более 2,5 тыс. лет назад критическая техника – логика – необходима везде, где требуется обоснование своей позиции, принятие рациональных решений и т. д. Логика способствует развитию навыков последовательности и точности в рассуждениях, «выработке критической позиции при помощи отточенности своего интеллектуального инструментария» [1, С. 36]. История науки и культуры демонстрирует нам, как посредством критического метода (критического мышления) в старые системы вводились новые гипотезы (напр., формальная и неформальная логики, классическая (ньютонская) и квантовая механика и пр.). Одна из важнейших особенностей критического мышления заключается в том, что оно предполагает рефлексивность над собственной мыслительной деятельностью, что и демонстрируют нам указанные примеры человеческого гения. Отличие критического мышления от потока клипов заключается в том, что оно ориентировано не на случайный ряд идей, а на последовательность, порядок и логику рассуждений, иными словами, данный вид мышления вносит гармонию в хаос, это одно из основных отличий от клипового мышления.

Клиповое мышление. В чем смысл клипового мышления? Это – ответ на необходимость реагирования на ситуацию в очень короткое время. Скорость смены событий так велика, что извлечь смысл из них трудно, ибо мир переполнен информацией. Человек, который мыслит «фрагментарно», как правило, не в состоянии правильно оценить ситуацию, воспринимая ее поверхностно, и зачастую очень далеко от сути. Носители клипового мышления – это типичные представители современного массового общества: люди, которые самостоятельно не в состоянии отличить главное от второстепенного, падки на яркую картинку, на клип, страдают функциональной безграмотностью, не способные к анализу. Ф. И. Гиренок, которому мы обязаны понятием «клиповое сознание» в отечественной литературе, исследуя современное состояние общества и человека приходит к выводу, что на смену классическому линейному (или критическому) мышлению приходит нелинейность, которой не свойственен понятийный аппарат, но лишь фрагментарное восприятие, основанное на хаотичных воздействиях [2]. Да, возможно, человек с клиповым мышлением быстрее найдет информацию, легче сориентируется в какой-либо ситуации, но только человек с хорошо развитым критическим мышлением сможет понять, почему ситуация вообще произошла, сделать необходимые выводы и спрогнозировать будущее.

Различие между критическим и клиповым мышлением можно наглядно проследить в процессе принятия решений. Задача всякого процесса принятия решений состоит в том, чтобы определить, какие действия следует предпринять для достижения поставленной цели

(например, при решении классической «дилеммы заключенного»). Субъект с клиповым мышлением, вместо того, чтобы вырабатывать собственные мировоззренческие ориентиры, гораздо проще становится «персоной без свойств», которая освобождает мыслительный процесс от излишней нагрузки. По-видимому, люди, у которых преобладает клиповое мышление, гораздо больше подвержены разного рода манипуляциям. Объясняется это тем, что манипуляции такими людьми способствует то, что визуальное сообщение воспринимается ими как данность, без критического анализа.

Нужно понимать, что клиповое мышление – это неизбежное явление в современном мире, в эпоху информационных технологий. Важнейшей задачей является способов комбинирования клиповых и критических установок в процессе мышления и формирование методик обучения этому.

Список литературы

1. Сорина Г. В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность / Монография. 2-е издание. – М.: «Канон +», 2009. – 272 с.
2. Гиренок Ф. И. Метафизика пата (косноязычие усталого человека). – М.: Академический проект, 2014. – 236 с.

Malyhina Y. Y. “Critical Thinking” vs “Clip Thinking”: Comparative Analysis

The study provides a comparative analysis of the critical and clip thinking. It is shown that nowadays the visual instruments become the main carrier of information and it is reflected in a person`s thinking. The essence of the concept of “cliphinking” is characterized as fragmentary; “critical thinking”, focused on sequence, order and logic of reasoning is revealed.

Keywords: critical thinking, clip thinking, contradiction

УДК 16

АРГУМЕНТАЦИОННЫЕ ПАРАМЕТРЫ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА

Малюкова О. В.

*Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: o.maliukova@list.ru*

В статье рассмотрены риторические и логические методы аргументации в философских текстах и сделано заключение об их малой эффективности для практического использования.

Ключевые слова: классический риторический канон, фейковые новости, теория аргументации, когнитивная революция.

В 1432 году один из видных деятелей Ренессанса вдруг выступил со следующим шокирующим заявлением: «Итак, долой, долой философию, и пусть она уносит ноги, словно из священного храма актриса – жалкая блудница, и словно сладостная сирена, пусть прекращает петь и насвистывать вплоть до рокового конца, и сама, зараженная мерзкими болезнями и покрытая многочисленными ранами, пусть оставит она больных другому врачу для лечения и исцеления» (Об истинном и ложном благе. Кн. 3, гл. 11). Итак, долой философию, и не следует забывать, что на протяжении всего Средневековья и Возрождения под философией понимали целый комплекс дисциплин, т. н. тривий и квадравиий (грамматика, риторика, логика, математика, геометрия, музыка и астрономия). Помимо философии вообще, жесткой критике подвергается и логика, которую процитированный мыслитель считает умозрительной и бесполезной наукой; этой теме посвящено целое произведение «Пересмотр диалектики и философии» 1440 года. Раскритикованы философия в целом, логика и грамматика, и только один раздел тривиума должен всемерно приветствоваться. Это – риторика, а процитированный мыслитель – это Лоренцо Валла (1407–1457), итальянский

гуманист; обычно его характеризуют как родоначальника школы историко-филологической критики. Лоренцо Валла является поклонником, знатоком и преподавателем риторики: он изучает ее по трактату Квинтилиана «О воспитании оратора», он ставит Квинтилиана выше Цицерона, он преподает риторику в университетах Павии и Рима. Он пытается придать риторике статус эмпирической и полезной науки (в отличие от логики), выстраивает аргументацию с позиций здравого смысла. Именно в этой парадигме в 1440 г. он создает свое самое известное произведение «Рассуждение о подложности Константинова дара».

«Рассуждение о подложности Константинова дара» оказывается одной из первых обстоятельных попыток опровержения фейкового явления средствами риторики. С тех пор прошло более 500 лет. За это время риторика утрачивала и вновь обретала научный статус. Проблема опровержения ложного знания и использования аргументационных практик в социальном и гуманитарном знании обрела новые смыслы. Ибо изменился мир, и человек, который их порождает.

Мир, в котором живет современный человек, оказался простым и сложным одновременно. Этот мир сложен в силу необыкновенного многообразия своих проявлений, каждое из которых может быть непонятным и ставит человека в тупик. Но этот мир прост, ибо его можно описать цифровым способом. Странная идея Пифагора о том, что мир есть число, которая традиционно воспринималась как математизация, на рубеже XX–XXI веков обрела новое значение – цифровизация. Наш мир оказался цифровым. Параллельно в области гуманитарного знания произошел т. н. гуманитарный поворот, в результате чего весь мир стал рассматриваться как текст. Только теперь этот текст состоит из цифр. Это обстоятельство вызвало практически из небытия целый ряд терминов – это «риторика» и «аргументация». Основное расширение современной риторики и теории аргументации происходит за счет понятия фейковые новости. Понимание сущности фейка требует возврата к стандартным определениям риторики и аргументации. С другой стороны, в сфере философии появилось относительно новое научное направление – риторика науки.

Стандартное определение риторики связано с понятием риторической картины мира, одной из первых картин мира в истории науки, поскольку возникшая еще в античности риторика является, по-видимому, одной из немногих научных дисциплин, которые сохранили свой понятийный аппарат и методы описания реальности до наших дней практически без изменения. Сама возможность появления риторической картины мира связана с появлением естественного языка в жизни человека.

Когнитивная революция сделала человеку царский подарок – умение говорить о вещах, существующих особым способом. Итогом когнитивной революции можно считать появление воображаемой реальности, в которой место вымысла (или лжи) стало существенным. Воображаемая реальность и воображаемый порядок изображаются с помощью картины мира. Риторическая картина мира представляет собой описание и объяснение мира способами, которые предлагает риторика.

Основной структурой традиционной риторики является классический риторический канон. Инвенция представляет собой процедуру отбора информации для будущего сообщения. Инвенция ставит во главу угла предмет и обеспечивает доброкачественность именно предметного содержания. Требование доброкачественности предметного содержания обычно связано с тем, что кто-то что-то видел или слышал, т. е. был свидетелем события, либо получил информацию от непосредственного участника, свидетеля, очевидца. Где-то в самом начале этой цепочки «появляются» фальшивые или фейковые новости.

Современная риторическая картина мира включает фейковую информацию в качестве существенного элемента своей конструкции. Более того: риторическая картина мира, научность или доказательность которой проблематична, является фейковой по своей структуре, т. е. по структуре самого риторического канона. Фейковая новость есть информационная мистификация или намеренное распространение дезинформации.

Полученная с помощью топос «пластилиновая» структура нуждается в правильном расположении или диспозиции. Правильно сформулированная и хорошо расположенная

риторическая картина нуждается в придании ей товарного вида с помощью методов элокуции. Для фейковых новостей есть и свои особые приемы: это броские заголовки, которые привлекают внимание.

Классический риторический канон предоставлял великолепные возможности для встраивания фейковых сообщений в структуру воображаемой реальности. Сами воображаемые реальности сменяли одна другую: идея многобожия сменялась единобожием, а затем понятием естественного закона или механизма. Общей для всех реальностей была идея стремления к истинному знанию. В результате ложность или фейковость считалась недостатком конструкции, ее временной трудностью.

Ситуация с воображаемой реальностью существенно видоизменилась в ходе научной революции. Ложное знание в ходе научной революции обрело новый и весьма достойный статус. Научная революция продолжается и в настоящее время. Классическая воображаемая реальность обогатилась новыми структурами – виртуальной реальностью, дополненной реальностью и т. д. Воспроизведение этих структур в естественном языке создает современную риторическую картину мира, для которой явление фейковости оказывается тривиальным.

Структура фейка обычно состоит из трех частей: это некое этическое (философское, умозрительное, эмпирически не верифицируемое) утверждение, далее это некоторое фактологическое (проверяемое, опровергаемое научными методами) утверждение, последним является практическое наставление, вытекающее из первых двух (вытекать – не значит, логически следовать). Структура фейка жестко привязана к своему времени, к надеждам и ожиданиям людей, к интересубъективным реальностям, в которых они действуют. Опровержение фейка представляет собой плохо решаемую проблему именно потому, что научные методы здесь мало эффективны. С этой целью вернемся к истории о Даре Константина, изложенной в произведении Лоренцо Валлы. Согласно легенде, 30 марта 315 года римский император Константин подписал дарственную грамоту, которой (грамотой) отдал западную часть Римской империи в вечное подчинение тогдашнему папе Сильвестру и его преемникам. Папы активно использовали этот документ, наталкиваясь на сопротивление своей воле, жители средневековой Европы относились к древним актам с великим почтением, ибо чем документ древнее, тем истиннее, в результате Константинов дар являлся скрепой папской пропаганды и средневекового политического устройства Запада. Фейковость Дара Константина можно расписать следующим образом:

Этическое суждение – Люди должны чтить древние имперские указы больше, чем современные суждения, теории и мнения.

Фактологическое утверждение – 30 марта 315 года император Константин пожаловал папам верховную власть над Европой навечно.

Практическая директива – Европейцы в настоящем и будущем должны подчиняться наставлениям Папы римского.

В своем произведении «Рассуждение о подложности так называемой дарственной грамоты Константина», написанном с позиций здравого смысла, Лоренцо Валла выступил против фактологического утверждения. «Я знаю, – писал он, – что люди давно уже желают услышать, какое же обвинение предъявляю я римским папам. Я предъявляю им тяжкое обвинение, я обвиняю их либо в беспечном невежестве, либо в чудовищной алчности, которая является идолопоклонством, либо в суетном стремлении к власти, которому постоянно сопутствует жестокость. Ибо уже в течение нескольких веков они либо не понимали, что Константинов дар – это подлог, либо сами этот подлог создавали, либо, следуя по стопам своих предшественников, защищали истинность этого дара, о подложности которого они хорошо знали. И этим они бесчестили величие первосвященства, бесчестили память древних пап, бесчестили христианскую веру, и все смешивали с убийством, с разрушением и преступлениями. Они утверждают, что город Рим – это их собственность, что им принадлежит королевство Сицилии и Неаполя, им принадлежит вся Италия, Галлии и Испании, германцы и британцы, им вообще принадлежит весь Запад, ибо все это содержится в тексте дарственной

грамоты. И так, все это принадлежит тебе, верховный первосвященник? И ты намереваешься обрести это вновь? Ты хочешь отнять города у королей и князей Запада или заставить королей и князей, чтобы они платили тебе ежегодную дань?». Лоренцо Валла применил убедительные методы опровержения – доказательство от противного, скользкий склон, аргументы к авторитету, многочисленные цитирования и другие. Однако он не мог опровергнуть ни этического положения, ни практической директивы. Кроме того, он нарушил одной из правил аргументации: кто много доказывает, ничего не доказывает. В результате эффективность и практическая полезность текста Лоренцо Валлы оказались весьма спорными. Возвращаясь к исходному тезису самого Лоренцо Валлы, можно сделать вывод: философия неэффективно использует в своем творчестве те методы, которые предлагает другим областям знания в качестве эффективных и универсальных. В первую очередь, это касается логики и риторики.

Malyukova O. V. Argumentation Parameters of Philosophical Text

The author examines the rhetorical and logical methods of argumentation in philosophical texts and makes a conclusion about their low effectiveness for practical use.

Keywords: classic rhetorical canon, fake news, theory of argument, cognitive revolution.

УДК 164.043

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ЛОГИКА «НЕМЕЦКОГО КОНСТРУКТИВИЗМА»

Мануйлов В. Т.

*Филиал АНО ВО «Московский институт государственного управления и права» в Курской области, г. Курск, Российская Федерация
E-mail: manvict@yandex.ru*

Рассматриваются методические и диалогические принципы построения языка логики и различных логических теорий в «Немецком конструктивизме».

Ключевые слова: конструктивная теория науки, язык науки, язык логики, диалог, диалогическая логика.

«Немецкий конструктивизм» или «конструктивная теория науки» (*konstruktive Wissenschaftstheorie*) – исходит из того, что все философские усилия должны осуществляться «внутри [комплекса] (Жизнь, Мир, Язык и т. д.)» с тем, чтобы построить «язык науки» на прагматическом базисе, исходя из первых «жизненно-мировых» начал, и по правилам *методического* мышления, базирующимся на *методическом* и *диалогическом* принципах [3, S. 746]. Конструктивная теория науки, в отличие от аналитической, рассматривает предметы науки как *конструкции*, то есть продукты целенаправленной человеческой деятельности; «...универсальная задача конструктивной теории науки состоит в том, чтобы производство предметов некоторой науки, как неявно заданное предписаниями, в последующем реконструировать» [5, S. 746]. Метод конструктивной теории науки характеризуется как «представление» или «путь (метод) представления» («*die Vorstellung*» [6] и «*the way of representation*» [4]), в противоположность методу аналитической философии науки, характеризуемому как «исследование» или «путь (метод) исследования» («*die Forschung*» [6] и «*the way of research*» [4]).

Методический принцип построения языка науки закладывается в оперативной логике и математике П. Лоренцена [2, С. 130–144], где построение логики научного знания начинается с «экземплярных» определений, назначение которых – разъяснить употребление языковых форм посредством достаточно большего числа примеров, разучиваемых по схеме «Учитель – Ученик» (*Lehrer – Schüler*). Учитель предоставляет Ученику некоторое число примеров употребления языкового образования, затем Ученику предлагается языковое образование, не входящее в число «базисных». Если Ученик в состоянии распознать употребление нового

выражения на основе предъявленных примеров, употребление языкового образования считается объясненным; в противном случае число «базисных» примеров расширяется. Предполагается, что разъяснение любого языкового выражения может быть достигнуто путем предоставления конечного числа примеров. Как «очевидный» базис «рудиментарного» языкового поведения рассматривается способность распознавать элементарные предложения, номинаторы, предикаторы, связи в элементарном предложении. Переход к схематической записи элементарных предложений предполагает понятие «фигуры» или «знаковой фигуры». Далее разъясняется употребление «правил», т. е. схемы перехода от одних «фигур» к другим, и терминологической системы правил. Экземплярно вводятся некоторые инвариантные образцы языкового поведения, которые называются «логическими» в отличие от лингвистических, и переменные для номинаторов. Переменные и терминологические системы позволяют разъяснить употребление дескрипций и абстрактных понятий. Дескрипции вводятся как результат действия функтора «тот самый, который ...» на пропозициональную форму. Процесс абстракции для образования понятия разъясняется в терминах экземплярных определений и терминологических систем без обращения к понятию «множество» или «класс». Результаты процесса абстракции называются понятиями. Метод абстракции, основанный на экземплярном обосновании отношения эквивалентности, называют в конструктивистской математике «абстракцией отождествления». С введением «абстракции отождествления» реконструкция разговорного языка считается законченной [2, С. 130–134].

Уточненный разговорный язык не является теорией. Язык математической теории содержит по Лоренцену практическую часть – некоторое исчисление (*der Kalkül*), – и теоретическую часть, где рассматриваются высказывания о конструкциях, производимых в практической части, и об их результатах. Только в теоретической части можно говорить об истинных и ложных *высказываниях*, о логических *доказательствах*, о логических *выводах*; в практической части имеют место лишь *действия*. Предложения теоретической части рассматриваются как зашифрованные сообщения некоторого исчисления в практической части. Все осмысленные элементарные высказывания языка математической теории можно разбить по методам их семантического обоснования на три группы: истинностно-определенные (*wahrheitsdefinite*), определенные относительно доказательства (*beweisdefinite*) и диалогически определенные (*dialogdefinite*) [2, С. 134–136].

Конструктивная теория науки вырастает из оперативной логики и математики Лоренцена посредством включения в поле исследований нормативных высказываний. При этом существенно меняется реконструируемый язык; элементарные высказывания этого языка должны содержать термины, выражающие просьбы, требования, действия и предметы, на которые направлены эти действия, субъекты этих действий [5, S. 25–53]. Здесь существенно различие между эмпрактической [*empraktische*] и эпипрактической [*epipraktische*] речью. Реконструкция разговорного языка начинается с построения эмпрактической речи, которая содержит такие языковые действия, которые разучиваются вместе с одним неязыковым действием, а именно так, что неязыковое действие разучивается как цель языкового действия. Разучивание происходит по той же схеме «Учитель – Ученик» [5, S. 20–22]. Эпипрактическая [*epipraktische*] речь есть речь о действии, которая разучивается со многими вероятными языковыми действиями, которые допущены как «рациональные» ответы на эту речь. Здесь строится методически не весь наш язык, а лишь те фрагменты языка, которые еще недостаточно обоснованы посредством их употребления в эмпрактической речи.

Конструктивно построенный язык называется «ортоязыком [*Ortosprache*]». Чтобы можно было построить ортоязык, уже должен использоваться язык: необходимо представлять в мыслях соответствующие ситуации, в которых разучиваются новые фрагменты ортоязыка. Язык, на котором представляются эти ситуации называется «параязыком [*Parasprache*]». Отсутствие порочного круга при ортоязыковом построении обеспечивается тем, что в начале этого построения параязык может состоять только из эмпрактически контролируемых слов. Различение параязыка и ортоязыка имеет смысл только для эпипрактической речи; можно сказать, что эмпрактически контролируемые фрагменты языка имеются в распоряжении для

параязыковых представлений ситуаций. Чтобы достигнуть возможно более далеко идущего взаимопонимания, требуется, наряду с употребляемыми в некоторой речевой группе пара- и ортоязыком], еще собственный внешний, более не контролируемый непосредственно речью и ответной речью язык, – «протрептический язык» [die “protreptische Sprache”]. Протрептические речи используются для того, чтобы разрушать определенные словоупотребления и мнения некоторых групп участников построения языка [5, S. 22–24].

Приведенная методика применена при построении логики научного знания, включающего, наряду с математическими, технические, политические, эмпирические, гуманитарные науки. Практическая часть теорий для этих наук состоит из конструкций, не всегда сводимых к стандартной форме Лоренцовских исчислений. Теоретическая часть языка логики начинается с построения эмпирического языка и переходит на ступень эпипрактического языка. В теоретической части правила введения пропозициональных логических связей существенно не отличаются от соответствующих правил оперативной логики и математики Лоренца [5, S. 53–55]. Однако введение правил для кванторов при наличии потенциально бесконечной области действия в Немецком конструктивизме устанавливается методом языковой игры-диалога, в которой схема «Учитель – Ученик» расширяется до схемы «Оппонент – Пропонент» [5, S. 61–65]. Участники игры-диалога по твердо установленным правилам атакуют и защищают высказывания или формулы друг друга. Структурные правила диалога установлены так, что во всякое время может быть решено: (i) закончен ли диалог; и (ii) кто в этом случае проиграл. Ничья не допускается [2, С. 138]. Диалогическое обоснование распространяется и на правила введения пропозициональных связей [5, S. 61–66]. Подбирая конкретные структурные правила ведения диалога, Лоренц и Лоренц строят диалогические варианты различных логик, в частности, минимальной, интуиционистской, классической логик в различных вариантах их конкретного представления, а также диалогическое представление модальной логики [5, S. 68–147].

Список литературы

1. Мануйлов В. Т. Конструктивное обоснование научного знания в «Немецком конструктивизме» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2016. – Т. 2 (68). – № 4. – С. 127–136.
2. Мануйлов В. Т. Методологические принципы «Немецкого конструктивизма» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2015. – Т. 1 (67). – №1. – С. 126–147.
3. Gethman Carl F. Wissenschaftstheorie, konstruktive // Enzyklopädie Philosophie und Wissenschaftstheorie. Bd. 4., Sp-Z. Stuttgart; Weimar: Metzler, 1996. S. 746–758.
4. Lorenz K. Science, a rational enterprise? Some remarks on the consequences distinguishing science as a way of presentation and science as a way of research // Constructivism and science / Ed. by Butts R. E. and Brown J. R. Dordrecht etc.: Kluwer Acad. Publ. P. 3–18.
5. Lorenzen P. Lehrbuch der konstruktiven Wissenschaftstheorie. Mannheim; Wien; Zürich: BI Wissenschaftsverlag, 1987. 332 S.
6. Wohlrapp H. Analytischer versus konstruktiven Wissenschaftsbegriff // Konstruktionen versus Positionen. Bd. II. Allgemeine Wissenschaftstheorie / Hrsg. von Lorenz K. Berlin; N. Y.: Bruyter, 1979. S. 348–377.

Manuylov V. T. Dialogical Logic of “The German Constructivism”

The methodical and dialogical principles of constructing the language of logic and various logical theories in “German constructivism” are considered.

Keywords: constructive theory of science, language of science, language of logic, dialogue, dialogical logic.

ЛОГИКА И ИНТЕЛЛЕКТ: ЧТО ГОВОРИТ ОБ ЭТОМ ИСТОРИЯ ИИ И КОГНИТИВНЫХ НАУК

Михайлов И. Ф.

*Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: ifmikhailov@gmail.com*

Автор ставит своей целью сравнить онтологии сознания в философии, которая пока сохраняет приоритет в этой области, и в бурно развивающемся комплексе когнитивных наук, с тем чтобы определить перспективы дальнейшей интеграции наук о человеке. В статье прослеживаются основные идеи, лежащие в основе ИИ и когнитивных наук, начиная с Томаса Гоббса и Чарльза Бэббиджа. Метафора «вычислений» формировала классические познавательные исследования, но появилась сетевая парадигма с ее собственной долгой историей и породила коннекционизм. Обсуждая когнитивные онтологии сознания, автор останавливается на компьютерном, коннекционистском и «воплощенном» подходах. Учитывая наметившиеся тенденции к интеграции когнитивных наук с социальными, основанными на сетевом подходе, в статье делается предположение, что коннекционизм, также основанный на сетевой онтологии сознания, имеет лучшие перспективы.

Ключевые слова: мышление, логика, интеллект, когнитивная наука, нейросети

Идеи, готовившие «когнитивную революцию» в психологии, лингвистике, философии и приведшие к появлению теории искусственного интеллекта (ИИ), появились задолго до ее начала. Еще в XVII веке, Томас Гоббс написал в «Лаокооне»: «Рассуждения есть расчет». В 1830-е гг. Чарльз Бэббидж высказал идею универсальной автоматической вычислительной машины. В 1936 г. Алан Тьюринг писал, что открываются возможности изобретения одной универсальной машины, которую можно использовать для вычисления любой вычислимой последовательности [5].

Развитие собственно когнитивных наук началось в середине XX века в качестве ответа на засилье бихевиоризма в психологии. В 1976 г. Ньюэлл и Саймон выдвинули гипотезу «физической символической системы» как машины, которая развивает во времени некий набор символических структур. «Такая машина (будь то человек или цифровой компьютер) имеет необходимые и достаточные условия для общей разумной деятельности» [3, Р. 116]. Один из классиков символической парадигмы в когнитивной науке Зенон Пилишин писал в 1984 г.: «Люди способны... действовать на основе репрезентаций, потому что они физически формируют такие репрезентации как когнитивные коды, и потому что их поведение является каузальным следствием операций, произведенных на основе этих кодов. Поскольку это именно то, что делают компьютеры, отсюда следует, что познание является разновидностью вычисления» [4, Р. xiii].

В качестве параллельного процесса можно рассмотреть историю создания искусственных нейронных сетей. В наше время устройства на основе искусственных нейронных сетей играют большую роль в распознавании образов и речи, а также в робототехнике. Работа в этом направлении началась с того, что в 1958 г. Фрэнк Розенблатт создал машину под названием «Перцептрон». Эта машина своей архитектурой имитировала человеческий мозг. Марвин Минский и Сеймур Пейперт в 1969 г. доказали ограниченность этого устройства. И только в 1980-е годы, с прогрессом технологий, начался ренессанс искусственных нейронных сетей, что было связано с задачами обороны, а также с ростом интереса к экспертным системам. С появлением нанотехнологий ожидается дальнейший прогресс в этой области.

В середине 1980-х гг. появляется *коннекционизм* как направление в когнитивной науке, альтернативное когнитивному классицизму. В рамках этого подхода предполагается, что когнитивные явления можно объяснить с помощью набора общих принципов обработки информации, известной как параллельные распределенные вычисления (PDP) [5]. Коннекционизм подходит к изучению когнитивных явлений с использованием архитектуры простых процессоров, соединенных между собой с помощью взвешенных связей. Согласно этой модели, каждый нейрон получает множество входящих сигналов от других нейронов, интегрируя сигналы путем вычисления взвешенной суммы активации. Важным элементом

коннекционистских моделей является алгоритм обратного распространения ошибки (backpropagation of error), который может быть использован для контролируемого обучения многослойной сети. Результаты экспериментов с коннекционистскими когнитивными моделями характеризуются большей психологической реалистичностью по сравнению с классическими символьными моделями.

Поскольку история когнитивных наук тесно переплетена с историей исследований в области ИИ, обзор идей и направлений в последней, представленный в [1], может помочь разобраться в недавних и продолжающихся дискуссиях. Автор отталкивается от наиболее широко распространенной классификации направлений в когнитивных исследованиях, где выделяются символический, коннекционистский и «воплощенный» (situated) подходы. Однако он предлагает более детальную классификацию, в которой выделяет такие группы подходов как (1) символический, (2) основанный на «грубой силе», (3) основанный на знаниях, (4) прецедентный, (5) креативный, (6) биокомпьютационный, (7) динамический и (8) «воплощенный».

Первая группа (1) содержит разновидности традиционного символизма, известного также в литературе как классицизм или компьютеризация. Подход со стороны того, что автор называет «грубой силой» (2), ярче всего воплощен в шахматных компьютерах типа Deep Blue. По его мнению, программы, соревнующиеся с шахматистами начиная с 1950-х годов, построены по принципу простого поиска, т. е., быстрого перебора возможных сценариев выхода из данного положения, в сочетании с функцией, отсекающей неблагоприятные варианты. Под «грубой силой» подразумевается ставка на решительное повышение вычислительной мощности, которая в рамках данного подхода оказывается главной гарантией «интеллектуальности».

В тексте выдвигается возражение против такого понимания природы когнитивности: согласно данным психологов, новички в шахматах и мастера игры видят доску по-разному. Первые – как ансамбль отдельных фигур, вторые – как сочетания кластеров, на которые распадаются возможные решения [1, Р. 209]. Соответственно, типичная компьютерная программа, играющая в шахматы, по когнитивной стратегии ближе к новичку и, если и выигрывает у гроссмейстера, то только за счет скорости и объема вычислений.

Подход, основанный на знаниях (3), равно как и прецедентный (4), стремится к большему психологическому реализму. Исходя из того, что интеллектуальные процессы человека погружены в некий массив изначальных знаний о мире, сторонники этой теории ИИ исходят из того, что мыслящую машину нужно сначала «кормить знаниями с ложечки», пока она не научится добывать их сама [1, Р. 211]. Примерно так же должна поступать машина и согласно прецедентному подходу: она должна всякую новую ситуацию «видеть как» старую. В качестве технологических решений предлагаются «концептуальная зависимость» – подкладка концептуально-образной схемы мира под интеллектуальные процедуры – и «сценарии» (scripts) – наборы неких типичных операций по обработке информации, запускаемых при получении данных определенного рода.

Попытки моделировать творческую природу человеческого интеллекта (5) сводятся к действиям по аналогии и перекомбинированию известных паттернов – последнее используется в машинной имитации музыкальных стилей великих композиторов.

Под биокомпьютационным подходом (6) автор подразумевает, прежде всего, коннекционизм и, затем, «генетические алгоритмы». О коннекционизме автор справедливо говорит, что «распределенный характер репрезентаций в коннекционистских моделях допускает обучение и появление нового поведения» [1, Р. 219]. И это притом, что коннекционистским сетям нужен не программист, а, скорее, тренер.

Динамический (7) подход предполагает описание когнитивной деятельности в терминах «пространства» состояний системы, определяемых переменными, зависимыми от времени. Следствием такого подхода становится замена теоретического языка, связанного с вычислениями и репрезентациями, языком, связанным с геометрией и динамическими

состояниями. Обобщая, можно было бы сказать, что в динамических объяснениях возрастает роль математики за счет роли логики.

«Воплощенный» (situated) подход (8) отказывается от классицистского понимания интеллекта как абстрактного, индивидуального, рационального и оторванного от восприятия и действия, противопоставляя этому понимание его как отелесненного (embodied), встроенного (embedded) и распределенного (distributed). Иными словами, когнитивные процессы протекают не в мозге, а между мозгом, остальным телом и средой. Классицистские подходы в ИИ пытаются создать искусственного эксперта или искусственного физика, тогда как начинать следовало бы с уровня «интеллигентности» насекомых, с тем чтобы на основе этих работающих моделей перейти к воссозданию языка и абстрактного мышления. Научиться завязывать шнурки машине труднее, чем научиться решать математические задачи или играть в шахматы, а ведь эволюции понадобились миллиарды лет для появления чувствительности и мобильности и только миллионы лет для выработки собственно человеческих способностей.

Список литературы

1. Ekbia H. R. Fifty years of research in artificial intelligence // Annual Review of Information Science and Technology Volume 44, Issue 1, January 2010. P. 201–242
2. Newell A., Simon H. A. Computer science as empirical inquiry // Communications of the ACM, 1976, 19 (3), P. 113–126.
3. Pylyshyn Z. W. Computation and cognition: Toward a foundation for cognitive science. Cambridge, MA: MIT Press, 1984. 320 p.
4. Rumelhart D. E., McClelland J. L., the PDP Research Group. Parallel Distributed Processing: Explorations in the microstructure of cognition. Volume 1: Foundations. Cambridge, MA: MIT Press, 1986. 567 p.
5. Turing A. M. On computable numbers, with an application to the Entscheidungsproblem // Proceedings of the London Mathematical Society, 1936, 2 (42), P. 230–265.

Mikhailov I. F. Logic and Intelligence: what the History of AI and Cognitive Science Says Thereof.

The author aims to compare the ontology of consciousness in philosophy, which so far retains a priority in this field, and in the rapidly developing cluster of cognitive sciences, in order to determine the prospects for further integration of human sciences. The paper traces principal ideas underlying the AI and cognitive sciences back to Thomas Hobbes and Charles Babbage. The metaphor of “computation” shaped classical cognitive research, but the network paradigm with its own long history came in and gave birth to connectionism. Discussing the cognitive ontologies of consciousness, the author dwells on the computer-based, connectionist and “embodied” approaches. Given the emerging trends in the integration of cognitive sciences with social ones based on a network approach, the paper makes the assumption that connectionism has better prospects. It is important that the latter is construed not as another computation architecture, but as a principal shift in ontological metaphors underlying our understanding of consciousness.

Keywords: thought, logic, intelligence, cognitive science, neural networks

УДК 168+18

ПОНЯТИЕ «КОНКРЕТИЗАЦИИ ТЕКСТА» В РЕЦЕПТИВНОМ И ПРОЕКТИВНОМ СЕМИОЗИСЕ (НА ПРИМЕРЕ РИТОРИЧЕСКОГО АРГУМЕНТА В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ)¹

Нестеров А. Ю.

*Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: aynesterow@yandex.ru*

К обсуждению предлагаются классические тезисы рецептивной эстетики о конкретизации текста в акте чтения в сопоставлении с моделями исполнения в философии техники. Задача и планируемый результат связаны с

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-00760 КОМФИ.

прояснением границ герменевтической (рецептивной) и риторической (проективной) сред аргументации, аргументативных стратегий и практик.

Ключевые слова: место неопределенности, семиозис, философия техники, исполнение, технический объект

Концепция «мест неопределенности» и «конкретизации» Р. Инградена, получившая развитие в виде моделей анализа фикционального (художественного) текста через «пустые места», «чужое слово», «нарушение ожиданий» и т. д., является формой различения синтаксиса и семантики художественного текста в рецептивном семиозисе. Художественное произведение есть текст, не указывающий ни на какое объективно существующее в чувственном восприятии читателя положение дел, содержащий в силу своей маркированной вымышленности неопределенность, которая снимается читателем в акте чтения и подразумевает автора в виде необходимого коррелята деятельности понимания, осуществляемой читателем. «Место такого изображенного предмета, о котором на основании текста нельзя точно узнать, как он определяется, я называю “местом неопределенности”» [1, С. 50]. «Невозможно с помощью конечного числа слов или предложений однозначным и исчерпывающим образом установить бесконечное многообразие свойств индивидуальных, изображенных в произведении предметов, какие-то свойства необходимо должны отсутствовать» [1, С. 50]. «“Конкретизацией” изображенных предметов я называю дополняющее определение» [1, С. 52].

Анализ В. Изера показывает преимущественно эпистемологический характер концепции «мест неопределенности»: «Конкретизация есть только актуализация потенциальных элементов произведения, но не интеракция текста и читателя» [2, С. 279]. Его собственная модель «пустых мест» является коммуникативной и подразумевает, что «пустые места обозначают не столько недостаток определенности интенционального предмета или схематизированной системы взглядов, сколько исполнимость [Besetzbarkeit] определенного системного места в тексте представлением читателя» [2, С. 284]. Синтаксис текста является моделью, на основании которой осуществляются семантические правила. Акт коммуникации текста и читателя представляет собой наложение синтаксических правил, приводящее к формированию нового «эстетического предмета», который в свою очередь встраивается в эпистемические процедуры реципиента.

Инструмент фикциональной (эстетической) коммуникации – трансформация структуры темы и горизонта, переднего и заднего плана, темы и ремы и т. п.; ее результат – изменение рефлексивных установок читателя: норм, целей и ценностей, – т. е. прагматического правила, которым руководствуется реципиент в акте чтения.

Структура нефикциональной коммуникации более сложна, она включает в себя все элементы эстетической коммуникации, добавляя к ним требование истинности, теоретической и эмпирической обоснованности. Если цель коммуникативного взаимодействия – не эстетический эффект отстранения восприятий и представлений, но сдвиг границ представимого и возможного, позволяющий решить те или иные проблемы участников коммуникации, то изменение прагматического правила, достигаемое в результате коммуникации, влечет изменения в структуре технической деятельности [3]. В теории творчества разницу между фикциональной и нефикциональной коммуникацией удачно описал И. И. Лапшин, говоря о первой как о деятельности поэта и художника, а о второй – как о деятельности ученого и философа [4].

Под техникой после П. К. Энгельмейера [5] понимается всякое обращение человека «наружу», проективный семиозис, проходящий три этапа, описываемые либо в виде «трехакта» [6], либо через «формообразующие способности человека»: гипотеза, представление (конструкция) и явление (исполнение) и соответствующие им *homo investigator*, *homo inventor*, *homo faber* [7]. Нефикциональная коммуникация, управляя неопределенностью, оперируя структурой темы и горизонта и стремясь к результату в виде трансформации сегментов опыта (памяти) читателя, выстраивается относительно теорий, относительно представлений и относительно явлений. Соответственно различаются и механизмы обоснования истинности: исполнение «пустых мест» осуществляется реципиентом либо в

форме новой гипотезы (аргумента), либо нового представления (конструкции), либо нового явления (исполнения в узкотехническом смысле).

Список литературы

1. Ingarden R. Vom Erkennen des literarischen Kunstwerks. Tübingen, 1968. 440 S.
2. Iser W. Der Akt des Lesens. München, 1994. 370 S.
3. Нестеров А. Ю. Семиотические основания техники и технического сознания. – Самара, 2017. – 156 с.
4. Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии: введение в историю философии. – М., 1999. – 399 с.
5. Энгельмейер П. К. Философия техники. – СПб, 2013. – 96 с.
6. Энгельмейер П. К. Теория творчества. М., 2010. – 208 с.
7. Дессауэр Ф. Спор о технике. – Самара, 2017. – 266 с.

Nesterov A. Yu. The Concept of “Text Concretization” in Receptive and Projective Semiosis (by the Example of a Rhetorical Argument in Natural Language)

Classical theses of receptive aesthetics about concretization of the text in the act of reading versus models of performance in the philosophy of technology are proposed for discussion. The task and the planned result are connected with the clarification of the boundaries of the hermeneutic (receptive) and rhetorical (projective) argumentation environments, argumentative strategies and practices.

Keywords: place of uncertainty, semiosis, philosophy of technology, execution, technical object

УДК 164.1

ОБ ОДНОЙ ФУНКФОРНОЙ СИСТЕМЕ, ОТЛИЧНОЙ ОТ СИЛЛОГИСТИКИ

Николко В. Н.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: vnnikolko@mail.ru*

Строится формальная система G_2 неоднозначных соответствий $x_k = f(x_i, x_j)$, где i, j, k – от 1 до n , имеющих условный характер, с переменными из $(x_1, x_2, x_3, \dots, x_n)$, областью значений которых является множество $[0, 1]$. В качестве принимаемых формул G_2 выступают формулы, которые гарантируют истинность вывода при истинности посылок, но также и ложность выводов при ложности посылок. Предъявляется б теорем на случай существования хотя бы одного неоднозначного соответствия с признаками принимаемой формулы.

Ключевые слова: неоднозначные соответствия, силлогизмы, переменные с областью значений из $[0, 1]$, G_2 -система, класс функфоров, отличных от силлогизмов.

Речь идет о классе неоднозначных соответствий $x_3 = f(x_1, x_2)$, выражающих условную связь переменных x_1, x_2, x_3 с областью значений $[1, 0]$. Такие соответствия названы нами функфорами. В настоящее время известен класс функфоров в виде аристотелевских силлогизмов. Предлагаем обратить внимание еще на один класс функфоров, в которых гарантируется не только истинность вывода при истинности посылок, как это имеет место в аристотелевских силлогизмах, но и ложность вывода при ложности посылок. Система названа G_2 .

В качестве простых формул системы выступают переменные $x_1, x_2, x_3, \dots, x_n$, каждая из которых принимает одно из двух значений – или 1, или 0. В G_2 каждая простая формула имеет отрицание, которое грамматически выражается посредством шриха вверху справа от отрицаемой формулы. Например, x_1 имеет отрицание x_1' и т. д., так что в системе G_2 имеет место следующая таблица:

Таблица 1.

x_i	x_i'
1	0
0	1

Отрицания служат простыми формулами G_2 .

Сложной формулой G_2 является любая тройка разных простых формул.

В качестве принимаемых формул G_2 предлагается считать те и только те тройки x_k, x_i, x_j , которые реализуют неоднозначное соответствие $x_k = f(x_i, x_j)$, где оператор f полностью определяется следующей таблицей:

Таблица 2.

x_i	x_j	$f(x_i, x_j) = x_k$
1	1	1
1	0	1
1	0	0
0	1	1
0	1	0
0	0	0

В G_2 можно ввести конъюнкцию и импликацию в обычном для них толковании. В этой связи каждая принимаемая формула ABC из G_2 сопровождается второстепенными формулами вида $(A \wedge B) \rightarrow C$, где \wedge – знак конъюнкции, а \rightarrow – знак импликации.

Тогда в G_2 имеют место следующие теоремы.

Теорема 1. Если ABC – принимаемая формула, то сопровождающая ее формула $(A \wedge B) \rightarrow C$ – тождественно истинная. Ясно, что всякая принимаемая формула условна в логико-математическом смысле, но характер ее условности пока неочевиден.

Теорема 2. Если ABC – принимаемая в (знак \perp), то $\perp C'BA'$. Иными словами, $\frac{\perp ABC}{\perp C'BA'}$ (правило вывода 1).

Теорема 3. Если $\perp ABC$, то $\perp AC'B'$, или $\frac{\perp ABC}{\perp AC'B'}$ (правило вывода 2).

Теорема 4. Если $\perp ABC$, то $\perp BAC$, или $\frac{\perp ABC}{\perp BAC}$ (правило вывода 3).

Теорема 5. Если $\perp ABC$, то $\perp A'BC'$, или $\frac{\perp ABC}{\perp A'BC'}$ (правило вывода 4).

Теорема 6. Если $\perp ABC$, то принимаются следующие формулы:

$$\begin{array}{cccc} C'BA' & BAC & A'BC' & B'A'C' \\ AC'B' & C'AB' & CB'A & CA'B \\ BC'A' & A'CB & A'CB & \end{array}$$

Теоремы 1–6 легко проверяются. При наличии в G_2 принимаемых формул теоремы 2–6 дают возможность разделить их на отдельные классы, а потом аксиоматизировать посредством правил 1–4.

Какая-либо предметная интерпретация G_2 – вопрос будущих исследований, но цена такой интерпретации крайне высока.

Nikolko V. N. On a Functor System that Differs from Syllogistic

Formal system G_2 of ambiguous correspondences $x_k = f(x_i, x_j)$ is built, where i, j, k is from 1 to n , having a conditional character, with variables from $(x_1, x_2, x_3, \dots, x_n)$, the set of their values is $[0,1]$. The accepted formulas of G_2 are the formulas that guarantee the truth of the conclusion with the truth of the premises, but also the falsity of the conclusions when premises are false. 6 theorems are presented for the case of the existence of at least one ambiguous correspondence with the features of the adopted formula.

Keywords: ambiguous correspondences, syllogisms, variables with a set of values from $[0,1]$, G_2 -system, a class of functors that differs from syllogisms.

ЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СИСТЕМНАЯ МОДЕЛЬ АРГУМЕНТАЦИИ В. Н. БРЮШИНКИНА¹

Пушкарский А. Г.

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Российская Федерация
E-mail: pushcarskiy@mail.ru*

Утверждается, что адекватный анализ философских текстов требует специфической логической культуры, которую можно было бы назвать профессиональным уровнем логической культуры, необходимой для практически любого философского исследования и работы В. Н. Брюшкина дают нам замечательный образец такого подхода.

Ключевые слова: аргументация, Системная модель аргументации, философский текст, логическая культура, философская компаративистика.

Любой философский текст всегда содержит в себе определенный вид аргументации. Конечно, можно найти такие типы философствования, которые, казалось, не имеют аргументативной составляющей. Но тогда такое «философствование» не будет иметь никакого отношения к философии, как теоретической дисциплине. Тем не менее, многие исследователи и историки философии обычно ограничиваются терминологическим анализом исследуемых текстов. Однако для адекватного анализа философских текстов требуется определенный уровень логической культуры, и работы В. Н. Брюшкина дают нам замечательный образец такого подхода.

С начала века на кафедре философии и логики Калининградского государственного университета велась разработка системной модели аргументации (СМА), предложенной проф. В. Н. Брюшкиным. СМА применима как методология философской компаративистики. Преимущество такой методологии анализа аргументативных аспектов текстов состоит в том, что она выявляет культурную обусловленность своеобразия философской системы. Аргументация здесь понимается как «множество выраженных в виде последовательностей высказываний процессов убеждения, заключенных между двумя полюсами: логико-математическим доказательством в формализованных языках и воздействием на бессознательные компоненты психики адресата» [4, С. 12]. А СМА представляет собой синтез логического, когнитивного и риторического подходов к анализу аргументации «с целью построения такой модели аргументации, которая давала бы максимальное приближение к реальным процессам, содержащимся в тексте, и вместе с тем воспроизводила бы ее существенные характеристики и отвлекалась от случайных и привходящих моментов, содержащихся в любом аргументативном контексте» [1, С. 140–141]. Таким образом, построение такой модели позволяет выявить пресуппозиции, которые неявно содержатся в анализируемых текстах, что особенно важно для анализа именно философских текстов и, соответственно, для их сравнительных исследований. По мнению проф. Брюшкина, «смысл философской компаративистики состоит в раскрытии оснований культуры данного народа – как тех, которые явно выражены в текстах, так и тех, которые явно в текстах не выражены. Такое раскрытие происходит при помощи сравнения структуры и содержания философских учений, принадлежащих различным культурам. Например, установление различия базисных предпосылок даже при сходстве конечных выводов и рассуждений может многое сказать об основаниях культур» [3, С. 68–69]. Если использовать СМА как основу для исследований такого рода, тогда: «Логический анализ позволяет реконструировать пропозициональные пресуппозиции ...; когнитивный анализ – выделить в тексте ценности, интересы и психологические установки, составляющие опоры аргументации, представленной в тексте, а также реконструировать модель мира автора текста; риторический анализ – выделить средства, используемые субъектом аргументации и обуславливающие приемлемость логико-

¹ Работа подготовлена при поддержке фонда РФФИ, грант № 17-03-00707а «Логическая культура в России: прошлое и современность».

когнитивной аргументации для адресата. Все это позволяет создать общую концептуальную схему для сравнения философских концепций, принадлежащих различным культурам» [3, С. 84–85]. Ключевым при такой реконструкции становится понятие модели мира, которая как раз и складывается из неявно представленных в текстах культурологических оснований философского мировоззрения того или иного мыслителя (см. [2, С. 12]). Под моделью мира понимается «выделяемое субъектом в предметной области множество представлений объектов и их свойства и отношений», т. е. такое «множество знаков, служащих в сознании субъекта представителями объектов интересующей его области действительности и определенных на них свойств и отношений, известных данному субъекту» [5, С. 136]. Примером подобного рода применения СМА к анализу философских текстов является проведенный проф. Брюшинкиным сравнительный анализ аргументации И. Канта и Вл. Соловьева по проблеме смертной казни. Оказывается, что различия в позициях философов обусловлены различиями в моделях мира, скрывающихся за текстами. Оба философа выделяют базисные характеристики личности – природу и свободу. Но понимание этих свойств различно: у Канта свобода – это выбор добра, а природа влечет ко злу. У Соловьева, напротив, свобода сопряжена с эгоизмом и со злом, а природа определяется склонностью к добру [2, С. 30–31].

Обращение к работам проф. Брюшкина дает нам понимание того, что адекватный анализ философских текстов требует специфической логической культуры, которую можно было бы назвать профессиональным уровнем логической культуры, необходимой для практически любого философского исследования.

Список литературы

1. Брюшинкин В. Н. Системная модель аргументации // Трансцендентальная антропология и логика: Тр. междунар. семинара «Антропология с современной точки зрения» и VIII Кантовских чтений / Калинингр. ун-т. – Калининград, 2000. – С. 133–155.
2. Брюшинкин В. Н. Сравнительное исследование западноевропейской и русской философии методами теории аргументации на примере текстов И. Канта и В. Соловьева // Материалы к сравнительному изучению западноевропейской и русской философии: Кант, Ницше, Соловьев. – Калининград: Изд-во КГУ, 2002. – С. 7–33.
3. Брюшинкин В. Н. Системная модель аргументации как основа методологии компаративистских исследований // Модели мира. Исследования по логике, аргументации и истории философии: Сб. науч. статей / Под общ. ред. В. Н. Брюшинкина. – Калининград: Изд-во КГУ, 2004. – С. 66–85.
4. Брюшинкин В. Н. Обобщенная системная модель аргументации // Аргументация и интерпретации. Исследования по логике, истории философии и социальной философии. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. – С. 11–17
5. Брюшинкин В. Н. Системная модель аргументации для фрагмента философского текста // Модели рассуждений – 1: Логика и аргументация: Сб. науч. ст. / Под общ. ред. В. Н. Брюшинкина. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. – С. 126–144.

Pushkarsky A. G. Logical Culture and The System Model of the Arguments of V. N. Bryushinkin

It is argued that an adequate analysis of philosophical texts requires a specific logical culture, which could be called the professional level of logical culture necessary for almost any philosophical study and work by Prof. V. N. Bryushinkin give us a wonderful sample of this approach.

Keywords: argumentation, system model of argumentation, philosophical text, logical culture, philosophical comparativistics.

КАРИКАТУРА КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛЯЦИИ¹

Солошина В. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: s_h_a_n_a@bk.ru

В тексте идет речь о манипулятивном потенциале карикатуры как части смеховой культуры. Показано удобство применения метода валюативного моделирования для оценки иллюстрированной сатиры как средства влияния на общественное мнение.

Ключевые слова: карикатура, манипуляция, валюатив, валюативное моделирование, невербальный текст.

Несложно заметить, что для современной электронной текстовой культуры характерно увеличение объема визуальной информации по отношению к печатному слову. Все чаще вербальный текст заменяется картинкой, или же комбинацией картинки и текста. В средствах массовой информации особо популярной оказалась карикатура, используемая не только с целью передачи информации, но и как средство влияния на общественное мнение. Однако несмотря на почти двухвековую историю и активное использование в публицистике и СМИ, карикатура на сегодняшний день остается слабо изученным видом инфографики.

В широком смысле карикатура трактуется как изображение, в котором комический эффект задается намеренно, часто с использованием гротеска. В более узком понимании – это особый жанр изобразительного искусства и одна из основных форм иллюстрированной сатиры. Одна из важнейших черт карикатуры – социально-критическая направленность. Такой рисунок сообщает реципиенту некую информацию в намеренно преувеличенной форме, заостряя его внимание на проблеме. Однако являясь откликом художника на определенные события, карикатура не подталкивает нас к самостоятельному принятию решений, но предлагает уже готовый вариант интерпретации, ориентированный на эмоциональное, а не рациональное восприятие результата рефлексии другого человека.

Поскольку одним из ключевых атрибутов карикатуры является комичность, справедливо будет назвать этот жанр графики частью смеховой культуры. Последняя, как социокультурное явление, выполняет коммуникативную функцию, однако в значительной степени зависит от особенностей сообщества, к которому принадлежит. Принимая во внимание тот факт, что люди объединяются в сообщества в силу склонности понимать мир одинаково (или близко к этому), то и специфика смешного чаще всего будет отличаться от сообщества к сообществу. А трансляция замысла автора через изображение посредством комичного делает карикатуру весьма эффективным средством манипуляции общественным мнением в конкретном объединении людей (или, если затрагиваются вопросы общечеловеческого масштаба – мнением общества в целом). Учитывая связь иллюстрированной сатиры с коллективным сознанием, удобно анализировать ее в рамках валюативной методологии как одну из форм репрезентации валюатива. Валюативная интерпретация изображенных сюжета и действующих лиц позволяет понять, благодаря чему манипуляция удалась (или же наоборот, не вызвала ожидаемого эффекта). Для этого стоит обратиться к структуре валюатива, которая представлена в виде 4-х элементов: персонификаторы валюатива, нормы, ценности, формы репрезентации. Каждый из этих элементов будет обнаружен в сообществе, но часто наблюдается центрация на одном из них. И желаемый манипулятивный эффект достигается либо путем воспевания валюативно правильных героев, норм, ценностей, идеологии, либо уничтожением врагов валюатива, высмеиванием значимых компонентов валюативной матрицы других объединений людей, уличение публичных лиц в действиях, трактующихся как несоответствующие содержанию строчек валюатива сообщества, либо как потенциально вредные для него. Особенно репрезентативна в этом смысле политическая карикатура. К примеру, на одной из обложек британского журнала *The Spectator* размещено карикатурное

¹ Доклад подготовлен при поддержке Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, проект №ВГ-25/18 «Критическое мышление в контексте электронной текстовой культуры: проблемы и способы формирования»

изображение Статуи Свободы с лицом президента США Дональда Трампа (см. рис.). Статуя демонстрирует распространенный в Соединенных Штатах нецензурный жест – поднятый вверх средний палец руки. Данное изображение вызвало активный отклик у читателей издания, что объясняется выбором образов: руководитель государства, избранный народом, и национальный символ страны, символизирующий ее независимость, а также одну из базовых ценностей – свободу. Очевидно, что автор изображения ориентировался на широкую аудиторию, негативно относящуюся к действующему американскому президенту, с целью транслировать свое видение проводимой Трампом политики. Получился невербальный текст с ярко выраженной валюативной окраской, в котором фигурирует неуважительное отношение к одной из

базовых национальных ценностей США. А упомянутый выше жест, очевидно провокационный, придает всему сюжету сатирическую остроту, что обеспечивает необходимый ажиотаж. Это пример качественной политической карикатуры, сатиричной, даже хулиганской, а оттого и понятной каждому. И, в то же время, она носит явно манипулятивный характер, транслируя рецепиенту представление о том, что политика действующего президента Соединенных Штатов несет угрозу национальному благополучию.

Помимо общей оценки интерпретации сюжета, важно учитывать, использовал ли художник дополнительные элементы форм репрезентации сообщества; есть ли отсылки к популярным, значимым сюжетам или личностям (героям, врагам, мученикам валюатива, их биографиям и т. д.); какое цветовое решение было выбрано, играет ли роль символика цвета; каковы композиционные решение, масштаб. Такой способ прочтения иллюстрированной сатиры способствует более глубокому пониманию изображенного, а, значит, и обнаружению имеющихся в ней провокационных элементов.

Итак, потенциал карикатуры, как средства манипуляции, достаточно велик. Однако на сегодняшний день творчество карикатуристов, как социокультурное явление, изучена слабо. Для оценки способности такого рода инфографики оказывать воздействие на общественное мнение мы предлагаем использовать метод валюативного моделирования, поскольку смеховая культура является важным элементом коллективной интерпретации мира. Таким образом, валюативный анализ карикатуры позволит оценить не художественную ценность сатирической графики, а ее влияние на общественное мнение.

Soloshina V. V. Caricature as Manipulation Tool

The text refers to the manipulative potential of caricature as part of the laughter culture. The article demonstrates the convenience of using the method of valuative modeling to assess the illustrated satire as a tool for influencing public opinion.

Keywords: caricature, manipulation, valuative, valuative modeling, non-verbal text.

УДК 165.23

СМЫСЛЫ И ТЕКСТЫ: ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОСТИ ОПИСАНИЯ СЛОЖНЫХ ОБЪЕКТОВ И ПРОЦЕССОВ В ФОРМАЛЬНЫХ МОДЕЛЯХ

Титов А. В.

*Российский университет транспорта, Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: a.v.titov@mail.ru*

Рассматриваются проблемы, которые возникают при математическом моделировании задач прогнозирования и управления развитием объектов сложной природы. Анализируются существующие методы решения этих

проблем. Рассматриваются пути формирования единой базы для математического моделирования объектов сложной природы на основе использования языка теории категорий.

Ключевые слова: сложность, математическое моделирование, модель, синтетическая квалиметрия, теория категорий.

В основу прогнозирования и управления динамикой изменения состояния объектов и процессов может быть заложен ситуационный принцип, заключающийся в том, что в каждый момент времени рассматривается пространство возможных состояний *ситуации управления*, под которой в общем случае будем понимать состояние объекта управления и состояние среды, в которую «погружен» объект управления. При этом вероятность нахождения ситуации управления в том или ином состоянии может быть не только неизвестна, но и сам вопрос о существовании этой вероятности может быть некорректным в связи, например, с уникальностью ситуации. В то же время, возможны различные сценарии развития ситуации, и выбор во многом зависит от того, в каком именно состоянии она находится на момент, принятый за начальный. В частности, если ситуация описывается аналитически уравнениями с переменными коэффициентами (параметрами), то различные диапазоны изменения коэффициентов могут приводить к различным решениям.

Основные трудности, возникающие при математическом моделировании состояний, относящихся к сложным объектам и процессам, связаны с отмеченными в работе [1] особенностями, к которым можно отнести следующие:

1. Не все цели выбора управленческих решений и управляющих воздействий могут быть выражены в виде количественных соотношений.

2. Принципиально невозможно либо неприемлемо сложно формализованное описание объекта управления. Последнее означает, что любая модель, записанная на формальном языке, является слишком грубым описанием объекта управления.

3. Значительная часть информации, необходимая для формирования модели объекта управления, может быть представлена лишь в вербальной неформализуемой форме, т. е. существует в виде представлений, а не понятий и терминов. В этом случае информация об объектах управления в значительной степени носит экспертный характер.

4. Информация об объекте или процессе не полна, а возможно и противоречива.

И приведенный «список» далеко не исчерпывает эти особенности. Такое положение приводит к тому, что «классические» методы математического моделирования теряют свою эффективность в смысле точности прогноза и адекватности принимаемых на их основе решений.

Из приведенного следует, что описание состояний сложных объектов не только связано с наличием в нем нечеткости и неопределенности, но и выходит за рамки традиционной двужначной булевой логики. Здесь логика скорее носит вероятностный или, по выражению В. В. Налимова, байесовский характер, но возникает дополнительная сложность, выраженная в том, что методы теории вероятности имеют свои ограничения, под которые не часто попадают моделируемые объекты и процессы.

В настоящее время ограниченность возможности использования при моделировании динамики поведения сложных систем не только линейных моделей, но и математических моделей вообще, в их классическом понимании, не только осознана большинством исследователей работающих в этой области, но и подвела их к необходимости поиска и разработки новых методов моделирования сложных систем. К таким методам можно отнести в первую очередь «мягкое моделирование», предложенное академиком В. И. Арнольдом, а также привлечение к задачам описания сложных объектов, методов теории экспертных оценок и теории нечетких множеств. То, что при описании сложных объектов действенными могут оказаться методы, основанные на обработке нечисловой информации, на привлечении качественных оценок, применении неклассической логики, становится все более очевидно.

Подбор формализации и знание границ применимости модели очень важны при математическом моделировании, т. к. неадекватность модели может привести к серьезным ошибкам в выводах. Здесь полезен логический анализ, позволяющий вскрыть корни

недостатков и ограниченности формализации, выяснить неадекватность ситуации и применяемых средств.

При управлении развитием сложных объектов в общем случае решаются такие задачи как:

- получение и анализ информации о возможных состояниях объекта управления;
- выделение семейства свойств объекта управления, определяющих его состояние и влияющих на принятие управленческого решения;
- преобразование семейства свойств объекта управления в систему параметров (показателей и критериев) оценки состояния объекта управления;
- описание «иерархии» параметров объекта управления;
- формирование системы мер, в которых оцениваются значения показателей и критериев оценки состояния объекта управления;
- шкалирование системы мер, введением на ней системы отношений;
- разработка методов и процедур формирования массивов эталонных состояний объекта управления;
- установление метрик и определение мер сходства, по которым будет определяться близость состояния объекта управления к эталонным состояниям;
- разработка методов и процедур формирования массивов управленческих решений и т. д.

При решении перечисленных задач важно учитывать, что в зависимости от сложности и природы объекта управления в описании элементов модели оценки может использоваться различный формальный аппарат, т. е. различные формы описания состояний объекта управления и методов оценки этих состояний. Классификация форм описания и используемых при этом формальных языков разрабатывалась А. И. Субетто в рамках синтетической квалиметрии, которая включает как составные части общую и специальные квалиметрии (разделение общей квалиметрии по методам и формальным моделям оценки). В работе [2] описываются основные характеристики ситуации оценки и рекомендуемые для ее описания типы специальных квалиметрий.

Повышение степени адекватности математического моделирования состояния сложных объектов и процессов требует разработки общей математической базы, позволяющей не только обеспечить единство имеющихся методов моделирования, но и обеспечить возможность моделирования с использованием логики без законов противоречия и исключенного третьего. В работе [3] показано, что использование языка теории категорий и понятия оценки как функтора, позволяют расширить возможности математического моделирования в указанном направлении.

Список литературы

1. Мелихов А. Н., Бронштейн Л. С., Коровин С. Я. Ситуационные советующие системы с нечеткой логикой. – М.: «Наука», Гл. ред. физ-мат. лит., 1990. – 272 с.
2. Субетто А. И., Титов А. В. Ситуационный подход к применению методов специальных квалиметрий в системах мониторинга качества образования на различных уровнях // Труды восьмого симпозиума «Квалиметрия человека и образования» – М.: ИЦ, 1999.
3. Субетто А. И., Титов А. В. Категорный подход к описанию задач квалиметрии // Труды седьмого симпозиума «Квалиметрия человека и образования: методология и практика». – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов. 1998.

Titov A. V. Meanings and Texts: the Problem of the Adequacy of the Description of Complex Objects and Processes in Formal Models.

The problems which arise in the mathematical modeling of the problems of forecasting and managing the development of objects of complex nature are considered. Existing methods for solving these problems are analyzed. The ways of forming a single base for mathematical modeling of objects of complex nature based on the use of the category theory language are considered.

Keywords: complexity, mathematical modeling, model, synthetic qualimetry, category theory.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЯЗЫКА МАТЕМАТИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ФИЛОСОФИИ И ИССЛЕДОВАНИИ ТИПОВ ЛОГИЧЕСКОГО ИСЧИСЛЕНИЯ

Титов А. В.

Российский университет транспорта, Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: a.v.titov@mail.ru

Рассматривается проблема расширения возможностей математики как языка описания в различных областях знания, в частности философии. Исследуется диалектический аспект в развитии математики. Развитие математики, ее новые разделы и понятия позволяют расширить границы ее применения. Рассматривается возможность дальнейшего расширения возможного применения математики за счет развития ее понятий на основе теории категорий.

Ключевые слова: математизация, модель, вероятностная логика, диалектика, логос, эйдос, теория категорий.

В одной из работ В. В. Налимов замечает, что: «Математизировать какую-либо область знания – это значит: (1) выбрать некоторые математические структуры; (2) связать с ними некоторые содержательные предпосылки, относящиеся к объекту моделирования; (3) придать структурам, обогащенным дополнительными предпосылками, статус образа» [1].

Он приходит к выводу, что вероятностно ориентированная математика, эффективно используемая в технике и физике, могла бы оказаться применимой и в области философской мысли. Сразу следует отметить, что вероятностная математика имеет и серьезные ограничения, связанные с определением самого понятия «вероятность» в математике.

Обращение же к вероятностной концепции математизации философии связано с тем, что в отличие от научных текстов, записанных на формальных языках, понимание текста, записанного на естественном языке, носит неоднозначный характер. Математика же опирается на формальные языки и в классическом виде на двузначную булеву логику, опирающуюся на законы противоречия и исключенного третьего.

Налимов же отмечает, что вероятностная логика диалектична и легко справляется с исключаящими друг друга смыслами, т. е. свободна от закона противоречия. В этой логике этим смыслам придается разный вес. В основу такой логики Налимов предлагает положить формулу Байеса, известную в теории вероятности.

При этом Налимов утверждает, что подобная модель позволяет раскрывать природу мира через природу смыслов, т. е. утверждает близость его модели к представлениям Платона, а в более общем плане и диалектике в целом.

Таким образом, можно сказать, что Налимов связывает возможность математизации философии или какой-то ее части с приданием математике черт диалектики, например (а возможно и в первую очередь) таких как освобождение от необходимости законов исключенного третьего и противоречия.

Как уже отмечалось, на понятия «вероятность» в математике есть свои ограничения, поэтому в контексте сказанного актуальным будет вопрос о возможности иных способов развития математики с указанными свойствами.

Тем более что математика находится в непрерывном развитии, результатом которого становится расширение ее границ и разработка новых областей математического знания. Вместе с тем растут и возможности описания средствами математики различных объектов бытия. Важен как вопрос о механизмах развития самой математики, так и о сохранении математикой единства в результате этого развития.

Вопрос о поиске оснований математики, о необходимости рассмотрения различных направлений математики на единой математической основе стоит давно. В качестве таких оснований рассматривалась, в частности теория множеств (Бурбаки). Однако развитие математики вывело ее за рамки аксиоматической теории множеств, возникло новое направление – теория категорий. В настоящее время развивается новый взгляд на основания математики: унивалентные основания математики на основе гомотопической теории типов

(В. А. Воеводский). Поиск общих оснований математики актуален для развивающейся математики, тем более что потребности моделирования все более сложных объектов привели к появлению тезиса о необходимости «новой» или «другой» математики.

Можно отметить и то обстоятельство, что в развитии самой математики можно проследить диалектический характер развития ее понятий [2].

Выход математики в процессе ее развития за собственные границы подтверждается и самими математиками, в частности, рассуждая о том, что является предметом современной математической логики, Р. Голдблатт отмечает: «Аналогично те исследования структуры, которые относятся к так называемым “логикам”, уже вышли за пределы своих исходных основ (анализа принципов рассуждений)» [2].

А. Ф. Лосев характеризует учение Кантора о множествах как учение об эйдосе как схеме. Но это означает, что и сама математика может служить инструментом описания как схемного эйдоса, так и логосов других видов эйдоса, т. е. инструментом описания определенных уровней диалектики.

В «Философии имени» А. Ф. Лосев выделяет пять уровней эйдетической предметности. В этой иерархии уровней эйдоса математике отводится место эйдоса как схемы. Однако, А. Ф. Лосев предвидел развитие математики в сторону «освоения» более глубоких уровней эйдоса: «Морфе, или топос, отличается от схемы тем, что она принимает во внимание и *качество*, *топос* частей, слагающихся в целое... и недалеко то будущее, которое даст такую науку как необходимую часть науки о множествах или его применений к другим областям» [3].

И признаки такой науки в развивающейся математике уже налицо. К ней можно отнести любой раздел математики, в котором объектом множества является структура, т. е.: топологию, топологию гиперпространств, нестандартный анализ, теорию нечетких множеств, в которой число обретает вид функции принадлежности и т. д.

Но, как отмечает А. Ф. Лосев, каждый более простой уровень эйдоса функционирует на фоне эйдоса более фундаментального уровня и все уровни составляют единство. Из приведенного следует, что математика как относящаяся пусть к самому примитивному уровню эйдоса может служить средством описания логоса эйдоса любого уровня, поскольку логос относится к конструкции эйдоса и является схемным моментом в нем.

Это обстоятельство порождает потребность поиска в самой математике инструментов естественного генерирования различных видов формально-логического исчисления. Такой основой может служить обобщенный нестандартный анализ как раздел теории категорий и понятие оценки как объект этого анализа [4].

В классическом варианте математика есть средство описания форм логоса эйдоса. Для описания самих эйдосов разных уровней математика сама должна относиться к соответствующему уровню. Как уже было отмечено, элементы, соответствующие уровню эйдоса как топоса, уже прослеживаются в современной математике. Встает вопрос о возможности отнесения математики к более глубоким уровням, в частности к символическому.

Используя понятие «оценка» для анализа типов логического исчисления, можно проследить, как количественные изменения значений истинности и сопоставляемая им мера определяют качественный тип логики, зафиксированный в системе аксиом логического исчисления.

Метод обобщенного нестандартного анализа можно использовать при изучении типов формальной логики. Он позволяет рассматривать взаимосвязь между различными типами логики на основе исследования взаимосвязи порождающих их структур, на которых принимает значение оценка [4].

Дальнейшее развитие подходов к формированию неклассических типов формальной логики может быть связано с использованием теории категорий.

Список литературы

1. Налимов В. В. Как возможна математизация философии? // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. – 1991. – №5. – С. 7–18.
2. Гольдблатт Р. Топосы. Категорный анализ логики. – М.: «Мир» 1983. – 438 с.
3. Лосев А. Ф. Философия имени. – М.: Издательство Московского университета, 1990. – 269 с.
4. Титов А. В. Использование нефинитных методов в семантическом подходе к исследованию типов формальной логики // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2016. – Т. 2 (68). – №4. – С. 143–156.

Titov A. V. On the Use of the Language of Mathematical Structures in Philosophy and the Study of Types of Logical Calculus.

The problem of empowering mathematics as a language of description in various fields of knowledge, in particular philosophy, is considered. The dialectic aspect in the development of mathematics is investigated. The development of mathematics, its new sections and concepts allow us to expand the boundaries of its application. The possibility of further expanding the possible application of mathematics through the development of its concepts on the basis of category theory is considered.

Keywords: mathematization, model, probabilistic logic, dialectics, logos, eidos, category theory.

УДК:165.021+ 130.2

КРИТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИНТЕРНЕТ-МЕМА КАК ОДНОГО ИЗ СПОСОБОВ ТРАНСЛЯЦИИ СМЫСЛА В СОВРЕМЕННОЙ ТЕКСТОВОЙ КУЛЬТУРЕ¹

Титова П. С.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: Polina.titova.9@gmail.com*

Автор рассматривает интернет-мемы как один из основных способов трансляции смысла в современной культуре, а также указывает на проблему, связанную с интерпретацией подобного рода сообщений. Коммуникативный потенциал интернет-мема раскрывается в повседневной жизни человека, имеющего доступ к Всемирной сети, но встает вопрос о корректности интерпретации таких сообщений и их критического осмысления. Для того, чтобы оградить себя от ложной и ненужной информации, автором предлагается один из методов анализа интернет-мемов, который раскрывает основные аспекты создания и трансляции такого способа передачи информации и позволяет интерпретировать его критически с точки зрения концепта философской текстологии.

Ключевые слова: интернет-мем, формат текста, критическое мышление.

Интернет-мемы, в силу их противоречивого, неоднозначного и даже иногда провокационного характера, стали популярным объектом изучения с различных точек зрения. Они предполагают погружение в электронную текстовую коммуникацию, поскольку речь идет о распространении информации в определенной плоскости и определенным образом. Такой вид сообщения определяется как единица информации, которая получила популярность – как правило, спонтанно – в среде, обслуживаемой информационными технологиями. Его можно также рассматривать в качестве креолизованного текста, т. е. текста, в котором используется несколько каналов передачи информации (вербальный и визуальный).

Интернет-мем – достаточно широкое понятие, включающее видео-, аудио-информацию, это может быть текст, картинка и др., спонтанно распространяющееся в сети Интернет с помощью вирусных сообщений в социальных сетях. Мемы приобретают популярность и выходят за рамки интернет коммуникации на просторы реального общения, при этом пользователи социальных сетей прекрасно понимают друг друга.

¹Доклад подготовлен при поддержке Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, проект №ВГ-25/18 «Критическое мышление в контексте электронной текстовой культуры: проблемы и способы формирования»

Первый интернет-мем появился еще в 1996 году, когда вирусное видео производства LucasArts разошелся благодаря массовой спам-рассылке. Для нас же основной интерес составляет текстовый компонент мема, поскольку он несет основную смысловую нагрузку.

Основная цель нашего исследования – не просто исследование интернет-мема как способа трансляции смысла, но поиск методологии его критического осмысления. В этом случае мы обращаемся к концепту формата текста, который раскрывает обстоятельства порождения, коммуникативную ситуацию и цель сообщения. Помимо этого, дает возможность проследить три этапа реализации текста: написание, прочтение и комментирование, и, как следствие, выделить основные функции и характерные черты интернет-мема.

Местом распространения таких сообщений являются социальные сети, которых сегодня огромное количество. С их помощью происходит половина коммуникативных процессов современности, которые соответственно имеют свою сложную структуру и специфику. Одной из главных отличительных черт является анонимность и скрытность. Эти же обстоятельства влияют на процесс коммуникации и содержание сообщений.

Наиболее часто встречающейся формой интернет-мема является слияние рисунка/фото и текста, тогда сообщение получается наиболее информативным или полным. Качество информации, транслируемой за счет интернет-мемов, которое вызывает сомнение в большинстве случаев и требует проверки на достоверность и правдивость, возможно проверить с помощью правильных вопросов и ответов на них. Так мы приходим к необходимости применения критической установки, поскольку именно критическое мышление построено как вопросно-ответная система.

Продуцирование интернет-мемов имеет свои особенности на каждом из этапов. Во-первых, личность автора неизвестна (как и получателя), интернет сообщение распространяется с колоссальной скоростью за счет виртуальности пространства и вирусного характера и получатель сообщения также не имеет личности, автор обращается ко всем сразу.

Во-вторых, формат текста имеет особенные черты:

– вид: текст, написанный по отношению к изображению (над, под, поверх). Чаще всего используются определенные формулы, например, фото актера, выражающее некоторую эмоцию, и подпись к нему; изображение ребенка; рисунок. Формула включает в себя часть фразы будущего мема: «Ну давай, расскажи мне...», «Нельзя просто так взять и ...», «Мое лицо, когда...» и т. д.;

– цель, чаще всего, – выразить протест с помощью иронии, высмеять существующие социокультурные реалии, указать на абсурдность или неразумность современного общества и противоречивость моральных принципов социума; помимо этого существуют различные описательные/информирующие и другие мемы;

– целевая аудитория: пользователи социальной сети и/или всемирной сети Интернет;

Комментирование является одной из самых уникальных особенностей виртуальной коммуникации: оно происходит «здесь и сейчас», мы прочитываем его под каждым конкретным постом в интернет пространстве. Помимо этого, комментирование может выходить за морально-этические и правовые рамки, поскольку так же, как и авторство, может быть анонимным.

Интернет-мемы чаще всего выражают остроактуальные темы современного общества: политика, идеология, мораль и нравственность становятся тематикой для создания подобных сообщений.

Рассмотрим один из примеров, созданных по алгоритму, появившийся на просторах рунета в связи с процессом присоединения Крыма к России – и сразу ответим на вопросы формата:

– что? Изображение молодого Киану Ривза, который что-то подозревает. Его волосы взъерошены, взгляд удивленный, а рот открыт от шока. Кадр взят из фильма «Невероятные приключения Билла и Теда» 1989 года. Надпись гласит: «А что если не Россия присоединила к себе Крым, а Крым присоединил к себе Россию?» Фраза звучит как некая конспирологическая гипотеза;

– зачем? Выразить реакцию на политическое событие, будоражащее общественность, поделиться своим мнением относительно этого с другими пользователями Рунета;

– кому? Пользователи сети Интернет; ограничения нет, поскольку часто мемы переходят из одной социальной сети в другую, а также на различные сайты. Поскольку мем имеет вирусный характер распространения, то аудитория будет достаточно обширная;

Примерами подобного способа передачи информации могут стать мемы: фотография нового терминала аэропорта в г. Симферополь и подпись к ней: «Русские построили в Симферополе кривой аэропорт с просевшей крышей» (реакция на строительство и открытие нового терминала аэропорта Симферополя) или фотография В. В. Путина и М. Галустяна с текстом «Даже не думай!» как реакция на политическое событие в Украине, где в ходе президентских выборов победил В. Зеленский, украинский комик.

Несмотря на то, что интернет-мемы создаются при определенных условиях и по отношению к чему-то конкретному, в каждом из примеров, которые были описаны ранее, формат текста будет отличаться только по виду, цели и аудитория будут схожими.

Функции таких сообщений могут быть следующими: экспрессивная, демонстративная, суггестивная, эстетическая (реже).

Интернет-мем особенно распространен в современном обществе за счет использования сети Интернет, их насчитывается огромное множество, которое не перестает расти. И в современных реалиях просто необходимо их критическое осмысление, поскольку автор анонимный, его компетентность в тех или иных вопросах нам неизвестна. Таким образом, в социальные сети попадает огромное количество информации, которая может ввести в заблуждение адресата сообщения. В качестве методологии осмысления предлагается концепт формата текста, который предполагает ответы на вопросы, дающие возможность определить актуальность и достоверность информации, заложенной в сообщении.

Titova P. S. Critical Interpretation of the Internet Meme as One of the Way of Meaning Translating in Modern Text Culture

The author of the theses reveals the essence of the Internet meme, as one of the main ways of translating meaning in modern culture, and also points to the problem associated with the interpretation of such messages. The communicative potential of an Internet meme is revealed in the daily life of a person who has access to the World Wide Web, but there is arises the question about correctness of such messages interpretation and their critical comprehension. In order to protect ourselves from false and unnecessary information, the author proposes one of the methods of analyzing Internet memes, which reveals the main aspects of creating and transmitting such way of communication and allows interpreting it critically in terms of the concept of philosophical textology.

Keywords: Internet meme, text format, critical thinking.

УДК 37.012

ФОРМИРОВАНИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОГРАММЫ «ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ»¹

Чуприна О. С.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: Olynka201228@gmail.com*

В тезисах автор описывает проблему развития критического мышления у детей. Представлен краткий обзор существующих методов и стратегий развития навыков критического мышления, направленных на предотвращение формирования клипового мышления и адаптации таких образовательных программ на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: критическое мышление, философия для детей

¹ Доклад подготовлен при поддержке Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, проект №ВГ-25/18 «Критическое мышление в контексте электронной текстовой культуры: проблемы и способы формирования»

За последние десятилетия объем информации значительно увеличился. Информационные технологии прочно внедрились в жизнь современного человека, они используются во всех сферах деятельности. Появление средств массовой информации и процесс глобализации в целом повлекли за собой развитие клипового мышления, которое противопоставляется критическому. Проблема возникновения в обществе данного феномена стоит особо остро. Возникает вопрос: какие существуют программы и методики, направленные на борьбу с клиповым мышлением?

Американский философ М. Липман и его коллеги разработали программу «Философия для детей». Главной задачей программы является не только развитие навыков грамотного, последовательного, четкого и ясного мышления, но и облегчение ориентации в смысложизненных вопросах и помощь в формировании детей как разумных и ответственных граждан. Одним из главных принципов программы «Философия для детей» – учить детей философствовать, а не сообщать сведения о философии; видеть в философии инструмент для размышления о мире и ориентации в нем. Разработчики программы предлагают установку на «тесную связь с практикой, на ее возможную полезность в повседневной жизни» [2].

В программе «Философия для детей» возрождаются педагогические принципы, характерные для сократического метода обучения. Использование сократического метода формирует навыки критического мышления, способность самостоятельно мыслить, избавляясь от предрассудков и стереотипов. Г. В. Сорина в статье «Критическое мышление: история и современный статус» отмечает, что сократический метод формирует умение отстаивать свою позицию, обнаруживать ошибки, допущенные в рассуждении оппонентом, приводить аргументы в пользу адекватности используемого фрагмента знания [1]. Преимущество этого метода состоит не только в проблемной подаче материала, но и в демонстрации ребенку междисциплинарной связи школьных предметов, что способствует осмысленному восприятию школьной программы.

В России в настоящее время в рамках проекта «Философия для детей», осуществляющегося на базе Психологического Института РАО и Московского городского психолого-педагогического Университета, созданы и внедрены в образовательную среду программы «Воспитательный диалог» для старших школьников, автором которой является Телегин М. В., «Ромашка-Почемучка» для младших школьников, авторами которой являются А. А. Марголис, С. Д. Ковалев, М. В. Телегин, Е. А. Кондратьев и программа «Территория вечных ценностей», написанная для подростков. Весомый вклад в адаптацию программы «Философия для детей» внесли Н. С. Юлина и Л. Т. Ретюнских.

Современной отечественной педагогикой была разработана методика организации воспитательных диалогов с детьми старшего дошкольного возраста и младшего школьного возраста. Эта методика включает в себя чтение с детьми специально разработанных «стимульных» текстов (сказки, рассказы, басни, повести), в которых доступно выражена морально-нравственная проблематика. Далее дети с помощью взрослого обсуждают прочитанное, выделяют проблемы, пытаются их решить, выслушивают различные позиции, обмениваются мнениями, пытаются прийти к взаимопониманию. Экспериментальной базой для апробации образовательной программы «Философия для детей» послужил ряд московских школ на протяжении последних двадцати лет. Была проведена работа по подготовке квалифицированных кадров. Данный эксперимент дал положительные результаты. Главным результатом разработчики считают снижение уровня конфликтов в детском коллективе на основе межконфессиональной, социальной и межнациональной нетерпимости.

Для разработчиков культурным образцом воспитательно-мировоззренческого диалога послужили диалоги Сократа, так как именно они по своей цели и способу направлены на созидание личности человека, его социализацию и воспитание. Образовательная программа «Воспитательный диалог» является одной из первых в России, которая ориентирована на развитие мировоззренческих представлений, формирование логических, рефлексивных компонентов мышления у старших дошкольников. Автором программы является отечественный исследователь М. В. Телегин. В своей статье «Воспитательный диалог как

средство социализации детей старшего дошкольного и младшего школьного возрастов» пишет, что: «под воспитательным, мировоззренческим диалогом мы понимаем совместную деятельность, субъект-субъектное взаимодействие взрослых и детей, самих детей, по поводу постановки и создания вариантов преодоления важных для всех участников диалога мировоззренческих (моральных, нравственных, эстетических, этических, аксиологических, гносеологических, онтологических) проблем».

Н. С. Юлина в своей работе «Философия для детей: обучение навыкам разумного мышления» рассмотрела основные теоретико-педагогические принципы международной программы «Философия для детей», которую подготовили разработчики в Институте по развитию философии для детей. Программа создана с учетом новой образовательной идеи – развития критического мышления, которая акцентируется на развитие с помощью философского инструментария навыков логического, критического, четкого, последовательного мышления на протяжении всего периода обучения в школе.

Л. Т. Ретюнских ведет занятия по своей методике обучения философии детей на философском факультете МГУ, в Центральном Доме Работников Искусств (ЦДРИ) и МГДДЮТ, является организатором и руководителем семейного клуба «Школа Сократа» в Москве (ЦДРИ). Ретюнских убеждена, что «занятия философией надо начинать в раннем возрасте, а коли игра – это абсолютная реальность детства, то и философствовать можно при помощи игры. А в силу того, что игра не исчезает из нашей жизни и с уходом детства, а стремление к саморефлексии, поиску своего места в мире, осмыслению важных жизненных проблем еще не выработалось, то и в зрелом возрасте занятия философией в игровой форме весьма интересны и плодотворны».

Я полагаю, что образовательная программа «Философия для детей», будет способствовать развитию критического мышления у детей, формирования мировоззрения, успешной социализации и приобретению навыков эффективной коммуникации.

Список литературы

1. Сорина Г. В. Критическое мышление: история и современный статус // Вестник Московского университета. – Сер. 7. Философия. – 2003. – № 6. – С. 97–110.
2. Юлина Н. С. Философия для детей / РАН. Ин-т философии; Отв. ред., сост. Н. С. Юлина. – М., 1996. – 241 с.

Chuprina O. S. The Formation of Critical Thinking: The Methodological Potential of the Philosophy for Children Program

In the theses, the author describes the problem of critical thinking formation in childhood. There are presented a brief overview of existing methods and strategies for the development of critical thinking skills that are aimed at preventing the formation of clip thinking and the adaptation of such educational programs in the territory of the Russian Federation.

Keywords: critical thinking, philosophy for children

УДК: 165.021

ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АРГУМЕНТАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

Шапиро О. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: shapiro.olha@gmail.com*

Доклад посвящен исследованию неявных способов формирования критического мышления у студентов ВУЗов. Автор полагает, что 1) аргументативные паттерны перенимаются субъектом интуитивно, в результате подражания; 2) такое неявное обучение аргументации представляет собой перформативный потенциал

¹ Доклад подготовлен при поддержке Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, проект №ВГ-25/18 «Критическое мышление в контексте электронной текстовой культуры: проблемы и способы формирования»

аргументативной деятельности и 3) поэтому, создание соответствующей «аргументативной среды» в процессе обучения окажется эффективным способом формирования критического мышления у студентов.

Ключевые слова: критическое мышление, аргументативный паттерн, аргументативная структура, стиль мышления, перформатив, прагматика.

Критическое мышление сегодня рассматривается как одна из ключевых компетенций, которые призвано формировать высшее образование. Соответственно, представляют интерес методологические основания его формирования, понимание которых позволило бы в полной мере реализовать заявленную компетенцию УК-1 ФГОС 3++.

Мы можем условно разделить способы формирования критического мышления на две группы:

1) явные, представляющие собой целенаправленное влияние на когнитивную установку студента и обучение его отдельным навыкам критического мышления при помощи набора упражнений;

2) неявные, представляющие собой специфику интеллектуальной среды, в которую погружен студент как в стенах университета, так и за их пределами.

Специфика интеллектуальной среды проявляется в аргументативных структурах, используемых в разных сферах текстовой деятельности, и, как мне представляется, является более значимым фактором, нежели целенаправленное обучение навыкам критического мышления в ходе методологически выверенных, но достаточно коротких академических курсов.

А. А. Ивин называет аргументацию «прикладным мышлением» [1, С. 339]. Аргументативная деятельность, адресатом которой человек выступает с раннего детства, формирует как его когнитивные установки, так и паттерны обоснования и убеждения, лежащие в основе стиля мышления. Мышление и речь развиваются в тесной взаимосвязи, и, похоже, в их развитии задействованы сходные механизмы. Как речь формируется у ребенка в результате восприятия речи взрослого и попыток подражать ей, так и мышление формируется в результате понимания аргументации и попыток имитировать используемые значимым взрослым аргументативные структуры. Именно подражание оказывается доминирующим способом освоения аргументативных схем, эффективных в том или ином культурно-историческом контексте, и становится основой выработки привычных аргументативных паттернов субъекта когнитивной деятельности. И в этом смысле влияние среды продолжается в течение всей жизни субъекта – разве что в качестве «образцов для подражания» теперь выступает не родитель или школьный учитель, а референтная группа, в которую могут входить эксперты, популярные личности, друзья, пользователи социальных сетей и пр.

Таким образом, получается, что аргументация приводит к двоякому результату. С одной стороны, она убеждает – т. е. изменяет позицию субъекта, его отношение к определенным событиям или положениям. С другой стороны, она изменяет самого субъекта, формируя у него привычные способы обоснования собственной позиции и идентификации аргументации другого в качестве убедительной или нет. Изменение позиции адресата – т. е. достижение осознаваемой цели аргументации – мы можем исследовать с позиций логической прагматики и называть, соответственно, прагматическим результатом аргументации. Влияние же на аргументативные паттерны адресата аргументации мы будем называть перформативным потенциалом аргументативной деятельности.

Дж. Остин определяет перформативное высказывание как высказывание, которое «не просто говорит нечто, но делает нечто» [2, С. 264]. Аргументация представляет собой одно или несколько высказываний, которые и «говорят нечто» (т. е. обосновывают определенную позицию), и «делают нечто» (т. е. формируют аргументативные паттерны у своего адресата).

Аргументативным паттерном я называю фрагмент аргументативной структуры, регулярно повторяющийся в аргументативном поведении отдельного лица или целого сообщества. В качестве таких фрагментов могут выступать аргументативные схемы, виды лежащих в основе аргументации рассуждений, отдельные квазиаргументативные средства. Набор

аргументативных паттернов как раз и определяет стиль аргументации как отдельного субъекта, так и исторической эпохи.

Какие методологические выводы мы можем здесь сделать? Если аргументативные паттерны перенимаются субъектом аргументации интуитивно из воспринимаемых им аргументативных структур, то тип мышления, который формируется у студента, зависит от аргументативных схем, используемых преподавателем и авторам рекомендуемых студенту к прочтению текстов. Конечно, невозможно создать «тепличные» условия для неявного формирования критического мышления, создав искусственную информационную среду, содержащую только логически корректные аргументативные структуры. Однако вполне достижимой задачей является конструирование соответствующей обучающей среды в студенческой аудитории. При этом важна не только демонстрация аргументативной деятельности, соответствующей основным принципам критического мышления, но также и конструктивная обратная связь. Необходимо давать «позитивное подкрепление» в случае успешного использования студентом соответствующих аргументативных паттернов с целью их закрепления вплоть до формирования устойчивого навыка и доброжелательная критика в случае использования студентом аргументативных паттернов, базирующихся на догматической или клиповой установке.

Список литературы

1. Ивин А. А. Аргументация в процессах коммуникации. Pro et contra. – М.: Проспект, 2017. – 384 с.
2. Остин Дж. Перформативные высказывания // Остин Дж. Три способа пролить чернила. – СПб.: «Алетейя» : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – С. 262–281.

Shapiro O. A. Performative potential of argumentative activity

The report is devoted to the study of implicit ways of forming critical thinking among university students. The author states, that: 1) a subject adopts argumentative patterns intuitively by the imitation; 2) such implicit learning of argumentation is a performative potential of argumentative activity; and 3) therefore, creation of an appropriate argumentative environment in the studying process is an effective way of forming critical thinking among students.

Keywords: critical thinking, argumentative pattern, argumentative structure, thinking style, performative, pragmatics.

УДК 37.034

МОРАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЭТИЧЕСКИХ КОДЕКСАХ

Артемов Г. П.

*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: g_artemov@hotmail.com*

Доклад посвящен анализу обоснования норм поведения, включенных в этические кодексы представителей различных профессий. В качестве примера рассматриваются этические кодексы врачей, учителей и инженеров. В ходе изучения этих этических кодексов установлено, что для обоснования норм поведения в кодексе врачей используются основные принципы этики долга, в кодексе учителей – принципы этики добродетелей, а в кодексе инженеров – принципы этики пользы. Выбор одного из способов обоснования норм поведения обусловлен спецификой социальных функций профессиональных групп.

Ключевые слова: профессиональные этические кодексы, моральная рефлексия, ценностное обоснование норм профессионального поведения.

Моральная рефлексия рассматривается в докладе как процесс осмысления значимости норм поведения, содержащихся в профессиональном этическом кодексе. Это осмысление включает обоснование составителями кодекса норм поведения с точки зрения нравственных ценностей, имеющих значение для определенного профессионального сообщества.

В качестве примера рассматриваются варианты обоснования норм поведения, содержащиеся в этических кодексах различных профессий¹.

В международном кодексе медицинской этики приводятся следующие позитивные предписания, регулирующие поведение врачей: «Врач всегда должен помнить об обязанности уважать человеческую жизнь»; «Врач должен действовать в интересах пациента при оказании медицинской помощи»; «Врач должен оказывать неотложную помощь в качестве гуманитарной обязанности» и др. К негативным предписаниям относятся: «Врач не должен допускать, чтобы на его суждения влияла личная выгода или несправедливая дискриминация»; «Врач не должен получать никаких финансовых льгот или других стимулов» и др. Обоснование этих требований можно найти в «Женевской Декларации (международной клятве врачей)», согласно которой врач «не позволит соображениям возраста, болезни или инвалидности, вероисповедания, этнического происхождения, пола, национальности, политической принадлежности, расы, сексуальной ориентации, социального положения или любому другому фактору мешать выполнению его долга перед пациентом». В этой клятве отчетливо утверждается, что смысл деятельности врача заключается в выполнении его профессионального долга перед больными людьми – восстановлении их здоровья вне зависимости от их социальной принадлежности и их персональных особенностей. В данном случае для обоснования норм поведения используются принципы этики долга.

В этическом кодексе учителей штата Нью-Йорк утверждается, что к основным ценностям данной профессии относятся: «развитие интеллектуального, физического, эмоционального и социального потенциала каждого ученика», создание «равных возможностей для проявления и совершенствования способностей всех учеников». Для реализации этих целей учитель должен: «уважать достоинство каждого ученика», «обеспечивать условия для демонстрации его способностей», «быть образцом для подражания, демонстрируя ученикам привычки, необходимые для развития и применения знаний». Учитель может успешно выполнять свои профессиональные задачи только на основе «сотрудничества с другими учителями и родителями в интересах обучения всех детей». Этот кодекс представляет собой «публичное заявление педагогов», поэтому в нем содержится изложение «общепринятого набора

¹ В докладе анализируются кодексы врачей, учителей и инженеров, размещенные в коллекции Центра изучения этики профессий Иллинойского технологического института. URL: <http://ethics.iit.edu/ecodes/>

принципов» педагогической деятельности, а не перечень того, что «должен» и чего «не должен» делать учитель. Деятельность учителей направлена на формирование у детей положительных качеств, необходимых им для успешной социализации и самореализации. В данном случае для обоснования норм поведения используются принципы этики добродетелей.

Кодекс этики инженеров представляет собой третий вид обоснования норм профессионального поведения. В нем, как и в этическом кодексе врачей, содержится подробный перечень позитивных и негативных предписаний. Здесь говорится о том, что инженеры должны: «руководствоваться во всех своих отношениях самыми высокими стандартами честности и добросовестности», «быть «объективными и правдивыми в профессиональных отчетах, заявлениях или показаниях» и др. В то же время в кодексе отмечено, что инженеры не должны: «помогать или поощрять незаконную практику проектирования», «продвигать свои собственные интересы в ущерб достоинству и целостности профессии» и др. В качестве обоснования этих требований можно рассматривать утверждение о том, что «инжиниринг оказывает непосредственное и важное влияние на качество жизни всех людей», что работа инженеров имеет «первостепенное значение для безопасности, здоровья и благосостояния населения». Это обоснование норм поведения соответствует принципам этики пользы. Инженеры должны или не должны совершать определенные действия из-за того, что последствия этих действий оказывают благоприятное или неблагоприятное воздействие на условия жизни людей.

На основе сравнительного анализа текстов профессиональных этических кодексов, можно сделать вывод о том, что способы обоснования норм поведения учителей, врачей и инженеров обусловлены спецификой социальной роли этих профессиональных групп. От деятельности врачей зависит сама жизнь людей, от учителей зависит успех каждого человека в этой жизни, а от инженеров – качество жизни.

Artemov G. P. Moral Reflection in Professional Ethical Codes

The report is devoted to the analysis of the behavior' norms substantiation included in the ethical codes of various professions. As an example, ethical codes of doctors, teachers and engineers are considered. In the course of studying these ethical codes it was established that the basic principles of ethics of duty are used to substantiate the norms of behavior in the doctors' code, the principles of ethics of virtues are in the code of teachers, and the principles of ethics of benefits are in the code of engineers. The choice of one of the methods of behavior' norms substantiating is due to the specificity of the social functions of professional groups. Keywords: professional ethical codes, moral reflection, value justification for the norms of professional behavior

Keywords: professional ethical codes, moral reflection, value justification for the norms of professional behavior

УДК: 614.253

ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЭВТАНАЗИИ

Близнеков В. Л.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация
E-mail: vbлизнеkov@gmail.com*

В докладе анализируются этические и правовые аспекты одной из самых актуальных проблем современной биоэтики – проблемы эвтаназии. Особое внимание уделяется отличию российских нормативно-правовых актов и этических кодексов медицинских работников в отношении эвтаназии от соответствующих актов и документов некоторых западных стран. В докладе рассматривается проблема нравственной и юридической коллизии легализации эвтаназии с концептом ценности человеческой жизни и правом человека на жизнь.

Ключевые слова: эвтаназия, прикладная этика, право, медицина, права человека

Во многих странах современной западной цивилизации в настоящее время имеет место перманентная либерализация отношения общества и государства к феномену эвтаназии, который на протяжении многих сотен лет являлся в Европе абсолютным этическим и правовым табу. Данный процесс либерализации характеризуется как общественным консенсусом в отношении нравственной допустимости эвтаназии, так и юридической легализацией разных видов медицинской практики прекращения жизни. В частности, пассивная добровольная и пассивная недобровольная эвтаназия на Западе уже практически не являются социальной проблемой. Дискуссии ведутся об этической приемлемости так называемой «социальной эвтаназии», когда право на принятие решение о прекращении жизни предоставляется не самому человеку, а обществу, в том числе родственникам пациента или медицинским работникам.

В Российской Федерации существует однозначный этический и правовой запрет на практику всех видов эвтаназии. Данный запрет эксплицитно выражен во многих этических и профессиональных кодексах медицинских работников, в частности в «Клятве российского врача» и «Этическом кодексе российского врача». Право на жизнь закреплено в Российской Конституции. Эвтаназия запрещена 45-й статьей закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» № 323-ФЗ. Уголовный Кодекс РФ квалифицирует эвтаназию как убийство по мотивам сострадания. Тем не менее, в России, как показывают современные социологические опросы, среди молодых врачей и студентов медицинских вузов наблюдается тенденция к либерализации эвтаназии.

Сложно рассчитывать на то, что эвтаназия как одна из важнейших проблем современной прикладной этики найдет приемлемое для всех решение. В то же время в отношении защиты права человека на жизнь должен применяться этический и правовой принцип справедливости. В качестве современной этической проблемы в обществе должен быть поставлен вопрос: нравственно ли прерывать жизнь даже безнадежно больного человека, не противоречит ли идея эвтаназии самой сути медицинской профессии? С правовой точки зрения должна быть проанализирована коллизия права человека на жизнь (как одного из важнейших основных прав человека) и возможности выработки правовой процедуры осуществления эвтаназии. Как ограничить практику ее применения с учетом возможности всякого рода злоупотреблений и манипуляций волей тяжелобольного пациента? Проблема эвтаназии отражает актуальность взаимоотношения современной прикладной этики и юридических практик.

Bliznekov V. L. Ethical and Legal Aspects of the Problem of Euthanasia

The report analyzes the ethical and legal aspects of one of the most pressing problems of modern bioethics – the problem of euthanasia. Special attention is paid to the difference between Russian regulatory legal acts and ethical codes of medical workers in relation to euthanasia from the relevant acts and documents of some Western countries. In the report is considered the problem of moral and legal conflict of legalization of euthanasia with the concept of the value of human life and the human right to life.

Keywords: euthanasia, applied ethics, law, medicine, human rights

УДК 17

В ПОИСКАХ НРАВСТВЕННОГО СМЫСЛА: ЭТИКА VERSUS НРАВСТВЕННЫЙ РАССУДОК

Воеводин А. П.

Луганск

В современной этике отсутствует единство в понимании сущности морали. Основной причиной разногласий являются методологические проблемы ее рационально-теоретической рефлексии, вплоть до отрицания самой возможности ее исследования средствами эпистемологической рациональности. Причину тотальной

разочарованности в теоретическом опыте изучения морали, вероятно, следует искать в неадекватности базальных теоретических представлений – как о самом предмете исследования, так и о способах его рациональной репрезентации в нравственном сознании. Этика и мораль существуют раздельно, этика нацелена на безучастное знание, поэтому ценностно-смысловое, непосредственно-чувственное содержание нравственного образа не поддается логической экспликации средствами этического дискурса. Адекватной формой рациональности в морали является нравственный рассудок, объединяющий и скрепляющий все экзистенциальные формы нравственного сознания.

Ключевые слова: этика, нравственный рассудок, нравственный образ, нравственный смысл.

1. По общему признанию современная этика испытывает значительные теоретические трудности в интерпретации морали и логической экспликации нравственных норм. Вслед за Шотландской школой философии Дж. Мур, Л. Витгенштейн, А. Макинтайр неоднократно заявляли о проблематичности логического истолкования морали и неопределенности, если не сказать фактической бессмысленности, этических оценочных суждений. О беспомощности теоретической и профессиональной этики в объяснении современного нравственного состояния общества и ее очевидной неспособности оказывать влияние на саму мораль свидетельствуют неутраченные дискуссии о сущности морали в отечественной философии и невероятный разбой во взглядах на саму мораль. Этика и мораль сосуществуют раздельно, как бы в разных теоретических и ценностных мирах, не испытывая особого влияния друг на друга. Этика, преимущественно, описывает внешние культурные проявления морали, ее исторические взаимодействия с другими сферами социальной жизни и не может непротиворечиво объяснить сущностные отличия смыслового содержания нравственных образов и поступков от гносеологических, политических, религиозных, эстетических и прочих образов. Настаивая на якобы всеобщности морали, этика, по сути, растворяет ее среди других форм социальной деятельности. К тому же, определяя мораль как способ нормативного регулирования поведения людей, философская этика не в состоянии объяснить специфику конкретных норм морали, их отличие от правовых, грамматических, религиозных, диетических и прочих норм, поскольку не может точно сформулировать ни сам предмет морального сознания, ни специфику моральной регуляции.

2. Методологические причины несоответствия философской этики содержательному исследованию морали неоднократно обозначались в теоретических дискуссиях. Это панрационализм и антропоцентризм – сведение всего богатства ментальных человеческих проявлений в морали к рационально калькулируемому субъективному выбору, и, как следствие, оправдание эгоистического своеволия индивидуализма и неспособность непротиворечиво объяснить роль нравственных чувств в морали. О неадекватности теоретической этики в сфере морали рассуждал Аристотель. По его мнению, мораль нуждается в особом типе мышления и рациональности, отличном от *theoria* и *techne*, а именно во *fronesis* (рассудительности), который связан с целеполаганием, непосредственно влияет на активную деятельность людей. Такой способ рационального мышления он определяет как «практическую мудрость», которая греками почиталась как одна из основных добродетелей. По типу знания теоретическая *episteme* направлена на познание всеобщего мирового строя вещей и представляет собой предельно обобщенную родо-видовую схему устройства мира, отстраненно-универсальное и внеконтекстуально-сущностное знание. Тогда как *techne* представляет собой рецептурно-технологические схемы целесообразных способов изменения и производства вещей, касается внешне ориентированной практически-целесообразной деятельности, где предметы труда существуют независимо от создателя. *Fronesis* же, как собственно *гуманитарный* тип мышления, появляется вместе с саморефлексией, со способностью индивида осознавать социально-нравственный смысл своего поведения, направлен на руководство социальными поступками (*praxis*) самого индивида, является непосредственным способом его нравственного, в том числе и чувственного, самосознания. Применительно к морали *fronesis* или, в нашем понимании, *нравственный рассудок* – это такая специфическая форма рациональности, где знание не может предшествовать непосредственному опыту, а есть знанием индивидом себя, осмыслением своих собственных

чувственных состояний. Именно поэтому, в отличие от демонстративного научного, он обладает непосредственной убедительностью, поскольку находит себя согласующимся с самим собой, с чувственным опытом собственной деятельности и восприятия мира. Такое знание не может служить средством (руководством к действию) для получения нового знания. Оно строится по правилам, которые применимы только для него самого. Это знание особого рода. Оно удивительным образом охватывает и цель, и средство, отличаясь в этом смысле от знания рецептурно-технологического и отвлеченно-эпистемологического, ибо эмпирически-непосредственное (чувственное) состояние субъекта, которое разум категоризирует, является для него одновременно и средством вхождения в субъективно-значимый мир смыслов культуры, и конечной целью моральной рефлексии. В рассудительности то, что называют мышлением, волей, рефлексией выступает одновременно и средством и целью, наблюдает все оттенки собственного самочувствия и, тем самым, служит развитию самого себя посредством развития наблюдаемого и категоризируемого им же собственного чувственного состояния. Синкретически объединяя и созерцающий себя разум, и непрерывную оценку, и креативный посыл, и чувственную волю, рассудительность является самодостаточной и неостановимой движущей силой собственного развития. Здесь объект и субъект, причина и следствие неразличимы, все время меняются местами, «оборачиваются».

3. Объяснение нравственных событий в инструментарии теоретического (*theoria, episteme*) или технократического (*techne*) мышления совершенно бессмысленно, поскольку такое объяснение безучастно движется по внешней, предметно-сюжетной стороне события и *не затрагивает собственно нравственные смыслы человеческих поступков* – это все равно, что поверять алгеброй гармонию или объяснять данный текст особенностями бумаги, знаков, краски, печатающего устройства. Теоретико-эпистемологические понятия и принципы организации отвлеченного мышления настолько безразличны к конкретному содержанию нравственных коллизий, что самоуверенно-безапелляционные попытки их применения к анализу непосредственной нравственной практики всегда были безуспешными, и в реальной практике народом никогда не одобрялись. Нравственное содержание мышления, как, впрочем, и сама мораль, не существует где-то отдельно, как внешний самостоятельный предмет, вне самого рассуждающего на темы морали человека и поэтому к нему неприменимы привычные дистантные объект-субъектные отношения теоретической эпистемологии или нормативно-технологические рецепты технократического мышления. В отличие от безучастной теоретической этики нравственный рассудок является непосредственным способом рефлексии чувственно постигаемого смысла нравственных образов, типологические формы которых фиксируются в традиционных категориях. В силу этого используемые категории необходимо рассматривать как артикулирование типических смыслов непосредственно переживаемых ценностей или моральных чувственных состояний. Таким образом, структура суждения нравственного рассудка представляет собой суждение о себе, о своем чувственном состоянии по поводу поступков (интересов) других людей.

Voevodin A. P. In Search of Moral Meaning: Ethics Versus Moral Reason

In modern ethics there is no unity in understanding the essence of morality. The main reason for the disagreement is the methodological problems of its rational-theoretical reflection, up to the denial of the possibility of its study by means of epistemological rationality. The reason for the total disillusionment with the theoretical experience of the study of morality is probably to be found in the inadequacy of the basal theoretical ideas, both about the subject of the study and about the ways of its rational representation in the moral consciousness. Ethics and morality exist separately, ethics is aimed at indifferent knowledge, so the value-semantic, directly sensual content of the moral image cannot be logically explicated by means of ethical discourse. An adequate form of rationality in morality is moral reason, which unites and binds all existential forms of moral consciousness.

Keywords: ethics, moral reason, moral image, moral sense.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ (ТЕЗИСЫ К ВОЗМОЖНОМУ МАНИФЕСТУ)

Габриелян О. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: gabroleg@mail.ru

Рассматриваются перспективы классической практической философии в связи с новыми современными фундаментальными вызовами. Меняется не только ее предметная область, но и методология, а также возникает потребность в новых аксиологических практиках, позволяющих человеку преодолевать свою неуверенность в быстроменяющемся мире. Все это распространяется на все виды человеческой деятельности, в то числе и на науку.

Ключевые слова: практическая философия, гуманистика, техника, этика

1. Стало общим местом, что практическая философия включает в себя такие разделы философии как этику, эстетику, социальную философию, философию права. Но, как и всякая активно развивающаяся область знания, она претендует на большее, и в ближайшей перспективе мы увидим результаты этих притязаний. Об этом догадывался И. Кант, когда в «Антропологии с прагматической точки зрения» писал: «Выражения *знать жизнь* и *уметь жить* по своему значению далеко не одинаковы: первое означает *понимать* игру, свидетелем которой был человек, второе – *участвовать* в этой игре» [1, С. 352.]. Это замечание автора «Критики практического разума» не только примечательно, но и принципиально, так как, несмотря на его филигранное мастерство философской рефлексии и теоретизирования, он старается быть максимально актуальным для практической жизни. Именно поэтому практический разум он связывает с этической проблематикой человеческого существования. Ему удалось связать внутренние теоретические проблемы философии (обоснование ее принципов, методов, категорий и понятий) с вызовами времени, привлечь свое учение к решению актуальных, почти повседневных проблем. В истории философии это не всегда удавалось, и она в определенных условиях скатывалась к софистике и схоластике, то есть выветриванию из философии актуальных проблем человеческого существования в природной и социальной среде. Именно с этим мы столкнулись на рубеже веков.

2. Вызовы XXI века оказались не только глобальными, но и фундаментальными. Со всей остротой встали вопросы о человеческом сознании, об изменении природы социальности в связи с ошеломляющими перспективами искусственного интеллекта, с возможными изменениями природы самого человека и даже эволюционной смены его другим разумным существом. Скорость изменений в природных и социальных сферах стала настолько высокой, что превышает возможность адаптации человека к ним. Мы видим, как меняется наше сознание. Оно приобретает новые качества, становится клиповым. Человек оказывается в состоянии растерянности перед калейдоскопом серьезных вызовов. Очевидно, что открывается новая перспектива перед философией как рациональным осмыслением происходящих процессов, единственной возможностью найти взаимосогласованные ответы в теории и мировоззрении, как условиях практической деятельности. В связи с этим с полным основанием можно утверждать, что «золотой век» философии остался не в прошлом, а он наступает, так как требуют ответа обозначенные выше вопросы. Причем это только некоторые из критически важных вопросов современности. Их перечень можно множить. Каким будет новый экономический уклад в связи с тем, что капитализм как экономическая форма взаимодействия людей в обществе себя исчерпал (И. Валлерстайн и др.)? Каким будет мировой порядок в среднесрочной перспективе в виду того, что логика «права сильного» ведет к реальной возможности «случайного» уничтожения человечества? Культурные трансформации происходят с таким ускорением, что собственно культурными они не успевают становиться, что ведет к полному стиранию границ культуры. Чем тогда она становится?

3. Ответы на эти вопросы безусловно лежат в области философской рефлексии и новой методологии. Первая должна предложить новые смыслы, «схватив» их в духе времени, а вторая – предложить новые когнитивные инструменты. Отмеченные смыслы и методология сформируют иную парадигму человеческого существования, в том числе и научную парадигму, которая была бы способна уравновесить технику гуманистикой. Необходим некий принцип их суперпозиции. Причем принципиальное значение будет заключаться в том, что статус этого принципа будет столь же фундаментален и не элиминируем, как статус наблюдателя в квантовой теории.

4. На подобного рода утверждения приходится слышать возражение, что современная наука в своем текущем развитии демонстрирует полное безразличие к философии как некоему софистическому знанию. Примеры из истории самой науки, в которой фундаментальные прорывы происходили при смене парадигмы мало убедительны для «инженеров» от науки, то есть тех, кто осуществляет ее в почти закрытых специализированных сообществах в рамках нормальной науки, устоявшейся парадигмы. Но даже среди таких ученых уже встречаются персоналии, которые осознают перспективную роль философии. Так, известный специалист по Искусственному Интеллекту Тоби Уолш в своей книге «2062: время машин» вынужден выйти за пределы обсуждения технических проблем и обсуждать проблемы этические. «Однако я предполагаю, что золотой век философии только начинается. Следующие несколько десятилетий будут продуктивным периодом в философии, так как перед нами стоит множество этических проблем, требующих разрешения. Учитывая исполнительность компьютеров, нам необходимо будет четко сформулировать собственные ценности, чтобы доверить ИИ принятие решений, способных на нас повлиять. К 2062 году каждой крупной компании понадобится главный философский директор (Chief philosophical officer)... Он будет помогать компании решать, каким образом должен вести себя ИИ» [2, С. 202–203]. Рассуждения несколько философски наивные, но, тем не менее, фиксируют определенные тенденции и потребности, оторвавшейся от гуманитарного знания и вырвавшейся значительно вперед технологии.

5. Активное обсуждение НБИКС-технологий показывает, что знание становится конвергентным, более взаимообусловленным, чем мы могли предполагать. Более того, наука как абсолютно объективированное знание оказалась такой же идеализацией, как и самодостаточная в своем обосновании математика. Из того же ряда завышенных ожиданий было убеждение, что «наука сама себе философия». Со временем они проходили, и исследователи приходили к выводу, что научное знание все же остается человеческим, и к НБИК- технологии (нано-, био-, информационным, когнитивным) надо добавить социальные технологии. А в этом случае, тем более, без философии не обойтись. И на первый план по актуальности выступает практическая философия с новыми задачами:

- существенным расширением проблемного поля исследования за счет включения в него новых сфер человеческой жизнедеятельности;
- выработкой эффективных методологических инструментов;
- внедрением в жизнь практики аксиологической терапии.

Список литературы

1. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения в шести томах. – М., «Мысль», 1966. – Т. 6. С. 350–588.
2. Уолш Т. 2062: время машин. – М.: изд-во АСТ, 2019. – 320 с.

Gabrielyan O.A. Prospects for Practical Philosophy (Theses for a Possible Manifesto)

Prospects of classical practical philosophy in connection with new modern fundamental challenges are considered. Not only its subject area is changing, but also the methodology, and there is a need for new axiological practices that allow a person to overcome his uncertainty in a rapidly changing world. All this applies to all human activities, including science.

Keywords: practical philosophy, humanities, technology, ethics

РЕГУЛЯТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МОРАЛИ

Грачева М. В.

*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: magra_piter@mail.ru*

Доклад посвящен теоретическим аспектам проблемы анализа, регуляции и санкционирования поля общественной морали с помощью неправовых механизмов – таких, как этические кодексы и этическая экспертиза.

Ключевые слова: общественная мораль, философия морали, этические кодексы, этическая экспертиза, индивидуальная мораль.

В настоящее время необходимость глубокого изучения феномена общественной морали во многом обусловлена спецификой современного мира. В современном обществе под влиянием информационного пространства стираются границы индивидуального и общественного. Актуальность изучения общественной морали обусловлена также развитием прикладной этики.

Исследование морали невозможно без разделения и соотнесения общественной и индивидуальной сфер. Несмотря на сугубо личное восприятие каждым человеком тех или иных моральных норм, нельзя игнорировать практики постоянного взаимодействия индивида с социумом. Будучи частью современного информационного общества, человек перманентно находится в поле социального взаимодействия. В связи с широким использованием Интернета (особенно социальных сетей) происходит смешение общественного и личного. В связи с переизбытком информации и включенности виртуального Интернет-пространства в поле реального, все труднее становится разобраться, где заканчиваются границы общественного, и начинается пространство индивидуального.

Определение «общественной морали» в современном обществе, несмотря на популярность и актуальность употребления термина, остается весьма размытым.

Одной из первых попыток дать развернутое определение этому понятию стала дискуссия об общественной морали, состоявшаяся в 2006 году. Тем не менее, сам термин «общественная мораль» употреблялся гораздо раньше. Например, О. Г. Дробницкий почти полвека назад пишет о ней следующее: «Общественная мораль сводится к более простым, нежели нравственность, социальным нормам – обычаям, традициям, в которых личностное начало оказывается стертым, а индивидуальная мораль трактуется как нечто только субъективное, “внутреннее”» [1, С. 103].

В 2006 году Р. Г. Апресян начал дискуссию о важности изучения этого понятия в рамках этики. Необходимость изучения феномена общественной морали он видит в отсутствии должного внимания всей предыдущей философской мысли к нему как к отдельному, самостоятельному явлению. В предыдущей традиции моральная философия, с точки зрения автора, рассматривалась преимущественно на уровне личности, а не общества, хотя именно в рамках социума мораль становится моралью. То есть, мораль была фактически выведена за рамки социального. В общественной сфере ее роль целиком и полностью взяли правовые методы регулирования. «Мораль, если она не сводилась к любезности и порядочности, мыслилась лишь как сфера личного, сокровенного самоопределения личности» [2].

Кроме трудностей терминологического определения «общественной морали» и определения ее специфики в соотношении с индивидуальной моралью, важным вопросом является выявление и анализ ее регулятивов.

В сфере индивидуального в качестве регуляторов мораль выступает совесть, внутренние установки и ценности индивида, в общественной сфере – система заданных социумом норм и моральных правил. Система наказаний в области общественной морали присутствует, но сводится обычно к реакциям общественного мнения, к порицанию. Здесь санкции зачастую плохо структурированы и неофициальны. Способствует нужному структурированию регулятивов общественной морали создание этических кодексов и этические экспертизы.

Кодексы включают в себя свод правил и норм, а также последствий их нарушения, что, по сути, является официальным общественным одобрением или порицанием. Этическая экспертиза, однако, согласимся с А. Ю. Согомоновым, «чрезвычайно мягка по меркам нашего сегодняшнего мира. Она не предлагает санкций, не наказывает и не штрафует, не накладывает общественного вето. Ничего не табуирует, не настраивает национальные сообщества (как, впрочем, и глобальный мир) ни “за”, ни “против” тех или иных актуально принятых (устоявшихся / инновационных) общественных практик. Она подвергает их научному анализу» [3, С. 33].

Таким образом, этическая экспертиза пока является лишь вспомогательным (относительно этических кодексов) регулирующим механизмом области общественной морали. И все же, в отличие от кодексов, она имеет одно существенное преимущество. Создание этического комитета в той или иной сфере деятельности, способного провести этическую экспертизу, позволяет проводить анализ тех ситуаций, на которые кодекс не может дать однозначного ответа.

Список литературы

1. Дробницкий О. Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. – М.: Издательство «Наука», 1974. – 388 с.
2. Апресян Р. Г. Понятие общественной морали (опыт концептуализации) // Вопросы философии. – 2006. – № 5. – С. 3–17
3. Согомонов А. Ю. Два вектора этической экспертизы в современном мире // Прикладная этика: экспертный потенциал. Ведомости прикладной этики. Вып. 41 // под ред. В. И. Бакштановского, В. В. Новоселова. – Тюмень : НИИ ПЭ, 2012. – С. 30–39,

Gracheva M. V. Regulatory Mechanisms in Public Morality

The report is devoted to the theoretical substantiation of the problem of analyzing, regulating and sanctioning the field of public morality through non-legal mechanisms, such as ethical codes and ethical expertise.

Keywords: public morality, philosophy of morality, ethical codes, ethical expertise, individual morality.

УДК 174.4

БИОЭТИКА КАК СФЕРА КОНФЛИКТА ЭТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ НОРМ

Гришечкина Н. В.

Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского, г. Саратов, Российская Федерация

E-mail: natalja_grishechkina@rambler.ru

Автор обращается к проблеме конфликта норм и ценностей в пространстве биоэтики. Анализирует возможности биоэтики в поиске компромиссов между нормативным дискурсом науки и аксиологическими ориентациями современного общества.

Ключевые слова: биоэтика, этические нормы, правовые нормы, конфликт морали и права.

Современный этап развития общества характеризуется обострением сложнейших моральных и антропологических проблем, порождаемых развитием биомедицинских технологий. Впервые проблемы, связанные с развитием биомедицинских технологий и внедрением их в практику здравоохранения, остро встали перед обществом во второй половине 20 века. Результатом сотрудничества медицины и социально-гуманитарных наук в процессе решения возникающих проблем стало возникновение биоэтики как науки и социального института. В качестве науки биоэтика является междисциплинарным исследованием философских, антропологических, социальных, медицинских и юридических проблем, связанных с развитием новых биомедицинских технологий и их внедрением в практику здравоохранения. Биоэтика как социальный институт представлена специальными

организациями – этическими комитетами, реализующими на практике ее основные нормы и принципы, а также этическими комиссиями при научно-исследовательских институтах и общественными биоэтическими организациями. Биоэтика стала новым этапом развития классической этики в целом и медицинской этики в частности. Он характеризуется, с одной стороны, синтезом наук для выработки норм и правил поведения, а, с другой, – формированием новых принципов, основным из которых является принцип автономии личности, то есть признания приоритета права пациента на принятие решения. «Партисипация» как активное участие пациентов в принятии решений, касающихся собственного здоровья, является атрибутом проекта персонализированной медицины.

Биоэтика стала реакцией на стремительный научно-технический прогресс, свободный от каких-либо ограничений. Последние достижения в области трансплантологии и генной инженерии, новых репродуктивных технологий, клонирования животных и т. д. не только заострили, но и поставили перед человеком принципиально новые моральные проблемы, которые уже нельзя решать с точки зрения классических этических норм и принципов. Новая социальная реальность в пространстве медицины, формируемая в результате развития новых биомедицинских технологий, оказалась нерегулируемой традиционными принципами классической этики. Постоянно возникающие биоэтические дилеммы требуют поиска новых решений – как для жизненного пространства отдельного человека, так и для социального пространства в целом. Редуцирование поиска решения к одной из этих сфер связано с новыми противоречиями, основным из которых является противоречие между нормами и ценностями в пространстве самой биоэтики.

Развитие инновационных биомедицинских технологий трансформировало содержание таких категорий как жизнь, смерть, здоровье, болезнь, повлекло неоднозначность их оценок. Это произошло, прежде всего, вследствие смещения акцентов с области макросоциального на уровень микросоциального. Размытие границ между данными уровнями и стало фактором риска подмены ценностей в пространстве биоэтики, нарушения ценностной детерминации биоэтических норм. Изменению подверглась также и экспертная деятельность: она приобретает все более персонализированный характер, обретает форму гражданской экспертизы.

Примером еще одной проекции данной проблемы является социально-политическая реакция на меморандум Комиссии РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований «О лженаучности гомеопатии» от 7 февраля 2017 года. В нем было заявлено, что гомеопатические методы диагностики и лечения следует квалифицировать как лженаучные, так как отсутствуют убедительные экспериментальные подтверждения их эффективности. Последовавшие судебные разбирательства представителей гомеопатии и РАН, результаты и последствия которых пока далеко не очевидны, демонстрируют потенциальную конфликтность отношений нормативного пространства науки и ценностной сферы общества.

Задача биоэтики – выступать квалифицированным арбитром в решении конфликтных ситуаций, помочь поиску компромиссных решений, выполнить экспертизу ценностной детерминации биоэтических норм. Проблема заключается в том, что философское осмысление многих биоэтических дилемм зачастую отсутствует. Биоэтика как мировоззрение и методология решения этических дилемм в сфере медицины способна выполнять свою роль лишь при наличии надежных философских оснований, твердого аксиологического базиса.

Grishechkina N. V. Bioethics as Sphere of the Conflict the Ethical and Law Norms

The author consider a problem of the conflict of norms and values in sphere of bioethics. The possibilities of bioethics are analysed in search of compromises between a standard scientific discourse and axiological orientation of modern society.

Keywords: bioethics, ethical standards, norms of law, conflict of morals and law

УДК 174.7

ЭТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И РЕАЛИЗАЦИЯ ДОВЕРИЯ В ТРЕБОВАНИЯХ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫХ К АДВОКАТУ

Заякина Р. А.

Новосибирский государственный университет экономики и управления (НИИХ), г. Новосибирск, Российская Федерация

E-mail: raisa_varyina@mail.ru

В работе исследуется роль этической категории «доверие» в реализации профессиональной деятельности адвоката. Определяются основания, на которых строятся отношения между адвокатом и доверителем в тексте Кодекса профессиональной этики адвоката, раскрывается значение адвокатской тайны как инструмента, обеспечивающего доверие между сторонами.

Ключевые слова: доверие, адвокатская тайна, профессиональная этика

Этическая категория «доверие» является важным условием функционирования современного общества, являясь фундаментом для долгосрочного сотрудничества, взаимопонимания и согласия, сплоченности и солидарности в достижении общезначимых целей. В конечном счете, доверие есть необходимое свойство коммуникативного пространства, в котором люди постоянно взаимодействуют друг с другом. В истории этической мысли доверие традиционно трактовалось через понятие веры (Сократ, Аристотель, Платон, Августин Блаженный, П. Абеляр, Ф. Аквинский, Д. Локк, Г. Лейбниц, Д. Юм, И. Кант, Г. Гегель, В. Соловьев, И. Ильин и др.). Сегодня исследователи доверия акцентируют внимание на его рациональной стороне, подчеркивая способность обсуждаемого феномена выступать механизмом преодоления ситуации риска в условиях информационной неопределенности (дефицита). Иными словами, доверие вызывает интерес как характеристика устойчивого социального порядка в глобализирующемся мире (Э. Гидденс, Дж. Коулмен, Н. Луман, А. Селигмен, Ф. Фукуяма, П. Штомпка). Таким образом, на авансцену выходит надындивидуальная природа доверия, когда оно не только характеризует личность, но и представляется эффективным ресурсом действия в рамках общества.

Как категория морали, доверие коррелирует с такими понятиями как ответственность, добросовестность, честность. Кроме того, доверие выступает сегодня в качестве своеобразного маркера репутации. Для юриста доверие составляет базис его репутации, поэтому общество и делегирует ему определенные полномочия в осуществлении власти от имени закона. Естественно, на плечи этих людей ложится обязанность действовать беспристрастно, объективно, полностью подчиняя профессиональную деятельность правовому регулированию. Доверие выступает краеугольным камнем профессиональной этики адвоката, ведь он призван отстаивать интересы своего клиента всеми не запрещенными законом способами, и так же, как судья или прокурор, является полноправным служителем в Храме Правосудия. Этика профессии требует неукоснительного соблюдения высочайших нравственных требований, предъявляемых адвокату доверителем, обществом, государством.

Сам термин «доверитель», вводимый отечественным законодателем для обозначения лица, которому оказывается квалифицированная профессиональная юридическая помощь, подчеркивает, что доверие последнего адвокату выступает необходимым условием взаимодействия сторон. Именно доверие клиента обеспечивает адвокату свободу выбора средств и методов, с помощью которых выстраивается защита и, в конечном счете, позволяет ему не являться «слугой» доверителя, сохранять самостоятельность в выборе правовой позиции. Ни при каких обстоятельствах адвокат не может принимать поручения от лица, обратившегося к нему за оказанием помощи, если оно имеет заведомо незаконный характер.

Помимо того, что адвокат не является «слугой» клиента, он ему и не «судья» и не «голос совести», а исключительно и только – его помощник и защитник. Доверитель должен иметь полную уверенность в том, что не получит осуждения, упреков, критики или нелестных замечаний в свой адрес от защитника – порой единственного человека, кто представляет его интересы. Должен он быть уверен и в том, что любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи не будут преданы огласке. «Доверия к адвокату не может

быть без уверенности в сохранении профессиональной тайны. Профессиональная тайна адвоката (адвокатская тайна) обеспечивает иммунитет доверителя, предоставленный последнему Конституцией Российской Федерации» – гласит Кодекс профессиональной этики адвоката [1, С. 121].

Отметим, что сохранение профессиональной тайны всегда занимало особое место среди нравственных требований к юристу. Это требование распространяется на всех без исключения юристов, независимо от их специализации. Конфиденциальность, что буквально, на латинском, и означает доверие (*confidentia*), является условием успешного осуществления профессиональной деятельности юриста-практика. Санкционированное разглашение информации возможно только в особых случаях, когда таковое требуется по закону, необходимо для предотвращения преступления или может быть оправдано защитой юриста от обвинений в противозаконных действиях. Адвокатская тайна гарантирована Кодексом его профессиональной этики. Ее составляют все доказательства и документы, собранные адвокатом в ходе подготовки к делу, сведения, полученные адвокатом от доверителей, информация о доверителе, ставшая известной адвокату в процессе оказания юридической помощи, содержание данных правовых советов. Даже сам факт обращения к адвокату и условия, на которых оказывается помощь и все адвокатское производство по делу. У нее нет срока давности, даже факт смерти доверителя не освобождает адвоката от хранения тайны.

Разглашение тайны запрещено, за исключением освобождения от хранения самим доверителем, подзащитным. Адвокат обязуется не только хранить, но и оберегать конфиденциальную информацию от посягательств третьих лиц. Кроме того, адвокат обязан воздержаться от консультирования нового клиента, если это потенциально способно создать угрозу нарушения конфиденциальности сведений, полученных от прежнего доверителя. Соблюдение перечисленных правил очень важно, так как исключает сомнения со стороны доверителя (подзащитного) в честности и добросовестности адвоката [2]. Нарушение адвокатом адвокатской тайны всегда считалось серьезным нарушением, влекущим применение мер дисциплинарной ответственности, вплоть до прекращения профессиональной деятельности.

Заслуженный юрист Российской Федерации, единственный в России адвокат, награжденный за профессиональную деятельность орденом Почета, золотой медалью имени Ф. Н. Плевако и множеством боевых наград за подвиги в Великой Отечественной Войне, человек, именем которого названа звезда в созвездии Козерога Семен Львович Ария однажды сказал: «Адвокат <...> должен обнадеживать своим присутствием в обществе» [3, С. 51]. Именно надежду и дарит человеку присутствие защитника, которому можно всецело довериться.

Список литературы

1. Кодекс профессиональной этики адвоката от 31.01.2003 (ред. от 20.04.2017) // Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. – 2017. – № 2 (57). – С. 120–139.
2. Скрипник О. Б. Этика взаимоотношений: адвокат – доверитель // Мораль и догма юриста: профессиональная юридическая этика. Сб. науч. ст. – М.: Эксмо, 2008. – С. 352–370.
3. Ария С. Л. Мир спасет доброта: о нравственных началах адвокатской деятельности // Российская юстиция. – 1996. – № 2. – С. 49–51.

Zayakina R. A. Ethical nature and implementation of trust in the professional requirements for a lawyer

The paper examines the role of trust in the professional activity of a lawyer. The author analyzes foundations of the relationship between the lawyer and the client determined in the Lawyers' Code of Professional Ethics. Furthermore, the author reveals the meaning of the legal professional privilege providing confidence between lawyers and their clients.

Keywords: trust, legal professional privilege, professional ethics

ЭТИКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ СМЫСЛ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

Кацанова И. А.

Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: katsanova@gmail.com

В статье рассматривается социальный статус дискурса, а также проблема современного философского дискурса через призму прав и обязанностей участников коммуникативных отношений.

Ключевые слова: дискурс, диалог, коммуникация, сотрудничество, философия права, мораль, право.

Характер современных социальных отношений принуждает человека к непрерывному общению, постоянному контакту его с другими. Условия коммуникации при этом могут быть разнообразными: от обыденного разговора или спора – до профессиональной дискуссии. В социальной практике диалог выступает в качестве непременной составляющей речевого общения и, чаще всего организуется совместной деятельностью людей, в том числе, интеллектуальной. В современных реалиях множественности картин мира и пестроты индивидуальностей, их среды и жизненного опыта, порождающих различные формы мировоззрений, эристике¹ соответствует полемический диалог [2, С. 98]. Его главным выразительным средством является установка на поиск компромисса. Тогда, как считал К. Поппер, «общий язык разума следует использовать, так сказать, без шифров, использовать, прежде всего, как средство рациональной коммуникации» [3, С. 37]. Практическим аспектом рациональной коммуникации становится не столько столкновение мнений каждого из участников спора (когда каждый стремится к победе своей точки зрения), сколько желание, аргументируя свои суждения, обосновать и отстоять свою позицию для выработки в перспективе концептуального консенсуса. Сегодня дискуссию, в которой фиксируются точки зрения по обсуждаемым проблемам и далее предпринимаются попытки выработать решение для достижения согласия, справедливо относят к наиболее сильным в познавательном отношении формам диалога [2, С. 97–98].

Люди в ситуации коммуникации используют язык, который устанавливает определенный порядок, который тот или иной человек принимает как непременное условие его социальной жизни. Но она не исчерпывается этим порядком, потому что представляет собой интересубъективный мир, который человек разделяет с другими людьми, существуя в постоянном взаимодействии и общении с ними. Поэтому при анализе дискурсивного пространства необходимо учитывать не только то, что формирование условий дискурса зависит от выбора языковых средств, стиля общения, обусловленности речевых высказываний, распространяющихся на уровне повелительной идентичности того, кто совершает что-либо в качестве агента действия. Следует учитывать также то первостепенное обстоятельство, что в беседу вовлечены, прежде всего, сами участники дискурса. Именно на это обратил особое внимание П. Рикер, утверждая, что участники дискурса способны не только обозначить самих себя в качестве субъектов общения, но еще и назвать себя в качестве «я». Диалогическое образование Я-сам, или, как предпочитает говорить философ, самость (*ipséité*), противопоставляется им простой тождественности (*mêmeté*), являющейся разновидностью «идентичности, которая соотносится лишь с собой» [4, С. 15].

Философ, обобщая в работе «Я-сам как другой» теорию речевых актов (от Остина до Серла) [5, С. 60–65] обращает внимание на то, что в классических формах эта теория, с одной стороны, ограничена теорией высказывания, а с другой – практически не распространяется на самого говорящего. Рикер поставил проблему *институционального опосредования*, которое располагается на уровне не просто межличностных отношений, а на уровне социальных отношений. В процессе коммуникации людей происходит «признание другого как равного

¹ В античности спор ради победы называли эристикой, в отличие от диалектики – поиска знаний и истины

мне», но «уже в терминах прав и обязанностей» [4, С. 35]. Социальный статус дискурса институтируется идентичностью самого говорящего, способного не только вести беседу, но и нести полную ответственность за то, о чем он говорит. Тот, кто способен обозначить самого себя в качестве автора собственных высказываний, согласно Рикеру, безусловно, сможет ответить и на вопрос «кто говорит?», а, следовательно, обозначить себя в качестве автора своих поступков.

Все условия практики дискурса, обозначенные Рикером, имеют существенное значение не столько для формирования представления об условиях межличностных отношений в рамках дискурса, сколько для установления онтологического статуса институциональных отношений и обоснования интересубъективного характера ответственности. Человек, возлагая на себя ответственность за сказанное, практически выходит за рамки индивидуального и морального действия и, по сути, попадает в пограничную ситуацию – *между* моралью и правом. Полезность рикеровского истолкования понятия «пограничная ситуация» состоит в том, что оно определяется не только дискурсивным планом, но и социальным – смыслом жизни индивида в обществе. В его теории справедливости самость в поиске своей идентичности формируется только через систему отношений, разнообразных межличностных обменов, где, собственно, и получает смысл понятие «Я-сам», в отличие, например, от моральной рефлексии кантовской автономной личности, обретающей первую опору своего морального статуса, свою автономию, самостоятельно, *вне* диалогической структуры.

В отличие от И. Канта, Рикер стремился исследовать не просто морально совершенствующуюся личность, а в большей мере акцентировал внимание на социальном статусе современного человека, который в практике повседневной жизни, включается в общественные отношения, характер которых не всегда соответствует простому диалогу между Я и Ты. Привычные формы нормативности, воспринимаемые человеком с позиции моральной философии, или принципа «должного», не раскрывают до конца смысл социальных отношений. Рикеровское понятие «Я-сам» перерастает границы самости человека и становится принципом его жизни – «Я-сам как Другой». Заслуга мыслителя состоит именно в том, что через понятие «Я-сам как Другой» он показал, как человек становится полноценной личностью, уважающей себя.

В современном социальном пространстве человеку, разумеется, недостаточно самостоятельной рефлексии над жизнью, как это было, например, в античной Греции, когда условия жизни человека, его жизненный выбор, определялись «философским образом жизни» и «философским дискурсом». Практика аттического симпозиума не противопоставляла и не разделяла «философский дискурс как нечто в известном смысле внешнее по отношению к философии» [1, С. 19–20] и саму философию «как образ жизни» античного человека. Для современного человека самовыражение и полная реализация всех его человеческих потенций признаются реальной ценностью. Однако именно сегодня, в ситуации, когда добрые нравы уходят в прошлое, и перестают быть субстанциальными, возникает необходимость именно в *философском* оправдании универсальных ценностей жизни. Для современного человека возникает необходимость создать такие условия для рациональной коммуникации, когда аргументированный диалог, обогащаясь новыми знаниями и смыслами, выступал бы в качестве разработки «логических и этических принципов» [2, С. 98] *сотрудничества* в самых разных сферах жизни.

Список литературы

1. Адо П. Что такое античная философия? – М., 1999. – 320 с.
2. Герасимова И. А. Введение в теорию и практику аргументации. – М., 2007. – 312 с.
3. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. – М., 1992. – 528 с.
4. Рикер П. Справедливое. – М.: ГНОЗИС♦ЛОГОС, 2005. – 304 с.
5. Рикер П. Я-сам как другой. – М.: 2008. – 413 с.

Katsapova I. A. Ethical and Legal Meaning of Modern Philosophical Discourse

The article deals with the social status of discourse, as well as the problem of contemporary philosophical discourse through the prism of the rights and obligations of participants in communication relationships.

Keywords: discourse, dialogue, communication, cooperation, philosophy of law, morality, law.

УДК 174

ФИЛОСОФСКАЯ ЭТИКА В КОРПОРАТИВНОМ ЭТИЧЕСКОМ КОДЕКСЕ¹

Ларионов И. Ю.

*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: i.larionov@spbu.ru*

Важнейшим инструментом, обеспечивающим базу для принятия решений в ситуации ценностных конфликтов в современной этике бизнеса, выступает этический кодекс компании. Классические этические теории (деонтология, утилитаризм и т. п.) остаются важной концептуальной рамкой для создания текстов таких кодексов. Обращение к таким теориям позволяет избежать неопределенности, казуистики, а также упрощения нормативного и ценностного контекста. Задача доклада – выделить особенности использования этических теорий в текстах корпоративных этических кодексов, а также определить причины тенденции к упрощению данных теорий в этике бизнеса.

Ключевые слова: этика бизнеса, корпоративный этический кодекс, деонтология, утилитаризм, ценностный плюрализм

Ситуация ценностного выбора возникает перед каждым человеком и в каждом обществе, а бизнес – органический элемент общества. Развитая в крупных компаниях политика корпоративной социальной ответственности как часть общей организационной культуры подразумевает принятие решений, желательных с точки зрения целей и ценностей общества и соответствующих не только экономическим, но правовым и этическим ожиданиям. Конфликты ценностей особую трудность представляют в условиях современности, т. к. современное общество мультикультурно, допускает сосуществование различных стандартов жизни. Сложные ценностные коллизии часто возникают в условиях неопределенности с участием разных заинтересованных сторон. В условиях современного бизнеса, отличающегося динамичностью и неопределенностью, сотрудникам трудно принимать корректные решения, не имея надежной базы для их принятия. Важнейшим инструментом, обеспечивающим подобную базу, выступает этический кодекс компании.

Большинство авторов как общих обзоров и пособий по деловой этике, так и специальных работ о структуре этических кодексов коммерческих организаций, опираются на деонтологию и утилитаризм, рассматривая их как две основные этические теории. Могут использоваться иные наименования этой пары: например, «деонтология» – «универсализм» («кантианство»); «утилитаризм» – «консеквенциализм», («телеология»). Для сторонников деонтологического подхода в деловой этике важен набор правил, в соответствии с которым следует принимать решения. Утилитаристский же подход предполагает оценку возможных последствий, увеличения или уменьшения блага.

Помимо деонтологии и утилитаризма в моделях принятия корпоративных решений используются также этика прав и справедливости и этика добродетели.

Использование в этике бизнеса классических этических теорий позволяет избежать неопределенности, казуистики, а также упрощения нормативного и ценностного контекста (так блокируются, например, простые ссылки на достаточность следования традициям, или нормам права).

¹ Грант РФФИ 19-011-00234 «Моральная нормативность в профессиональных этических кодексах в условиях формирования цифрового общества»

Можно выделить следующие особенности использования этических теорий в формулировках корпоративных этических кодексов, а также в этике бизнеса вообще:

– Исследователи превращают упрощенные версии данных теорий в перечни принципов [1, С. 126, 160, 222].

– Основные положения данных теорий используются в качестве взаимодополнительных. Формулировки норм, взятых из разных учений, хорошо прослеживается в списке принципов этического менеджмента [2; 3]. Есть и другие примеры [4].

Причины, по которым этические теории берутся в прямой и простой дополнительной, без учета их существенных концептуальных различий, состоят в следующем. Во-первых, методологические установки современных менеджеров и теоретиков корпоративной социальной ответственности, круг проблем, с которыми они сталкиваются, и сам образ их мыслей не предполагают решения сложных теоретических вопросов, так что применение абстрактных этических норм в практической деятельности выступает, скорее, как инструментальная, техническая задача. Во-вторых, плюрализм в ценностной сфере, присущий современному обществу, дополняется методологическим плюрализмом. Например, согласно Р. Рорти, «можно перестать относиться к Канту и Миллю как к могучим соперникам, предлагающим несовместимые моральные теории, и начать смотреть на них как на социальных инженеров, выполняющих разную работу на разных участках» [5. Р. 375].

Список литературы

1. Де Джордж Р. Т. Деловая этика. в 2 т. Т. 1. – СПб., 2001. – 496 с.
2. Hosmer L. R. T. The Ethics of Management. McGraw-Hill/Irwin, 2007. 186 p.
3. Hosmer L. R. T. Why be Moral? A Different Rationale for Managers // Business Ethics Quarterly, Vol. 4, April, 1994
4. Nash L. L. Ethics Without the Sermon // W. M. Hoffman and J. M. Moore (eds.), Business Ethics (McGraw Hill, New York), 1990, P. 79–90
5. Rorty R. Is philosophy relevant to applied ethics? // Business Ethics Quarterly. Vol. 16, №3, 2006.

Larionov I. Yu. Philosophical Ethics in the Corporate Ethics Code

Corporate codes of ethics are the most important tools that provide the basis for decision-making in a situation of value conflicts in business. The classical ethical theories (as deontology, utilitarianism, etc.) remain an important conceptual framework for creating texts of such codes. Following these theories helps to avoid uncertainty, casuistry, as well as the simplification of the normative and value problems. The purpose of the report is to highlight the features of the use of ethical theories in the texts of corporate ethical codes, as well as to determine the sources of simplifying these theories in business ethics.

Keywords: business ethics, corporate code of ethics, deontology, utilitarianism, value pluralism

УДК 174.4

К ВОПРОСУ О СОПРЯЖЕННОСТИ НОРМЫ И МОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ СООТНЕСЕНИЯ «КОДЕКСА ЭТИКИ И СЛУЖЕБНОГО ПОВЕДЕНИЯ РАБОТНИКОВ ТНЦ СО РАН» И ИСТОРИИ КАФЕДРЫ ФИЛОСОФИИ ТНЦ СО РАН

Минченко Т. П.

*Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Российская Федерация
E-mail: mtp70@mail.ru*

Статья посвящена анализу текста «Кодекса этики и служебного поведения работников ТНЦ СО РАН» в сопоставлении с «Типовым кодексом этики и служебного поведения государственных служащих РФ и муниципальных служащих», с некоторыми этико-правовыми вопросами в истории кафедры философии ТНЦ СО РАН.

Ключевые слова: Кодекс этики, ТНЦ СО РАН, кафедра философии

Одной из причин принятия Этических кодексов является то, что действующее законодательство, регламентирующее права и обязанности конкретных специалистов, не может охватить все нюансы их профессиональной деятельности.

Профессиональная или корпоративная этика возможна при условии наличия сообщества. Академическая этика является формой профессиональной этики, принятой в научной и университетской среде, и затрагивающей все ее заинтересованные стороны, включая исследователей, преподавателей и студентов, администраторов и вспомогательный персонал, а в ряде случаев – и выпускников [1].

Представители конкретных специальностей лучше разбираются в своих проблемах, соответственно, логичным было бы приглашать их для разработки корпоративных правил.

Однако, «Кодекс этики и служебного поведения работников ТНЦ СО РАН» (далее – Кодекс) был разработан по инициативе не коллектива научных работников, а руководства ТНЦ СО РАН. Он составлен юристом совместно с управлением кадров и утвержден Распоряжением Президиума ТНЦ СО РАН от 08.12.2014. Кафедра философии, научные сообщества институтов в создании Кодекса не участвовали. Он, соответственно, представляет собой скорее формальный документ, чем отражающий действительные значимые реалии этики академического сообщества.

Как указано в Кодексе, он разработан на основе юридических документов: «в соответствии с положениями Конституции РФ, ФЗ «О противодействии коррупции», ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» и т. п., Устава ТНЦ СО РАН» [2]. Есть также ссылка на «общепризнанные нравственные принципы и нормы российского общества и государства», которые, однако, не конкретизированы. Следует отметить, что в настоящее время определить «общепризнанные нравственные принципы» крайне сложно.

Структурно Кодекс состоит из 4-х разделов: 1. Общие положения; 2. Основные принципы и правила служебного поведения работников ТНЦ СО РАН; 3. Рекомендательные этические правила служебного поведения сотрудников ТНЦ СО РАН; 4. Ответственность за нарушение положений Кодекса.

Структура и стиль Кодекса практически дословно повторяют «Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих российской федерации и муниципальных служащих» за исключением нескольких пунктов второго раздела. Вместо «Типовой кодекс этики ...» поставлено «Кодекс этики ...ТНЦ СО РАН», вместо «Государственные (муниципальные) служащие» указано «Работники ТНЦ СО РАН». Далее выделены основные цели, для которых создавалась кафедра философии в ТНЦ СО РАН, основные характеристики этических взаимоотношений на кафедре, а также со слушателями и академическим сообществом институтов.

Кафедра философии и кафедра иностранных языков ТНЦ СО РАН были основаны в 80-х годах XX века для проведения занятий с аспирантами и приема кандидатских экзаменов, а также для проведения научных исследований. Реальной работой преподавателей кафедр совместно со слушателями курсов и научными сотрудниками институтов ТНЦ сформирован уникальный опыт. Сложилась эффективная методика подготовки кадров высшей квалификации и совместных научных проектов, включающая высокие этические стандарты.

Актуальные вопросы философии науки, а также этические стандарты поведения ученого обсуждались на регулярных научных семинарах, организованных кафедрой философии для ученых академических институтов. Научное сообщество, несмотря на отсутствие формальных кодексов этики, использовало действенные механизмы урегулирования противоречий в сфере профессиональной этики.

Итогом «рейдерского захвата» кафедры философии «организованной группой молодых профессоров» из ТГУ при активном давлении на руководство ТНЦ со стороны руководства Института философии и права СО РАН стало кардинальное изменение мировоззренческих и практических приоритетов. Процесс начался с процедуры занятия должности заведующего кафедрой, сопровождавшийся многочисленными нарушениями, затем нарушений порядка проведения конкурсов на замещение преподавательских должностей в 2012-2014 годах. В

результате произошла замена всех штатных работников кафедры работниками-совместителями по третьему или четвертому месту работы – «друзьями по научному бизнесу» [3]. Члены нового состава кафедры уничтожили сложившиеся в течение более двух десятилетий традиции честности, открытости, коллегиального обсуждения, взаимного уважения и доверия.

Многочисленные правовые нарушения, оформленные «законсообразно» юристом ТНЦ СО РАН, сопровождаемые нарушениями академической этики в рамках практики назначения научно-педагогических работников без участия научного сообщества, привели к ликвидации кафедры философии ТНЦ СО РАН, поскольку отделы по подготовке аспирантов в институтах не посчитали возможным заключать договора и сотрудничать с «мертвыми душами». Кроме того, по поручению прокуратуры следственные органы начали проводить проверку нецелевого расходования бюджетных средств на преподавателей кафедры в отсутствие работы.

Процесс уничтожения кафедры философии ТНЦ СО РАН совпал с принятием вышеуказанного Кодекса.

В подразделениях РАН, в российских университетах наметилась тенденция разработки детализованных кодексов академической этики, что, вероятно, соответствует глобальным тенденциям. Однако поспешное и исходящее от администрации внедрение этих кодексов, без учета сложившихся этических практик и понимания того, что только принятые к действию самим научным сообществом этические нормы станут работать, приводит к тому, что эти кодексы остаются декларациями, имитирующими движение к формированию якобы «более морального» сообщества. Некоторые положения рассматриваемого Кодекса могут быть даже использованы для привлечения к дисциплинарной ответственности тех работников, которые публично выступают против морально-правовых нарушений и коррупции. Данная ситуация иллюстрирует проникновение в академическую среду криминального сознания, противоположного этическим нормам [4].

Формальное принятие Этических кодексов для академических центров без участия научного сообщества превращается в симулякр, не оказывает влияния на улучшение моральной атмосферы коллектива и, как показывает пример уничтожения кафедры философии ТНЦ СО РАН, может сопровождаться процессами, прямо противоположными духу профессиональной этики.

Список литературы

1. Окна академического роста. Этика современного ученого. URL: <https://okna.hse.ru/news/191793418.html> (Дата обращения: 13.06.2019)
2. Кодекс этики и служебного поведения работников ТНЦ СО РАН» п. 1. URL: www.tsc.ru/files/ru/companu/doc/kodeks-etika.pdf (Дата обращения: 13.06.2019)
3. Минченко Т. П. К вопросу о тенденциях изменений в законодательстве о конкурсном отборе научно-педагогических работников в контексте современных глобальных процессов (на примере ТНЦ СО РАН) // Основные тенденции и перспективы развития современного права: Материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Ф. М. Рудинского, 19 апреля 2018 года. – М., 2018. – С. 271–276.
4. Минченко Т. П. Преодоление влияния криминальной субкультуры на научное сообщество в эпоху постсекулярности // Вестник МГПУ. Серия Юридические науки. – 2015. – № 3. – С. 63–72.

Minchenko T. P. On the Question of Mates of Norms and Moral Behavior on the Example of Correlating “The Code of Ethics and Official Behavior of Employees of the TSC SB RAS” and the History of the Philosophy Department of the TSC SB RAS

The paper is devoted to the analysis of the text of the “Code of ethics and official conduct of employees of the TSC of the SB RAS” in comparison with the “Model code of ethics and official conduct of civil servants of the Russian Federation and municipal employees”, with some ethical and legal issues in the history of the Philosophy Department of the TSC SB RAS

Keywords: Code of Ethics, TSC SB RAS, Department of Philosophy

ЭТОС И ЭТИЧЕСКИЕ КОДЕКСЫ: ПРОБЛЕМЫ СООТНЕСЕНИЯ

Фахрутдинова А. З.

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Новосибирск, Российская Федерация
E-mail: faamina@yandex.ru

Профессиональные кодексы появляются в рамках развития профессиональной этики, их нормы задают вектор движения к идеалу. Рассматриваются проблемы формирования и трансформации профессиональных кодексов, действенности их норм. Важный фактор действенности норм – суть и глубина этических коллизий, существующих в той или иной профессии, противоречия между реальными или идеальными профессиональными нормами и нормами общечеловеческой морали. Представляется, что чем сильнее эти противоречия, тем менее эффективны нормы кодексов. Другой важный фактор, влияющий на действенность норм и их адекватную трансформацию – существование обратной связи, позволяющей корректировать нормы кодексов.

Ключевые слова. Профессиональная этика, профессиональные кодексы, нормы морали и профессиональные этически нормы.

Проблема соотношения этических кодексов и реальных норм поведения восходит к глубинным философским проблемам, связанных со стремлением к идеалу и недостижимостью этого идеала. Все религиозные нормы, начиная с законов Ману и принципов Будды Шакьямуни, формулируют нравственный идеал, который существенно расходится с реальным этосом, но задает вектор движения к идеалу.

Аналогичную роль играют и профессиональные кодексы. Профессиональные кодексы появляются в рамках профессиональной этики

Первый профессиональный кодекс, дошедший до нашего времени – клятва Гиппократата. Сформулированные в «Клятве» правила врачебной этики оказали большое влияние на все последующие времена; по образцу ее составлялись факультетские обещания, которые произносили доктора медицины при получении степени в Парижском университете и еще недавно у нас, в дореволюционной России.

Интересно, что многие положения Кодекса профессиональной этики врача Российской Федерации, принятого Первым национальным съездом врачей Российской Федерации в г. Москва, 5 октября 2012 г. повторяют по сути положения этого древнейшего кодекса.

Профессиональная этика, как и этика вообще, не разрабатывается кем-то специально, а формируется постепенно в процессе повседневной совместной деятельности людей. Профессиональная этика систематизирует накопленный в процессе исторической практики опыт, характерный для данного вида деятельности, обобщает его и совершенствует по мере совершенствования данного вида деятельности. Вместе с тем кодексы разрабатываются и фиксируются текстами отдельных авторов (или группой авторов). В них более или менее точно эсплицируются нравственные требования, существующие в профессиональном этосе.

Данное различие ставит вопрос об адекватности «записанных» норм применительно к реальной профессиональной деятельности. Ведь от этого зависит действенность кодексов. Проблемы, интересные для нашего исследования – это механизмы формирования и трансформации кодексов, их действенности.

Важный фактор действенности кодекса – глубина и острота этических коллизий, существующих в той или иной профессии. Прежде всего, речь идет о противоречии между реальными или идеальными профессиональными нормами и нормами общечеловеческой морали. Представляется, что чем сильнее эти противоречия, тем сложнее движение к идеалу, т. е. тем менее эффективны нормы кодексов.

Так, кодекс этики предпринимателя, принятый в России еще в 2012 г. содержит следующие принципы. «Будь честен и правдив. Честность и правдивость – фундамент предпринимательства, предпосылка здоровой прибыли и гармоничных отношений в делах». «Будь верен своему слову. Деловой человек должен быть верен своему слову. «Единожды солгавший, кто тебе поверит». Успех в деле, бесспорно, во многом зависит от того, в какой степени окружающие тебе доверяют. Но, конечно, действенность этих норм подвергается

существенной коррозии из-за коллизии с основной установкой бизнеса на получение максимальной прибыли. Противостоять данной коррозии могла бы сильная традиция, но, увы, в нашей стране она была прервана.

Еще большее напряжение существует в сфере военной этики. Деятельность военного зачастую вступает в противоречие с шестой заповедью декалога «не убий». В случае с этикой военнослужащего напряжение между общечеловеческой нормой и реальным этосом не приводит к коррозии профессиональных норм. Здесь вступают в действие ряд мощных факторов. Санкцию на нарушение запрета дает государство и, зачастую, церковь. Вспомним благословение Сергием Радонежским Дмитрия Донского перед Куликовской битвой. Кроме того, существенно то, что традиция военной деятельности не прерывалась.

Другой важный фактор, влияющий на действенность норм и их адекватную трансформацию – существование обратных связей, позволяющей корректировать нормы кодексов. Для норм профессиональной этики в науке эти обратные институциональные связи осуществляют комитеты по этике в науке и новых технологиях, комитеты по биоэтике. Для журналистики – Общественная коллегия по жалобам на прессу, для кодекса государственных и муниципальных служащих – комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов, этический аудит. От эффективности и неформального характера деятельности этих институтов зависит действенность норм профессиональных кодексов и их своевременная корректировка.

Fahrutdinova A. S. Ethos and Ethical Codes: Problems of Correlation

Professional codes appear in the framework of the development of professional ethics, its norms set the vector of movement to the ideal. Problems of formation and transformation of professional codes, efficiency of their norms are considered. An important factor in the effectiveness of norms is the essence and depth of ethical conflicts that exist in a particular profession, the contradiction between real or ideal professional norms and norms of universal morality. It seems that the stronger these contradictions are, the less effective are the norms of the codes. Another important factor affecting the effectiveness of norms and their adequate transformation is the existence of feedback that allows to adjust the norms of codes.

Keywords: Professional ethics, professional codes, standards of morality and professional ethics

УДК 101.1, 165.0, 165.5

ФИЛОСОФИЯ И УПРАВЛЕНИЕ НАУКОЙ

Аргамакова А. А.

*Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: argamakova@gmail.com*

Анализируется практический потенциал эпистемологии и философии науки в отношении их способности оказывать влияние на организацию научных исследований и управление научными практиками. Философия и наука осмысляются как практическое предприятие, направленное на преобразование общества и человека. Опыт исследований в контексте социальной эпистемологии и STS говорит о релевантности эпистемологических изысканий для выработки научной политики и поиска оптимальных способов утилизации научных идей для общественных и индивидуальных целей человека.

Ключевые слова: метафилософия, практическая философия, контекст приложения знания, управление наукой, социальная эпистемология, СТС.

После публикации «Структуры научных революций» (1962) Томаса Куна социально-эпистемологическая проблематика в полный голос заявляет себя в философском дискурсе, вливаясь в более широкое русло социальных исследований науки и технологий. Философская программа, внутри которой выкристаллизовалась стандартная концепция науки, акцентирует изучение контекста обоснования знания. Смена ориентиров сопровождается ослаблением или вовсе снятием ограничений на психологизм и социологизм в эпистемологии. Обращение к контексту открытия и развития знания дополняется переоткрытием контекста приложения научных идей.

Являясь преимущественно теоретическим предприятием, философия кажется самоценной и не имеющей практических обязательств. Впрочем, факты говорят о том, что философия может быть практической. Традиционно к ориентированным на практику философским дисциплинам относят этику, эстетику, аксиологию. Поскольку выделить сейчас отдельные прикладные области оказывается достаточно сложно, целесообразнее продемонстрировать наличие практического модуса для многочисленных направлений исследований философа [1].

Философское мышление Нового времени делегирует онтологическую проблематику специальным наукам, сосредотачивается на теории познания и роли органа для физических исследований. Философия Новейшего времени переживает экспансию натурализма, когда социология, история и когнитивные науки решительно заходят на заповедную территорию эпистемологии. Нормативизм становится способом самоидентификации философии, в ослабленном виде он отказывается от законодательных притязаний, ограничивая эпистемологию формулировками рекомендаций для организации научного исследования и научной практики. Задачи управления наукой с этого момента входят в круг уважаемых философских тем.

По мысли социолога Стива Фуллера, философия представляет собой нормативное исследование знания как продукта социальной организации [2]. Философия и наука, в конечном счете, являются практическим предприятием, направленным на преобразование окружающей среды и самой природы человека. Познающий субъект приравнивается к творцу, наделенному «божественной» способностью упорядочивать опыт познания мира и адаптировать его к собственным практическим потребностям («космический утилитаризм») [3]. Эпистемология трансформируется в естественную теологию – обнаружение божественного замысла, скрывающегося за законами природы, зашифрованного в языке мироздания. Добытое знание и истина не самоценны, их приобретение измеряется выгодами и издержками [4], а познающий субъект, в конечном счете, становится субъектом действия и со-творцом действительного мира. Цель философии, таким образом, способствовать оптимизации и планированию научной практики. Стив Фуллер сближает

эпистемологию с социологией, политической философией и управленческими дисциплинами, такими как менеджмент знания.

Отчетливо прикладную направленность получают исследования экспертизы и экспертного знания в рамках социальной эпистемологии, социологии научного знания и STS (Гарри Коллинз, Роберт Эванс и др.). «Третья волна» в социальных исследованиях науки раскрывает социальные механизмы удостоверения знания и формирования общественного консенсуса в отношении технологической политики: «Третья волна исследований науки должна подчеркнуть роль экспертизы как аналитической, а также практической категории (actor's category), предоставив возможность для прескриптивных, а не только дескриптивных утверждений относительно роли экспертизы в публичной сфере» [5]. Связанное с STS направление STI (science, technology and innovation) и ТА (technology assessment) составляют теоретическую и аналитическую базу для выработки решений в научной и инновационной сферах. Концептуализации контекста приложения научных идей и разработок составили неотъемлемую черту социальных исследований науки и техники [6].

Осмысление научной практики в философских текстах – источник идей для рационального проектирования и рационального управления наукой, также как для ретрансляции социального опыта, связанного с поддержанием науки как социального института и системы общественных отношений. Другой аспект касается поиска оптимальных способов утилизации научных идей и разработок для общественных и индивидуальных целей человека. Значение и ценность знаний в информационном обществе превращает эпистемологию и философию науки в отточенный инструмент политических и социальных изменений.

Список литературы

1. Lippert-Rasmussen K. Brownlee K. Coady D. A Companion to Applied Philosophy. Chichester: Wiley Blackwell, 2017. XIX, 640 p.
2. Fuller S. Social Epistemology. Indiana, Bloomington, 1988. XV, 316 p.
3. Lynch W. T. Social Epistemology Transformed: Steve Fuller's Account of Knowledge as a Divine Spark for Human Domination // Symposium 3, no. 2 (2016). P. 191–205.
4. Fuller S. Knowledge Management Foundation. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2002. 288 p.
5. Collins H. M., Evans R. The Third Wave of Science Studies – Studies of Expertise and Experience // Social Studies of Science, vol.32, issue 2, (2002). P. 235–296.
6. Felt U., Fouche R., Miller C. A., Smith-Doerr L. The Handbook of Science and Technology Studies. Cambridge, London: The MIT Press, 2017. 1209 p.

Argamakova A. A. Philosophy and Management of Science

Practical potential of epistemology and philosophy of science is analyzed in respect to their influence on the planning of scientific research and management of scientific practices. Philosophy and science are described as practical enterprise, which aim to social change and human improvement. Studies in the context of social epistemology and STS reveal the relevance of epistemological endeavor for setting scientific policy and finding appropriate means of knowledge utilization for social and individual purposes.

Keywords: metaphilosophy, practical philosophy, context of knowledge application, management of science, social epistemology, STS.

УДК 165.1

ОТНОШЕНИЕ ТЕКСТА И ЭКСПЕРИМЕНТА В ЭПИСТЕМОЛОГИИ НАУКИ: ОТ Р. БОЙЛЯ ДО ВЕНСКОГО КРУЖКА¹

Вархотов Т. А.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: varkhotov@gmail.com*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-011-00281 А «Историческая эпистемология: теоретические основания и исследовательские перспективы».

Доклад посвящен исторической эпистемологии научной репрезентации. Анализируется проблема инкорпорирования экспериментальных фактов в систему теоретического знания. Автор показывает, что поставленная Р. Бойлем задача создания специального языка для превращения читателей в свидетелей экспериментальных практик в XX столетии была оценена как не имеющая конечного решения и привела к изменению эпистемологического статуса эксперимента, превратившегося из средства достижения реальности в средство ее производства.

Ключевые слова: философия науки, методология науки, эпистемология, эксперимент

Науку Нового времени как конкретно-историческую форму интеллектуальной культуры (определенные признаки завершения которой все более явно фиксируются с конца XX века) принято связывать с особым статусом опытного знания, превратить которое в номинальное основание науки удалось благодаря развитию экспериментальных практик. Последние традиционно считаются «визитной карточкой» новоевропейской интеллектуальной культуры и представляют собой исторически беспрецедентную гибридизацию техники и абстрактно-познавательной деятельности. Причины и потенциал развития этого уникального и чрезвычайно успешного гибрида активно обсуждаются до сих пор. При этом один важный аспект проблемы остается недооцененным и малоисследованным, пребывая в своеобразной слепой зоне большой науковедческой традиции.

Суть проблемы проста: исторически рациональное знание существует преимущественно в форме текста, будь то онтологизированные К. Поппером библиотечные хранилища (объективация знаменитого «третьего мира»), обрывочные записи *ad hoc* в блокноте ученого, речь лектора или разговор в «курилке». Экспериментальные содержания, в свою очередь, существуют совершенно иным способом и непосредственно преобразованы в текстовую форму быть не могут. Отсюда следует, что характерное для эпистемологии нового времени требование экспериментального обоснования любого претендующего на достоверность знания о мире нуждается в серьезных методологических пояснениях – как минимум из-за досадного несовпадения слов и вещей по субстанции и возникающих в связи с этим проблем оценки надежности референции, устойчивости и четкости значений и т. д. [1, Р. 134].

Обозначенная проблема хорошо осознавалась создателями новоевропейской традиции, что отразилось в ключевых методологических дискуссиях XVII века, в той или иной степени развивавшихся именно вокруг статуса экспериментальных практик и средств их включения в структуру рационального знания. Важным примером здесь может служить концептуализация Р. Бойлем его экспериментов с вакуумным насосом. Одним из ключевых направлений работы для Бойля было создание специфической «литературной технологии», призванной обеспечить средствами типографского текста (включая и наглядные репрезентации – рисунки и т. д.) эффекта непосредственного свидетельства, – добиться возможности превратить читателя в участника эксперимента. «Литературная технология виртуального свидетельства расширила публичное пространство лаборатории, предлагая разделить надежный свидетельский опыт всем читателям текста» [2, Р. 77].

Для достижения этой цели предполагалось создать особый язык описания для экспериментальных практик – «скромный», «буквальный», «честный», т. е. не стесняющийся неполноты данных и недостатка строгости утверждений, максимально лаконичный и, одновременно, подробный, подкрепленный, по возможности, рисунками, честно фиксирующими не только методологически значимые, но и все прочие обстоятельства эксперимента и т. п. Использование таких языковых практик должно было привести к общественному согласию по поводу содержания эксперимента, включив в число свидетелей всех читателей и превратив их в полноценных участников экспериментальной деятельности. Согласие и служило для Бойля целью собственных методологических исследований и конечным основанием знания.

Т. Гоббс, выступавший в обсуждении экспериментов с вакуумным насосом основным оппонентом Р. Бойля, в отличие от последнего, видел источник согласия не в эксперименте, т. е. в «самой действительности», якобы раскрывающейся свидетелям в их чувственном опыте, а в устройстве человеческого разума. Для него фрагментарность и смутность

экспериментальной картины выступали сущностными чертами опытного знания и не могли быть преодолены иначе как обнаружением основания не в них, а в единстве разумной природы человека, непосредственно выраженной в языке. Отсюда следует, что сами по себе эксперименты ничего не показывают и ничего не обосновывают, а согласие в понимании действительности всегда должно уже им предшествовать.

Спор XVII столетия де факто разрешился странным синтезом «экспериментальной философии» бойлевского типа с позицией рационалистов – Т. Гоббса, Р. Декарта и пр. Решением стала своеобразная натурализация математики, которая начиная с И. Ньютона и далее последовательно отождествляется с физикой, т. е. со знанием об устройстве природы. Природа стала мыслиться в качестве механизма, управляемого математическими законами – «Так как ремесленники довольствуются в работе лишь малой степенью точности, то образовалось мнение, что механика тем отличается от геометрии, что все вполне точное принадлежит к геометрии, менее точное относится к механике. Но погрешности заключаются не в самом ремесле или искусстве, а принадлежат исполнителю работы...» [3, С. 1].

Развитие научных репрезентаций в XVIII-XX столетиях показало, что проблема не просто осталась не решенной, а значительно усложнилась. В частности, сложились, как минимум, три разные системы практик научных репрезентаций и обращения с ними, каждая из которых предполагала, в том числе, разную трактовку знания и научного этоса [4]. Однако, поскольку принципиальная значимость экспериментальных практик и предъявляемых с их помощью «фактов» ни одной из этих систем не оспаривалась, многообразие вариантов выстраивания «мостов» между чувственным опытом и теоретическим знанием не столько множило решения, сколько заставляло сомневаться в надежности каждого из них.

Последней большой дискуссией об эпистемическом статусе средств, обеспечивающих трансфер достоверности от наблюдений (фактов) к высказываниям (теориям), был спор о протокольных предложениях. Эта дискуссия, ставшая едва ли не главным сюжетом эпистемологической истории логического позитивизма, привела сторонников экспериментального обоснования науки к парадоксальному выводу: хотя знание может существовать только в форме непротиворечивой системы высказываний, действительное основание и источник репрезентативной ценности («истинности») знания, – предложения наблюдения или констатации, как называет эти объекты М. Шлик, – не может быть оформлено текстуально. «...Все предложения науки – как коллективно, так и индивидуально – являются гипотезами...», а «подлинная констатация не может быть записана...»; будучи мгновенными и неустойчивыми точками практической встречи индивидуальной когнитивной системы и реальности, констатации теряют свою функцию вместе с записью и для любого другого субъекта, кроме субъекта, непосредственно констатирующего что-то здесь и сейчас, превращаются в еще одну гипотезу, оценка которой требует момента констатации [5, С. 49–50].

Принято считать, что спор о протокольных предложениях стал одной из главных причин кризиса позитивистской эпистемологии, многочисленные критики которой предложили, по сути, несколько форм одного и того же казуистического решения: если считать экспериментальные практики не средствами достижения «подлинной реальности», а просто особыми подсистемами дискурсивной практики науки («устройствами записи», в терминологии Б. Латура [6]), – т. е. если они целиком принадлежат когнитивной системе человека и не выходят за ее пределы, – проблема оказывается мнимой, поскольку координация работы подсистем одной системы носит естественный характер, и «устройства записи» на то и «устройства записи», чтобы быть способными из всего делать «записи», т. е. удобные в работе и intersubjectively признанные репрезентации, – те самые, о которых мечтал Р. Бойль. При этом их надежность (релевантность) и устойчивость прямо пропорциональны объему инвестиций социального капитала – коллективных человеческих усилий, направленных на поддержание собранного из них здания.

Нетрудно заметить, что такое (конструктивистское и родственные ему) решение удивительно близко позиции Т. Гоббса, сближающегося здесь с трансценденталистской

континентальной традицией: бесперспективно искать основания знания во внешней реальности (в «фактах»), оно может быть найдено только в разумной природе самих людей. Но конструктивисты делают следующий шаг, «примиряющий» участников спора о познавательной ценности вакуумного насоса: принятие экспериментальных фактов – воспроизводимости констатаций – неизбежно, если эти факты изначально имеют ту же природу, что и теории, если они произведены в соответствии с разумной природой познающего. Если вместо того, чтобы познавать неизвестное, мы производим разумное, соответствие этой продукции задачам репрезентации заранее гарантировано. И если для Р. Бойля ключевым методологическим вопросом было «как уловить реальность с помощью наших конструктов (экспериментальных инструментов и литературной технологии) и достичь согласия относительно уловленного», то теперь ключевым вопросом становится «есть ли в объекте познания что-нибудь, кроме конструктов?..»

Список литературы

1. Koshovets O. Varkhotov T. Experiments without concrete. The case of economics // Epistemology & Philosophy of Science. 2016. vol. 49. no. 3. P. 124–139.
2. Shapin S. Schaffer S. Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life. Princeton University Press, 1985. 448 p.
3. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. – М.: Наука, 1989. – 711 с.
4. Вархотов Т. А. Объективность «объективности»: историографическая модель Л. Дастон и П. Галисона и эпистемологическая история науки // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2018. – Том 4 (40). – № 3. – С. 3–13.
5. Шлик М. О фундаменте познания // Аналитическая философия: Избранные тексты. – М., 1993. – С. 33–49.
6. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. – М., 2015. – С. 45–61.

Varkhotov T. A. Text and Experiment within the Epistemology of science: from R. Boyle to Vienna Circle

The paper is dedicated to the historical epistemology of scientific representation. The problem of incorporating experimental facts into the theoretical knowledge is being analyzed. The author shows that the task posed by R. Boyle to create a special language for turning readers into witnesses of experimental practices, in the 20th century was assessed as having no final solution and led to a change in the epistemological status of the experiment, which turned from a means of reaching reality into a means of its production.

Keywords: philosophy of science, methodology of science, epistemology, experiment

УДК 001.89

ФЕЙКОВЫЕ СТАТЬИ: К ВОПРОСУ ОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ АНГАЖИРОВАННОСТИ НАУЧНОГО ТЕКСТА¹

Душина С. А.

*Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН, г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация
E-mail: sadushina@yandex.ru*

В докладе рассматривается научный фейк – умышленная имитация научных исследований, содержащая элементы научной сатиры, своего рода пародия на ценностно нагруженные тексты в области социальных наук. Эти псевдонаучные статьи можно считать провокацией, которая проблематизирует критерии научности текста. Ставится вопрос об идеологической ангажированности и объективности исследований.

Ключевые слова: статья, фальсификация, идеология, объективность, ценность, научность

В 2018 году журнал Nature посвятил специальный онлайн выпуск проблеме невоспроизводимости исследований, опубликованных в научной периодике. В предисловии

¹ Доклад подготовлен при поддержке РФФИ (ОГН) проект № 17-03-00171 (Ученые в социальных сетях: способствуют ли академические медиа профессиональной карьере?)

редакторы отмечают, что в последнее время появляется слишком много статей, которые не стоят даже дальнейшего рассмотрения [1]. Было бы упрощением причины сфальсифицированных публикаций искать в организации современных научных исследований, когда ученые, оказываясь под публикационным прессингом, вынуждены выдавать «вал» статей, а редакции, заваленные работой, не в состоянии обеспечить качественное рецензирование рукописей. История науки свидетельствует, что ученые «систематически “модифицировали”, а подчас и придумывали нужные им эмпирические данные», что совсем необязательно сопровождалось репутационным скандалом. Напротив, «научное сообщество часто весьма толерантно и даже с благодушной (и понимающей) иронией относилось и относится к подобным ситуациям» [2, С. 124].

Мы хотим обратить внимание на определенный тип фальсификаций – умышленную имитацию научных исследований, содержащую элементы научной сатиры, своего рода, пародию на тексты в области гуманитарных и социальных наук, которые считаются ценностно нагруженными. Преднамеренная и непреднамеренная имитация исследовательских текстов возможна не только в гуманитарных, но и в точных, и в естественных науках [3], однако без явной абсурдности выводов и нелепости положений. Такого рода статьи имеют свою историю, одна из самых известных связана с именем Алана Сокала – профессора физики в университете Нью-Йорка. Престижный журнал «Social Texts» в 1996 году опубликовал его статью, представляющую собой пародию на современные философские междисциплинарные исследования и лишённую какого-либо смысла. Несколько позже физик писал, что редакции журналов готовы публиковать все, что угодно, если это соответствует их идеологическим убеждениям, ничуть не заботясь об объективности. В 2018 году три автора – Д. Линдси, Х. Плакроуз и П. Богоссян – два из которых представители гуманитарной науки, сфабриковали двадцать статей, имитирующих исследования в области феминизма, расовой идентификации, сексуальной ориентации (направления исследований, получившее название критической социологии), семь из них были опубликованы в журналах с хорошей академической репутацией. По мнению авторов, псевдонаучные статьи содержали абсурдные заключения, весьма далекие от здравого смысла. Представляется, что фейки, содержащие как прием научную сатиру, являются социальной провокацией, которая обращает читателей к старым проблемам идеологической ангажированности и научности. Могут ли идеологически ангажированные (партийные) статьи быть научными? Старый вопрос эпохи марксизма-ленинизма звучит в новых социальных контекстах.

В американской науке второй половины XX века наблюдается поворот от ценностно нейтральной к критической социологии, которая фокусируется на изучении различных проявлений социальной несправедливости и дискриминации – grievance studies. Социальные теории занимают практическую позицию, претендуют на изменение мира, и осознают такого рода претензии. Как замечает П. Штомпка, обвинения в империализме, колонизации формулируются на эпистемологическом уровне, относятся к содержанию социологического знания, к характеру социологических методов. Вместо содержательных аргументов, направленных на ту или иную классическую теорию, обнаруживается всплеск идеологического дискурса, так что происходит отказ от объяснения ради идеологического, оценочного языка [4]. Вместе с тем задача социологии, если она претендует на статус науки, состоит в объяснении многообразия опыта, т. е. в рациональном упорядочивании фактов, а не в наукообразной разработке идеологического нарратива, доминирующего в тот или иной период исторического развития.

На постоянное смешение научного толкования фактов и оценивающих размышлений указывал М. Вебер, и считал это «самой распространенной и самой вредной особенностью исследований в области нашей науки» [5, С. 356]. М. Вебер опирался на теоретические идеи неокантианцев – В. Виндельбанда, Г. Зиммеля, и в первую очередь, на Г. Риккерта [6]. Он исходил из строгого разделения теоретического познания, эмпирического знания и оценочного суждения, и считал, что общественные науки должны быть свободны от оценок [5, С. 415]. Согласно Веберу, наука выявляет идеи, лежащие в основании той или иной

ценности, способствует не только пониманию поставленных целей, но и возможности критически судить о них. Научному исследованию доступна проблема соответствия средств и поставленной цели, анализ социальных последствий ее достижения. Но что касается практического действия – выбора между ценностями, то это не входит в задачи науки, но является исключительно ответственностью человека, принимающего решение. Дело не в том, что ученый должен отказаться от собственных пристрастий и оценок, но в том, чтобы они не вторгались в его научные суждения, не искажали его исследовательский метод. Как частное лицо ученый вправе высказывать свои политические симпатии и ценностные суждения, но только это не следует выдавать за науку.

Фейковые статьи в области *grievance studies* – это «не консервативный поворот в социологии», это попытка научного сообщества, используя пародию и научную сатиру, обратить внимание на такие фундаментальные проблемы философии науки как условия истинности знания, научная объективность, методология науки и социальная репрезентация знания.

Список литературы

1. Nature. 24 August. Vol. 548 URL: <https://www.nature.com/collections/prbfbkwmwvz/> (дата обращения 22.05.2018).
2. Дмитриев И. С. Этика науки во сне и наяву // X международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2018. Этика: переосмысление». СПбГУ. Материалы конференции / Отв.ред. В.Ю. Перов – СПб.: ООО «Сборка», 2018. – С. 119
3. Разеев Д. Возможен ли семантический тест на аутентичность научного произведения? // Мысль. – 2015. – Вып. 19. – С. 52–60.
4. Sztompka P. Another sociological utopia // *Contemporary Sociology: A Journal of Reviews*. 2011. Vol. 40 (4). P. 388–396.
5. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 345–415.
6. Куприянов В. А. Генрих Риккерт о телеологии в историческом познании // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2015. – Т. 2. – №1. – С. 28–38.

Dushina S. A. Fake Articles: to the Issue of Ideological Biased Text

The report scrutinizes a phenomenon of scientific fake – intentional simulation of the scientific researches which includes the elements of scientific satire, i. e., a sort of parody of value-biased texts pertaining to the field of social sciences. The pseudo-scientific articles can be considered as a provocation which questions the criteria of scientific text. The author poses the problem of ideological bias and objectivity of the researches.

Keywords: article, falsification, ideology, objectivity, value, science

УДК 101

НАУЧНЫЙ ТЕКСТ ПО ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Жалдак Н. Н.

Белгородский национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация
E-mail: zhnn3@rambler.ru

Практическая философия не сводится к философии морали и есть философия, ориентированная на подтверждение своей истинности практикой и успешное применение на практике, т. е. прагматичная. Научное ядро такой философии составляет логика как метод познания, которая переводится в познавательную логику вопросов и ответов на естественном языке.

Ключевые слова: практическая философия, метод познания познавательная логика естественного

Понятие практической философии шире, чем понятие философии морали, и охватывает все философские знания, применимые на практике.

Прагматичный текст – это текст, ориентированный на успех в практической деятельности, на осуществление интересов субъектов, которым служит этот текст. Прагматичный текст может включать в себя выгодный ложный. Но ложный текст будет бессмысленной ложью,

если он не будет включен в истинный текст о том, что именно таким ложным текстом можно получить на практике, а не только в своем воображении, ожидаемые полезные результаты. При этом ложное может выдаваться за истинное и даже самим использующим признаваться истинным.

Существует широкая область эффективного для некоторых субъектов применения ложных знаний без осознания их ложности.

Наш предмет – такая разновидность прагматичного философского текста, как текст по научной практической философии. Имеется в виду философия, реализуемая в успешной практической деятельности, т. е. в деятельности, в которой осуществляются интересы автора и некоторых читателей.

Установка взять у предшественников и развить практическую философию такого рода была у К. Маркса. Его задача – изменить действительность в интересах рабочего класса на значительное время – осуществилась в достаточно широких масштабах. Уже поэтому тексты первоисточников марксизма и тексты его источников (главным образом, «Науки логики» Гегеля) могут служить исходным материалом для конструктивной критики с целью, во-первых, извлечения из них некоторых готовых истинных знаний по практической философии, во-вторых, выявления и устранения противоречий, которые вели к постановке противоречивых и потому неосуществимых целей, в-третьих, системного дополнения и улучшения формы представления извлеченных из них и новых знаний в форме текстов по практической философии.

Такие установки привели меня к представлению системы категорий «Науки логики» Гегеля в виде системы логических форм вопросов и ответов [1] и к написанию учебного пособия «практическая философия» для студентов [2].

По каким критериям можно утверждать или отрицать научность текста по практической философии? Допустим, в качестве главных признаков научности принимаются те, которые названы организаторами нашего круглого стола. Уже термин «объективность» воспринимается как намек на истинность, как обозначение противоположного субъективности, но эти противоположные определенности относительны. Один субъект объективен для другого субъекта вместе со своими мыслями. В общем, этот перечень признаков научного более или менее удачно указывает, как мне представляется, на следующие критерии научности текста: истинность (интерсубъективность, подтвержденность для каждого их знания как истинного опытом совместной практической деятельности) логичность (логическая систематизированность, обоснованность, доказательность, непротиворечивость), сознательный контроль над применяемыми методами познания, наличие новизны в современном знании относительно предшествующего. Эта новизна означает, в частности, что в прошлом знании, которое считалось научным, обнаружили и устранили противоречия и некоторое ложное знание. Новое и старое – это тоже взаимопроникающие противоположности. Новое, не имеющее в своем составе некоторого старого в качестве субстанции, не имело бы причины быть и поэтому быть не может.

Имеется некоторая нечеткость объемов терминов, выбираемых для дефиниции научного. Уже это означает, что граница между научным и ненаучным достаточно нечеткая для того, чтобы отрицать в философии наличие научной составной части. Сама философия не сводится к науке. Но научные философские тексты существуют. Существуют и тексты с научными идеями. Философия не сводится к науке, но она не сводится и к ненауке. О научном и ненаучном в философии можно мыслить как о доведенных до противоречия противоположностях, но они взаимопроникают. Любая познающая система ограничена и уже поэтому обречена на неполноту и искаженность знания. Кое-что такое, что сегодня признается истинным и научным завтра может признаваться ложным и ненаучным. И это нормально, без этого науки не может быть, со всеми ее средствами и методами. Поэтому едва ли не практичнее говорить о текстах, претендующих на научность, и не претендующих на нее. Можно стремиться к проверяемой практикой истинности системы научной философии, но неполнота и некоторая искаженность знания в ней неизбежны.

Из сказанного следует, что нет достаточных логических оснований отрицать научность для своего времени текстов «Науки логики» Гегеля и философских текстов К. Маркса и Ф. Энгельса как текстов, предназначенных по замыслу авторов для эффективного практического применения, и в этом смысле прагматичных. Вместе с тем, эти тексты составляют материал для современной конструктивной критики, которая должна устранять недостатки этих, как и других предшествующих, философских систем, и выражаться в текстах по научной практической философии. Наличие конкретных противоречий и ложных утверждений, особенно в гипотетической части философских текстов, в частности, К. Маркса, не исключает наличия в этих текстах истинного знания, которое, будучи исправленным и дополненным, может эффективно применяться на практике.

Список литературы

1. Жалдак Н. Н. Познавательная логика вопросов и ответов. – Белгород : ЛитКараВан, 2010. – 104 с.
2. Жалдак Н. Н. Практическая философия: учебное пособие. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. – 96 с.

Zhaldak N. N. Scientific Text on Practical Philosophy

Practical philosophy is not reduced to the philosophy of morality, and there is a philosophy oriented to confirm its truth by practice and successful application in practice, i.e. it is pragmatic. The scientific core of such a philosophy is logic as a method of knowledge. This logic may be translated into the cognitive logic of questions and answers in natural language.

Keywords: practical philosophy, the method of knowledge the cognitive logic of the natural language

УДК 1/14

МЕТАФОРИЧНОСТЬ ГУМАНИТАРНО-НАУЧНОГО ТЕКСТА

Ждановский А. П.

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

E-mail: zhdanovskiy1950@mail.ru

Раскрыта сущность процесса метафоризации гуманитарно-научного текста. Выявлена тенденция развития современной социальной эпистемологии, состоящая в синтезировании эвристических потенциалов метафорического языка и строгого когнитивного подхода.

Ключевые слова: метафора, онтология истории, исторический опыт, гуманитарно-научный текст, индивидуализация, эпистемологический конвенционализм, синтез гуманитарного знания.

Драматические и трагические события XX в. со всей остротой поставили вопрос о способах осмысления исторической эволюции. Очевидной стала эвристическая недостаточность моделей цивилизационной динамики, опирающихся на естественнонаучные модели организации знания и продемонстрировавших свою слабость в объяснении социального бытия, а тем более – в прогнозировании его вероятных состояний, выдвигании позитивных образов желаемого будущего. Предложенная в рамках Баденской школы неокантианства интерпретация специфики социальной реальности, постигаемой через использование инструментария «индивидуализирующей идеографии» (в противовес «генерализирующей номотетике» естествознания), лишь отчасти способствовала смягчению остроты проблемы.

«Забвение бытия» (М. Хайдеггер) – исходная констатация, которая сориентировала усилия философов, гуманитариев в направлении поиска целостного образа исторического мира. Осознав, что человек не только познает, но и «переживает» мир, социально-философская мысль все более задействовала разнообразные жанры (эссе, исторический роман, пьеса), не закликаясь исключительно на спекулятивно-понятийных средствах самовыражения. Расширялась номенклатура категориальных средств познавательной активности. В ее составе

появились процедуры эмпатического вживания, интуитивно полагаемые смыслообразы, понятийные конструкты, экзистенциалы, включавшие в себя ярко выраженную метафорическую составляющую.

Анализ становления научных понятий предполагает, помимо прочего, обращение к их во многом метафорической природе. Метафорические коннотации легко прослеживаются даже в понятиях естественных наук («сила», «сопротивление», «напряжение» – в физической науке; «большой взрыв», «раздувающаяся Вселенная» – в космологии и т. п.). Метафорическое измерение знания тем более значимо в гуманитаристике, традиционно локализуемой в пространстве «между наукой и искусством».

Современная тенденция метафоризации гуманитарно-научного текста призвана, прежде всего, преодолеть линейные («рационально полагаемые») связи человека и исторического мира, представить ее во всем многообразии исторического опыта. Традиционные просвещенческие эвристические схемы отводили опыту второстепенную роль. Опыт как проявление «человеческого, слишком человеческого» (Ф. Ницше) выступал в качестве элемента познания, искажавшего образ истины, долженствующей предстать в сознании ясно и отчетливо. Опыт как проявление субъективности мог оправдать свое существование, лишь будучи включенным в систему рационально обоснованного знания. Просвещенческий идеал исторического знания предполагал исключение из состава теории внесенной туда субъективности, связанной с политическими, нравственными, эстетическими предпочтениями исследователя, с уровнем его образованности, эрудированности, со степенью осознания им определенного социального заказа. И если в классическом естествознании идеальной теорией считалась та, которая, элиминировав из своего состава субъективные привнесения, связанные с активностью экспериментатора, слышала голос самой природы, говорившей с исследователем от первого лица, то классическая гуманитаристика ориентировала на создание научных текстов, через которые проявляла себя сама история, через которые звучал зов самого исторического бытия.

Современная программа метафоризации гуманитарно-научного текста включает практику создания интуитивно самоочевидных дедуктивно задаваемых конструктов, организующих многообразие эмпирического материала, доступного исследователю. Метафора, переводя некоторый фрагмент хронологически отстоящего от нас исторического опыта в современную систему мировоззренческих координат, если уж не «делает чужое знакомым» (Х. Уайт), то, во всяком случае, задает перспективу встраивания смыслов, передаваемых традицией, во внутренний духовный мир интерпретатора, фундирует взгляд на саму традицию как непрерывный континуум, которому в равной мере принадлежат и «познающий» и «познаваемое». Речь идет о своего рода «литературизации» исторического письма (Х. Уайт), когда метафора, выступая в качестве системообразующего элемента фигурального языка, «антропоморфизирует» (Ф. Анкерсмит) социальную реальность, историческую действительность. Упорядоченный таким образом опыт признается тем более важным, что он напрямую соотносится с задачами более высокого порядка, выводящими его за пределы чистой науки (интересы нации, социального класса, государства). Метафоризация исторического письма дала определенный импульс творческому воображению исследователя, существенно расширив пространство свободы выбора ученого относительно формирования стиля повествования, способов построения исторического нарратива.

Использование метафоры, открыв новые возможности организации гуманитарно-научного текста, существенно трансформировав его социальные функции, столкнулось, однако, с рядом новых проблем эпистемологического порядка. Растворив ментальную активность исследователя в аморфном историческом опыте, практика нарратива отодвигает на второй план проблему истины (в классическом, аристотелевском ее понимании). В результате такой методологической переориентации постепенно утрачивает свое значение установление сходств и различий между фактом и интерпретацией, хроникой и гуманитарно-научным текстом; девальвируется традиционно значимая для исторической науки задача обоснования системы поиска соответствий между историческим фактом («онтологией

истории»), историческим опытом (сферой переживания событий их живыми агентами) и гуманитарно-научным текстом. Релятивизируется понятийный конструкт истины, он переводится в план конвенционалистского манипулирования с вероятной перспективой исчезновения из методологического лексикона современной гуманитаристики.

Таким образом, представляется возможным констатировать наличие выраженного тренда развития социально-гуманитарного знания, эволюционирующего в направлении нового междисциплинарного синтеза, сочетающего в себе эвристические потенциалы метафорического языка и строгого когнитивного подхода.

Zhdanovski A. P. The Metaphor of a Humanitarian Science Text

The essence of the process of metaphorization of humanitarian-scientific text is revealed. The trend of development of modern social epistemology consisting in synthesis of heuristic potentials of metaphorical language and strict cognitive approach is revealed.

Keywords: metaphor, ontology of history, historical experience, humanitarian and scientific text, individualization, epistemological conventionalism, synthesis of humanitarian knowledge.

УДК 001.89

ЗАРОЖДЕНИЕ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТЬИ КАК ФОРМЫ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ (Г. В. ЛЕЙБНИЦ И И. КАНТ)¹

Куприянов В. А.

*Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН, г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация
E-mail: Nonignarus-artis@mail.ru*

В докладе рассматривается история возникновения первых европейских научных журналов. Показывается история возникновения научной статьи как формы научной коммуникации. На основе анализа текстов Г. В. Лейбница, который вел активную деятельность в сфере организации науки, автор показывает, каким образом в классической науке производилось эпистемологическое обоснование научной коммуникации и какую роль в этом играла научная периодика. Философская идея научной периодики связывается с кантовской концепцией публичности разума.

Ключевые слова: «Журнал ученых», «Философские записки», научная статья, Лейбниц, Кант, организация науки

XVII в. считается временем зарождения нового инструмента научной коммуникации – научных журналов. 5 января 1665 года выходит в свет первый выпуск «Журнала ученых» («Le Journal des sçavans»), организованный советником (conseiller) парижского парламента Дени де Салло при покровительстве Ж.-Б. Кольбера. 1-го марта того же года (по юлианскому календарю) в Лондоне начинают выходить и «Философские записки» («Philosophical Transactions»), которые позже – в середине XVIII в. – превращаются в печатный орган Лондонского королевского общества. Чаще всего историки науки связывают возникновение первых научных журналов с процессом интеллектуальной революции, которая касалась трансформации фундаментальных сторон европейской культуры в конце XVI – начале XVIII вв. Научные журналы не отменили и не снизили значимость ученой переписки, ученых диспутов и публикации книг как важных форм научной коммуникации [1]; [2]. В то же время они создали новые возможности для научной коммуникации, что обеспечило дальнейшее развитие новых социальных отношений в науке (прежде всего, новый способ формирования научного признания). Тем не менее, создание научных журналов было обусловлено новым пониманием социальной роли науки и эпистемологической значимости коммуникации в науке.

¹ Доклад подготовлен при поддержке РФФИ (ОГН) проект № 17-03-00171 (Ученые в социальных сетях: способствуют ли академические медиа профессиональной карьере?)

Именно эта трансформация привела к постепенной кристаллизации научной статьи как особой формы научной коммуникации. В настоящем докладе ставится цель раскрыть историю возникновения научной статьи как специфического жанра научной публикации, а также показать эпистемологический смысл нового типа коммуникации (посредством научных журналов) – в данной части мы обращаемся к творчеству одного из главных мыслителей Нового времени Г. В. Лейбница, а также к философии И. Канта.

В качестве цели первые журналы формулировали, главным образом, задачу быстрого информирования ученых о новостях в Республике ученых. Д. де Салло и Г. Ольденбург – организаторы двух первых журналов – недвусмысленно об этом заявляют в предисловиях к первым номерам выпускаемых ими изданий. Например, де Салло прямо определяет цель нового журнала как «знакомить с тем, что происходит в республике ученых» («faire savoir ce qui se passe de nouveau dans la République des lettres»). Также об этом свидетельствует и известный проект Ф. Э. де Мезере (1610–1683), который отталкивается от образца «Газеты» («La Gazette») Т. Ренодо. Де Мезере определяет необходимость нового издания потребностью архивирования знания и его легкой передачи. Собственно, «Газета» Т. Ренодо, направленная прежде всего на информирование о последних событиях, и послужила непосредственным прообразом для первого и всех последующих научных журналов Нового времени [3]. Основной единицей передачи информации в науке становится в итоге статья [4].

Содержание первых журналов, основной моделью которых был французский «Журнал ученых», разбивалось по периодически выходящим номерам, внутри которых каждый раздел отделялся только лишь обозначением, которое давал редактор: например, в «Журнале ученых» заголовок раздела мог содержать выходные данные рассматриваемой книги или же мог быть обозначен как «выдержка из письма» или же определяться только лишь как письмо. Строго определенной формы не было. Обозначение раздела, как и его содержание, по сути, зависели от воли редактора. Впервые обозначение «статья» появляется в журнале П. Бейля в 1684 году, который первый начал отделять публикации в журнале, выделяя разделы словом «Article». Тем не менее данный факт не означает, что во французской научной периодике, определявшей основное направление развития в целом всей научной периодике этого периода, отсутствуют некие стандартизированные подходы к содержанию статей, то есть что содержание каждого раздела журнала могло происходить *ad libitum*. Как убедительно показано в публикациях Ж.-П. Виттю, форма каждого текста, публикуемого в «Журнале ученых» подчинялась двум основным типам, которые впоследствии и получили название статей [5]; [6]. Это были выдержки («extraits») и исследования («mémoires»). Именно вторая форма чаще всего представляла собой отрывок письма, направленного в редакцию для сообщения какого-либо открытия и впоследствии превратилась в современную исследовательскую статью в журнале [7]. Однако основное содержание первых журналов составляли именно выдержки, то есть то, что позже стало называться рецензией, став второстепенной формой журнальной коммуникации. Форма же написания выдержек опиралась на риторическую традицию, которая требовала демонстрировать практическую ценность, пользу рассматриваемой книги. В этом отношении очевидно, что первые журналы (конца XVII в.) играли второстепенную роль по отношению к книге как форме коммуникации и выступали в роли своего рода медиаторов для знания, изложенного в книгах.

Тем не менее, роль журнальной коммуникации была более значимой, нежели простое информирование о книжных новинках. Быстрое и наиболее широкое распространение знания рассматривалось в качестве важнейшего средства достижения истины, которая способствовала развитию общего блага. Этот смысл можно увидеть уже в программе «Философских записок», издаваемых Г. Ольденбургом. Часто исследователи ссылаются в данном контексте на «Новую Атлантиду» Ф. Бэкона, что нам представляется мало обоснованным, поскольку данный текст не содержит прямых указаний на необходимость создания журналов или каких бы то ни было печатных органов новых научных организаций. Более ясно данная особенность проявляет себя в образовательных и научно-организационных проектах Г. В. Лейбница, который стоял у истоков ряда важнейших научных организаций

Европы. В данном контексте мы обратимся к наиболее характерным тезисам, которыми Лейбниц обосновывает необходимость поддержки научной коммуникации при создании научных организаций. В целом весьма разнообразная и широкая деятельность Лейбница по организации науки достаточно хорошо изучена [8]. В своих проектах Лейбниц подчеркивает значимость научной коммуникации для познания истины и таким образом показывает ее ценность для морального совершенствования человека. Именно мораль оказывается в данном случае главной руководящей идеей науки [9]. В данном контексте Лейбниц непосредственно обращается к идее сознания централизованного органа распространения информации – *Notiz-Amt*. Этот подход является предтечей более поздней кантовской концепции публичности разума, которая подчеркивает логическую ценность научной коммуникации.

Список литературы

1. Waquet F. De la lettre érudite au périodique savant: les faux semblants d'une mutation intellectuelle, dans XVIIe siècle // Bulletin de la Société d'étude du XVIIe siècle. 1983. № 140, 35-e année. № 3. P. 347–359.
2. Kronick D. A. The Commerce of Letters: Networks and «Invisible Colleges» in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe // The Library Quarterly: Information, Community, Policy. 2001. Vol. 71. № 1. P. 28–43.
3. Birn R. Le Journal des Savants sous l'Ancien Régime // Journal des Savants. 1965. № 1. P. 15–35.
4. Kronick D. A. A History of Scientific and Technical Periodicals: the Origins And Development of the Scientific And Technological Press, 1665–1790. New York: Scarecrow Press, 1962.
5. Vittu J.-P. Qu'est-ce qu'un article au Journal des savants de 1665 à 1714? // Revue française d'histoire du livre. 2001. № 112–113, 3e et 4e semestres 2001. P. 129–148.
6. Vittu J.-P. Du Journal des savants aux Mémoires pour l'histoire des sciences et des beaux-arts: l'esquisse d'un système européen des périodiques savants // Dixseptième siècle. 2005/3. № 228. P. 527–545.
7. Прайс Д. Дж. Де С. Тенденции в развитии научной коммуникации – прошлое, настоящее, будущее // Коммуникация в современной науке. Сборник переводов / ред. Э. М. Мирский, В. Н. Садовский. М.: Прогресс, 1976. С. 93–109.
8. Böger I. «Ein seculum ... da man zu Societäten Lust hat». Darstellung und Analyse der Leibnizschen Sozietätspläne vor dem Hintergrund der europäischen Akademiebewegung im 17. Und frühen 18 Jahrhundert. München, 2 Auflage. Herbert Utz Verlag, 2001.
9. Leibniz G. W. Consultatio de naturae cognitione ad vitae usus promovenda instituendaque in eam rem. Societate Germana // Oeuvres de Leibniz: Publ. pour la première fois d'après les manuscrits orig. avec notes et introd. par A. Foucher de Careil. T. 7. Paris: Didot, 1875. P. 94–126.

Kupriyanov V. A. The Origin of the Journal Article as a Form of Scientific Communication: Epistemological Aspects

The report scrutinizes the origin of the first European scientific journals. The author shows the genesis of scientific article as a form of scientific communication. Basing on the texts by Leibniz, who is known as an organizer of science, the author of the article shows the way classical science grounded the epistemological meaning of scientific communication the role played by the scientific periodic in this problem. The philosophical idea of the scientific periodic is linked with the Kantian idea of publicity of reason.

Keywords: «Le Journal des sçavans», «The Philosophical transactions», Leibniz, Kant, organization of science.

УДК 111

ОЧЕВИДНОСТЬ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО АРГУМЕНТА И ЕЕ КРИТИКА В ФИЛОСОФИИ А. КОЖЕВА¹

Курилович И. С.

*Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: kurilovich.i@rggu.ru*

Онтологический аргумента бытия Бога у Ансельма, а затем у Декарта, оспоренный Юмом и Кантом, вновь стал предметом внимания в философии XX в. К картезианской форме онтологического аргумента обращаются для понимания оснований новоевропейской науки (Койре) и человеческого существования (Левинас). В данной

¹ Исследование подготовлено при поддержке РФФИ, проект № 18-311-00282 Рациональность в гуманитарных науках: теоретические противоречия и дисциплинарная практика.

работе исследуется место онтологического аргумента в мысли Александра Кожева, для которого аргумент не просто неверен и не является доказательством, но опасен разрушением всей философской системы Кожева. Сопоставлены положения Декарта и контр-аргументация Кожева. Показана стратегия редукции идеи Бога к идее Бесконечного и последствия критики мыслимости данной идеи.

Ключевые слова: онтологический аргумент, онтологическое доказательство бытия бога, Декарт, атеизм, Кожев

Среди средневековых аргументов бытия Бога новым, относительно античной мысли, и в достаточной мере вызывающим, был аргумент онтологический. Он был предложен Ансельмом Кентерберийским в Прослогионе, развит Декартом в 3-м метафизическом размышлении, раскритикован Юмом и Кантом. Европейская философия XX в. обращается к картезианской форме онтологического аргумента для понимания оснований новоевропейской науки, как это делает Койре, и человеческого существования, как делает Левинас [1]. Особое место онтологический аргумент играет и в мысли Александра Кожева, для которого он не просто неверен, но опасен разрушением всей системы философии Кожева.

Наличие идеи Бога с очевидностью приводит к тому, что Бог есть – в этой определенности нет специфически нового по сравнению с Ансельмом. Картезианское новшество во внимании на субъекта, обладающего идеей Бога, в том, что идея Бога равна идее бесконечности, но такой, которая при этом есть личность [2, С. 104] и определяет человеческое самосознание [2, С. 110], а никак не наоборот [2, С. 104]. Способность мыслить (а мыслить – значит мыслить в пределе бесконечность) – это след [2, С. 110], оставленный Богом в сотворенном им человеке. А так как немисливо, чтобы конечный мыслит бесконечное сам по себе, очевидно, что бесконечное мыслится в конечном, а потому нет и речи, чтобы не было внешнего бесконечного волящего источника этой идеи [2, С. 110–111]. При этом важно, что, как показал еще Койре [3, С. 106–108], ясное бесконечное (*infinitum*) божественное [3, С. 91] у Декарта превосходит неясное безграничное (*interminatum*) мира [3, С. 2]. Только в первом нам дана актуальности идеи бесконечности и совершенства, а творящая актуальная бесконечность – это определенность Бога. Таким образом, рассуждение сводится к утверждению безусловной очевидности следующего: я мыслю, следовательно, существую, а так как я мыслю бесконечное, будучи конечным, то актуально существует и бесконечное, а если это бесконечное меня определяет активно хотя бы вложением в меня своей идеи, которой больше неоткуда взяться, то это бесконечное творящее личное начало, т. е. Бог, существует.

Кожев утверждает, что все рассуждения Декарта о Боге содержательно сводятся к идее бесконечности [6]. Прочие божественные предикаты желательны только психологически, а потому от них можно абстрагироваться при анализе [4, С. 491]. При этом для Кожева принципиально не существование Бога, а сама мыслимость бесконечного – и она, согласно Кожеву, возможна без предположения о Боге, но возможна в качестве мысли о безграничном, т. е. только о потенциальной, а не актуальной бесконечности. Это значит, что одна из базовых очевидностей Декарта – следование конечного из бесконечного – фиктивна. К такому выводу Кожев пришел на основании того, что мышление себя самообращенно, оно само по себе преодолевает конечность познающего человеческого существа, и, объединяя в себе я и не-я [5, С. 129], охватывает бесконечность сущего в понятии без нужды в божественном гаранте подобного рассуждения – бесконечное мыслится, но не мыслит. Можно сказать, что есть бесконечный мыслящий как смертный человек, но это будет значить, что он есть отрицание конечности, данности, что не отменяет его фактической смертности. Кожев заключает, что «картезианский аргумент не убедителен, т. е. не является доказательством» [7, Р. 46].

Разрушение базовых очевидностей картезианства ведет к отказу в существовании не только Богу, но и актуальной бесконечности: «“Бесконечность” он [атеист] знает только как безграничность (мира), и утверждаемая теистами “актуальная” бесконечность Божественного, которая включает ничто, а не противостоит ему, в его глазах не парадокс, а включающая логическое противоречие и потому недопустимая конструкция» [4, С. 107]. С одной стороны, предупреждает Кожев, если бы можно было доказать очевидность того, что конечное действительно мыслимо исключительно через бесконечное, то философия Кожева была бы ложна [4, С. 471]. С другой, то, что вместе с актуальной бесконечностью утрачивается и

универсальный гарант истины, в том числе истины о конце истории [5, С. 132], порождает проблему для философа, причину его отказа от интерналистского оптимизма гегельянства, основание для утверждения необходимости переходить от теории к практике.

Список литературы

1. Ямпольская А. В. Идея бесконечного у Левинаса и Койре // Вопросы философии. – 2009. – №8. – С. 125–134.
2. Декарт Р. Рассуждение о методе. Метафизические размышления. Начала философии. – Луцк: Вежа, 1998. – 302 с.
3. Койре А. От замкнутого мира к бесконечной вселенной. – М.: Логос, 2001. – 288 с.
4. Кожев А. Атеизм и другие работы / Пер. с фр. А. М. Руткевича и др. – М.: Праксис, 2007. – 512 с.
5. Кожев А. Гегель, Маркс и христианство // Вопросы философии. – 2010. – №10. – С. 128–143.
6. Курилович И. С. Мышление бесконечного как эпистемологическая проблема философской системы А. Кожева // Философский Журнал. – 2019. – №12 (3). – С. 33–47.
7. Kojève A. Note sur Hegel et Heidegger // Rue Descartes, №7, 1993. Logiques de l'éthique, P. 35–46.

Kurilovich I. S. Evidence of the ontological argument and its criticism in the philosophy of A. Kojève

The ontological argument of the existence of God (St. Anselm, Descartes), disputed by Hume and Kant, again became the subject of attention in the philosophy of the 20th century. The cartesian form of the ontological argument is used to understand the foundations of modern science (Koyré) and human existence (Levinas). This paper explores the place of the ontological argument in the thought of Alexandre Kojève, for which the argument is not only incorrect and is not a proof, but it is dangerous to destroy the entire philosophical system of Kojève. Descartes's arguments and Kojève's counterarguments are compared. The strategies of reducing the idea of God to the idea of the Infinite and the consequences of criticism of the conceivability of this idea are analyzed.

Keywords: ontological argument, ontological proof of the existence of God, Descartes, atheism, Kojève

УДК 1(091):114

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ И. КАНТА «ОБ ОГНЕ» КАК НАУЧНЫЙ ТЕКСТ XVIII ВЕКА

Луговой С. В.

*Балтийский федеральный университет имени И. Канта, г. Калининград, Российская Федерация
E-mail: pratenses@mail.ru*

Кант написал диссертацию «Краткий очерк некоторых размышлений об огне» (чаще используется ее сокращенное название «Об огне») в 1755 году как «specimen» (пробное сочинение), чтобы в соответствии с принятой в то время процедурой его могли допустить сдавать «examen rigorosum», строгий магистерский экзамен. При жизни Канта она не публиковалась и впервые была напечатана в 1838 году Г. Хартенштейном (по копии), а в следующем году К. Рознекранц и Ф. В. Шуберт издали в пятом томе собрания сочинений Канта оригинальный текст рукописи. Ее русский перевод с латинского языка подготовлен автором и готовится к печати в «Кантовском сборнике». Автор рассказывает об истории создания первой кантовской диссертации, приводит ее структуру, краткое содержание и выявляет ее специфику как научного текста.

Ключевые слова: Кант, натурфилософия XVIII века, материя, эфир.

Кант создал диссертацию «Об огне», чтобы получить ученую степень магистра и иметь возможность заниматься научной деятельностью в стенах университета. Для этого в XVIII веке соискатель с помощью одного из университетских профессоров должен был написать на латыни небольшое пробный трактат (specimen). Затем преподаватели факультета его читали и принимали решение о допуске к устному экзамену (examen rigorosum). В случае успешной его сдачи примерно через месяц происходило торжественное возведение в ученую степень (promotio), которое было важным событием для университета и города в целом. Консультантом Канта был ведущий физик Альбертины Иоганн Готфрид Теске¹ (Johann

¹ Через пять лет, когда в ходе Семилетней войны Кенигсберг будет занят русскими войсками, Теске изберут почетным академиком Российской Академии наук в Санкт-Петербурге.

Gottfried Teske). Он с коллегами высоко оценил кантовскую диссертацию и ответ на экзамене, а о промоции Канта была напечатана заметка в еженедельной кенигсбергской газете [1, S. 294].

Диссертация «Об огне» написана геометрическим методом, широко распространенным в немецкой философии эпохи Просвещения из-за сильного влияния Вольфа и представителей его школы. Она состоит из введения, двух разделов (куда входят двенадцать положений, сформулированных, как правило, в виде тезисов и доказательств) и заключения. В диссертации одиннадцать схематичных рисунков-чертежей. Список литературы и привычный для нас научный аппарат отсутствует, но Кант в самом тексте почти всегда приводит имена ученых, трудами которых он пользовался, иногда он упоминает и названия работ с выходными данными.

Во введении Кант сообщает о предварительном характере своих размышлений об огне, декларирует свое намерение «не потворствовать гипотетическому и самовольному разуму беспрепятственно доказывать» [2, P. 371] и желание следовать «нити опыта и геометрии, без которой едва ли находится выход из тайников природы» [Ibid.]. Таким образом, для молодого Канта залогом достоверности научного исследования являются геометрический метод и опора на эмпирические данные. К чисто умозрительным спекулятивным построениям он доверия не испытывает.

Первый раздел посвящен природе твердых и жидких тел. Кант считает нужным начать свои рассуждения с этого, «поскольку сила огня преимущественно обнаруживается в разрежении тел и разрушении их [внутренней] связи» [Ibid.], и его интересует сцепление элементов, составляющих все тела, между собой. В первом положении Кант утверждает, что текучесть материи невозможно объяснить на основании ее деления «на мельчайшие гладкие и слабо сцепленные части» [Ibid.], неверно интерпретируя картезианские идеи. Во втором положении Кант анализирует закон Паскаля и делает вывод, что жидкости состоят не только из мельчайших элементов, но и из «тончайшей эластичной материи, находящейся между элементами жидкого тела, которая есть не что иное, как материя тепла» [2, P. 372]. В третьем положении Кант утверждает, что эта эластичная материя находится и между элементами в твердых телах. В четвертом положении он с ее помощью объясняет способность металлической проволоки «немного растягиваться подвешенным весом без разрыва» [2, P. 373]. В пятом положении в контексте своей гипотезы о всепроникающей эластичной материи Кант анализирует (с ошибкой в расчетах) закон Гука и опыты о сжатии эластичных тел де ля Гира [3], описанные ровно за пятьдесят лет до создания «Об огне». Раздел завершается общим выводом о том, что «всякое тело состоит из твердых частиц [и] какой-то эластичной материи, находящейся между [ними] словно связующее начало для сплоченности» [2, P. 375].

Второй раздел посвящен материи огня и ее модификациям, теплу и холоду. Его открывает шестое положение, где Кант пишет о некоторых наблюдаемых на опыте свойствах огня, тепла и холода. В седьмом положении материя огня отождествляется с всепроникающей эластичной материей из первого раздела, а тепло именуется «ее волнообразным или вибрирующим движением» [2, P. 376]. Далее Кант приводит в качестве аргумента описание процесса кипения. По мнению Э. Адикеса [4, S. 40] здесь Кант опирается на современные ему учебники физики, но по каким-то причинам о них не упоминает. В восьмом положении, со ссылкой на «Оптику» Ньютона [5], Кантом утверждается, что «материя тепла есть не что иное [как] эфир (или материя света), стиснутый мощной силой притяжения (или сжатия) тел внутри их промежутков» [2, P. 377]. Попутно Кант замечает, что его мнение согласуется с фактом прозрачности стекла и с гипотезой Л. Эйлера [6] о свете как давлении всепроникающего эфира. В девятом положении Кант описывает способ измерения тепла, предложенный Амонтоном, и рассуждает о свойствах воздуха на различных высотах, обобщая идеи Фаренгейта, Бургаве, ле Монье и Секонда. В десятом положении повествуется о природе паров, они, по Канту, состоят из мельчайших пузырьков, частиц жидкостей, удерживающих внутри своих тончайших оболочек эластичный эфир. Одиннадцатое положение раскрывает свойства газов (в терминах Канта «эластичных жидкостей»), описанных С. Хейлсом [7].

Наконец, в двенадцатом положении выявляется природа пламени. По Канту, это пар, доведенный до такой степени, что он «заискрился пылким светом и прекратился разве лишь с недостатком топлива» [2, Р. 383]. Потом Кант, следуя Эйлеру, но не упоминая его, объясняет, как маленькая искорка может разжечь большой огонь, не нарушая принципа механики о равенстве причины и действия. В коротком заключении Кант галантно пишет, что он вверяет и свое сочинение, и себя самого «снисходительной воле, а также благоволению Высочайшего Факультета Философии» [2, Р. 384].

Таким образом, текст магистерской диссертации Канта «Об огне» свидетельствует, что главные критерии научности мало изменились с XVIII столетия. Конечно, большинство кантовских конкретных физических идей в настоящее время устарели, но его методологическое требование при изучении природы «следовать нити опыта и геометрии» [2, Р. 371] по-прежнему актуально.

Список литературы

1. Reicke R., Wichert E (Hg.) *Altpreussische Monatsschrift neue Folge. Der Neuen Preussischen Provinzial-Blätter vierte Folge. Königsberg in Pr.*, 1881.
2. Kant I. *Meditationum quarundam de igne succincta delineatio...* // Akademieausgabe von Immanuel Kants Gesammelten Werken. Band I: Vorkritische Schriften I: 1747–1756. Berlin, 1902. S. 369–384.
3. Hire de la G. *Sur la condensation et dilatation de l'air* // *Mémoires del'Académie Royale des Sciences*. Paris, 1705, P. 144–146.
4. Adickes E. *Kant als Naturforscher*. Bd. 2, Berlin, 1925.
5. Newton I. *Optice: Sive de Reflexionibus, Refractionibus, Inflexionibus & Coloribus Lucis*. Londini, 1719.
6. Euler L. *Nova theoria lucis et colorum* // *Opera omnia*, Geneva, 1942, ser. III, vol. 5.
7. Hales S. *Vegetable Staticks*. London, 1727.

Lugovoy S. V. I. Kant's Master Thesis “On Fire” as a Scientific Text of the XVIII Century

Kant wrote the thesis “*Succinct exposition of some meditations on fire*” (its abbreviated title “On Fire” is more often used) in 1755 as a specimen so that, in accordance with the procedure adopted at that time, he could be allowed to pass “*examen rigorosum*”, a strict master's exam. During the life of Kant, it was not published and was first published in 1838 by G. Hartenstein (by copy), and the following year K. Rosenkranz and F. W. Schubert published the original text of the manuscript in the fifth volume of Kant's collected works. Its Russian translation from Latin language was prepared by the author and is being prepared for publication in “*Kantian Journal*”. The author says about the history of the creation of the first Kant's thesis, gives its structure and brief content, and he reveals its specificity as a scientific text.

Keywords: Kant, natural philosophy of the eighteenth century, matter, ether

УДК 165

ДВЕ ЭКОНОМИКИ НЕИЗБЫВНОГО В «ПИРЕ» ПЛАТОНА

Мальшкин Е. В.

*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: malyshkin@yandex.ru*

В докладе вводится понятие неизбывного, каковое не убывает, если им поделиться. Показывается, что есть два счета и две экономики неизбывного. Это понятие сближается с понятием могущества и эротики – так, как они развернуты в диалоге Платона «Пир». Указывается, что если принять во внимание разнообразие форм неизбывного, то весь диалог предстает не как последовательное обучение восхождению к небесному Эроту, но – как рассказ об Эроте, способном не только соединять разнородные и неустойчивые сообщества вокруг множественности эротического, но и ставший возобновляющейся темой обсуждения в «Пире».

Ключевые слова: распределение знания, экономика неизбывности, эрос

Шеринговая экономика, став модным мемом, не заняла сколько-нибудь заметного места на рынке. Чаще всего под именем шеринга открываются вполне традиционные формы

хозяйствования: аренда, рента и т. д. Но если шеринговая экономика не сделала сколь-нибудь заметных успехов, это еще не означает, что не существует шеринговых вещей.

В известном тезисе, «если у тебя есть яблоко и у меня есть яблоко, и мы обменяемся этими яблоками, то у каждого из нас будет одно яблоко... Если у тебя есть идея и у меня есть идея, и мы обменяемся этими идеями, то у каждого из нас будет по две идеи», речь идет о предметах особого класса: распределенных (дистрибутивных, шеринговых). Но с такого рода предметами мы имеем дело, по всей видимости, гораздо чаще, чем с числами, которые, по вполне традиционной причине, оказываются первыми претендентами на звание хорошо распределенных вещей: это и воспитание людей, и правила дорожного движения, и умение отмерять время по часам, и много чего другого.

Признаки вещи распределенной следующие:

1. Понятны и легко осваиваются правила обращения с нею
2. Совместное использование не наносит ей заметного урона также и в долгосрочной перспективе
3. Ее использование, как и заботу о ней, легко передоверить
4. Она не требует индивидуального владения
5. Совместное использование приводит к получению примерно равной выгоды для всех пользователей, то есть они создают некоторое богатство.

Собственно, начало разговора о хорошо распределенных вещах совпадает с началом истории метафизики: красота, благо, бытие – это как раз то, к чему хотя и затруднительно приблизиться, все же обладает некой неизбывностью: горшки бьются, но красота лишь отстывает, и всегда есть возможность обнаружить ее заново. Или: сколько бы мы ни считали числами, сами числа всегда будут себе равными, они не изотрутятся, не испортятся, не кончатся, они всегда будут нам доступны.

Неизбывность можно понять как неисчерпаемость, как в ленинском определении электрона, и тогда мы попросту перестаем думать о вещах распределенных, мы их воспринимаем как вещи обычные, только очень долгоиграющие. Работа по созданию дефицита, как и борьба против такого создания проходят мимо понимание шеринговых вещей как шеринговых.

Образец рассказа о неизбывных вещах мы найдем в Платоновском «Пире», в речи Аристофана.

Платоновский, в школьном его изводе, вопрос, звучит так: что есть сущность (ousia, т. е. богатство, имущество), каковая делает богатым всякого богатого? В нем предполагается, что у всякого сущего есть богатство, каковое, будучи распределенным среди многих, оказывается их видом (тем, что видно в их образе), эйдосом, и этот вид обладает такими свойствами как вневременность, неизменность, способность наделять собой приближающееся.

В докладе делается попытка показать, что вопрос, что есть богатство, каким богата всякая вещь, может быть задан иначе, то есть, вопрос о двух способах счета богатства, объявляющий различие вечное-временное решающим для разговора о сущем самом по себе, может оказаться поспешностью в определении неизбывности богатства и в согласовании двух его счетов.

Быть неизбывным, то есть взывать к уместному и вовлекать в нерастрачиваемое значит вовлекать в обращение. Правила, законы, порядок описывают это обращение, но различным образом. Правила дорожного движения уместны повсюду, где есть движение, дороги и склонность следовать правилам поведения на них, тогда как правила приготовления утреннего кофе отличаются от раза к разу. Отклоняться от правил ПДД – значит нарушать их, тогда как отклоняться от правил приготовления кофе, глядя на настроение и самочувствие – значит следовать им. Неизбывность эротична, она заставляет многих собираться к одному, но эта эротика неоднородна.

Руководствуясь соображением, что эротика неизбывных вещей разнообразна, мне и хотелось бы предложить способ прочтения платоновского «Пира».

Фигура Сократа-Эрота, неказистого гения, важна для всякого сообщества: она соединяет, но не говорит, надолго ли, и с чем именно. Это чистая переходность, эротизм сам по себе, некая идея Иного. Он – вестник других, но сам незаметен в своей неказистости. Рассказ о неказистом гении и является, на наш взгляд, ответом на загадку, заданную анекдотом о любовниках Гефеста. Любовники, говорит Аристофан, «сами не знают, чего, собственно, хотят друг от друга» (192 с). Потому что не они вовсе хотят. Их влечение начинается не с них, а с другого, именно Другой оказывается ближе, чем самое само. Таким образом, подлинным героем истории, рассказанной в «Пире», является не Сократ-соблазнитель, а хрупкое сообщество похмельных мужей, которые и нуждаются в воссоединении, и осознают единство взаимного притяжения, и знают, что притяжение бывает разных родов, как пошлым, так и небесным. Сократ здесь – не учитель эротики, а попросту бесстрастный сосед, фон, на котором собственно эротическое, эрос времени, описанного в «Пире», только и мог быть обнаружен.

Malyshkin E. V. Two Economics of Inescapability in Plato's "Symposium"

The article introduces the concept of the permanent: what is not decrease, if we share by it. It is shown that there are two accounts and two economies of the permanent. This concept comes close to the concept of power and eroticism – as they are deployed in Plato's dialogue "Symposium". The paper demonstrates, that if we take into account the diversity of forms of the permanent, then the whole dialogue does not appear as a consistent learning to ascend to the heavenly Eros, but as a story about Eros, who able to connect heterogeneous and unstable communities.

Keywords: distributed knowledge, sharing economy, Eros

УДК 101.0

АНТИТЕЗА ТРУДА И НЕТРУДА И ПРАГМАТИКА ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА¹

Сидорина Т. Ю.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация

E-mail: mirros@mail.ru

Наша деятельность, наш повседневный труд давно уже стали непомерно тяжелыми, что позволяет сопоставлять нефизический труд и его тяготы с трудом физическим, когда они сравнимы по тяжести и по последствиям в виде усталости. Труд теряет свою былую значимость. Все больше людей смотрят на труд как на тяжкую повседневность и были бы рады навсегда от нее избавиться. Особенно в условиях гнетущего обострения так называемых глобальных проблем, которые со времени обнаружения их Римским клубом так и остались не только нерешенными, но продолжают предвещать человечеству гибель от глобальной экологической катастрофы, истощения природных ресурсов, неизлечимых болезней, перенаселенности планеты и пр. Что можно противопоставить труду в его ипостаси деятельности, определяющей образ жизни? Что философия понимает под альтернативами труду: лень, праздность, досуг?

Ключевые слова: труд, философия труда, Маркс, Лафарг, досуг, праздность, творчество

Традиционно альтернативой труду называется лень, безделье и праздность. Однако эти понятия, представляющиеся сегодня практически тождественными, существенно эволюционировали в истории.

Начнем с того, что в обиходе понятия «праздность» и «лень» употребляются как тождественные, также, как и понятие «безделье», и, как правило, имеют негативную коннотацию. Всегда ли так было? Мы предприняли некоторый экскурс в историю вопроса и обнаружили довольно существенное расхождение в трактовке этих понятий, которая серьезно эволюционировала на протяжении нескольких столетий (в основном в результате перехода от традиционного к индустриальному обществу).

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-00260 «Труд и его новые формы в условиях социальной неопределенности».

Современная трактовка бездельника, лентяя, тунеядца уходит корнями в период становления индустриального общества, связана с идеями протестантизма как религии труда и обогащения. Со временем индустриальная эпоха показала, насколько тяжел и неоправдан удел трудящегося человека, человека, включенного в систему промышленного производства. Насколько оправданно использовать человека наравне с машиной в угоду капиталу или вообще чему бы то ни было? Что происходит с человеком, трудящимся по 10–12 часов у станка, в цехе, у конвейера и т. д. Что остается от его индивидуальности, развивается ли он как личность? Переход от традиционного общества к индустриальному всегда оценивался как крайне тяжелый этап исторического развития. Можно было бы предполагать, что это окажется ситуацией перехода, но переходный период затянулся, и ничего не предвещало, что эксплуатация человека труда со временем сойдет на нет.

Со временем всепоглощающее трудовое участие, сопровождающееся увеличением смертности, сокращением времени жизни, повышенным травматизмом и т. д., становится объектом исследования философов, экономистов, социологов. Возникает, казалось бы, крамольный (с позиций капиталистического производства) вопрос – а стоит ли приращение капитала, обогащение собственников производства и т. д. человеческой жизни, здоровья, утраченных возможностей личностного развития? Доходит до того, что уклонение от тяжелого труда начинает обсуждаться как необходимое условие сохранения человеческой личности, даже спасения человека.

Что делать? Как восстановить утраченное достоинство человека, превратившегося в раба, утратившего самоощущение своей значимости как величайшего создания природы?

Так, возникают размышления о свободном времени, досуге, о том, что некоторое время назад, до того, как человека стали использовать в качестве придатка заводской техники, человек умел использовать свое свободное время и досуг для самореализации, обретения новых навыков, путешествий, познания мира и т. д.

А как, когда, каким образом, при каких условиях человек мог бы вернуться к такой свободной, наполненной впечатлениями, творческими исканиями жизни?

Вот здесь приходит, воспринимаемая сегодня, скорее, как крамольная, мысль о лени и праздности. В отличие от современного индустриального труда, в условиях лени и праздности как условий времяпрепровождения человек может сохранить и развивать свою индивидуальность.

Лень начинают восхвалять. Тема лени как альтернативы труду развивается в работах П. Лафарга, Оскара Уайльда. Об альтернативе труда физического и творческого размышляет А. А. Богданов.

В конце XX столетия активно обсуждается так называемый феномен «конца труда в его классическом понимании» (З. Бауман). Так, о чем же идет речь: о труде и безделье, или труде и новой деятельности на рубеже досуга и творчества?

Sidorina T. U. The Antithesis of Labour and Non-Labour and the Pragmatics of a Philosophical Text

Our activities, our daily work – have long become excessively heavy, which makes it possible to compare non-physical work and its burden with physical difficulty, when they are comparable in severity and in consequences in the form of fatigue. Labour loses its former significance. More and more people look at work as a difficult everyday life and would be happy to get rid of it forever. Especially in the context of the oppressive exacerbation of the so-called global problems, which since the discovery of their Club of Rome have not only remained unresolved, but continue to foreshadow humankind's death from a global ecological catastrophe, exhaustion of natural resources, incurable diseases, overpopulation of the planet, etc. What can be contrasted with labor in his incarnation of lifestyle-determining activities? What does philosophy mean by alternatives to work: laziness, idleness, leisure?

Keywords: work, philosophy of work, Marx, Lafargue, leisure, idleness, creativity

НАУЧНАЯ ОБЪЕКТИВНОСТЬ VS ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРАГМАТИЗМ: СТРАТЕГИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ГУМАНИТАРНОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ ИНЖЕНЕРИИ)¹

Чеботарева Е. Э.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: lena.che@mail.ru

Автор показывает, как стратегии «мягкой силы», описанной Дж. Наем и С. Анхолтом, могут работать в академических гуманитарных текстах. Опираясь на работу Л. Розель, автор выделяет понятие стратегического нарратива, который способен служить источником широкого влияния, связанного с политическими и культурными ценностями. В качестве поля исследования действия такого нарратива выбраны тексты китайских философов инженерии. В их научных работах, посвященных стремительно развивающейся области – философии инженерии – автор обнаруживает очевидное использование стратегических нарративов.

Ключевые слова: гуманитарные технологии, «мягкая сила», философия инженерии

Социогуманитарные дисциплины всегда вынуждены были обосновывать объективность своих суждений и результатов, а постпозитивистские исследования второй половины 20 века показали, что любая научная дисциплина не автономна по отношению к ценностям ученых и несет в себе субъективность. В ряду многообразных подходов к исследованию мировоззренческой составляющей научного исследования я хочу обратить внимание на то, как научный текст может быть использован в качестве инструмента политической «мягкой силы». Введение понятия «мягкой силы» в научный оборот связывается с именем Дж. Ная, который понимал под ней культурные и политические ценности и внешнюю политику; схожая концепция «странового брендинга» как элемента мягкой силы государства принадлежит С. Анхолту.

В стратегиях «мягкой силы» могут быть использованы возможности различных текстов, как показывает в своих исследованиях Лаура Розель. В статье «Стратегический нарратив: новое средство понимания мягкой силы» Розель рассматривает нарратив (понимаемый как сюжет, повествование, рассказ) в качестве основного ресурса мягкого воздействия на мир. «Рациональные теории годятся для хорошо организованных миров и для подготовленных для них лидеров. Сегодня мы так или иначе находимся в хаотичном мире, с лидерами, слабо подготовленными для его сложностей. Нарративы даже больше важны для упорядочивания хаоса» [5, Р. 74]. «Неотразимые нарративы», по утверждению Розель, могут быть источником силы и способны притягивать людей к определенным акторам, событиям и повествованиям, связанным с историей страны или ее политической спецификой, не исключая более широкого влияния.

Философский нарратив, повествующий о национальной истории идей, может обладать действием «мягкой силы», акцентируя внимание на положительных аспектах развития данной страны, ее перспективах и значимых позициях. С точки зрения использования этой стратегии можно исследовать различные гуманитарные тексты, среди которых в качестве примера я выбрала направление китайской философии инженерии.

Философия инженерии за последние несколько десятилетий дисциплинарно отделилась от философии техники и породила бурные международные дискуссии относительно предмета своего исследования. Первичный анализ текстов китайских философов инженерии позволяет сформулировать предположение, что они используют свои исследования в качестве инструментов «мягкой силы», направленных как на отвоевание места в философской истории идей, которая носит по преимуществу западный характер, так и на позиционирование экономической и технологической мощи Китая. Многие статьи китайских исследователей содержат в себе следы следующих нарративов, выраженных в разной степени:

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00920 «Революционные трансформации в науке как фактор инновационных процессов: концептуальный и исторический анализ»

1) Рассмотрение предмета исследования в контексте противостояния Запад – Китай. При этом обязательно предъявляются особенные черты китайской цивилизации (конфуцианство, даосизм, буддизм, марксизм), которые обеспечат эффективные мировоззренческие подходы для преодоления исследовательских проблем. Зачастую в процессе сравнения ситуаций Запада и Китая проявляется дискурс превосходства. (Пример. Китайский философ инженерии Бао Оу подчеркивает, что развитие философии инженерии в западных научных кругах происходило позже, чем в Китае, ссылаясь на даты конференций, создания профильных журналов и выхода книг. Современная философия науки и философия техники появились в Европе и Америке, в этих сферах Китай был отстающим, отмечает Бао Оу. Однако в процессе подъема инженерной философии китайские ученые оказались на самых передовых рубежах, они стали соиздателями инженерной философии» – утверждает Бао Оу, и ссылается на Ли Боцуна, который указал, что в западной философии есть серьезные заблуждения в трактовке ключевых вопросов создания вещей и создающего вещи разума [2].)

2) Нарратив «спасателя»: подчеркивается, что Запад испытывает определенные проблемы, которые могут быть решены с помощью китайского партнера. (Пример. Бао Оу описывает проблемную ситуацию следующим образом. В середине и конце XX в. человечество столкнулось с исторически беспрецедентными и обостряющимися день ото дня глобальными угрозами, которые соседствовали со спадом в философии «по сути и по функциям». Для изменения этой ситуацией «китайские исследователи на основе изучения современной науки, техники (технологий) и инженерии выделили на «философской карте» новый независимый регион философии инженерии, выдвинули ее исследовательскую программу, рассмотрели специфические черты, сущность, статус и роль инженерии; специфику инженерного мышления; методологию инженерии; сходства и различия между философией инженерии, философией науки и философией техники...» [1]).

3. «Партнерский» нарратив. В этом случае китайские философы обнаруживают сходство или общие интересы с Западом, и видят свои исследования как средство укрепления этих отношений. (Пример. Китайский философ Као сравнивает программы по инженерной этике в Китае и в США и приходит к такому выводу: «Несмотря на различные преимущества и недостатки, как было проанализировано ранее, программы по инженерной этике в Китае и США находятся в процессе реализации. Тем не менее, обе программы нуждаются в значительных улучшениях с точки зрения локализации и глобализации. В нынешнем экономическом обществе, движимом технологиями и разработками, США являются первым экономическим субъектом и сильной инженерной силой, а Китай – вторым экономическим субъектом и крупным производителем технологий. Я пришел к выводу, что оба могут и должны учиться на общих чертах и различиях в инженерной этике и инженерно-этическом образовании. Обе страны могут сотрудничать посредством исследований, образовательных программ обмена для преподавателей и студентов или совместного онлайн-обучения» [3, С. 1632]).

Более развернутое исследование подобных нарративов показывает, как философские и научно-технические проблемы могут быть использованы в академическом дискурсе как площадки для неявного («мягкого») выражения экономических и политических интересов конкретного государства.

Список литературы

1. Бао Оу. Становление философии инженерии в Китае // Проблемы Дальнего Востока. – 2013. – № 4. – С. 135–147
2. Бао Оу. Основные вопросы философии инженерии // Вопросы философии. – 2014. – № 7. – С. 59–67.
3. Чеботарева Е. Э. Гуманитарные исследования как ресурс мягкой силы: новый критерий эффективности? // Конфликтология. – 2017. – № 1. – С. 239–250.
4. Cao G. Comparison of China-US Engineering Ethics Educations in Sino-Western Philosophies of Technology // Science & Engineering Ethics. Dec 2015, Vol. 21, Issue 6, P. 1609–1635.
5. Davis M. Defining Engineering From Chicago to Shantou // The Monist 92 (3): 325–338 (2009)

6. Roselle L. Strategic narrative: A new means to understand soft power // Media, War & Conflict, 2014, Vol. 7 (1). P. 70–84

Chebotareva E. E. Scientific Objectivity vs Political Pragmatism: Strategy of “Soft Power” in the Humanitarian Text (Chinese Philosophy of Engineering).

Paper demonstrates how the strategies of “soft power” described by J. Naem and S. Anholt can work in academic humanitarian texts. Author highlights the concept of strategic narrative, basing on the work of L. Roselle, and shows how it is able to serve as a source of broad influence associated with political and cultural values. Paper considers the texts of the Chinese philosophers of engineering as the field for studying the application of such a narrative. Author reveals the obvious use of strategic narratives in their scientific works on a rapidly developing field - the philosophy of engineering.

Keywords: humanitarian technologies, “soft power”, philosophy of engineering

УДК 165.12

НАУЧНЫЙ ТЕКСТ: ЗАВИСИМОСТЬ ОТ СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ¹

Шиповалова Л. В.

*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: ladaship@gmail.com*

В докладе рассматривается трансформация научного текста в зависимости от сферы его влияния. Демонстрируется возможная угроза научности, связанная с функционированием текста в сфере взаимодействия науки и общества.

Ключевые слова: научная коммуникация, посредничество, цели научного текста.

Научный текст представляет собой не только объективацию познавательной деятельности, ее репрезентацию в форме, доступной тем, кто стремится к пониманию науки. Он также выражает цели ученого и научного сообщества, предполагающего воздействовать на своего адресата. В качестве этого адресата могут выступать также ученые, причем речь может идти о сфере профессиональной коммуникации внутри одного сообщества или о междисциплинарном взаимодействии. Научный текст может быть обращен к студентам, обучающимся науке, и предназначен для сферы высшего образования. Он может иметь целью и влияние на не профессионалов, на тех, кто непосредственно не занимается наукой, однако зависим от ее результатов или интересуется ее практиками. В этом случае сфера влияния научного текста предельно расширяется и включает как управляющих обществом субъектов, принимающих политические решения на основании экспертных заключений, так и общество в целом, жизнедеятельность которого в различных аспектах обусловлена результатами научных исследований и экспертиз. Во всех этих случаях научный текст оказывается посредником различных взаимодействий, проводником влияния одних субъектов (ученых) на других, связанных с наукой в том или ином смысле.

Стоит, однако, поставить вопрос, насколько эта функция посредничества может изменять существо научного текста. Б. Латур, раскрывая основные элементы акторно-сетевой теории, различает функции посредников и проводников [1, С. 55–63]. Вторые способны передавать интенцию взаимодействия без искажения. Первые же – содержательно включаются в медиацию и могут быть рассмотрены в качестве акторов, возможно со своими собственными интересами. В этом случае речь идет о влиянии посредника на участников взаимодействия. Возможно ли обратное влияние? И, если возможно, если научный текст – способ репрезентации результатов научной деятельности – трансформируется в зависимости от того, в каком контексте он функционирует, на кого он влияет, то можем ли мы говорить о сохранении его научности во всех случаях?

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта, поддержанного РФФИ (№18-511-00009 Бел-а) «Научное лидерство и особенности его трансформации в условиях становления инновационной экономики в постсоветских странах (на примере России и Беларуси)».

С чем могут быть связаны различия сфер влияния научного текста? Текст представляет собой объективацию знания как необходимое условие его потенциально всеобщего распределения². Различными оказываются цели этого распределения. В первом случае – профессиональной коммуникации – цели научного текста связаны с достижением объективности, рождающейся благодаря спорам, дискуссиям [2], а также подтверждающему воспроизводству результатов³. И то и другое находит свое выражение в научных текстах. Кроме того, целью научного профессионального текста может быть легитимация новизны посредством признания ее значимости в научном сообществе. Во втором случае образовательной коммуникации целью научного текста становится вовлечение студентов в исследовательский процесс, если, конечно, мы признаем, что идея исследовательского университета до сих пор не только провозглашается, но и фактически реализуется. В этом смысле цель научного образовательного текста не отличается принципиально от цели текста профессионального. Тем более, что в современном университете приветствуется апелляция к актуальным исследованиям и использование профессиональных публикаций в процессе обучения.

Специфика сферы влияния научного текста может быть обнаружена в последнем случае, где научный текст оказывается посредником взаимодействия науки и общества. Здесь уместность целей, которые представляются характеристиками научности – достижение объективности и новизны, а также репрезентация их в тексте, – может быть поставлена под вопрос. В терминологии М. Вебера объективность состоит в том, что ученый представляет слушателям (читателям) не только свою позицию, но и «неудобные с точки зрения этой позиции факты» [4]. Однако в случае коммуникации с публикой и управляющими субъектами научный текст выступает основанием принятия решений и практических действий. Именно такова его цель в этой сфере влияния. Предположенная к легитимации новизна или репрезентация альтернативных фактов, присутствующих в тексте, могут помешать реализации такой цели. Исследователи в области публичной научной коммуникации показывают, что в случае представления научных экспертных суждений в сфере общественных дискуссий, в частности в исследованиях климата, ученым приходится отказываться от этических идеалов честности, открытости и прозрачности [5]. Не изменяет ли при этом научное сообщество и ценностям объективности и новизны? Не становится ли при этом ученый в терминологии М. Вебера вождем, меняющим кафедру на трибуну, а научность на возможность влиять на решения и последующие практические действия?

Итак, проблематичность функционирования научного текста связана с тем, что сферы его влияния и цели, которые стремится реализовать научное сообщество при этом, трансформируют его и даже создают угрозу его научности. Это относится по преимуществу к ситуации, когда научный текст становится посредником не внутренней профессиональной, но внешней публичной научной коммуникации. Вопрос, на который предполагается ответить в докладе, состоит в том, как быть с научностью текста в этом случае? Следует ли изменить в соответствии с требованиями времени критерии научности? Допустимо ли признать, что экспертный текст, представленный учеными как основание для принятия значимых общественных решений может утратить научный статус? Можно ли найти компромисс и совместить цели публичной научной коммуникации с традиционными требованиями научности, среди которых базовыми можно считать объективность и новизну?

² Отметим, что в современную цифровую эпоху такие возможности приобретает и научная речь, будучи записанной. Записанная речь также как и текст теряет открытость непосредственной коррекции и уточнению в процессе диалога-обсуждения. Именно в этом смысле он-лайн образование, особенно если оно не сопровождается непосредственным общением с обучающимися, мало отличается от образования посредством чтения учебников.

³ Воспроизводство результатов представляет собой большую проблему в современной науке. Недавние исследования в области социальных наук обнаружили, что очень малый процент научных открытий, опубликованных в ведущих журналах, оказался воспроизводимым. Однако проблема не только и не столько в недобросовестности ученых: воспроизводство как правило не получает фондовой поддержки, кроме того, результаты опросов редакторов журналов говорят об отсутствии интереса к текстам, содержащим не новое знание, но проверку уже имеющегося [3].

Список литературы

1. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. – М, 2014 – 384 с.
2. Поппер К. Логика социальных наук // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. – М., 2000. – С. 289–313.
3. Romero F. Novelty versus Replicability: Virtues and Vices in the Reward System of Science // Philosophy of Science. 2017. Vol. 84. № 5. P. 1031–1043.
4. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М. 1990. – С. 707–735.
5. John S. Epistemic trust and the ethics of science communication: against transparency, openness, sincerity and honesty // Social Epistemology. 2018 Vol. 32, № 2 P. 75–87.

Shipovalova L. V. Scientific Text: Dependence on Influence.

The report deals with the transformation of a scientific text depending on its sphere of influence. The author demonstrates the possible threat of scientific character of the text connected with the functioning of the text in the sphere of science communication.

Keywords: science communication, mediation, targets of scientific text.

УДК: 165.9

СТАТУС НАУЧНОЙ СТАТЬИ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ РИТОРИКЕ: ПОРОЖДЕНИЕ НОВОЙ ДОГМЫ¹

Шкорубская Е. Г.

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: shkorubska@gmail.com*

В докладе рассматривается статус научной статьи в современных научно-популярных текстах. В силу радикализации результатов научных исследований в научно-популярных текстах возникает опасность формирования ненаучной картины мира и неверное впечатление о роли научной публикации в развитии дисциплинарного знания. Автор показывает, что для целевой аудитории ссылка на статью в подобных публикациях является скорее маркером научности, чем средством проверки достоверности предлагаемого материала. Научное знание, преподнесенное в этой форме, является, прежде всего, экспертным знанием, что лишь на шаг отделяет его от догматического знания, исходящего от авторитета.

Ключевые слова: научная статья, популяризация науки, экспертное знание, научная коммуникация

Выход науки в публичную сферу и рост её авторитета в общественной жизни привели к тому, что научная журналистика стала полноценной профессией, и «science communication» зачастую понимается именно как коммуникации науки и общества. О публичной роли науки можно говорить в достаточно широком смысле, однако мы будем рассматривать прежде всего представленность науки в публичном пространстве сети Интернет в виде научно-популярных текстов (или – шире – контента, так как мы будем учитывать в том числе видеоформат и другие способы оформления текста). Речь будет идти о тексте, созданном для непрофессионалов – людей, которые, предположительно, не обладают какими-либо знаниями в отдельных науках.

Чтобы медиаплощадка была востребована (будь то научно-популярный сайт, паблик в социальных сетях или видеоблог), необходимо ее регулярное пополнение новым контентом, и новости о научных открытиях являются самым простым способом поддержания жизнедеятельности информационного ресурса. Общей чертой таких текстов является то, что они, как правило, основаны на научных статьях, в которых опубликованы результаты освещаемых исследований. Однако по сравнению с научными статьями, на которые они опираются, заголовки таких текстов более радикальны, а сам материал преподносится более однозначно. Разумеется, формулировки могут несколько смягчаться, но общая тенденция сохраняется – уже на уровне заголовка значительно усиливается несомненность полученных

¹ Доклад подготовлен при поддержке Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, проект №ВГ-25/18 «Критическое мышление в контексте электронной текстовой культуры: проблемы и способы формирования»

результатов, что является симптомом отчуждения знания от научного поиска, хотя иллюзия связи и сохраняется посредством ссылки на научную статью.

Необходимо принимать во внимание, что статьи – передний рубеж научного знания, т. е. данные, которые еще не прошли апробацию научным сообществом, преодолев только первичный фильтр – рецензирование и редактуру в научном журнале. Радикализация результатов исследования, опубликованных в научных статьях, может в перспективе не только привести к формированию ненаучной картины мира, но и создать неверное впечатление о роли научной публикации в развитии дисциплинарного знания. На сегодняшний день новейшая научная статья в англоязычном периодическом издании уже считается наиболее значимым и достоверным источником в научно-популярных текстах. И в силу того, что информационно-новостные публикации чаще всего основаны на англоязычных статьях, в зависимости от квалификации автора новости возможны существенные искажения результатов, вызванные некорректным переводом.

В качестве негативного примера можно привести публикацию в научно-популярном паблике «N+1»² от 15 марта 2019 года под заголовком «Тяжелый умственный труд связали с развитием диабета второго типа у женщин»³. Ссылка в публикации ведет на страницу научно-популярного сайта «N+1»⁴, где размещен основной текст новости, содержащий, в том числе, и ссылку на аннотацию научной статьи на сайте рецензируемого издания⁵. Негативным этот пример является потому, что в оригинальной статье речь шла не о «тяжелом умственном труде», а о «психическом напряжении» и «стрессе, связанном с работой». Примечательно, что данная публикация вызвала оживленный спор в социальной сети ВКонтакте, где на протяжении 46 комментариев обсуждалось, что является тяжелым умственным трудом, а что нет, и почему педагоги (которые были основными испытуемыми в оригинальной статье) считаются работниками тяжелого умственного труда. Для того, чтобы обнаружить неточность перевода, достаточно было прочесть аннотацию оригинальной статьи.

Этот пример приводит нас к следующей проблеме: для целевой аудитории ссылка на статью в подобных публикациях является скорее маркером научности, чем средством проверки достоверности предлагаемого материала. Читатель скорее проверяет наличие этой ссылки, чем содержание, и склонен удовлетвориться первым – научная статья сама по себе является *авторитетным* источником и в перепроверке не нуждается. Это приводит нас к парадоксальной ситуации: предоставляя ссылку на первоисточник, научно-популярный текст предполагает возможность обращения к нему и проверки информации, представленной в новости, что потенциально способствует формированию критического мышления. Однако на практике научная статья имеет такой статус, что одно ее упоминание подтверждает истинность сказанного и устраняет необходимость сомнения. Научное знание, преподнесенное в этой форме, является, прежде всего, экспертным знанием, что лишь на шаг отделяет его от догматического знания, исходящего от авторитета. Становясь в оппозицию заблуждениям и предрассудкам, современные просветители нередко претендуют не просто на опровержение распространенных антинаучных мифов, но и на формирование у целевой аудитории критического (или, иногда, скептического) мышления. Но при этом происходит подмена критического отношения к информации иерархией более авторитетных и проверенных источников.

Как правило, потребители научно-популярного контента не обладают должной компетенцией для проверки того, что сообщается популяризатором науки, даже если даны всевозможные ссылки на первоисточники. Здесь формирование критического мышления сталкивается с проблемой *domain knowledge*, или специального знания, и возникает вопрос: можно ли сформировать «критическое мышление вообще», не привязывая его к какой-либо предметной области. Очевидно, что в науке критическая установка формируется у

² Научно-популярная площадка N+1 (здесь и далее) <https://vk.com/nplusone>

³ https://vk.com/nplusone?w=wall-91933860_241501

⁴ <https://nplus1.ru/news/2019/03/15/diabetes-mental-work>

⁵ <https://ejebioscientifica.com/view/journals/eje/180/4/EJE-18-0804.xml>

исследователя в процессе его приобщения к исследовательской культуре соответствующей дисциплины, и эта критичность всегда обеспечивается профессиональными знаниями. При популяризации научного знания мы не имеем такой возможности. Пытаясь при этом противостоять анти- и лженаучным доктринам, современное просветительство противопоставляет ложные факты истинным, при этом истинность последних обусловлена исключительно авторитетом научного знания как такового.

Shkorubskaya E. G. The status of a scientific article in popular science rhetoric: the creation of a new dogma

The report examines the status of a scientific article in modern popular science texts. Due to the radicalization of the results of scientific research in popular science texts, there is a danger of forming an unscientific picture of the world and a false impression about the role of scientific publication in the development of disciplinary knowledge. The author shows that for the target audience, a link to an article in such publications is more a marker of scientificity than a means of verifying the reliability of the proposed material. Scientific knowledge presented in this form is, first of all, expert knowledge, which only one step separates it from dogmatic knowledge emanating from authority.

Keywords: scientific article, popularization of science, expert knowledge, scientific communication

ПРАГМАТИКА И СЕМАНТИКА РЕЛИГИОЗНЫХ И ЦЕРКОВНЫХ ТЕКСТОВ

УДК 111.85

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТОВ В ПАРАДИГМЕ ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛОВИЯ

Алешкова Ю. Б.

*Российский православный университет святого Иоанна Богослова, г. Москва, Российская федерация
E-mail: Aleshkova@mail.ru*

В докладе рассматриваются вопросы философско-эстетического обоснования естественного богопознания в традиции энергийной теории православного богословия.

Ключевые слова: богословская эстетика, проблема богопознания.

Библейские тексты регулярно подвергаются толкованиям и многоуровневому анализу в рамках философско-эстетических исследований, базирующихся на фундаменте православного богословия. Современная православная богословская эстетика в своих положениях о чувственной явленности божественного начала как божественной славы в тварном мире, опираясь на энергийную теорию богооткровения, часто останавливается на рассмотрении фрагментов ветхозаветных и новозаветных текстов, наиболее ярко свидетельствующих о глубинных смыслах феномена эстетического воздействия прекрасного на человека.

Одним из таких фрагментов являются знаменитые слова апостола Павла: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество от создания мира через рассматривание творений видимы...» (Рим. 1. 20)

Существует несколько типов обоснования феномена естественного богопознания, описанного в этой фразе. Одно из обоснований носит характер эстетический и основано на природе художественного творчества. Оно связано с часто встречающимся у святых отцов (например, свт. Василий Великий, свт. Григорий Нисский) сравнении Божественного Творца мироздания с художником, отражающим свои личностные черты в собственном художественном творении. В такой трактовке красота и величие мира становятся художественными производными личностного совершенства его Божественного автора, открывающегося внимательному созерцателю в эстетическом познании мира.

В этом контексте стоит обратить внимание и на многократно повторяемые слова из книги Бытия: «И увидел Бог, что это хорошо» (Быт. 1. 8, 10, 12, 18, 21, 24) сильно акцентирующие созерцательный момент при творении мира (будто смотрят со стороны на художественное произведение и одобряют его). В этих словах как бы подчеркивается предназначенность творения к созерцанию и к познанию славы Божией в мироздании. И первым созерцателем, дающим оценку художественному произведению, выступает Сам Творец и Божественный Художник [2, С. 27]. Протоиерей Александр Салтыков сравнивает мироздание до грехопадения с иконой Бога, перед которой служили ангелы и говорит о литургичности райского пространства [2, С. 25].

Другое обоснование таинственного откровения божественных черт и свойств в тварном мире относится к философско-богословскому дискурсу. Бог выступает здесь как вторая ипостась, которой мир творится («Им же вся быша» – в Символе веры), а также – предвечный Логос, соединивший в Себе в прологе Евангелия от Иоанна (Ин. 1. 1–18) живую воплощенную Божественную Личность с одним из главных структурообразующих начал мира в умозрении греческой метафизики [3, С. 205]. Представление о неразрывности в Боге бытия и сознания постепенно приводит византийскую богословскую мысль к идее слияния творческих «идей Бога о мире» и личностных божественных свойств. «Имена Бога» становятся началами мироздания.

В трактате Псевдо-Дионисия Ареопагита «О божественных именах» каждое Божественное имя (Свет, Красота, Покой, Движение, Равенство др.) содержит в себе биполярное отношение: один полюс указывает на то, что Бог сообщает о Себе вовне, а другой относится к внутренней жизни Самого Бога, то есть каждое имя превращается в образ Бога, где выражающее – Его действия в мире, а выражаемое – Он Сам [4, С. 241].

Преподобный Максим Исповедник призывает к духовному умозрению тайны мироздания, замысла уподобления мира Богу, который прозревается через логосы как частичное подобие Богу в образах: «Ибо высочайшей Благости [Божией] было свойственно не только учредить божественные и нетелесные сущности умопостигаемых [вещей] в качестве подобий неизреченной и божественной славы, воспринимающих, насколько то дозволено и соразмерно им, непостижимую зрелость недостигаемой Красоты, но и примешать к чувственным [вещам]... отражения Своего Величия, могущие доставить человеческий ум, возносимый ими, прямо к Богу» [1, С. 141].

Современный греческий философ и православный богослов Христос Яннарас объединяет обе описанных выше традиции толкования описанной апостолом Павлом естественной теофании и, опираясь на энергийное богословие свт. Григория Паламы, пишет, что, как любое художественное произведение выражает личностные черты художника, но не его природу или сущность, так же точно сущее отображает Бога и что «через логосы творений мы можем познать неповторимость личностных энергий Творца (как узнаем конкретного композитора в особом звучании его музыки или конкретного художника – в отличительных чертах его картин)» [5, С. 46].

С вопросом естественного богопознания также неразрывно связана проблема образа Божия в человеке и богоуподобления человека, чувственно созерцающего славу Божию в мире. Целостная концепция этой богословско-эстетической модели заключена в словах апостола Павла: «Мы же все, открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» (2. Кор. 3. 18). Во-первых, здесь обозначен единый для человека и мира Божественный первообраз (придающий эстетическому созерцанию эффект зеркала); во-вторых, заявлен эстетический способ уподобления этому первообразу – созерцание божественной славы, то есть явленных в чувственной форме божественных энергий; и, в-третьих, аналогичность этого способа богоуподобления благодатному освящению в таинствах («как от Господня Духа»).

Таким образом философско-эстетическая мысль основывается на библейских текстах теорию множественной явленности в чувственной форме тварного мира его энергийной наполненности божественными свойствами и о призванности человека к духовному созерцанию как к богообщению и обожению через чувственное созерцание.

Список литературы

1. Преподобный Максим Исповедник. Вопросы к Фалассию // Творения преподобного Максима Исповедника. Книга II. – М.: «Мартис», 1993. – 285 с.
2. Салтыков А. прот. Художественный принцип Божественного творения мироздания // Искусство христианского мира. Сборник статей. Вып.10. – М.: ПСТГУ, 2007. – С. 15–34.
3. Трубецкой С. Н. Учение о Логосе в его истории. Философско-историческое исследование. – СПб.: «Издательство Олега Абышко»; «Университетская книга-СПб», 2009. – 608 с.
4. Брэдшоу Д. Аристотель на Востоке и на Западе: Метафизика и разделение христианского мира. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 384 с.
5. Яннарас Х. Хайдеггер и Ареопагит, или об отсутствии и непознаваемости Бога // Яннарас Х. Избранное: Личность и Эрос. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 7–89.

Aleshkova Ju. B. Philosophical and Aesthetic Reading of Biblical Texts in the Paradigm of Orthodox Theology

The paper deals with philosophical and aesthetic justification of natural knowledge of God in the tradition of the energy theory of orthodox theology.

Keywords: theological aesthetics, the problem of knowledge of God.

ИКОНА КАК НЕВЕРБАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

Балкин Е. Л.

Крымский университет культуры искусств и туризма, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: kompozicia@mail.ru

Цель данного исследования – изучение иконы как невербального художественного текста. Показан ряд примеров из истории иконописи, соотнесены иконописный канон и идиолект. Икона рассмотрена в семиотическом и коммуникативном аспектах.

Ключевые слова: знак, идиолект, икона, искусство, канон, невербальный текст, образ, религиозный текст, художественный текст.

Образ – не подлежащий однозначному прочтению расширяющийся знак. Исходя из этого определения, икона, являясь художественным невербальным текстом, и, следовательно – образом, несет в себе максимум информации и минимум ее однозначного прочтения. Дистанция между семантикой и прагматикой религиозного текста не может быть до конца снята каноном, поскольку фиксированный канон зачастую заслонен индивидуальным прочтением художественной иконописной формы – «мы не знаем, прежде всего, что в изображении было релевантным для художника, т. е. тем или иным образом соотносилось с определенным значением, а что – не релевантно, т. е. вовсе не являлось знаковым» [1, С. 221]. Но, на наш взгляд, не будь этого, продиктованного эстетикой «зазора», икона потеряла бы во многом свое сакральное значение, поскольку именно художественная ее сторона провоцирует личностное восприятие, непосредственный диалог с духовными сущностями, как для художника, так и для зрителя.

Изобразительный язык, присущий иконописи, носит идиолектический характер не всегда, а тогда только, когда речь идет о подлинно художественном авторстве. «Именно потому, что древний иконописец столь неотступно следовал иконописному “подлиннику”, т. е. раз навсегда установленной композиции, и стремился не допустить никаких новшеств в трактовке содержания, особенно наглядным становится изменение языка живописных приемов, которыми он пользовался» [1, С. 222]. Примерами такого идиолекта могут послужить иконописные произведения Феофана Грека, Андрея Рублева, Дионисия и других мастеров. При этом обратная перспектива, ограниченная цветовая палитра, фиксированные позы и жесты, удлинённые пропорции фигур, характерные для иконы в целом, носят семантический характер, в то время как идиолект продуцирует неоднозначный образ.

Итак, икона, оставаясь каноническим религиозным невербальным текстом/сообщением, соединяет в себе, с одной стороны устойчивое начало, позволяющее коммуницировать верующему не только с объектом веры, но и с церковным институтом, а с другой – подвижную творческую компоненту, обеспечивающую вначале диалог художника и зрителя, а после – глубокое личное вовлечение в пространство сакрального. В этом, на наш взгляд, и состоит культурный феномен иконы, когда через призму восприятия художника (фиксированную, тем не менее, рамками канона), зрителю открывается духовный, не ограниченный однозначным прочтением мир. Икона, таким образом, представляется нам как идеальное художественное произведение, где авторское начало служит проводником не только в мир прекрасного, но и совершенного, выводя прагматику на качественно иной уровень.

Список литературы

1. Успенский, Б. А. Семиотика искусства. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 360 с.

Balkind E. L. The Icon as a Non-Verbal Message

The purpose of given study is to study the icon as a non-verbal artistic text. A number of examples from the history of icon painting were investigated, the iconographic canon and the idiolect were correlated. The icon is considered in the semiotic and communicative aspects.

Keywords: art, artistic text, canon, icon, idiolect, image, non-verbal text, religious text, sign.

ТЕКСТЫ СОВРЕМЕННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ И ЦЕРКОВНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ

Грива О. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: ogriva@yandex.ru*

Опираясь на современные подходы к анализу текстов с точки зрения философии языка, в частности на семиотику и прагматику, автор показывает возможные пути изучения и анализа текстов современных религиозных лидеров. В качестве примера в статье рассмотрены тексты современных мессий – субъектов, выдающих себя за посланников Божиих. Данные тексты рассмотрены в контексте изучения проявлений представителей новых религиозных движений.

Ключевые слова: текст, семиотика, прагматика, новые религиозные движения, мессианство, мессия.

В современной философии понятие «текст» имеет важное и широкое значение. Можем предположить, что текст занял данное место вследствие так называемого лингвистического поворота развития философии, объявленного Л. Витгенштейном в начале 20 в. Развитие языка как способа выражения смыслов привело к развитию языкового аспекта философии, к постоянному толкованию текстов и поиску их многогранных смыслов [1]. Более того, в процессе толкования текстов проявилась и традиция относиться ко всякой вещи, как тексту, имеющей его признаки: связность, структурированность, осмысленность, динамичность и т. п. [2]. Само представление о текстуальности мира вещей не является новым, а в какой-то мере продолжает средневековую концепцию «двух Книг»: Книги книг – Библии и Великой Книги Природы. Тексты священного Писания относили к непосредственному Божественному откровению, а природу – к натуральному. Оба текста, истолкование и понимание которых ведет по пути Богопознания, объединяли фактором богоданности.

Оригинальными источниками для понимания происходящего в современной религиозной сфере являются тексты современных религиозных и церковных деятелей. Такого рода тексты интересно подвергать анализу с точки зрения выделения аспектов: семиотического и прагматического; поискам идеального и субъективного. Особенно интересны и показательны подобные тексты, рождающиеся на сломе эпох, церковных расколов и других катаклизмов религиозного и церковного характера. Так, например, для понимания такого явления как современное мессианство, приведем примеры анализа текстов некоторых из современных мессий.

Мессианство или мессианизм (от «мессия», он же – помазанник, «машиах», с древнееврейского), – религиозное учение, гласящее о том, что в мир должен прийти божий посланник (сын божий), целью которого будет установление мира и покоя, фактически, божественного порядка. Мессианизм, как учение и как явление, присутствует в ряде мировых религий. Особенно характерен мессианизм для авраамических религий: иудаизма, христианства и ислама. Также всплесками мессианства отмечены времена особых затруднений, испытываемых той или иной социальной общностью (древние евреи в плену, исламские шииты в ожидании Махди, современные христиане в ожидании второго пришествия Христа и т. д.).

Наблюдение за проявлениями современных мессий и анализ их текстов позволили нам выделить несколько ведущих смысловых блоков в их посланиях, таких как: функции мессии; способы и формы реализации функций; взаимоотношения с официальными религиозными институтами и светской властью; окружение мессии; судьбы человечества, перспективы его развития и гибели.

Анализируя тексты одного из современных мессий, А. В. Набабкина-Романюка – лидера нового религиозного движения «Аура Руса», мы нашли эффективным выделение их семиотического (смыслового) и прагматического (деятельностного) компонентов. Учитываем тот факт, что прагматика рассматривает такие вопросы, как: во-первых, отношение говорящего к тому, что и как он говорит: (критериями могут быть – истинность,

объективность, предположительность речи, ее искренность или неискренность, приспособленность к социальной среде и социальному положению слушающего и т. д.); во-вторых, интерпретация речи слушателем – как он ее воспринимает, как истинную, объективную, искреннюю или, наоборот, ложную или вводящую в заблуждение. Таким образом, анализируя тексты А. В. Набабкина-Романюка, например, по вопросам взаимоотношений мессии и официальных религиозных институтов, мы зафиксировали попытки войти в близкие контакты с правящей иерархией Русской православной Церкви (РПЦ); стремление оказывать влияние на главу РПЦ путем похвал и порицаний и, более того, предложение (попытка) заменить Константинопольский Патриархат как дискредитировавший себя вселенский координирующий центр православных церквей своей организацией, с последующим распределением ролей в предлагаемой структуре и угрозами на случай неповиновения.

Список литературы

1. Костикова А. А. Философия языка: реконструкция проблемного поля // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2018. – №1. – С. 23–31
2. Руднев В. П. Философия текста // Академик. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/917/ (Дата обращения: 12.08.2019)

Griva O. A. Texts of Modern Religious and Church Leaders as a Subject of Study

Based on modern approaches to the analysis of texts from the point of view of the philosophy of language, in particular on semiotics and pragmatics, the author shows the way of studying and analyzing texts of modern religious leaders. As an example, the article examines the texts of modern messiahs – subjects posing as messengers of God. These texts are considered in the context of studying the manifestations of representatives of new religious movements.

Keywords: text, semiotics, pragmatics, new religious movements, messianism, messiah.

УДК 230.1

О СПЕЦИФИКЕ ОНТО-ТЕО-ЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (С ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ)¹

Катречко С. Л.

*Российский православный университет святого Иоанна Богослова, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: skatrechko@gmail.com*

В докладе будет дан трансцендентальный (семантический) анализ онтологических (философских и теологических) текстов, язык которых имеет символический (без-денотативный) характер, а «логика» рассуждений которых использует трансцендентальную аргументацию (Кант).

Ключевые слова: онтология, символический язык [философии], трансцендентальный метод (аргументация), трансцендентальная теология.

О методологии нашего подхода. Ниже мы предпримем некоторый анализ «онтологических» (философских и религиозных) текстов, но сразу следует оговориться, что наш анализ будет носить не *содержательный*, а формальный (логико-семантический, трансцендентальный) характер.

1. В своей работе «Что такое философия?» Ж. Делез и Ф. Гваттари выделяют три типа познавательных практик: философию, науку и искусство, – и характеризуют каждую из них своей неповторимой *семантикой*. Так, например, *наука* (resp. научный дискурс) характеризуется *планом референции*. Это предполагает, что научные термины (понятия) должны иметь свой референт (денотат), т. е. обозначать какой-то реальный предмет (вещь,

¹ Исследование подготовлено при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00925.

явление) физического мира². А *искусство* (например, литература), посредством литературных героев, отсылает к каким-то явлениям (перцептам, аффектам) внутреннего мира человека, т. е. свидетельствует о наличии в искусстве своего плана денотации. Специфика *философии*, деятельность которой состоит в «изобретении [новых] концептов»³ состоит в том, что она (resp. философский дискурс) не имеет предметной денотации, т. е. денотативных планов внешнего или внутреннего миров. Тем самым создаваемые тем или иным мыслителем (философом) концепты имеют только *смысл* (Делез – Гваттари говорят в этой связи о *плане имманенции*⁴), но не имеют *значения* (см. семантический треугольник Г. Фреге), что сближает их с «пустыми» именами типа «круглого квадрата» [1]. Одним из характерных примером такого рода выступают кантовские «идеи разума»: *Я, Мир, Бог*, – которые, как можно заметить, не являются *объектами*, противостоящими субъекту познания, поскольку по отношению к ним мы находимся как бы внутри них и не можем занять позицию внешнего наблюдателя, посредством чего мы могли бы получить объективное знание, характерное для науки [2].

В современной западной теологии и метафизике активно обсуждается поставленный М. Хайдеггером вопрос о преодолении *онто-теологии* (Кант). Не вдаваясь в существо этой полемики, можно заметить, что термином *онто-теологии* обозначается определенный, восходящий к Платону и Аристотелю, тип [классической] метафизики, в котором *онтология* и *теология* концептуально сближаются. Однако можно ли в свете этого сближения говорить о сходстве семантических характеристик философского и религиозного дискурсов? Очевидно, что теологический дискурс также эмпирически без-денотативен, он не отсылает к профанному миру физических сущностей. В послесловии к своей книге «Многообразие религиозного опыта» У. Джеймс различает две версии *супранатурализма* (супранатурализм = сакральное): утонченную (универсальную) и «грубую» (частичную). Если в рамках первой версии ноуменальный (сакральный) мир «не есть мир фактов, но только мир смысла и ценности фактов», то «грубый» супранатурализм (Джеймс сближает его со «старыми [наивными] богословскими учениями») смешивает идеальный и реальный миры и «допускает [в реальном мире] чудеса и свободную от законов природы волю Провидения [Бога]» [3, С. 336]. Тем самым *грубый супранатурализм* (или *наивная теология*) онтологизирует сакральный мир, рассматривает область сакрального (ноуменального, по Канту) как еще один мета-физический мир, в то время как, восходящий к кантовскому трансцендентализму, *утонченный супранатурализм*, хотя и противопоставляет ноуменальный (идеальный) мир вещей самим по себе и природный (реальный) мир явлений, но не приписывает ноуменам «реального» *онтологического* статуса⁵. Сфера ноуменального (сакрального) – это не еще один (мета-физический) мир, а новое – *смысловое* («горнее») – измерение природного мира явлений (вещей), это нахождение (обнаружение) в N-мерном мире физической необходимости нового N+1 «свободного измерения»⁶.

2. Специфика области сакрального накладывает свой отпечаток и на «логику» рассуждений теологических текстов (мысли). Если мы в качестве примера возьмем такой «странный» (с физической точки зрения) *предмет* как [христианская] *Троица*, то понятно, что рассуждать о нем также как, например, рассуждать о столах или стульях нельзя. Кант в этой связи предлагает выделить особый тип рассуждений, который он называет *трансцендентальной аргументацией* [6] и который отличается как от дедуктивных, так и от

² Ср. с полемикой реализма – антиреализма в современной философии науки.

³ Диалектика философии состоит в определенном сочетании анализа и синтеза, и можно по-разному осмысливать это соотношение. Так, например, И. Кант и/или современная аналитическая философия трактует философскую деятельность как, прежде всего, концептуальный анализ. В понимании философии как деятельности по озобретению концептов кпор делается на синтетическую деятельность.

⁴ Ср. с Платоном, который в своем «Пармениде» говорит о том, что «...идеи суть то, что они суть, лишь в отношении одна к другой, и лишь в этом отношении обладают сущностью».

⁵ Интересной попыткой разработки подобной «теории предметов» выступает, восходящий к А. Мейнонгу, Э. Малли и Р. Ингардену, подход Э. Залты [4].

⁶ В данном случае интересна аналогия «плоскости с изменяющимся наклоном» из работы С. Левицкого [5, С. 346].

индуктивных рассуждений⁷. Одним из самых известных примеров подобной аргументации может служить *онтологическое док-во бытия Бога*, восходящее к А. Кентерберийскому. Следует отметить, что с одной стороны, Кант критикует это доказательство в своей «Критике чистого разума», с другой – предлагает его трансцендентальную версию в своей ранней работе «О единственно возможном доказательстве бытия Бога». В XX в. трансцендентальный подход/метод получает развитие в рамках *трансцендентальной томизма* (Ж. Марешаль, Б. Лонерган, К. Ранер, Э. Корет) и *пресуппозициональной теологии* (К. Ван Тиль, Г. Кларк). Следует также упомянуть о *трансцендентальной прагматике* К.-О. Апеля.

Список литературы

1. Катречко С. Л. Символьный язык философии // Наука и философия на рубеже тысячелетий: перспективы и горизонты (тезисы Всерос. научн. конф.). – Курск, 1995.
2. Katratchko S. L. Philosophy as Metaphysics // Proceedings 20th World Congress of Philosophy (August, 1998). URL: <http://www.bu.edu/wcp/Papers/Meta/MetaKatr.htm> (Accessed on: 26.08.2019)
3. Джеймс У. Многообразии религиозного опыта. – М.: Наука, 1993. – 431 с.
4. Zalta E. N. Abstract Objects: An Introduction to Axiomatic Metaphysics. Dordrecht, Netherlands: D. Reidel Publishing Company, 1983.
5. Левицкий С. А. Трагедия свободы / сост. В. В. Сапова. – М.: Канон, 1995. – 512 с.
6. Katratchko S. On Kant's Transcendental Argument(s) // Con-Textos Kantianos, № 4, Nov. 2016, P. 98–117

Katratchko S. L. On the Specifics of the Onto–Theo–Logical Discourse (from a Transcendental Point of View)

In my talk the transcendental (semantic) analysis “onto–teo–logical” (philosophical and theological) texts will be given, language of which has symbolical (non-denotative) character and the ‘logic’ of reasoning of which uses Kant’s transcendental arguments.

Keywords: ontoteology, symbolical language [of philosophy], transcendental method (argument(s)), transcendental theology.

УДК 1(091)

СЕМАНТИКА КАТЕГОРИЙ «СУЩНОСТИ», «ЭНЕРГИИ», «ИПОСТАСИ» В БОГОСЛОВИИ СВЯТОГО ГРИГОРИЯ ПАЛАМЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИКОНОГРАФИИ

Козарезова О. О.

*Московский педагогического государственного университета, Российский православный университет,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: koz.helga@gmail.com*

Автором рассматриваются категории «сущность», «энергия», «ипостась» в богословии свт. Григория Паламы в контексте исихастских споров XIV в., а также показывается их влияние на культурные процессы эпохи. Отмечается тесная связь богословской и философской концепции свт. Григория Паламы с традицией Отцов-Каппадокийцев IV в., давших определение понятиям «сущности», «ипостаси» и «энергии» в контексте тринитарной догматики. Раскрывается сущность учения свт. Григория Паламы о божественной энергии и защита им исихастского учения в полемике с Варлаамом и Акиндином. Решение этой проблемы было крайне важно для богословской мысли, поскольку вопрос о возможности богопознания был тесно связан с проблемой спасения и искупления. Учение свт. Григория Паламы оказало влияние и на культурную жизнь: в частности, на искусство Палеологовского Ренессанса, характерной чертой которого становится «богословие света», нашедшее отражение в иконописи, в специальных свето-цветовых приемах.

Ключевые слова: исихазм, богословие света, сущность, энергия, ипостась, проблема Filioque, тринитарное богословие, проблема богопознания.

⁷ Возможно, что трансцендентальные рассуждения концептуально близки к *абдукции* (Ч. Пирс) как поиску объясняющих опыт априорных оснований (пресуппозиций).

Паламистские споры явились знаменательной вехой в истории византийской культуры: это было время так называемого «палеологовского ренессанса», охарактеризовавшегося не только подъемом искусства, но и интеллектуальной культуры в целом. Здесь столкнулись два направления: гуманизм и исихазм. Главным представителем первого направления был Варлаам Калабрийский, а второго свт. Григорий Палама. Их спор о пути богопознания касался таких фундаментальных категорий как «сущность», «энергия» и «ипостась». Уточнение этих формулировок было крайне важным не только в связи с необходимостью защиты православного вероучения в полемике с латинским Западом, но также и в связи с разгоревшейся полемикой относительно практики умной молитвы. Также в это время окончательно кристаллизуется богословская составляющая в искусстве, получившая название «богословия в красках», поскольку основными доминантами его становятся свет и цвет.

Характерная черта богословия свт. Григория Паламы состояла в том, что в вопросе о путях богопознания он отстаивал тезис о различии в Боге категорий сущности, энергии и ипостаси. Необходимость уточнения этих терминов была вызвана сначала спором по поводу используемой латинянами вставки *Filioque*. Согласно Григорию Паламе, латиняне недостаточно ясно определяли термины сущности и ипостаси. Основная ошибка их состояла в том, что, делая акцент на единстве природы Отца и Сына, они выводили доказательство об исхождении Святого Духа «от Отца и Сына». Святитель отмечал, что утверждение о том, что Отец и Сын имеют одну природу, верно, равно как и то, что Дух Святой также обладает этой единой природой. Но если принять тезис латинян о том, что исхождение является свойством природы, а не ипостаси, то неминуемым следствием этого станет утверждение, что Дух Святой должен исходить Сам из Себя. Если же божественная природа является одновременно источником и рождения, и исхождения, то тогда и «Сын должен рождаться от Духа», что само по себе абсурдно. Согласно свт. Григорию Паламе, единственным решением этого затруднения является отсылка к учению Великих Каппадокийцев об ипостасном характере, как рождения, так и исхождения. В таком случае Ипостась Отца будет рассматриваться как начало Божественного единства: «Бог един не только потому, что Его природа едина, но и потому, что к единственному лицу восходят те Лица, что из Него» [4].

Опираясь на Священное Писание и учение Святых Отцов, свт. Григорий Палама уточняет, что от природы Сына исходит энергия, а не ипостась. Отсюда, благодатные дары, посылаемые Духом апостолам, есть не ипостась Духа, а энергия. Итак, Дух святой исходит от Отца, но изливается через Сына [6, С. 350].

Полемика с латинянами по поводу исхождения Святого Духа сделала актуальным и вопрос относительно границ богопознания [1]. Так, Варлаам Калабрийский считал, что если Бог, будучи непознаваемым по сущности, сокрыт для человеческого ума, то какие-либо суждения о Нем недопустимы, (в частности рассуждения об отношениях Лиц Троицы). Отсюда, единственный возможный путь богопознания – это знание посредством аналогий и символов, открывающихся человеку в тварных вещах. Данный метод уже использовался в западном искусстве: так, например, в изображении Троицы в романском и готическом искусстве прибегали к аналогии трехцветной радуги (Собор Нотр-Дам в Париже), ручья и источника (Амьенский Собор), трилистника. В это же время в 14–15 вв. распространяются и смесопостасные иконы. Отражение учения о *Filioque* находит свое воплощение в таких композициях, как «Распятие в лоне Отчем», «Троица Новозаветная» и «Сопрестоліе». Напротив, в византийской иконографии такие аналогии использовались крайне редко, причиной этого было иное понимание троического догмата, а именно категорий сущности, природы и ипостаси. Если на Западе троический догмат строился на учении бл. Августина, именно у него говорится об исхождении Св. Духа «и от Сына», то на христианском Востоке учение о Троице основывалось на богословии восточных Отцов-Каппадокийцев.

Принимая только метод познания посредством аналогий и символов, Варлаам утверждал о невозможности непосредственного познания Бога по сущности, тем самым впадая в крайний агностицизм.

Итак, различие сущности, ипостаси и энергии не было четко обозначено у Варлаама, следствием этого и стало отрицание мистического пути познания Бога посредством умной молитвы, которую использовали афонские монахи. Выступая в их защиту, свт. Григорий Палама, утверждал, что Бог, будучи непознаваемым по сущности, открывается нам непосредственно в своих энергиях [3, С. 13]. Свт. Григорием Паламой не отрицалась трансцендентность Божества. Вместе с тем, будучи сокрытым от мира, Бог не является самозамкнутой монадой – Он раскрывает Себя через действие благодати. Условием этого мистического богопознания является причастность человека Его действиям – энергиям [5, С. 54].

Защищая метод умного делания, свт. Григорий Палама отмечает, что целью его является соединение с Богом. Это достигается посредством сосредоточения ума в сердце, поскольку именно из сердца исходят греховные помыслы. Постоянное призывание Бога вкупе с покаянием, смирением, любовью, деланием добрых дел, нейтрализует их. Поэтому сведение ума в сердце составляет неотъемлемую часть монашеской аскезы. Побеждая действие вражеских помыслов, монах достигает состояния исихии, когда дух уже полностью пребывает в Боге, успокаивается в нем.

Итак, заблуждение Варлаама относительно практики умного делания состояло в неправильном понимании термина «энергия», которое соответствовало более пониманию соотношения сущности и энергии Фомы Аквинского, у которого сущность и энергия сливались. Это вытекало из идеи простоты Бога, присущей в целом западному богословию.

Дальнейшим развитием спора относительно природы божественной энергии стал вопрос о Фаворском свете. Варлаамом Калабрийским природа Фаворского света рассматривалась как тварная, тогда как Св. Григорий Палама, опираясь на святоотеческое Предание и свидетельство священного Писания, настаивал на ее нетварности.

Аргумент Варлаама был следующим: будучи тварным по природе, Фаворский свет лишь указывал ученикам на Бога, но не соединял с Ним. Из этого вытекало утверждение о том, что фаворский свет, который видели ученики Христовы, был на самом деле обычным физическим явлением.

Позиция свт. Григория Паламы была иной, она строилась на отличии сущности и энергии, отсюда Фаворский свет был не простым явлением, как утверждал Варлаам, а действием божественной благодати [2, С. 93–94]. Ошибочность позиции Варлаама состояла еще и в том, что это созерцание божественного света, о котором говорили афонские монахи, он считал невозможным. Причиной такого неприятия было искаженное понимание им мистического знания как чувственного или образно-фантазийного.

Напротив, исихастская практика созерцательной молитвы отсекала какие-либо чувственные образы. Отсюда, метод чувственных аллегорий и аналогий не являлся допустимым в изображении Бога-Троицы, указанием на троичность Лиц служит лишь единственный библейский сюжет – «Гостеприимство Авраама». Учение о Фаворском свете нашло также свое отражение в специальных приемах: в использовании движков и пробелов, в создании особых световых эффектов. Наглядным примером являются росписи византийских храмов (церковь мон. Хора, Богоматери Памакростос, св. Апостолов в Фессаонике, Богоматери Перивлепты в Мистре и др.). Наглядным примером «богословия в красках» было также искусство македонской школы, и в частности творчество Мануила Панселина.

Список литературы

1. Митр. Амфилохий (Радович) «Филиокве» и нетварная энергия Святой Троицы по учению святителя Григория Паламы. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/books/download/12273-Филиокве-и-нетварная-энергия-Святой-Троицы-по-учению-святого-Григория-Паламы.pdf> (Дата обращения: 20.05.2019)
2. Георгий Мандзаридис Обожение человека по святителю Григорию Паламе. – Сергиев Посад, 2010. – 128 с.
3. Свт. Григорий Палама О божественном соединении и разделении // Свт. Григорий Палама. Трактаты. – Краснодар, 2007. – С. 6–38
4. Свт. Григорий Палама. Об исхождении Святого Духа. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Palama/O_ishogdenie_Svjatogo_Duha/ (Дата обращения: 20.05.2019)

5. Свт. Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолствующих. – М.: Канон, 1996. – 384 с.
6. Papadopoulos Ch. Ὁ ἄγνός Γρηγόριος ὁ Παλαμᾶς, ἀρχιεπίσκοπος Θεσσαλονίκης, καὶ ἡ Λατινικὴ Ἐκκλησία // GP 1918. 2. P. 347–354

Kozarezova O. O. The semantics of the categories of “essence”, “energy”, “incarnation” in the theology of St. Gregory Palamas and their reflection in Byzantine iconography

The report discusses the categories of “essence”, “energy”, “hypostasis” in theology of St. Gregory Palamas in the context of Hesychast disputes XIV century, and shows their impact on the cultural processes of this period. There is also noted the close connection between the theological and philosophical concept of St. Gregory Palamas with the tradition of the Cappadocian Fathers of the IV century, who defined the concepts of “essence”, “hypostasis” and “energy” in the context of Trinitarian dogma. The essence of the teachings of St. Gregory Palamas about the divine energy and his defense of the Hesychast teachings in the debate with Barlaam and Akindin is revealed. The solution of this problem was extremely important for theological thought, since the question of the possibility of knowledge of God was closely connected with the problem of salvation and redemption. The doctrine of St. Gregory Palamas had an impact on cultural life: in particular, on the art of the Paleologs Renaissance, which characteristic feature is the “theology of light”, reflected in the iconography, in special light and color techniques.

Keywords: Hesychasm, theology of light, essence, energy, hypostasis, Filioque problem, Trinitarian theology, the problem of knowledge of God.

УДК 22.01

**ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО
СИМВОЛИЗМА ТРОФОНИМОВ В БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТАХ**

Норманская Ю. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: normanskaiuliia@gmail.com*

Настоящее исследование носит междисциплинарный характер и касается анализа лексики семантического поля «Пища» в библейских текстах.

Ключевые слова: библеистика, христианство, прагматика текста, трофоним.

Актуальность исследования обусловлена его междисциплинарным характером. Лексика семантического поля «Пища» имеет важное значение не только в библейских текстах, но и в целом, поскольку сама потребность в еде является витальной, и в данном семантическом поле оказываются взаимопереплетенными биологическая (природная) и культурная составляющие. Это, как и язык, отражает сущность народа, формирует образ его жизни.

Для лексики семантического поля «Пища» не только в библейских текстах, но и в текстах вообще, присущи развитые прагматические механизмы, служащие конструированию символической базы, в данном случае, конфессиональной (этноконфессиональной) семиотики.

Под термином «трофоним» мы, вслед за Е. М. Кирсановой, понимаем имена существительные, обозначающие продукты питания, в том числе названия съедобных растений и животных, а также названия блюд. В исследовании использовались такие методы, как метод семантической классификации лексики, структурирования семантических полей и ряд других. Прагматическая информация, передаваемая в библейских текстах единицами семантического поля «Пища» анализируется на основе двухуровневого подхода, предложенного российской исследовательницей Е. М. Кирсановой, основное внимание уделяется уровню функциональной прагматики.

Normanska I. V. The specifics of the value-oriented symbolism of the trofonyms in Bible texts

This study is interdisciplinary in nature and relates to the analysis of the semantic field of language «Food» in the Bible texts.

Keywords: biblical studies, Christianity, pragmatics of the text, trophonym.

РАСКРЫТИЕ ТЕРМИНА «ЭНЕРГИЯ» В «ФИЛОСОФИИ ИМЕНИ» А. Ф. ЛОСЕВА В КОНТЕКСТЕ ИМЯСЛАВЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ

Плахтий С. В.

*Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. Кирилла и Мефодия, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: amsmonas@yandex.ru*

В ходе имяславческой полемики, споров о природе имени Божьего, развернувшейся в первой четверти 20-го века, значительное участие приняли русские философы, и, в частности, А. Ф. Лосев. Аргументация философов имяславцев апеллировала к учению о Божественных энергиях, богословию святителя Григория Паламы. В связи с этим, одним из важнейших моментов в их философии имени составляет понимание термина «энергия». В данном докладе автором делается попытка проанализировать понимание этого термина в «философии имени» А. Ф. Лосева и связь этого понимания с его концепцией о том, что имя Божие является энергией Божией. Рассматривается лосевская концепция энергии вещи как смысла вещи. Также в докладе затрагивается вопрос о соответствии лосевской трактовки учения о Божественных энергиях богословию святителя Григория Паламы.

Ключевые слова: Лосев, имяславие, энергия, имя Божие, свет Божественный, философия имени

В первой четверти 20-го века происходила бурная полемика относительно понимания природы имени Божьего. Первоначально возникнув в среде афонского русского монашества, она не только быстро выходит за пределы Святой Горы, но и вызывает активный интерес во всем русском обществе, не ограничиваясь собственно богословской средой.

В философской апологии имяславческой позиции, состоявшей в утверждении, что имя Божие есть Сам Бог, особенно активное участие приняли, в частности, такие русские философы, как свящ. Павел Флоренский и А. Ф. Лосев. В своей аргументации они обращаются к богословию свт. Григория Паламы, православному учению о божественных энергиях. Таким образом, понятие энергии становится для них ключевым в осмыслении природы имени.

В данном докладе я постараюсь рассмотреть понимание термина энергии, и в первую очередь – энергии Божией, в философии имени А. Ф. Лосева в его применении к имяславческой проблематике.

Главный тезис, формулируемый Лосевым относительно природы имени, заключается в следующем: «имя Божие есть энергия Божия, неразрывная с самой сущностью Бога, и потому есть сам Бог» [1, С. 16]. Эта формулировка находится в краткой статье «Имяславие», но подробная философская разработка данной концепции делается Лосевым в других его работах, в первую очередь – в «Философии имени» и «Вещь и имя».

В этих работах философ формирует развитую картину взаимоотношения Бога и мира, человека. И авторская трактовка понятия энергии занимает в ней важное место.

В первую очередь, следует отметить многозначность, многослойность текстов Лосева, что затрудняет однозначное толкование мысли автора. Но именно благодаря такому стилю ему удается выстроить сеть доказательств, в которой тесно переплетены лингвистика, гносеология и онтология.

«Философия имени» начинается с феноменологического анализа слова – от его звуковой оболочки до самого общего смысла, вкладываемого в это слово. Но это является лишь неким вступлением, которое является анализом сознания *познающего субъекта*.

Лосев утверждает: «философское обоснование имяславия я нахожу единственно в платонизме». И основой для построения его философии имени является диалектика «сущего и иного», «сущего и меона (т. е. не-сущего)» из платоновского «Софиста». Именно на основе диалектики сущего и иного конструируется «тайна общения с предметом» [2, С. 642].

Весь мир, по Лосеву, есть разные уровни осмысления «меона» со стороны первосущности. Философ выстраивает иерархию энергем первосущности – физической, органической, сенсуальной и ноэматической – по аналогии с вещественным, растительным, животным и разумным творением. И здесь мы особенно остро сталкиваемся с многозначностью мысли Лосева. С одной стороны, эта иерархия энергем является, как будто, уровнями или *типами осмысления слова*, но с другой – это *не уровни осмысления слова человеком*, а степени

воплощения сущего в ином [2, С. 660]. В первую очередь, воплощения *смыслового*, но также и воплощения *энергийного*, как, в частности, это видно из следующей цитаты: «Воплощаясь в инобытии, [энергия сущности] ложится в основу реальной вещи, например, человека, который тоже ведь существует по «образу» и «подобию» сущности» [2, С. 738].

Лосев понимает энергию вещи, в первую очередь, как смысл вещи и, соответственно, Божественную энергию – как смысловую энергию, осмысляющую «иное». Вершиной этого осмысления является момент, когда «смысл, предметная сущность... приходит к самосознанию», «это – смысл, погруженный в меон и осознавший себя как смысл» [2, С. 666]. Этой вершиной осмысления «меона» является человек, в сознании которого первосмысл находит полноту воплощения. Причем, это воплощение также имеет свои степени – от крайне затемненного (просто «восприятия») до мистической вершины – «сверх-умное мышление, или умный экстаз, есть... самосознание, в котором нет ничего, кроме него самого, или, что в данном случае то же, первосушности» [2, С. 675]. Здесь первосушность, первосмысл находит полноту своего воплощения в ином.

Необходимо отметить, что Лосев постоянно отождествляет энергию, свет и смысл: «Смысл в себе, в своей абсолютной природе, – абсолютен и не имеет очертания; это – стихия и бесконечная сила света» [2, С. 654]. И, кроме того, на наш взгляд можно утверждать, что триединая первосушность, первосмысл «Философии имени» – это философская аллегория Божественной Троицы. Это можно видеть из тех работ, где Лосев открыто говорил о религиозных вещах. Например: «Триединый Смысл предполагает некую природу или факт, на чем он осуществляется. «Иное», где Бог царствует вечно и неизменно» [3, С. 26].

Отождествление энергии, света со смыслом позволяет Лосеву утверждать о тождественности имени Божьего с Божественной энергией, поскольку имя является вершиной, концентрацией смысла вещи. И как отмечает Л. А. Гоготишвили «Имя, которое сущность дает сама себе с точки зрения инобытия, есть энергийная скрепа между нею и инобытием, скрепа, без которой, т. е. без именованья, по Лосеву, между ними разверзлась бы дуалистическая бездна» [4, С. 913].

В качестве примера взгляда на соотношение смысла и Божественной энергии в богословии свт. Григория Паламы можно привести слова из Святогорского томоса в защиту священнобезмолвствующих: «Чувство воспринимает чувственный свет, показывающий чувственные предметы именно как чувственные, а свет ума – это знание, покоящееся в мыслях... А те, кто бывает осчастливлен духовной и вышеестественной благодатью и силой, те, кто удостоен этого, – те видят чувством и умом то, что *выше* всякого чувства и *всякого ума*» [5]. Таким образом, мы видим, что созерцание Божественного света, Божественных энергий выше света ума, выше смысла, выше «знания покоящегося в мыслях», но «умственные действия остаются бесконечно позади единящего света и светоносной энергии» [6, С. 300]. Этот взгляд, очевидно, отличается от лосевского отождествления Божественных энергий со смыслом и дает основание сомневаться в соответствии имяславческой аргументации Лосева учению православного энергетизма.

Список литературы

1. Лосев А. Ф. Имяславие // А. Ф. Лосев. Избранные труды по имяславию и корпусу сочинений Дионисия Ареопагита. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2009. – С. 5–18.
2. Лосев А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев. Бытие-имя-космос. – М.: Мысль, 1993. – С. 613–801
3. Лосев А. Ф. 11 тезисов о Софии, Церкви, имени // А. Ф. Лосев. Избранные труды по имяславию и корпусу сочинений Дионисия Ареопагита. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2009.
4. Гоготишвили Л. А. Религиозно-философский статус языка / А. Ф. Лосев. Бытие-имя-космос. – М.: Мысль, 1993. – С. 906–923.
5. Свт. Григорий Палама. Святогорский томос в защиту священнобезмолвствующих. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Palama/svjatogorskij-tomos/ (Дата обращения: 26.03.2019).
6. Свт. Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. – М.: Канон, 1996. – 384 с.

Plakhtii S. V. The Disclosure of the Term “Energy” in the “Philosophy of the Name” of A. F. Losev in the Context of Imyaslavic Controversy

During the imyaslavic controversy, disputes about the nature of the name of God, which unfolded in the first quarter of the 20th century, a significant part was taken by Russian philosophers, and, in particular, A. F. Losev. The argumentation of the imyaslavic philosophers appealed to the doctrine of the Divine energies, the theology of St. Gregory Palamas. In this regard, one of the most important moments in their philosophy of the name is the understanding of the term "energy". In this report, the author attempts to analyze the understanding of this term in the philosophy of A. F. Losev and the relationship of this understanding with his concept about the name of God as the energy of God. The report also touches upon the question of the conformity of Losev's interpretation of the doctrine of Divine energies to the theology of St. Gregory Palamas

Keywords: Losev, imiaslavie, energy, the name of God, the Divine light, the philosophy of name

УДК (091) 2-135

ИГРОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВЕТХОГО ЗАВЕТА В РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ЭКЗЕГЕТИКЕ

Приходько М. А.

Приход РПЦ/МП свт. Николая Мирликийского, г. Севилья, Испания

E-mail: prihodkomaxim@yandex.ru

Доклад посвящен проблеме восприятия и преломления игровых мотивов Ветхого Завета в раннехристианской экзегетике. Игровые элементы Ветхого Завета воспринимались христианскими экзегетами разным образом: игровой (иронический) контекст либо отрицается вовсе, помещаясь в строгие рамки нравственного назидания или антиеретической полемики, либо рассматривается в своей глубинной символической структуре, позволяющей совмещать, сопоставлять, ассоциировать понятия, эмпирически далекие друг от друга. Особенная глубина игровых элементов нарратива священного писания обнаруживается в экзегетике Оригена, которая, в определенном аспекте, сама становится мистерией или священной игрой.

Ключевые слова: философия игры, раннехристианская экзегетика, символ, аллегория, священный текст.

Одним из важных моментов письменности Древнего Израиля оказывается наличие периода интенсивного развития игровой культуры в религиозных текстах (в особенности V–IV вв. н. э.). Сюда относятся и просто шуточные, игровые моменты (включая разные формы языковых игр), загадки, и более сложные: ирония, элементы пародии, сатиры, драмы и т. д.

Исходя из многочисленных исследований игровых мотивов Ветхого Завета, можно говорить об ироническом и смеховом в Библии в следующих аспектах: риторическом, лингвистическом, социальном, политическом и т. д. Однако собственно экзегетический, символический аспект иронии до сих пор остается в стороне от изучения игровой проблематики библейских текстов.

Игровые элементы Ветхого Завета воспринимались христианскими экзегетами весьма специфическим образом: игровой (иронический) контекст либо отрицается вовсе, помещаясь в строгие рамки нравственного назидания или антиеретической полемики, либо рассматривается в своей глубинной символической структуре, позволяющей совмещать, сопоставлять, ассоциировать понятия, эмпирически далекие (противоположные) друг от друга (Исаак и Ревекка – смех и терпение у Климента; сексуальные мотивы Песни Песней как возвышенные образы взаимоотношения Христа и души-христианки в комментариях и гомилиях Оригена) и т. д.

Впервые феномен игры в раннехристианской мысли получает осмысление у Климента Александрийского. В «Педагоге» александрийский дидакал дает экзегетический разбор стихов Священного Писания, говорящих о детстве, юности, новизне. В толкованиях этих фрагментов священного текста Климент говорит о вечности и неизменности как характерной черте истины и добродетели. Это не есть некая статичная величина, но, скорее, полнота и преизбыток. «Смех» и «радость» сочетается Климентом с мудростью и терпением. Это

сочетание происходит в «игре», в которой осуществляется гармония земного бытия с бытием небесным.

Особенным образом к сфере игрового относится экзегетика Оригена, имеющая особенный, мистериальный (теургический) аспект – восхождение в трансцендентную сферу, уподобление Логосу. Такой аспект экзегетики разбирается в работах французского автора Анри Крузеля, посвященных творчеству Оригена. Исследователь называет экзегетику Оригена «духовной экзегетикой» (*l'exégèse spirituelle*) и противопоставляет ее «научной» или «школьной» экзегетике (*l'exégèse scientifique*). Последняя, согласно Крузелю, выясняет, что хотел сказать священный автор, а первая вводит в тайну (мистерию) Христа. Духовная экзегетика – это не только теория разделения «буквы» и «духа» Писания, традиционная для александрийской школы, но и особая мистическая *практика* актуализации образа божьего в человеке и восхождения к лицезрению Логоса «лицом к лицу» [1, Р. 114, 120].

Согласно нашей гипотезе, экзегетическая процедура в своем мистериальном аспекте может быть анализируема в понятийном поле философии игры, поскольку мистерия включает в себя элемент игрового. Соответствующий базис для особого рода связи мистерии и игры был выстроен И. Хейзенгой. Понятие игры, согласно Хейзенге, распространяется и на сакральный культ, мистерию, в которых наблюдается особая организация пространства, выделение сакральной части, где господствуют особые правила, что является формальными признаками игры.

Анализ мистериального аспекта экзегетики Оригена в свете теории сакральной игры открывает возможность: структурировать христианскую мистерию как таковую, в ее своеобразии относительно мистерии языческой; по-новому интерпретировать для научного дискурса христианские истины, сформулированные в современной философии, такие как: *эсхатологическое время, персонализм и универсализм, эстетика человеческого образа* и др. В толкованиях Оригена (комментарии на псалмы, пророков, гомилии и комментарии на Песню Песней) проясняются глубинные игровые интуиции ветхозаветных текстов.

Список литературы

1. Crouzel H. Origène. Paris, 1984.

Prikhodko M. A. Play-Elements of the Old Testament in the Early Christian Exegesis

The report is devoted to the problem of perception and refraction of the play-elements of the Old Testament in early Christian exegesis. Such elements of the Old Testament were perceived by Christian exegetes in different ways: the play (ironic) context was either denied being placed in the strict framework of moral edification or anti-theoretical polemics, or is considered in its deep symbolic structure, allowing to combine, compare, associate concepts empirically distant from each other. The special depth of the play-elements of the narrative of the Scripture is found in Origen's exegesis, which, in a certain aspect, itself becomes a mystery or a sacred playing.

Keywords: the Philosophy of Play, early Christian exegesis, symbol, allegory, sacred text

УДК 1 (091).2-13

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОМ УЧЕНИИ ФРИДРИХА ШЛЕЙЕРМАХЕРА

Разбеглова Т. П.

*Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Ялта, Российская Федерация
E-mail: philosophy_kgu@mail.ru*

Рассматривается сакральное пространство как структура сознания, лежащая в основе форм религиозного опыта. Выявляется специфика интерпретации сакрального пространства как проекции субъективного религиозного чувства.

Ключевые слова. Сакральное пространство, священное, универсум, религиозный субъект, трансценденция.

Понятие сакрального пространства в философских и культурологических исследованиях рассматривается неоднозначно. Основные дефиниции его относятся к культурологическому дискурсу, рассматривающему сакральное пространство как составную часть религиозной сферы. С этой точки зрения, сакральное пространство – это часть реального пространства (родовая территория, культовый комплекс, место религиозных действий), соотношенная с религиозным смыслом. Это и область «иноного мира», связанная с божественным, существующая как образ, представление, хотя и соотношенная с миром реальным. Так, в ранних религиозных культах и даже в более поздних развитых языческих системах сакрализация пространства является основным способом построения системы духовно-пространственных ориентиров.

Изначально в основе сакрализации пространства лежит принцип соотношения идеальных и материальных объектов посредством наложения метафизического смысла на физические объекты или их образы, а также на процессы, расположенные во времени. Так, в сфере церковного культа сакральным пространством будет храм, замкнутое пространство-время церковного ритуала. «Сакрализоваться» может реальное пространство мира в целом, как это имеет место в пантеизме. В мистических формах религиозности, направленных на слияние религиозного субъекта с божеством, сакральное пространство – это «пространство души», наполненное религиозным переживанием.

В рамках философского дискурса осмысление сакрального пространства, часто отождествляемого с понятием «священное», производилось в различных ракурсах: культурфилософском (Ч. Тейлор, Ю. Хабермас, М. Фуко), социально-философском и социологическом (П. Бергер, Т. Лукман, Н. Луман, У. Джемс, А. Шюц), психоаналитическом (З. Фрейд, К. Г. Юнг, Э. Фромм, А. Адлер, Ж. Лакан), как основа духовного бытия человека (У. Джеймс, В. Дильтей, Г. Плеснер, М. Марсель, С. Л. Франк, М. Элиаде, П. Тиллих). Рефлексия чувства «священного» составила особую тему и в русской философии (Н. Бердяев, В. С. Соловьев, Н. О. Лосский, С. Н. Трубецкой, С. Н. Булгаков, И. А. Ильин, П. Флоренский).

В западной религиозно-философской мысли особую ветвь образует романтическая философия религии (А. В. и Фр. Шлегели, Новалис) и близкого им Фр. Шлейермахера, теолога и проповедника. Фактически именно в творчестве Ф. Шлейермахера¹ нашел выражение круг идей, составивших впоследствии феномен романтической религиозности. Об этом свидетельствует уже определение религии, данное Шлейермахером: «Религия есть чувство и вкус к бесконечному» [1, С. 49]. Само это определение можно считать формулой феноменологического анализа религиозности, понимаемой как чисто субъективное явление. «Чувство», «вкус», «бесконечность» – суть концепты мистико-романтического мироощущения, включающего непосредственное соединение имманентного и трансцендентного, этического («чувство» к «бесконечному, подразумевающее пиетет) и эстетического («вкус» как способность к восприятию и избирательности).

Учение Шлейермахера синтезирует две различных традиции – собственно философскую, идущую от Спинозы и Лейбница к Шеллингу и Фихте («философия тождества») и религиозно-мистическую (Я. Беме и М. Экхарт). Переживание трансцендентного в мистике и совпадение абсолютных противоположностей в одном (в частности, в субъекте), становится центральным звеном шлейермахеровского учения.

В концепции религиозности Шлейермахера сакральное пространство, порождаемое религиозным чувством, расширяется до пределов (беспредельности) Универсума и мира как бесконечной реальности. В речи второй «О сущности религии» мы читаем: «В телесной природе выступает ее материальная бесконечность, огромные массы, рассеянные в необозримом пространстве» [1, С. 71]. Для понимания сущности учения важно то, что Универсум, существуя объективно как онтологическая реальность, становится объектом религиозного чувства и пространство его сакрализуется лишь вследствие религиозного чувства и отношения субъекта. Как пишет М. Пылаев, «идея Бога рассматривается скорее как

¹ Имеются в виду религиозно-философские произведения Ф. Шлейермахера: «Речи о религии к образованным людям, ее презирающим» (1799 г.), «Диалектика» (1804 г.), «Христианское вероучение» (1821 г.).

продукт религии, с необходимостью религии не принадлежащий» [2, С. 58]. Таким образом, реальное пространство Универсума превращается в сакральное пространство посредством определенной трансформации в сознании субъекта. Для этого в сознании субъекта должны возникнуть определенные предпосылки, что ставит анализ религиозного субъекта во главу угла всей концепции религиозности.

В отношении субъекта Шлейермахер подчеркивает его изначальную разделенность с Универсумом, как необходимое условие направленного восприятия и предпосылку возникновения религиозного чувства. Непосредственным же условием появления религиозного чувства является «идея бесконечности». Универсум является субъекту восприятия в ограниченном (дифференцированном) и частичном виде, и только при соединении живого созерцания мира с возникающей в сознании субъекта идеи его (мира) бесконечности рождается то, что названо мыслителем «религиозным чувством», или «чувством священного».

Однако этим не исчерпывается проблема субъекта в религиозно-философской концепции Ф. Шлейермахера. Для восприятия бесконечного субъект должен быть потенциально адекватен миру, быть, по выражению Новалиса, «вселенной в малом преломлении», быть способным к восприятию бесконечности. В отличие от романтиков, считавших лишь гениальность предпосылкой «чувства бесконечного», Шлейермахер трактует способность как религиозную интенцию, которая может быть присуща любому человеку как религиозному субъекту. Образ бесконечного универсума начинает составлять содержание внутреннего мира личности: проекция универсума на личность формирует «внутренний образ мира». Дальнейшее развитие религиозного чувства строится уже на основе самосозерцания, рефлексии. Шлейермахер так описывает этот процесс: «Созерцайте самих себя с пристальным напряжением, отделите все, что не есть Я, продолжайте все упорнее фиксировать ваше внутреннее содержание, – и чем более, по мере удаления всего чуждого, ваша личность и ваше обособленное бытие сужается и даже почти совсем исчезает, тем яснее предстает перед вами вселенная» [1, С. 132].

Существование образа бесконечного Универсума в сознании субъекта является основой для возникновения «чаяния бесконечного», потребности чувствовать бесконечное в реальных объектах мира. Характерно в этом смысле положение Шлейермахера о том, что религия рождается из рефлексии души, которую он определяет как «психологическое местонахождение религии». Это дает Шлейермахеру возможность определить религию как «функцию духа». Понятие бога как результат рефлексии души есть «единство без множественности», принцип трансцендирования идеи бесконечности и единства мира в сознание субъекта.

Список литературы

1. Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям, ее презирающим. Монологи. / Пер. с нем. С. Франка. – М., 1911. – 390 с.
2. Пылаев М. А., Морозова Е. С. Философская теология Ф. Шлейермахера // Вестник ПСТГУ. I Богословие, Философия. – 2015. – вып 1 (57). – С. 56–68.

Razbeglova T. P. Phenomenology of Sacral Space in the Religious and Philosophical Doctrine Friedrich Schleiermacher

Sacral space is considered as a structure of consciousness that underlies the forms of religious experience. The specificity of the interpretation of sacred space as a projection of subjective religious feeling is revealed.

Keywords: Sacred space, sacred, universum, religious subject, transcendence.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАУКИ И БОГОСЛОВИЯ В СИСТЕМЕ ЗНАНИЯ КАК ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ФОРМАМИ ЛОГИЧЕСКОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ЭЙДОСА

Титов А. В.

*Российский университет транспорта, Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: a.v.titov@mail.ru*

Рассматривается вопрос об отношениях между такими формами знания как богословие, философия и наука. Как правило, их принято относить к различным, имеющим разные основы, формам знания. Однако, работы Г. В. Ф. Гегеля по развитию диалектики как методологии познания, а позднее А. Ф. Лосева и ряда других философов, дают почву для исследования взаимоотношения между этими формами знания.

Ключевые слова: эйдос, схема, символ, миф, логос.

Отношения между богословием, философией и научным знанием в разные эпохи носило разный характер. В «раннем» христианстве отношение к философии и науке как внешней по отношению к истинному знанию форме, а значит не истинной, можно проследить в трудах богословов [1].

Однако, работы Г. В. Ф. Гегеля по развитию диалектики как методологии познания, а позднее и А. Ф. Лосева, дают основание предполагать наличие общей основы упомянутых форм знания.

В Корпусе творений Дионисия Ареопагита находим, что все движущееся и существующее движется и существует постольку, поскольку участвует в Боге [2]. В другой форме, но ту же мысль можно обнаружить у Лосева, например, в «Философии имени», где сверхсущее есть причина и основа всех восходящих форм эйдоса и присущих эйдосу форм логоса. Или там же у Дионисия находим, что Сила богословов, является как движимая духом сила, в то же время в работе А. Ф. Лосева, существенную роль играет понятие энергемы, источником которой в осмысленном меоне является первосущность (сверхсущее) [3].

В диалектике Гегеля и Лосева философия входит в сферу научного знания, которое, в новой постановке является знанием, включающим в себя спекулятивные истины. Достигается это с привлечением и развитием принципов диалектики в область науки. Этот же позволяет рассматривать знание богословское с позиций науки.

Анализ видов «логической конструкции эйдоса», приведенных в «Философии имени» А. Ф. Лосева позволяет не только анализировать различные «виды» знания, но и прослеживать взаимную связь этих видов знания и рассматривать отдельные виды имеющихся знаний в их развитии. Поэтому, отношение между богословием и научным знанием можно рассматривать в «сфере» отношений между мифом и наукой.

В «Философии имени» А. Ф. Лосев выделяет пять уровней эйдетической предметности:

Эйдос, в созерцательно – (феноменолого) – статическом аспекте есть:

- Схема – эйдос лишь как взаимоотношение его элементов, схематический слой эйдоса (или множество в смысле Кантора), он есть составленность целого из частей. Идея охватывающего части целого выходит за пределы частей. «Это – совокупность идеально – математических характеристик предмета.» [3].
- Топос – момент качественной определенности эйдоса или качественная заполненность схемы, морфный или топологический момент;
- Эйдос в узком смысле – или момент категориальной определенности эйдоса;
- Символ – воплощенность эйдоса в инобытии, смысловая вобранность инобытия в эйдос, что обуславливает его апофатичность;
- Миф – интеллигентно модифицированный символ [3].

Каждый уровень эйдоса (форма знания) имеет свой логос и свой уровень апофатичности эйдоса, в том числе и как знания.

Это означает, что, переходя в интерпретации одного уровня эйдоса на другой, например, объясняя богословские тексты, относящиеся к символическому и мифологическому уровням, с помощью методов, принятых в науке, мы изменяем «смысловую структуру» анализируемого знания, рассматриваем его на уровне обоснования, не принятом в первоначальной форме. В частности, уменьшая или исключая, возникающую в следствии апофатичности, или вероятности, по Налимову, смысловую вариативность текста (мысли) вводим существенные искажения, которые могут привести к неадекватности понимания (восприятия) смысла.

На сегодняшний день, использование научных методов при анализе и интерпретации богословских текстов ведется в одном направлении – мифологический эйдос исследуется «методами» схемного эйдоса, с принятой в нем формальной логикой. Что, как уже отмечено, ведет к неизбежным искажениям.

Однако, движение могло бы осуществляться и в обратную сторону, т. е. в сторону изменения методологии самой науки, переход эйдоса на новый уровень, учета в ней фактора апофатичности и образности, что уже имеет свои ростки в математике в форме теории нечетких множеств, топологии и более обобщенно в теории категорий. И эта апофатичность присутствует в науке, но, как правило, в скрытой форме. В частности, на смену Эвклидовой геометрии, как единственно возможной, пришла целая группа неэвклидовых, не исключаяющих, однако первую. Признание наукой ограниченности принимаемых ей за основу положений (аксиом, постулатов) заставит ее разрабатывать методы, позволяющие учитывать вариативность смысловой интерпретации зафиксированных в той или иной форме знаний. В теории категорий, в частности, появилось понятие «локальной истинности».

Определения науки должны перестать быть застывшими, изолированными изваяниями, как их определил Гегель. Более того, каждое определение должно нести в себе потенциал всех возможных в данном понятии определений, всего понятия. У Налимова такую роль должен играть, введенный им в рассмотрение «семантический вакуум», у Лосева проявляющая себя в ином в разных формах первосущность. У Гегеля понятие в себе.

Математики не могут знать, что будет представлять из себя понятие в завершенном виде. Но, исходя из приведенной установки, в процессе развития математики, появления новых ее разделов могут, а в целом и должны не только находить связь между разделами, но и, если это необходимо, расширять базу оснований математики, для включения этих разделов в единую систему, имеющую основание в этой базе. Пока такая работа систематически не ведется. Более того, зачастую ей сопротивляются. Известны трудности, с которыми развивались неэвклидовы геометрии, не всеми принимается теория категорий, возможность использования неклассических логик в математических рассуждениях практически отвергается.

Современная наука только приходит к осознанию, во-первых, ограниченности принятых в ней за постулаты положений, во-вторых, вариативности причинно-следственных связей.

В то же время, использование научных методов в исследовании богословских истин приобретает все более весомый характер. Методов, которые, как правило, относятся к «общепризнанным» в тех или иных областях знания. В то же время, как уже отмечалось в самой науке, все чаще обращается внимание на необходимость выработки новых подходов к методологии научного исследования, обретения ей нового образа [4].

Список литературы

1. Иоанн Златоуст Беседы на евангелие святого апостола Иоанна Богослова. Т. 1. – М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. – 463 с.
2. Дионисий Ареопагит О Божественных именах. – СПб: Издательство «Глагол», 1995. – 371 с.
3. Лосев А. Ф. Философия имени. – М.: Издательство Московского университета, 1990. – 269 с.
4. Налимов В. В.. Требование к изменению образа науки // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. – 1991. – №5. – С. 18–33.

Titov A. V. The Relationship Between Science and Theology in the System of Knowledge as the Relationship Between the Forms of Logical Construction of Eidos

The question of the relationship between such forms of knowledge as theology, philosophy and science is considered. As a rule, they are usually referred to different, having different bases, forms of knowledge. However, the work of G. V. F. Hegel on the development of dialectics as a methodology of knowledge, and later by A. F. Losev and philosophers, provide the basis for studying the relationship between these forms of knowledge.

Keywords: eidos, scheme, symbol, myth, logos.

УДК 28

СЕМАНТИКА ПОНЯТИЯ «БИД'А» В МУСУЛЬМАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Хайрединова З. З.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: hzareta@gmail.com*

В статье предпринята попытка выявления семантического поля понятия «бид'а» в мусульманской традиции. Определены основные проблемы интерпретации данного понятия. Учитывая процессы возрождения ислама в Крыму, современные интерпретации понятия «бид'а» заключается в том, что не все, возникшее позже Пророка или же не совершаемое им, является плохим и запретным.

Ключевые слова: понятие «бид'а», мусульманское право, нововведения в исламе.

В современном дискурсе все бóльшую популярность приобретают попытки определить семантическое поле понятия «бид'а». Исследователь И. Алексеев, например, рассматривает данное понятие в рамках реформации и революции в категориях исламской традиции и понятие «бид'а» рассматривает как «недозволенное новшество» [1, С. 74].

Ш. Аляутдинов считает, что «если нововведение не противоречит канонам, способствует более полному раскрытию смысла религиозного учения и его ценностей, укреплению духовно-нравственных начал в обществе, то такого рода новшества похвальны. В остальных же случаях все новое в религии является ересью и категорически неприемлемо» [2].

Словари богословских терминов утверждают, что в арабском языке понятие «бид'а» означает всякое новопоявившееся, подобного чему не было ранее. Это подтверждают богословы Ш. Аляутдинов и А. Исмаилов, определяют два направления в религиозном значении данного слова [3]. Во-первых, «бид'а» – это религиозная практика, возникшая после смерти Мухаммеда, имеющая целью что-либо отменить в религии или привнести в нее. Такой точки зрения придерживались такие ученые как имам Малик, Тартуши, Шатыби (из маликитской правовой школы); Бедреддин эль-Айни, Биргиви (из ханефитской правовой школы); Бейхаки, Ибн Хаджер эль-Аскаляни, Ибн Хаджер эль-Хейтеми (из шафиитов); Такийюддин ибн Теймийе, Ибн Реджеб (из ханбалитов) [3]. По мнению этих ученых, нововведение – это внедрение, привнесение, добавление в религию (а именно: в область вероубеждений и поклонений) чего-то нового, не имеющего доказательств и шариатской основы, и чреватое нарушением границ и устоев. Такое нововведение считается заблуждением. Следовательно, его следует исключить из религиозной практики, так как оно нарушает или искажает устои ислама. Однако практика, которая относится к обычаям и традициям общества, остается за пределами понятия нововведения.

Во-вторых, «бид'а» – это все, что возникло и все, что придумано после смерти Пророка и вошло в обиход, стало модой. Это определение, исходя из словарного значения, говорит о том, что любые действия, связанные с религией, а также не имеющие отношения к ней и возникшие впоследствии в повседневной жизни: новые воззрения, идеи, практика и традиции – все они являются нововведением. Ясно, что второе определение понятия «бид'а» имеет широкое значение. Поэтому, понимая, что это очень пространное определение, и многие насущные и даже не имеющие отношения к религии вещи, оказавшись в рамках бид'а, принимают

негативный окрас, его сторонники поделили новшества на две категории: поощряемое новшество (бид'ату хасене) и порицаемое новшество (бид'ату сейиэ или бид'ату мезмуме). Другими словами, есть хорошие (допустимые) новшества и плохие (недопустимые) новшества. Данная классификация была неизбежной, так как меняющиеся условия жизни – это объективная реальность, отдельно от которой ни мусульмане, ни религия существовать не могут. Категоричный подход препятствовал бы научно-техническому прогрессу и развитию общества в целом, а также противоречил бы духу ислама как универсальной религии. Кроме того, существуют хадисы Посланника Аллаха и практика сподвижников, которые подтверждают, что не каждое новшество является порицаемым нововведением в религии.

Таким образом, как считает А. Исмаилов, обе группы мусульманских ученых, в принципе, говорят одно и то же, только по-разному классифицируют понятие «бид'а». Первые называют нововведением все, что противоречит духу ислама и нарушает границы установленного. А то, что остается за пределами данного определения, ученые вообще не рассматривают в качестве нововведений. По их мнению, это относится к категории мубах – дозволенного. То есть нововведение – это то, что считается недопустимым в шариате, у него нет категорий, но есть четкие границы [3].

Вторая группа ученых разделила нововведения на два вида: плохие и хорошие, выделив понятие «плохое» или «порицаемое нововведение». Таким образом, то, что первые называют просто нововведением, вторые называют плохим нововведением, а то, что первые не называют нововведением вообще, вторые называют хорошим нововведением. То есть, разница в данном случае в способе изложения материала, в названии, понимании и классификации. Суть понятия «бид'а» заключается в том (и с этим согласны многие ученые-богословы), что не все, возникшее позже Пророка или же не совершаемое им, является плохим и запретным.

Сегодня часто можно видеть ситуацию, что у большинства так называемых «соблюдающих» под понятие «нововведение» попадает многое, чего не существовало 14 веков назад, но таковым в наше время на самом деле не является. А это значит, что харамом, т. е. запретным для мусульман, объявляется разрешенное, дозволенное. Создается масса утрированных моментов, которые значительно усложняют ситуацию в мусульманском обществе, приводят к разногласиям, а то и к конфликтам. Учитывая, что слово «бид'а» в хадисах носит явно негативный характер, следует очевидно не обобщать понятия и называть нововведением только то, что таковым является по определению, которое дает первая группа ученых – «бид'а» – все запрещенные и порицаемые шариатом новшества. Таким образом, что дозволено законами Ислама, или другими словами, не противоречит принципам исламского права и духу религии то, соответственно, не является нововведением.

Список литературы

1. Алексеев И. Реформация и революция в категориях исламской традиции // Философско-религиозные тетради. – Тетрадь №6. Тема «Пути Реформации». – С.73–78.
2. Аляутдинов Ш. Все нововведения (бид'а) – это дорога в Ад? URL: <https://umma.ru/vse-novovvedeniya-eto-doroga-v-ad/> (Дата обращения: 25.08.2019)
3. Исмаилов А. Нововведения и религиозные традиции крымских татар / А. Исмаилов; ЦРО ДУМК. Изд. II исправ. и допол. – Белгород: КОНСТАНТА; Симферополь, 2018. – 112 с.

Khairidinova Z. Z. Semantics of the Concept of “Bid’a” in the Muslim Tradition

The article attempts to identify the semantic field of the concept of “bid’a” in the Muslim tradition. The main problems of interpretation of this concept are determined. Considering the processes of the revival of Islam in Crimea, modern interpretations of the concept of “bid’a” is that not everything that arose later than the Prophet or is not done by him is bad and forbidden.

Keywords: concept of “bid’a”, Muslim law, innovations in Islam.

Сведения об авторах

Акулинин Виктор Николаевич – аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Алешкова Юлия Борисовна – кандидат философских наук, АНО ВО «РПУ св. Иоанна Богослова», г. Москва

Антипов Георгий Александрович – д-р филос. н., профессор, Новосибирский государственный университет экономики и управления – «НИНХ», г. Новосибирск

Аргамасова Александра Александровна – кандидат философских наук, Институт философии РАН, г. Москва

Артамонов Денис Сергеевич – кандидат исторических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

Артёмов Георгий Петрович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Балкинд Екатерина Львовна – заслуженный художник Республики Крым, Крымский университет культуры искусств и туризма, г. Симферополь

Берестов Игорь Владимирович – старший научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск

Близнеков Владимир Леонидович – PhD, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), г. Москва

Боброва Ангелина Сергеевна – кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Богданова Иоланта Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва

Бороздина Надежда Олеговна – аспирант 2го года обучения, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Бургете Аяла Марина Рикардовна – научный сотрудник, Институт философии РАН, г. Москва

Бусов Сергей Васильевич – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (Университет ИТМО), г. Санкт-Петербург

Бычкова Нина Израилевна – кандидат психологических наук, г. Москва

Вархотов Тарас Александрович – кандидат философских наук, доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Васюков Владимир Леонидович – доктор философских наук, Институт философии РАН, г. Москва

Витушко Михаил Васильевич – студент, 4 курс, УрФУ, г. Екатеринбург

Власов Александр Александрович – аспирант, 1 курс, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Воеводин Алексей Петрович – доктор философских наук, профессор, г. Луганск

Волкова Анна Александровна – аспирант, 1 курс, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Вязинкин Алексей Юрьевич – кандидат философских наук, Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов

Габриелян Олег Аршавирович – доктор философских наук, профессор, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь

Герасимова Ирина Алексеевна – главный научный сотрудник, Институт философии РАН, г. Москва

Грачева Мария Витальевна – аспирант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, г. Санкт-Петербург

Грива Ольга Анатольевна – доктор философских наук, профессор, КФУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Гришечкина Наталья Васильевна – кандидат философских наук, доцент, Саратовский государственный медицинский университет им.В.И.Разумовского, г. Саратов

Громова Екатерина Борисовна – ст. преподаватель, филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в Севастополе, г. Севастополь

Данилов Алексей Николаевич – кандидат технических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский технический университет связи и информатики», г. Москва

Данилова Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», г. Москва

Демин Илья Вячеславович – доктор философских наук, доцент, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара

Душина Светлана Александровна – кандидат философских наук, СПбФ ИИЕТ им С.И. Вавилова РАН, г. Санкт-Петербург

Евстигнеев Максим Дмитриевич – студент 3 курса, Школа философии, ФГН НИУ ВШЭ, стажер-исследователь, НУЛ трансцендентальной философии ФГН НИУ ВШЭ, г. Москва

Едошина Ирина Анатольевна – доктор культурологии, профессор, Костромской государственный университет, г. Кострома

Жалдак Николай Николаевич – кандидат философских наук, доцент, НИУ «БелГУ», г. Белгород

Ждановский Александр Павлович – кандидат философских наук, доцент, Белорусский государственный университет, г. Минск

Зарапин Олег Викторович – кандидат философских наук, доцент, КФУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Заякина Раиса Александровна – кандидат философских наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления (НИНХ), г. Новосибирск

Зволев Николай Павлович – аспирант, 2 курс, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Зобова Мария Романовна – кандидат философских наук, доцент, СПбГУТ им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, г. Санкт-Петербург

Иванькович Людмила Владимировна – аспирант второго года обучения по направлению подготовки «Философия, этика, религиоведение», БФУ им. И. Канта, г. Калининград

Карабыков Антон Владимирович – доктор философских наук, доцент, КФУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Карелин Владислав Михайлович – кандидат философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Катречко Сергей Леонидович – кандидат философских наук, АНО ВО «РПУ св. Иоанна Богослова», г. Москва

Кацапова Ирина Анатольевна – кандидат философских наук, Институт философии РАН, г. Москва

Козарезова Ольга Олеговна – к. филос. н., доцент, МПГУ, РПУ св. Иоанна Богослова, г. Москва

Корнеева Татьяна Георгиевна – кандидат филос. наук, Институт философии РАН, г. Москва

Коробкина Елена Николаевна – НИЦ «Центр перспективных конвергентных технологий и коммуникаций» КФУ им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

Коротченко Юлия Михайловна – Кандидат философских наук, доцент, КФУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Крушинский Андрей Андреевич – доктор философских наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва

Крыштон Людмила Эдуардовна – кандидат философских наук, РУДН, г. Москва

Кудрин Сергей Константинович – магистрант, Пермский Государственный Национальный Исследовательский Университет, г. Пермь

Кузьмин Александр Андреевич – доктор философских наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород

Кузьмин Петр Васильевич – доктор политических наук, профессор, КФУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Куприянов Виктор Александрович – кандидат философских наук, СПбФ ИИЕТ им С.И. Вавилова РАН, г. Санкт-Петербург

Курилович Иван Сергеевич – кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Ларионов Игорь Юрьевич – кандидат философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Лисанюк Елена Николаевна – доктор философских наук, доцент, Институт философии СПбГУ, г. Санкт-Петербург

Логинов Александр Вячеславович – кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Луговой Сергей Валентинович – кандидат философских наук, доцент по кафедре философии, Институт гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград

Львов Александр Александрович – кандидат философских наук, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург

Люрья Надежда Абрамовна – доктор философских наук, профессор, Томский государственный педагогический университет, г. Томск

Майленова Фарида Габделхаковна – доктор философских наук, Институт философии РАН, г. Москва

Малыхина Юлия Юрьевна – студентка 3 курса, КФУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Малышкин Евгений Витальевич – доктор философских наук, доцент, СПбГУ, г. Санкт-Петербург

Малюкова Ольга Владимировна – доктор философских наук, доцент, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

Мануйлов Виктор Тихонович – кандидат философских наук/доцент, Филиал «Московского института государственного управления и права» в Курской области, г. Курск

Мачкарина Ольга Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, Мурманский государственный технический университет, г. Мурманск

Машукова Елена Юрьевна – кандидат философских наук, доцент, Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, г. Санкт-Петербург

Медведев Николай Владимирович – доктор философских наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов

Меньшикова Елена Рудольфовна – кандидат культурологии, Новый Институт Культурологии, г. Москва

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, Томский государственный педагогический университет, г. Томск

Михайлов Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент, Институт языков и культур имени Льва Толстого, г. Москва

Михайлов Игорь Феликсович – кандидат философских наук, Институт философии РАН, Москва

Нестеров Александр Юрьевич – к.филол.н, д.филол.н., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара

Николко Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь

Норманская Юлия Викторовна, кандидат культурологии, КФУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Останина Ольга Александровна – доктор философских наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», г. Киров

Парибок Андрей Всеволодович – кандидат филологических наук, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург

Перов Вадим Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Пигалев Александр Иванович – доктор философских наук, профессор, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

Плахтий Сергей Валерьевич – аспирант по направлению «Теология», Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. Кирилла и Мефодия, г. Москва

Плужникова Наталья Николаевна – кандидат философских наук, доцент, Московский технический университет связи и информатики, г. Москва

Попова Варвара Сергеевна – кандидат философских наук, БФУ им. И. Канта, г. Калининград

Приходько Максим Александрович – кандидат философских наук, Приход свт. Николая Мирликийского РПЦ/МП, г. Севилья (Испания)

Псху Рузана Владимировна – доктор философских наук, доцент, Российский Университет Дружбы Народов, г. Москва

Пушкарский Анатолий Геннадьевич – младший научный сотрудник Академии Кантиана ИГН БФУ им. И. Канта, г. Калининград

Разбеглова Татьяна Павловна – кандидат философских наук, доцент, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского» в г. Ялта

Рубанцова Тамара Антоновна – доктор философских наук, профессор, СГУПС, г. Новосибирск

Рыскельдиева Лора Туарбековна – доктор философских наук, профессор, КФУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Савинцев Вячеслав Игоревич – кандидат философских наук, БФУ им. И. Канта, Калининград

Самовольнова Ольга Владимировна – соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Свирский Яков Иосифович – доктор философских наук, Институт философии РАН, г. Москва

Сидоренко Владимир Александрович – кандидат философских наук, доцент, Государственное учреждение Луганской Народной Республики «Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки», г. Луганск

Сидорина Татьяна Юрьевна – профессор, д-р филос. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Сливная Зоя Александровна – научный сотрудник, Музей Анатолия Зверева, г. Москва, магистрант, СГУ им. Чернышевского, г. Саратов

Смирнов Андрей Вадимович – доктор философских наук, академик РАН, Институт философии РАН, Москва

Солодухин Денис Витальевич – к.филос.н., доцент, ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет» (РТУ-МИРЭА), г. Москва

Солодухина Надежда Михайловна – к.х.н., Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС), г. Москва

Солошина Валентина Валериевна – магистрант 2-го года обучения, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь

Терентьева Ирина Николаевна – кандидат философских наук, доцент, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е.Алексеева, г. Нижний Новгород

Тимофеев Александр Иванович – доктор философских наук, доцент, Университет ИТМО, г. Санкт-Петербург

Титов Андрей Валентинович – к.т.н., доцент, РУТ (МИИТ), г. Москва

Титова Полина Сергеевна – магистрант 2 года обучения, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Тихонова Софья Владимировна – доктор философских наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

Фахрутдинова Амина Зиевна – доктор философских наук, профессор, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Новосибирск

Хайрединова Зарема Зудиевна – кандидат исторических наук, доцент, КФУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Холина Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», г. Москва

Чеботарева Елена Эдуардовна – кандидат философских наук, Институт философии СПбГУ, г. Санкт-Петербург

Чудинова Елена Михайловна – магистрант, Пермский Государственный Национальный Исследовательский Университет, г. Пермь

Чуприна Ольга Сергеевна – магистрант 1 года обучения, КФУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Шалак Владимир Иванович – доктор философских наук, Институт философии РАН, г. Москва

Шамарина Елена Тимуровна – специалист по УМР философского факультета, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Шатира Ольга Александровна – кандидат философских наук, доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь

Шестова Евгения Александровна – кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Шиповалова Лада Владимировна – доктор философских наук, доцент, Институт философии СПбГУ, г. Санкт-Петербург

Шкорубская Елена Геннадьевна – вед. спец. По УМР, КФУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Шульга Елена Николаевна – доктор философских наук, Институт философии РАН, г. Москва

Яковлева Любовь Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, РГУ имени А.Н. Косыгина, г. Москва